

**ЭТНОСЫ И КУЛЬТУРЫ
УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ им. Р.Г. КУЗЕЕВА
УФИМСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
СОВЕТ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ ИЭИ УНЦ РАН

ЭТНОСЫ И КУЛЬТУРЫ
УРАЛО - ПОВОЛЖЬЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Материалы Юбилейной X Всероссийской научно-практической
конференции молодых ученых
г. Уфа, 28 октября 2016 г.

Уфа 2016

УДК 39
ББК 63.5(2)
Э 91

Печатается по решению
Ученого совета Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
Уфимского научного центра Российской академии наук
Протокол № 10 от 27.10.2016 г.

Совет молодых ученых:

Р.А. Абдулхаликов, С.С. Алексеенко, А.Г. Баимов, И.И. Бахшиев, Э.Н. Батыришина,
Э.В. Камалеев, А.Г. Колонских, Т.М. Надыришин, А.Т. Тузбеков,
З.Р. Хабибуллина, А.И. Халиуллина, З.Ф. Хасанова

Ответственный редактор:

А.Т. Ахатов

Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность:
материалы Юбилейной X Всероссийской научно-практической конференции
молодых ученых. – Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2016. – 266 с. – ISBN 978-5-94524-170-1

В сборник вошли доклады и выступления участников Юбилейной X Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых «Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность». Издание содержит новейшие результаты полевых исследований и научных обобщений археологов, этнографов, религиоведов, историков и музееведов из Астаны, Санкт-Петербурга, Уфы, Екатеринбурга, Сургута, Казани, Ростова-на-Дону, Оренбурга, Самары, Кирова, Ижевска, Перми, Челябинска и Сибая.

Статьи печатаются в авторской редакции.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 16-01-14036.

ISBN 978-5-94524-170-1

© Коллектив авторов, 2016
© Институт этнологических исследований
им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН, 2016

УДК 069

Абдрахманова Л.Н.
Абдрахманов Р.Р.
г. Уфа

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МУЗЕИ НА СТРАНИЦАХ БАШКИРСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

Аннотация: Литературные музеи – научно-исследовательские и научно-просветительские учреждения, осуществляющие собирание, хранение, экспонирование и пропаганду материалов о писателях или об историко-литературном процессе в целом. В данной статье сделана попытка систематизации информации о литературных музеях РБ, представленных на страницах Башкирской энциклопедии.

Ключевые слова: литературные музеи, Башкирская энциклопедия, экспозиция, систематизация.

Annotation: Literary Museum is a research and educational institution, which is responsible for collecting storing, exhibiting and promoting materials about the writers or about the historical and literary process in General. An attempt of systematization of information about the Museum to make the emblem of the Republic of literature data In the article on which the presentation of the Bashkir page encyclopedia.

Key word: literature Museum, the Bashkir encyclopedia, exposition, systematization.

Литературные музеи – научно-исследовательские и научно-просветительские учреждения, осуществляющие собирание, хранение, экспонирование и пропаганду материалов о писателях или об историко-литературном процессе в целом¹. Музейные собрания включают рукописи, книги, документы, фото-, кино- и фономатериалы, произведения изобразительного искусства (живопись, графику, скульптуру), предметы быта, мебель и систематизируются по видам материалов. Экспонатами литературных музеев являются: а) разные виды рукописей писателя издания его сочинений, корректуры, критика и рецензии, газетные и журнальные статьи, официальные документы (например, цензурные запрещения), цитаты из переписки, воспоминания современников и другой рукописный и печатный материал; б) иконография писателей, портреты их друзей и врагов, карикатуры, плакаты, иллюстрации к текстам, сценические воспроизведения, виды местностей, связанных с творчеством писателя, и иной изобразительный материал; в) вещевой материал, характеризующий в бытовом отношении социальную принадлежность писателя².

Первоначально коллекции литературных музеев комплектовались по принципу прямой соотнесенности материалов с личностью и творчеством писателя. Расширение задач литературных музеев, подготовка историко-литературных экспозиций потребовали привлечения исторических и типологических материалов, дающих возможность показать литературу в историческом и историко-культурном контексте. При этом литературные памятники (рукописи, книга) остаются ведущими в коллекции. Основными принципами создания экспозиции являются историзм, научность, образность

Современные литературные музеи действуют и как научно-исследовательские учреждения, собирая сведения и предметы, подготавливая экспозиции, связанные с жизнью и творчеством писателей и поэтов; литературные музеи организуют лекционную работу, музыкальные и литературные вечера, устраивают встречи посетителей с видными деятелями литературы и искусства; занимаются изданием специальной музейной литературы; функционируют как библиотеки.

По характеру деятельности литературные музеи делятся на несколько видов:

1. Историко-литературные собирают и анализируют материалы, раскрывающие развитие литературы в историческом аспекте, и занимаются теорией литературы.

¹ Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/104017/Литературные> (дата обращения 24.09.2016)

² Там же. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/3201/Музеи (дата обращения 24.09.2016)

2. Литературно-мемориальные музеи включают в себя мемориальные комплексы – строения, квартиры, усадьбы, личные вещи писателей, а также рукописи, автографы, документы, прижизненные издания – и литературную экспозицию, рассказывающую о жизненном и творческом пути писателя.

3. Музеи литературных героев.

4. Комплексные музеи, посвященные одновременно литературе и искусству.

Башкортостан является родиной многих писателей, поэтому неудивительно, что в республике имеются музеи, посвященные их жизни и творчеству. Всего в регионе насчитывается более 20-ти музеев такого профиля. Самым крупным литературным музеем является Национальный литературный музей Республики Башкортостан. Он был создан для системного, комплексного изучения и сохранения литературных памятников, освещения различных этапов многовекового литературного процесса в Башкортостане, для ознакомления широких слоев населения с длительным путем становления и развития башкирской литературы и литературы народов Республики Башкортостан.

В энциклопедических изданиях музеи занимают значительное место. В России издана Российская музейная энциклопедия¹, интернет-версия этого издания². В ней сделана попытка создать целостную картину музейного мира России. Содержит статьи о музеях, музейных деятелях, информацию о теории и истории музеев, о процессе историко-культурного изучения страны.

В Башкортостане единственным изданием, где собрана информация о музеях республики, является 7-томная Башкирская энциклопедия. Многотомник предназначен для широкого круга читателей и включает в себя разнообразный свод знаний по региону. Статьи в нем указаны в алфавитном порядке, в том числе и о литературных музеях. В каждой статье дается информация о полном названии музея и его времени создания, месте нахождения, краткая историческая справка, приводятся данные о фондах, количестве залов и т.д. Они составляются по заранее разработанной схеме, согласно методическим указаниям издательства. Все статьи сопровождаются иллюстрациями, которые знакомят читателей с внешним видом зданий, фрагментами экспозиций, изображениями отдельных наиболее ценных экспонатов. Информацию о литературных музеях Башкортостана можно получить из персональных статей, например, Акмулла Мифтахетдин: «На родине поэта создан Акмуллы М. музей, на терр. к-рого установлен памятник, его именем назван парк»; Бабич Шайхзада: «На родине поэта создан Бабича Ш. музей, имя Б. присвоено ср. школе в с.Асяново Дюртюлинского р-на и Баш. гимназии в с.Зилаир Зилаирского р-на»; Биишева Зайнаб Абдулловна: «В родной деревне открыт Биишевой З. музей» и т.д. В статьях о населенных пунктах также есть информация о наличии музея, например, «ИБРАГИМОВО (Ибраһим), Юмран, деревня в Кармаскалинском р-не, относится к Савалеевскому с/с. ... Есть ср. школа, фельдшерско-акушерский пункт, ДК, Уметбаева М. музей.», «СТАРОСУБХАНГУЛОВО (Иcke Собхангол), Алакуян тамагы, село, центр Бурзянского р-на. ... Есть ПУ, ср. и осн. школы, нач. школа-детсад, дет. школа иск-в, 2 детсада, центр. районные б-ца и библиотека, ДК (4 нар. коллектива худ. самодеят-сти, в т.ч. “Масим-таш”), дет. библиотека, Сагитова М. музей, мечеть» и др. Информацию о наличии музеев можно найти и в статьях о районах, например, «БУРЗЯНСКИЙ РАЙОН ... В районе имеются ПУ, ... 24 библиотеки, Сагитова М. музей» и т.д. В данных примерах курсив указывает, что статья с данным названием имеется в Башкирской энциклопедии.

Мир не стоит на месте, все вокруг находится в движении, меняется. Создаются новые литературные музеи, существующие меняют статус. В процессе работы над энциклопедией постоянно меняется словарь. Для Башкирской энциклопедии на

башкирском языке, издаваемой позже варианта на русском языке, сведения о литературных музеях обновляются. Электронный вариант Башкирской энциклопедии постоянно актуализируется, пополняется новыми данными. Статьи о литературных музеях на страницах Башкирской энциклопедии позволяют всем интересующимся литературой и культурой Башкортостана познакомиться с ними, выбрать наиболее интересные для посещения экспозиции.

Статьи о литературных музеях указаны в таблице в алфавитном порядке с указанием места нахождения.

Таблица 1

Акмуллы М. музей	Миякинский район, д. Туксанбаево
Аксаковский музей	г. Уфа
Дом-музей С.Т. Аксакова	г. Уфа
Музей семьи Аксаковых	Белебеевский район, с. Надеждино
Бабича Ш. музей	Дюртюлинский район, с. Асяново
Биишевой З. музей	Кугарчинский район, д. Туембетово
Гарипова Р. музей	Салаватский район, с. Аркаулово
Гафури М. дом-музей	г. Уфа
Иванова К. дом-музей	Белебеевский район, с. Слакбаш
Киекбаева Д. музей	Гафурийский район, д. Карап-Елга
Мубарякова А. музей	Белорецкий район, с. Ассы
Национальный литературный музей	г. Уфа
Сагитова М. музей	Бурзянский район, с. Старосубхангулово
Сокороя Г. музей	Татышлинский район, д. Старо-Чукурово
Уметбаева М. музей	Кармаскалинский район, д. Ибрагимово
Хакимова А. музей	г. Давлеканово
Цветаевой М. музей	Белебеевский район, с. Усень-Ивановское

© Абдрахманова Л.Н., 2016

© Абдрахманов Р.Р., 2016

¹ Российская музейная энциклопедия. В 2 томах. Т. 1: А – М.; Т. 2: Н– Я. Москва, 2001.

² Интернет-версия издания: Российская музейная энциклопедия: [Электронный ресурс] URL: <http://www.museum.ru/rme/> (дата обращения 26.09.2016)

**МОРДОВСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ 2002 И 2010 ГГ.**

Аннотация: В статье анализируются численность мордовского населения в Республике Башкортостан по данным переписи населения за 2002 и 2010 гг.

Ключевые слова: мордва, мокша, эрзя, сокращение мордовского населения, перепись населения.

Annotation: The article analyzes the number of Mordovian population in the Republic of Bashkortostan on the census in 2002 and 2010.

Key word: mordvinians, moksha, erzya, mordovian population reduction, population census.

Мордва относится к финно-угорским народам России. Особым интересом для этнографии можно считать неоднородность этого народа. Мордва состоит из двух субэтносов, говорящих на разных языках и имеющих этнокультурные и антропологические особенности: мокша и эрзя¹.

Мордва в Башкортостане представлена в основном эрзей, мокша проживает лишь в нескольких населенных пунктах*. Мордва на территории современного Башкортостана появились в XVII в., но основное количество их поселений возникло в XVIII столетии. Они были основаны заволжской мордвой из Пензенской, Нижегородской, Тамбовской и Симбирской губерний. Основной причиной переселения стала нехватка земли. Переселение в XVIII в. не закончилось и продолжилось в XIX и XX вв².

В таблице № 1 указана численность мордовского населения в Башкирской АССР за 1989 г., и в Республике Башкортостан за 2002 и 2010 гг. Судя по этим данным, наблюдается тенденция к сокращению мордовского населения³.

Таблица № 1

Год переписи	Численность мордовы, человек
1989	31923
2002	26020
2010	20300

Четко прослеживаемую тенденцию к сокращению мордовского населения в Республике Башкортостан наглядно демонстрирует также таблица № 2⁴.

Перепись населения также демонстрирует разделение мордовского населения по полу и на городское и сельское население. В 2002 г. в Башкортостане проживало 26020 человек мордовы (муж. – 11983, жен. – 14037), из которых 16201 человек (муж. – 7399, жен. – 8802) проживало в городе, а в сельской местности – 9819 человек (муж. – 4584, жен. – 5235). И лишь 17078 человек владели мордовским языком⁵.

¹ Щербаков А.С. Мордва // Народы Башкортостана: Энциклопедия. Уфа, 2014. С. 187.

* Деревни Кузьминовка и Булякай Федоровского района Республики Башкортостан.

² Садиков Р.Р. Мордва Башкортостана: традиции и современность // Современные этнополитические и этносоциальные процессы в России: модель Республики Башкортостан. Уфа, 2004. С. 276.

³ Щербаков А.С. Указ. соч. С. 187–189.

⁴ Составлено по: Национальный состав населения Республики Башкортостан (по данным Всероссийской переписи населения 2002 года). Статистический сборник. Башкортостанстат. Уфа, 2006; Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический сборник. В 2 ч. Ч. 1. Уфа, 2013.

⁵ Национальный состав населения... С. 13, 59.

Уже в 2010 г. в Башкортостане проживало 20300 человек (муж. – 9382, жен. – 10918), из которых 11937 человек проживало в городе (муж. – 5492, жен. – 6445), а в сельской местности – 8363 человека (муж. – 3890, жен. – 4473). Владеет мордовским языком 10389 человек¹.

Как видно по таблице, мордва наиболее многочисленно проживает в Белебеевском, Бижбулякском, Дуванском, Ермекеевском, Кармаскалинском, Стрелитамакском, Уфимском, Федоровском и Чишминском районах, в таких городах и пгт как Уфа, Октябрьский, Салават, Стерлитамак, Белебей и Приютово.

Сокращение количества мордвы может быть связано с тем, что за ХХ–XXI вв. увеличилось количество браков представителей мордовского этноса с другими народами, в большей степени с русскими. Это возможно стало одной из причин сокращения мордовского населения по переписям населения последних лет². Также значительна в этом процессе роль ассимилятивных процессов: многие представители мордовского этноса отдают предпочтение русской идентичности.

Таблица № 2

Наименование районов, городов и сел	Численность мордовского населения, человек	
	2002 г.	2010 г.
г. Уфа	3975	2729
г. Агидель	36	21
г. Кумертау	507	344
г. Нефтекамск	159	105
г. Октябрьский	1069	818
г. Салават	1260	1198
г. Сибай	139	82
г. Стерлитамак	4964	4091
г. Межгорье	62	48
г. Баймак	17	11
г. Белебей	1649	581
пгт. Приютово	–	858
г. Белорецк	105	53
г. Бирск	17	17
г. Благовещенск	46	43
г. Давлеканово	258	192
г. Ишимбай	254	143
г. Мелеуз	339	254
г. Туймазы	331	119
г. Учалы	41	30
пгт Чишмы	–	210
Альшеевский район	159	97
Аургазинский район	458	375
Баймакский район	45	47
Бакалинский район	166	131
Белебеевский район	164	1666 (в т.ч. г. Белебей)
Бижбулякский район	1202	934
Благовещенский район	25	61 (в т.ч. г. Благовещенск)

¹ Национальный состав и владение языками... С.15, 61.

² Мурзабулатов М.В. Мордва // Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки. Уфа, 2002. С. 332–333.

Таблица № 2 (продолжение)

Наименование районов, городов и сел	Численность населения, человек	
	2002 г.	2010 г.
Дуванский район	526	478
Ермекеевский район	687	575
Иглинский район	393	110
Ишимбайский район	21	163
Кармаскалинский район	586	481
Кугарчинский район	460	170
Куюргазинский район	89	58
Мелеузовский район	158	376 (в т.ч. г. Мелеуз)
Стерлибашевский район	68	43
Стерлитамакский район	962	803
Туймазинский район	88	277 (в т.ч. г. Туймазы)
Уфимский район	594	520
Федоровский район	2 332	1924
Чишминский район	980	779

© Абдулхаликов Р.А., 2016

УДК: 39:398.3 (045)

Абишева Ж.Р.
г. Астана

ҚАЗАҚ ХАЛҚЫНЫҢ ЭТНОГРАФИЯЛЫҚ МҰРАСЫ

Аннотация: Статья посвящена исследованию вопроса основного жилища тюркских народов – юрте. На основе анализа материалов этнографических источников автор рассматривает юрту как священное имущество казахов. Значение юрты огромно. Ч. Валиханов отметил, что XII–XIII вв. название государств Алтын Орда (Золотая Орла), Ак Орда (Белая Орда), Кок Орда (Синяя Орда) были связаны с юртой. Автор анализирует структуру юрты. Юрта является средством воспитания и познания окружающего мира, своего народа.

Ключевые слова: юрта, войлок, дерево, деревянная решетка, купол, тростниковые циновки, сборка, разборка, решетный стенок (кереге).

Annotation: Article is devoted to research of a question of the main dwelling of the Turkic people – a yurta. The author on the basis of the analysis of materials of ethnographic sources considers a yurta as sacred property of Kazakhs. Value of a yurta is hugely. Ch. Valikhanov noted that the XII–XIII centuries the name of the states the Altyn Orda (Gold Orda), Ak Orda (White Orda), Kok Orda (Blue Orda) were connected with a yurta. The author analyzes structure of a yurta. The yurta is an educational tool and knowledge of world around, the people.

Keywords: nomad's tent, thick felt, tree, wooden grate, dome, reed mats, assembling, sorting out, sieve walls (kerenge).

Аты – алаш, керегесі – ағаш, киіз туырлықты, ағаш уықты қазақтың сан мындаған жылдарғы төл баспанасы бүгінде мұражайдың төрінен ғана емес, қазақи болмысы сақталған ауылдарда да жиі кездеседі. Киіз үй – тек қазақ халқының ғана емес, бүкіл түркі елдердің тұрақ-мекені. Солай бола тұрса да, оны қастерлеп ұстап, ғасырдан ғасырға мән-маңызын өзгертпей жеткізген қазақ халқы екенін мақтандыспен айтуда болады.

Шығу тарихы біздің заманымызға дейінгі бір мың жылдықта пайда болған киіз үйді қазақ халқы қасиетті, киелі шаңырақ деп қастерлейді. Себебі киіз үй көшпелі өмір салтын ұстанған қазақтың тұрағы, баспанасы, еншісі, мұлқі деп бағаланды. Киіз үйден номадтардың аспан әлеміне, есептеу жүйесіне ептілігі, экономикалық біліктілігі, мәдениет пен өнердегі талғамы байқалады. Киіз үй қазақтың өз өміріндегі ұстанар салты мен дәстүрінің де таңбасы, белгісі. Оның дүниетанымының, сан ғасырлық мәдениетінің жарқын айғағы. Өйткені қазақ халқының салт-дәстүрінің көшпелігі осы киіз үйге байланысты.

Киіз үй өте үлкен тақырып. Ол қазақ қолөнерінің жиынтығы іспетті. Қөрнекті ғалым, этнограф Ақселеу Сейдімбек айтқандай «Киіз үйдің сыйырлауығынан бастап шаңырағына дейінгі әрбір бөлшегі өз алдына оқшау өнер туындысы бола тұра, сол мың сан бөлшек бір-бірмен үйлескен шақта шегіне жеткен, әбден аяқталған өнер туындысын құраған. Киіз үй көшпенділер үшін табиғаттай сұлу, кеңістіктей үйлесімді шағын әлем»¹.

Шындығында кереге, уық, шаңырақ, есік, киіз жабдықтары туырлық, үзік, тұңілік, ши түрлері, басқұр, желбау, басқа да түрлі баулар, тұскиз, кілем, сырмақ, текемет, алаша, оның ішіне қойылатын заттар, төсек, жүкаяқ, сандық, көрпе жастық, ыдыс аяқ т.б. киіз үй маңына топтасқан. Қолөнер туындыларын алысқа бармай-ақ киіз үйден табуға болады.

Қазақтың ұлттық сәулет ескерткіштерін көптеген зерттеу жүргізген Т.Басенов салынған құмбездерді «қазақ халқы өнерінің кішігірім мұражайы» деп баға берсе, С. Назарбекұлы «Қазақтың киіз үйі»² атты еңбегінде «жеке жасақталған киіз үй, қазақ халқының толық қанды мұражайы» деп бағалады. Киіз үй туралы академик Ә. Марғұлан «Қазақтың халықтық қолөнері» атты үш томдық еңбегінде, этнограф-ғалым Х. Арғынбаевтың «Қазақ халқының қолөнері», С. Қасимановтың «Қазақ халқының қолөнері» С. Назарбекұлының «Қазақтың киіз үйі», ғалым А. Сейдімбектің «Кіші әлем» т.с.с. еңбектерде қазақ киіз үйі туралы жазылды.

¹ Сейдімбек А. Қазақтың күй өнері. Астана, 2002. 331 б.

² Назарбекұлы С. Қазақтың киіз үйі. Астана, 2005.

Киіз үй, ең алдымен, оның иесінің байлығын, тұрмыс жайын білдіреді. Оның үш қанаттан бастап он екі, он сегіз, отыз қанатқа дейін жететін түрлери болған. Мысалы, **қара үй** (үш қанат), **қоңыр үй** (4 қанат), **боз үй** (5 қанат), **ақ үй** (6 қанат), **ақ ала орда** (8 қанат), **ақ орда** (12 қанат), **ақ шаңқан** (18 қанат), **алтын үзік** (24 қанат), **алтын орда** (30 қанат) деп аталатын түрлери бар¹. Киіз үйлер өзінің мәдени-тұрмыстық, шаруашылық жағдайына байланысты да үш түрге: 1) жаздығын тұруға арналған, 2) мереке-жынын кезінде қонақ күтіп алатын және 3) жорық кезінде тігілетін киіз үй болып бөлінеді. Жолаушылар мен жорықшылардың тігіетін үйлерін *абылайша, ақ қос, қос, қаңқа, (арбаның үстіне тігілетін үй)*, жарық үй деп атаған. Сондай-ақ құрым киізден, қамыстан, шиден киіз үй тектес үйшіктер мен күркелер салынатын болған. Бұлар, көбіне, қақыра немесе қалқа деп аталады да, жаугершілікте, майдан шебінде далада, жауын-шашыннан қорғану үшін тігілетін болған.

Киіз үй тал ағаш, қырда өсетін ши, мал жұнінен басқа ештеңе керек етпеген. Талдан кереге, уық, шаңырақ, есік, босаға, мандайша, жұннен туырлық, текемет, тұнлік, киіз есік, басқұр, кілем т.б. мұлік жасаған. Тоқылған шимен керегені қоршаған. Үстін туырлықпен жапқан, шаңырақты тұнлікпен басқан. Киіз үйдің негізгі қаңқасы – кереге, уық, сыйырлауық, шаңырақ – киіз үйдің сүйегі деп аталады. Олар бір-бірімен баубасқұрлармен біріктіліп таңылады. Оның сыртынан ши тұтылады да, киіз әбзелдер (туырлық, үзік, тұндік, киіз есік) жабылады. Бұлардың әрқайсысының өз орны бар: туырлық керегеден уықтың ортасына дейін, үзік кереге басынан шаңыраққа дейін, тұндік шаңырақты, ал киіз есік сыйырлауықты жауып тұрады. Бау-басқұрлар киіз үйдің сүйегін ұстасырып қана қоймай, сыртқы киіздерін де бастырып тұру мақсатында қолданылады.

Киіз үйдің сыртқы әбзелдері күн сәулесі мен тамшы өткізбеген, жылу сақтаған. Оларды жасау қазақтың киіз басу, өрнек жасау өнерін тереңдете түскен. Бұл әбзелдерді ақ тоқтының жұнінен басылып, пісірлген шаңқан ақ киізден пішкен, тіпті кейде киіздің түсін ағарта тұсу үшін бор да қосатын болған. Оюлап пішілген ақ киізді өрнекті жіппен жиектеген немесе мақпал мен шұғадан ою бастырған. Ал киіз үйдің бау-басқұрлары әшекей өрнекпен көмкеріліп, тұрлі-тұсті жіппен тоқылатын болған. Киіз үйдің іші 4 бөлімге бөлінеді:

1. Төр. Мұнда жүк жиналады, қонақтар орналасады. Бұл киіз үйдің жоғары әрі сыйлы орны.

2. Сол жақ (кіргенде он жақ) – үй иесінің отыратын және жататын орны. Босаға жақта азық-тұлік, ыдыс-аяқтар тұрады. Оны шимен жауып қояды.

3. Он жақта (кіргенде сол жақ) балалар орналасады. Босаға жаққа қарай ертұрмандар, кімдер ілінеді.

4. От орны қасиетті орын болып саналады. Мұнда от жағылады, қазан асылады.

Киіз үйдің қазақ өмірі мен әлеуметтік жағдайына үйлесімдігі сондай, оны үлкейтіп, кішірейтіп, тіпті бір-бірімен қосып, екі-үш бөлмелі етіп тігуге де болады. Туырлықтан жазда ыстық, қыста сұық, жауында су өтпейді. Қыстап киіз үймен шығатын қазақтар туырлықты екі қабат етіп жабады. Үй іргесін шөппен бітеп, айналасын қамыспен шалылап, қоралайды.

Киіз үй берік ағаштан (қайынан, талдан) жасалады. Оларға құрт тұспейді, басқа ағаштар сияқты тез шірімейді. Талдың керегеге қажетті жуан, жіңішкесін таңдал алуға да болады.

Үйдің сүйегін үйшілер жасайды. Оны «**үй басу**» деп атайды. Қажетті ағаштар 6 ай, кейде бір жылдай көленкеде кептіріледі. Мезгілі жеткен кезде үйшілер бұл ағаштарды қажеттінше жонып, морга, қозға (ыстық қоламтага) салып балқытып, тезге салып түзетіп алады. Олар үй сүйегіне лайықтап ағаштарды жонып, түзетіп шауып, қырнап болғаннан кейін, оны тағы да морға салып, кереге, уыққа, құлдіреуішке лайықтап қалыпқа салып, белгілі бір үлгі, жобаға келтіреді де, оны құрастыра бастайды².

Кереге киіз үйдің негізін құрайды. «**Кереген қен болсын**» деген тілек осыдан шыққан. Себебі үйдің берік болуы, кеңдігі осы керегеге байланысты болған. Керегеге арналып кесіліп, тезге салып иген, ішкі жағын бірнеше сұзықты, бояу, сырмен кейде басаяғын күміспен құптеген ағаштарды тор көзден көктеп құрастыру арқылы жасалады. Оның әрбір бөлек қабырғаларын қанат деп атайды. Қанатқа көктелетін жеке-жеке ағаштарды **кереге** деп, қоспаларында болатын қыска керегелерді **сағанақ** деп атайды. Керегелер торкөз, желкө деп бөлінеді. Торкөзді керегенің ағаштары жиі көктеледі, көздері тар, көбінесе 20–22 басты болып келеді. Желкөз сирек көктеліп, көздері кен, көбінесе бастары 1721 болып келеді. Керегелер тез керіліп жазылады, тез жиырылып жиналады және жайған кезде жарты шенбер жасап дөңгелене қалады.

Керегенің басы мен шаңырақтың ортасын тұтастырып тұратын ұзын ағаш шыбықтарды **уық** деп атайды. Уық деген сөз үй оқ (үйдің оғы) деген сөздерден алынған. Оның кереге жақ басын уықтың іні дейді. Ол әнтек доғалана бүгіліп барып, шаңырақ жағы тұзуленип келеді. Осы шаңырақ жағын уықтың қары дейді. Шаңыраққа сұғылысатын ұшы төрт қырлы сүйір болып келеді, оны қалам немесе уықтың қаламы дейді. Үйдегі керегенің басы нешеу болса, сонша уық керек¹.

Киіз үйде есік екеу болады: **ішкі есік** – сыйырлауық – ағаштан жасалады, екіншісі – **киіз есік** – киізден жасалады, ол сыйырлауықтың сыртынан жабылады. Киіз есік ашық күндері мандайшага дейін шырышқұтальып жиналып қойылады, жай күндері күн түспес үшін, оның бір жағы бақан арқылы ашық тұрады.

Ағаш есік мандайша, екі босаға, табалдырық және екі жарма есіктен құралып, керегеге бекітіледі. Керегелер бір-біріне таңғыш құр арқылы жалғасады. Кереге бастары арқылы тартылатын бас арқан мандайшаның екі жағына мықтап байланады. Үйдің барлық ауырлығын ұстайтын, беріктігін сактайтын бас арқан. Сәндік үшін бас арқан тұсынан және керегенің басы туырлықты қажамас үшін басқұр жүргізіледі.

Шаңырақ – киіз үйдің қасиетті, киелі мұлқі. Қазақтың қоптеген жақсы сөздері осыған байланысты айтылады. Шаңырақ «үй, отбасы» деген мағынаны да білдіреді. Шаңырақ – киіз үйдің төбесі. Мұны керегенің қанат саны мен басына қарай мөлшерлеп, қайынан иіп немесе бірнеше індіні қималастырып шенбер бейнелес етіп жасайды да, өн бойынан уық шаңышатын төрт бүрышты тесіктер қашайды. Оны шаңырақтың көзі немесе қаламдығы дейді. Көздер керегенің басына үш-үштен, кейде төрт-төрттен айқастырған бүгүлі шыбықтар бар. Оны құлдіреуіш дейді. Олар жапқан тұндік киізді көтеріп тұрады. Құлдіреуіштердің екі жақ басы шаңыраққа қашалады. Шаңыраққа қашалар тұсында оларды тізіп бекіткен тағы үш не төрт қыска қөлденен таяқшалар болады. Оны кепілдік дейді. Шаңырақтың шенбері қырланып, иректеліп кейде күміс білзіктермен әсемделеді. Шаңырақта желбау деп аталатын ою-өрнекті, төрт шашақты бау болады. Ол жеді күні шаңырақты бастыруға, көшкенде байлауға аса қажет. Жай күндері үйге әсемдік, көрік беріп тұрады.

Мандайша – екі босағаның үстінгі жағынан бекітіп тұратын әшекейлі қөлденен ағаш. Мандайшаның үстінгі қырында бес, алты уық тұратын ұялар болады. Кейде мандайшага сыйырлауық қиуласатын ыра (ырып жасаған шұңқыр ернеу) қашалады.

Киіз үй есігінің екі жақтау ағашын таяныш дейді. Ол мандайша, табалдырықтан бөлек, жеке-жеке жасалып, екі басы табалдырық пен мандайшага сұғылып бекітіледі.

Табалдырық (табан тұрық, яки табан ілдірік) – екі таяныштың аяғын қөлденен бекітіп тұратын ағаш. Табалдырық пен мандайшаның екеуінде екі тобыршық бар, ол сыйырлауықтың жабық тұруын қамтамасыз етеді. Бұлардың ішінде шаңырақ, табалдырық, мандайша қайынан, ал басқалары тал, кара мойыл, терек сияқты ағаштардан жасалады. Кийіз үй үлкенді-кішілі көлемі мен керегесінің санына қарай жоғарыда атап өткендей үш, төрт қанат, бес қанат, алты қанат, сегіз қанат, он екі қанат болып бөлінеді. Кереге қанаттың саны көбейген сайын оның уығы да ұзарып, уыққа қосылып, шаңырағы ауқымдана береді.

¹ Қазақ ССР қысқаша энциклопедиясы. Алматы, 1984. Т. 1. 182 б.

² Кенжеахметұлы С. Қазақ халқының тұрмысы мен мәдениеті. Алматы, 2006. 19 б.

Кереге ағаштары жуан болса керегесі, сүйекті дейді де, жінішке болса, сүйегі нашар, каккеншек кереге деп атайды. Керегенің ең шеткі басы сынар келіп, ол келесі керегенің сынарымен айқасады. Сынар баста булдірге, оған байланған таңғыш болады. Кереге қоспаларының жоғары және төменгі жағында кейбір бас ағаштар өзгелерден шолақ тұрады, оны да сағанақ дейді.

Киіз үйдің бір бөлшегі – **ши**. Оны жүнмен орап, кілем, текемет түсіндей оюлармен безендіріп тоқиды. Оны шым ши, ораусыз шиді ақ ши дейді. Ақ шиді оралмай, құр өзі тоқылатын болғандықтан көбінесе киіз басуға, өре жаюға, сұзгіге, мал сойғанда еттің астына салуға, сырғауыл салынған үйдің төбесіне жабуға ұстайды. Ал шым шиді киіз үйге, ас-су, ыдыс-аяқ тұратын жерге қоршаша етеді. Кейде оны тұскиіз орнына да ұстайды¹.

Ши кереге мен туырлықтың екі ортасына келеді. Оның әсемдікке әрі жылыштыққа әсері мол. Сондай-ақ ши тұрғанда сырттан құрт-құмырсқа, кесіртке, жылан тағы басқа жәндіктер кіре алмайды. Үйдің қанқасы киізben жабылып, бау-басқұрмен бекітетін болған. Әрбір үй бір бақан, бір сырғық ұстаған. **Бақан** туырлықты реттеу үшін, **сырық** дауылдарда желдің соққан жағына қарсы, шаңыраққа тіреп, үйді дауылдан сақтаған.

Үйдің ағаш бөліктегін қатар, оларды жабуға арналған киіз бөліктегін жасау өз алдына бір өнер. Қазақтар киіз басуды жете менгерген халықтардың бірі. Кіз басу жұмысында қазақтардың шеберлігі жоғары дәрежеде болатынына зерттеушілердің көзі жеткен. И.Я.Словцов бұл туралы «қазақтар киізді тамаша тапқырлықпен өте тез және сапалы етіп басады. Бұл жөнінде орыстың киіз басушылары олармен жарысқа түсе алмайды»² деп жазған.

Үйді жабуға арналған киіз бөліктегі – қойдың, қозының күзем жүнінен жасалады. Қозы қырқылудың алдында суға тоғытылады, қой тоғытылмай қырқылады. Себебі, қозы туғаннан кейін бұның алдында суға тоғытылмағандықтан оның жүні сауыс, кір болып тазалау күрделі болады. Сондықтан ол тоғытылады. Ал қой жүні бірнеше рет тоғытылғандықтан қозыға қарағанда тазалауға жеңіл. Үзік, туырлық, түндік жасау үшін негізінен ақ және қызыл қой жүні пайдаланылады. Шидің үстіне алдымен қызыл жүнді салып, оның үстіне ақ жүнді тартады. Сонда басылған жүннің бір жағы ақ, бір жағы қызылтым болады. Үй тіккенде қызыл жағы іш жағына, ақ жағы сыртына қаратып жабылады. Өйткені, ақ үй көрініске жақсы, үйдің сырты тез кірлемейді. Ал үйдің ортасына от жаққандықтан тез кірлемеу үшін, кір көтеретіндіктен қызылтым болғаны жөн.

Халық ұғымында киіз үйді құрастыру «тігу», қайта бөлшектеу «жыну» деп аталағы. Тігу үшін алдымен керегелерді бір-біріне қосып, оның екі жағын есік босагасына таңғыштар арқылы бекітеді. Есік шығыс жаққа қаратылады. Кереге басын бас арқанмен орай тартып, мандайшаның екі жақ басына мықтап байлайды. Үйдің берік түруы, оның салмағы осы бас арқанға түседі. Содан соң бақан арқылы шаңырақ көтеріліп, оның жан-жағынан уық шанышылады. Қазақ салтында шаңырақты ерек адам көтереді. Уық тегіс шанышылғып біткеннен кейін, ірге киіз жабылады. Оның биіктігі жарты метрдей, онымен үй айнала орала жабылып, түсіп кетпес үшін әр жерінен керегеге байланады. Ірге киіз желді күні шаң, топырақтан, қыста сүқтап қорғайды. Осыдан кейін туырлық жабылады да, ол туырлық бау (құр) арқылы уықтан асып, қарсы керегеге байланады. Үй көлеміне қарай туырлық 3, 4 бөлік болуы мүмкін. Туырлық екі босаға жақтан бастап жабылып, ол да үзік бау арқылы белдеуге байланады. Ең соңында түндік жабылады. Кіз үйді жығу тігу әдісіне керісінше, яғни түндікті сыртынан басталып, соны керегелерді жинап алумен аяқталады. Кіз үйді тігуге не жығуға екі адам жеткілікті. Кереге тұрғызылып дөңгелек пайда болғанда ер кісі бақанмен шаңырақты көтереді. Әйелі уықтарын қадайды. Сыртын туырлықтармен жабады. Небәрі 40-45 минут шамасында үйді тігеді не жығады.

Ал енді киіз үйдің жасауларына жеке-жеке тоқталып өтейік.

Адалбақан – кім ілуге арналған ашалы, ою-өрнекті ағаш.

Асадал – ыдыс-аяқ қоятын жәшік.

Әбдіре – зат, киім, бұйым салып қоятын үлкен сандықтың қарапайым түрі.

Сандық – зат салатын оюлы, сырты темірмен қапталған үй мұлкі.

Сандыққап – көшкенде қажалмас үшін киізден жасалған жұмсақ қаптама.

Қобдиша – сандықтың кішкене түрі.

Жұқаяқ – сандық астына тұратын оюлы төрт аяқты ағаш.

Кебеже – өрнектеліп жасалған жәшіктің бір түрі.

Төсекағаш – керует.

Шабадан – ішіне көрпе, жастық, киім, бұйым салатын қалың матадан, киізден оюлап жасалған мұлік.

Кілем – жүннен тоқылатын бұйым.

Тұскиіз – тоқылған, жүннен басылған немесе матадан кестеленген керегеге ілетін кілемше.

Текемет – түрлі түсті, ою-өрнекті түр салып, киізден басылатын төсеніш.

Алаша – өрмекпен тоқылып, қосылатын кілемше.

Шымылдық – ерлі-зайыштылардың жатарда тұсына ұстайтын, ақ матадан тігілген перде.

Көрпе – ішіне жүн, мақта салып, матадан тігілген жамылғы.

Сырмақ – киізден сырлып жасалатын тұскиіз немесе төсеніш.

Тулақ – босаға жаққа төсөлетін мал терісі.

Мамық – құс жүннен жасалған жатын төсеніш.

Жүк – сандық үстіне жиналған төсек-орын.

Жұқжапқыш – жүк үстіне жабатын кестелі жапқыш.

Корытындылай келе айтарымыз, киіз үйлер көші-қонға қолайлы қөшпелі қазақтардың негізгі тұрғын үй-жайы болатын. Оны жасаудағы халықтың шеберлігі, өнер тапқыштығы, геометриялық дәлдігі, физикалық қарапайым мықтылығы, эстетикалық сұлулығы, санитарлық тазалығы, көшіп-қонуға ынғайлығы данышпандық шешуін тапқан құбылыс. Байтак кен далада қысылып-қымтырылмай өскен халық бүкіл әлемнің қасиетін сездіріп тұратын шаңырақты айрықша қастерледі. Атадан балаға мұра болып қалған қасиетті қара шаңыраққа ие болудың өзі үлкен абырой. Шаңырақ – қазақ арманының, мақсат-мұддесінің бір шоқтығы. Демек тәуелсіз Қазақстан шаңырағының биік те еңсели болуы ұлт тұтастығының айқын бір көрінісі.

© Абишева Ж.Р., 2016

¹ Қасиманов С. Указ. соч., 95–96 бб.

² Сейдімбек А. Указ. соч., 71 б.

Авдашкин А.А.
г. Челябинск

ЕВРЕИ НА УРАЛЕ: К ВОПРОСУ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ ИССЛЕДОВАНИЯ (НА АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛАХ)

Аннотация: В представленной статье предпринята попытка систематизации и описания источников из центральных и уральских архивов, которые могут лежать в основу комплексного исторического исследования истории евреев Урала в XIX–XX вв.

Ключевые слова: евреи в России, еврейские общины Урала, Екатеринбург, Пермь, Челябинск, Оренбург, история Урала.

Annotation: In the present paper attempts to systematize and describe the sources of the central and Ural archives, which could form the basis for a comprehensive historical study of the history of Jews in the Urals XIX–XX centuries.

Key words: Jews in Russia, Jewish communities of the Urals, Ekaterinburg, Perm, Chelyabinsk, Ural history.

В результате четырех разделов Польши в Российской империи появилось значительное число жителей иудейского вероисповедания. Несмотря на формирование и закрепление такой ограничительной практики как черта оседлости, еврейские купцы и ремесленники не только часто посещали губернии, расположенные в глубине страны, но и проживали в них. Легальное же появление иудеев в Оренбургском крае связано с распространением на них рекрутской повинности в 1827 г. В результате к середине XIX в. еврейские общины появлялись и начали развиваться во многих городах Урала и Поволжья.

Автором предпринята попытка систематизации и описания известных на данный момент фондов центральных и уральских архивов, отражающих заявленную тему. К сожалению, формат статьи не позволил включить в обзор многие интересные архивные материалы.

Фонды Государственных архивов Свердловской и Пермской областей (ГАСО и ГАПО) помогают характеризовать положение данной этноконфессиональной группы на Урале в середине XIX – начале XX вв. Документы горной администрации Уральского горного управления (ГАСО. Ф. 24. Оп. 32), главной конторы Екатеринбургских горных заводов (Ф. 25. Оп. 1), канцелярии главного начальника Уральских горных заводов (Ф. 43. Оп. 2) способны прояснить особенности правового положения евреев на уральских горных заводах¹. Значительное внимание уделено соблюдению секретного указа Александра I от 19 декабря 1824 г. В нем евреям запрещалось проживание в местностях, подконтрольных горной администрации. Здесь содержится отчетная документация о службе евреев на горных заводах, о крещениях и духовной жизни.

Проследить изменение численности и гендерное соотношение у евреев Екатеринбурга позволяют рапорты Екатеринбургской городской полиции (Ф–35. Оп. 1). В этих документах можно выявить информацию о религиозных общинах евреев, служивших в составе горнозаводских батальонов в середине XIX в.²

Высокий потенциал архивных дел Екатеринбургского окружного суда (Ф–11. Оп. 5). Они отражают обстоятельства отказа евреев исповедовать православие и правовые проблемы, связанные с этим. В материалах дел есть копии законодательных актов по этому вопросу, содержатся ссылки на похожие прецеденты из российской судебной практики, приведены детальные сведения об обвиняемых и т.п.³

¹ Государственный архив Свердловской области (далее ГАСО). Ф. 24. Оп. 32. Д. 4560. Л. 1–1 об., 3, 8–9; Ф. 25. Оп. 1. Д. 2257. Л. 1–23; Ф. 43. Оп. 2. Д. 1386. Л. 1–7 об; Д. 1518. Л. 2 об. (Подстрочник содержит лишь примерный перечень дел и листов в них, на которых можно найти информацию по заявленной теме).

² Там же. Ф. 35. Оп. 1. Д. 563. Л. 75, 90.

³ ГАСО. Ф. 11. Оп. 5. Д. 4049. Л. 17–20 об.

Большую пользу в исследовании перехода евреев в православие могут принести материалы Екатеринбургской духовной консистории (Ф–6. Оп. 4). Этим ведомством регулировались вопросы принятия евреями православия, сюда поступали прошения лиц иудейского вероисповедания и др.¹

Сведения по поднятой проблеме за 1840–1850-е гг. включает военная документация. Это книги приказов линейного Оренбургского батальона № 8, подчиненного горной администрации (Ф–122. Оп. 1). Здесь содержится информация о численности евреев в батальоне, заключении и расторжении ими браков, смерти, аспектах религиозной жизни и т.д.² Однако в силу «канцеляризма» свойственного этой группе источников многие сюжеты подверглись искажению или не нашли полного отражения.

Часть архивных материалов найдена в фонде Екатеринбургской городской думы (Ф–8. Оп. 1), городской управы (Ф–62. Оп. 1) и Пермской городской справки (ГАПО. Ф. 35). В этих документах отражены детали хозяйственной и религиозной жизни евреев Перми и Екатеринбурга. Дела Екатеринбургской городской управы включают сведения не только о национальном составе частных предпринимателей, но и размерах их капитала. Аналогичные данные включает фонд Пермской городской справки³.

Местные власти предпринимали меры по выселению евреев-нелегалов. Так Д. Н. Моргуновым и К. Н. Денисовым в государственном архиве Оренбургской области (ГАОО. Ф. 6. Оп. 5) найдена информация о выселении из Оренбурга в 1838 г. нескольких десятков еврейских семей в Белоруссию⁴.

В фонде Челябинской городской Думы (ОГАЧО. Ф. И–1. Оп. 1) обнаружены документы за 1862–1863 гг. об отведении места под кладбище «для погребения низших чинов еврейского закона», служивших в линейном Оренбургском батальоне № 10⁵. Записи о деятельности молитвенных домов, рождении, заключении и расторжении брака евреев в Челябинске и Троице-Константино-Оборинске конца XIX – начала XX вв. отложились в коллекции метрических книг (И–226. Оп. 4, Оп. 22)⁶.

Кроме того, органы местного самоуправления принимали участие в решении вопросов религиозной и хозяйственной жизни иудеев. В фонде Челябинской городской управы (И–3. Оп. 1) сохранилась переписка за 1900–1901 гг. с Оренбургским епархиальным управлением о строительстве синагоги в Челябинске⁷. Здесь же есть прошения на покупку и аренду земли, об устройстве предприятий и т.д.⁸

Судебная и следственная документация Екатеринбургского окружного суда (ГАСО. Ф–180. Оп. 1) способна раскрыть степень выраженности антисемитских настроений. Это подборка дел расследования беспорядков, произошедших 19–20 октября 1905 г. Исследователь может обнаружить здесь показания пострадавших и обвиняемых лиц, свидетельства очевидцев событий. Даже с учетом субъективности эти источники

¹ ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 87. Л. 7, 125, 172, 185, 204; Д. 277. Л. 1–2 об., Л. 19–21.

² Там же. Ф. 122. Оп. 1. Д. 14. Л. 8–8 об.; Д. 17. Л. 101 об.; Д. 23. Л. 55–58, 103 об.; Д. 25. Л. 9 об.; Д. 29. Л. 50; Д. 33. Л. 12, 18, 57; Д. 36. Л. 77; Д. 38. Л. 1 об., Л. 122 об.; Д. 40. Л. 152, 238 об.; Д. 42. Л. 19–20, 116 об.; 245. Д. 44. Л. 39, 63, 145, 152, 164, 177, 188; Д. 48. Л. 67.

³ Там же. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1988. Л. 3–4 об., 38–39; Д. 1989. Л. 49–50; Ф. 62. Оп. 1. Д. 87. Л. 27–27 об.; Д. 435. Л. 21–21 об.; Д. 524. Л. 136. 138 об., 140 об.; Государственный архив Пермской области (далее ГАПО). Ф. 35. Оп. 1. Д. 266. Л. 40 об.–68

⁴ Государственный архив Оренбургской области (далее ГАОО). Ф. 6. Оп. 5. Д. 11381. Л. 6–23. Цит. по: Денисов Д. Н., Моргунов К. А. Евреи в Оренбургском крае: религия и культура. Оренбург, 2015. С. 8

⁵ Объединенный государственный архив Челябинской области (далее ОГАЧО). Ф. И–1. Д. 5684. Л. 1–4.

⁶ Там же. И–226. Оп. 4. Д. 94, 107а, 112, 121, 288, 317а, 318, 319, 336, 365, 418, 485, 511, 542, 569, 570, 634, 697, 744, 745, 808, 821; Оп. 22. Д. 45.

⁷ Там же. Ф. И–3. Оп. 1. Д. 629.

⁸ Там же. Ф. И–3. Оп. 1. Д. 497. Л. 1; Д. 492. Л. 1–2; Д. 783. Л. 1, 4; Д. 870. Л. 1–2, 10, 12; Д. 871. Л. 1, 2, 5–8; Ф. И–1. Оп. 1. Д. 6917. Л. 11–12, 21–24, 32, 52, 58.

способны пролить свет на настроения екатеринбуржцев в отношении евреев и деятельность местных черносотенных организаций¹.

Рапорты уездных полицейских исправников о численном и социально-демографическом составе еврейских беженцев, прибывших в период Первой мировой войны в Пермскую губернию размещены в фондах Пермского губернского правления (ГАПО. Ф-36. Оп. 2; 3; 5; 11) и Канцелярии Пермского губернатора (Ф-65. Оп. 5)².

Фонды Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) могут раскрыть такие сюжеты советского периода как принудительные и трудовые миграции евреев на Урал. Скрупулезное отражение этот аспект получил в справках и докладных записках Главного переселенческого управления при Совете министров РСФСР (ГАРФ. Ф. А-327. Оп. 1). Они позволяют провести достоверный подсчет численности бывших польских граждан, выехавших из СССР в послевоенную Польшу³. Кроме того, в «Особой папке» Секретариата НКВД – МВД СССР (ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2) находятся сведения о депатриации польских беженцев с территории СССР в Польшу во второй половине 1940-х гг.⁴. Работу историков существенно может облегчить то, что как в центральных, так и уральских архивохранилищах есть подборки документов организаций, реализовывавших политику советского государства в области еврейского образования и культуры. В первую очередь это Всесоюзное общество по земельному устройству тружеников евреев (ГАРФ. Ф. Р-9498. Оп. 1) и его пермское отделения (ГАПО. Ф. Р-210. Оп. 1). На страницах дел раскрываются особенности социальных и экономических новаций, проводившихся советским государством в еврейской среде⁵.

Изучить проблемы, связанные с трудоустройством евреев-граждан европейских стран в СССР в период социалистического строительства, дает возможность фонд Союза обществ ремесленного и земледельческого труда среди евреев «ОРТ-Фербанд» (РГАЭ. Ф. Р-5244. Оп. 1) из хранилища Российского государственного архива экономики (РГАЭ)⁶. Источники из фонда Отдела Центрального Комисариата по еврейским национальным делам при Пермском губисполкоме (ГАПО. Ф. Р-945. Оп. 1) позволят показать не только содержание и реализацию культурной политики в отношении евреев Урала в 1920-е гг., но и проанализировать ее влияние на динамику этнокультурных процессов⁷.

Поскольку местные органы власти осуществляли контроль за деятельностью еврейских культурных и религиозных организаций, их делопроизводственные документы отражают сведения по этим вопросам. В частности, фонды административных отделов исполнительных комитетов Советов депутатов различных уровней включают информацию о жизни иудейских общин г. Свердловска и Перми (ГАПО. Ф. Р-115. Оп. 1; ГАСО. Ф. Р-102; Р-286. Оп. 1)⁸. Кроме того, духовную жизнь евреев Урала в послевоенный период позволяет реконструировать фонд уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Пермской области (ГАПО. Ф. Р-1204. Оп. 1)⁹.

¹ ГАСО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 208. Л. 58, 78, 79, 155–156, 161; Д. 209. Л. 132–132 об.; Д. 211. Л. 70 об; Д. 212. Л. 99, 106.

² ГАПО. Ф. 36. Оп. 2. Д. 40, 42, 46, 48, 49, 52. Д. 56. Л. 22, 78; Оп. 3. Д. 1. Л. 50; Д. 2. Л. 19–68, 98–102; Оп. 11. Д. 6; Д. 184; Ф. 65. Оп. 5. Д. 156. Л. 170–171, 173.

³ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. А-327. Оп. 1. Д. 14. Л. 24–26, 33–34; Д. 5. Л. 255.

⁴ Там же. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 105. Л. 21.

⁵ Там же. Ф. Р-9498. Оп. 1. Д. 161. Л. 6, 29, 47–48 об., 70; Д. 261. Л. 7, 14–15, 17; Д. 311. Л. 3; ГАПО. Ф. Р-210. Оп. 1. Д. 4, 6, 12, 25.

⁶ Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 5244. Оп. 1. Д. 238. Л. 89–90; Д. 553. Л. 77.

⁷ ГАПО. Ф. Р-945. Оп. 1. Д. 2. Л. 98; Д. 10. Л. 47–47 об.; Д. 12. Л. 8, 9, 16–17, 43, 49, 50.

⁸ ГАПО. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 101. Л. 1–3; Д. 102. Л. 1, 4, 6; Д. 146. Л. 44–48; ГАСО. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 416. Л. 6–7, 18; Д. 502. Л. 1; Ф. Р-286. Оп. 1. Д. 2071. Л. 1–3.

⁹ Там же. Ф. Р-1204. Оп. 1. Д. 5. Л. 72, 123, 198; Д. 7. Л. 237–240.

Пользу способен принести фонд статистического управления Свердловской области Центрального статистического управления при Совете министров СССР (ГАСО. Ф. Р-1813.). В частности, годовые отчеты научных организаций и учреждений Свердловской области за 1950–1970-е гг. о составе и численности специалистов. Архивные дела содержат сведения о национальном составе научных работников. Изучение этого фонда дает возможность восполнить пробелы в исследовании еврейской интеллигенции, сложившейся в советское время¹.

Сведения по позднесоветскому периоду найдены в документах сектора межнациональных отношений и работе с самодеятельными общественными формированиями в идеологическом отделе обкома КПСС г. Челябинска (Ф. П288. Оп. 201). Приводятся данные о создании национально-культурных центров и их деятельности, в том числе и еврейского, образованного одним из первых в 1989 г. Ценным источником являются результаты областного опроса по проблемам межнациональных отношений².

Архивные данные, способные отразить заявленную проблему в постсоветский период пока представлены только фондами ОГЧАО.

Сведения о работе сектора межнациональных отношений и постоянной комиссии по науке, народному образованию, культуре и национальным вопросам областного Совета народных депутатов (Ф. Р-274. Оп. 10) отразили как проблематику этнокультурной политики в 1991–1993 гг., так и основную деятельность еврейского культурного центра г. Челябинска³.

В фонде Челябинского отделения Всероссийского Фонда культуры (ОГАЧО. Ф. П-2. Оп. 1) обнаружены документы о том, что общественные организации г. Беэр-Шевы оказали еврейскому культурному центру г. Челябинска помочь учебными пособиями для организации курсов иврита⁴.

Документы, содержащие информацию о взаимодействии региональных властей и еврейских организаций, находятся в фонде Главного управления по культуре и искусству при администрации Челябинской области (ОГАЧО. Ф. Р-1589. Оп. 1)⁵. Здесь же есть сведения о приезде в Челябинск израильского дипломата А. Шенара в 1996 г.

Сведения о регистрации, благотворительной и культурно-просветительской деятельности еврейских светских и религиозных организаций Челябинской области находятся в фонде регионального министерства юстиции (Ф. Р-1041. Оп. 6)⁶.

Таким образом, рассмотренные архивные источники способны лечь в основу серьезной комплексной работы по исследуемой теме. Дела задействованных фондов отразили такие сюжетные линии истории еврейского населения Урала как: 1) различные формы миграции; 2) хозяйственная деятельность и участие в экономике региона; 3) создание и деятельность религиозных, светских обществ; 4) профессиональная занятость; 5) социально-демографический портрет этнической группы; 6) взаимоотношения с местными властями; 7) проявления бытового антисемитизма, этнические антипатии и установки уральцев в отношении евреев.

Несмотря на то, что потенциал данных архивов весьма высок и позволяет провести полноценное изучение большинства аспектов истории еврейского населения на Урале, наиболее разработаны на сегодняшний день хранилища Среднего Урала. Для приращения научного знания по представленной проблеме необходимо расширение эмпирической базы по таким регионам как: Башкирия, Оренбургская область, Челябинская область.

© Авдашкин А.А., 2016

¹ ГАСО. Ф. Р-1813. Оп. 11. Д. 116. Л. 2–3 об.; Д. 514. Л. 39 об., 166 об., Л. 49 об. 72 об.; Д. 588. Л. 5 об.

² ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 201. Д. 1954. Л. 11; Д. 1956. Л. 8–11.

³ Там же. Ф. Р-274. Оп. 10. Д. 3575. Л. 70–75; Л. 109.

⁴ Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 52. Л. 7.

⁵ Там же. Ф. Р-1589. Оп. 1. Д. 2850. Л. 35, 40; Д. 2949. Л. 61; Д. 2966. Л. 1.

⁶ Там же. Ф. Р-1041. Оп. 6. Д. 874-в. Л. 41; Д. 904-б. Л. 3; Д. 1084. Л. 38.

Александрова А.И.
г. Оренбург

ФРАГМЕНТИРОВАННЫЕ ЗЕРКАЛА В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ САРМАТОВ
ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

Аннотация: В статье затрагивается проблема преднамеренной порчи бронзовых зеркал в сарматских погребениях раннего железного века на территории Южного Приуралья. Целью работы является поиск закономерностей и их интерпретация касательно роли зеркал в погребальном обряде сарматской культуры, а также связь ритуала с религиозными верованиями древних людей.

Ключевые слова: бронзовые зеркала, сарматы, РЖВ, преднамеренная порча зеркал, погребальный обряд, Южное Приуралье.

Annotation: This article describes the problem of intentional damage of bronze mirrors in Sarmatian burials of the Early Iron Age in the Southern Urals. The aim of this research is to find the patterns and their interpretation concerning on the role of mirrors in the burial rite of Sarmatian culture, and relations of this ritual with the religious beliefs of ancient people.

Key words: bronze mirrors, the Sarmatians, Early Iron Age, intentional damage of mirrors, burial rite, The Southern Urals.

Бронзовые зеркала в погребениях сарматского периода встречаются довольно часто – около 32 % от общего числа сарматских погребений к востоку от Дона¹. Значительная часть зеркал в этих погребениях фрагментирована. Зеркала употреблялись как принадлежность туалета, в магических действиях, культовых церемониях, для гадания у многих народов; выступали атрибутами различных божеств². Отдельно стоит сказать, что в погребениях встречаются зеркала, входящие в набор для нанесения татуировок (иглы, мешочек, каменная палитра для размешивания красок, пест-ступка и т.п.)³.

Многие исследователи предполагают, что у сарматов существовал обычай преднамеренной порчи зеркал во время совершения погребения. Данный обрядовый ритуал, как мы упоминали в предыдущей публикации⁴, более характерен для прохоровской культуры, берет свое начало в савроматскую эпоху и почти не встречается в позднесарматский период.

Целью данной работы является поиск закономерностей и их интерпретация касательно роли зеркал в погребальном обряде сарматской культуры, а также связь ритуала с религиозными верованиями древних людей.

В результате исследования археологических материалов Южного Приуралья периода РЖВ нами была взята выборка из 100 погребений, содержащих бронзовые зеркала. Подросткам принадлежали 4 погребения, половозрастные характеристики не удалось определить в 8 захоронениях, остальные 88 принадлежали взрослым людям, из них 13 мужских и 65 женских погребений (в 10 случаях не удалось определить пол).

Таблица 1

Половозрастные характеристики выборки

Взрослые	Мужчины	Женщины	Подростки	Нет данных
10	13	65	4	8

¹ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990. С. 89.

² Кузнецова Т.М. Зеркала Скифии VI–II вв. до н.э. Том I. М., 2002. С. 9.

³ Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка I (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. Книга 1. М., 2013. С. 36

⁴ Александрова А.И. Зеркала в погребальном обряде Переволоцкого КМ // VII Башкирская археологическая конференция студентов и молодых ученых: материалы региональной научной конференции (г. Уфа, 11–12 декабря 2015 г.). Уфа, 2015. С. 26.

Таким образом, видно, что зеркала в большинстве случаев встречаются в женских погребениях.

Взяв за основу классификацию бронзовых сарматских зеркал А.С. Скрипкина¹, мы получили следующие результаты:

Таблица 2

Классификация зеркал

Отдел. Тип	Характеристика	Кол-во
?	Не удалось определить	2
1.?	Плоский диск	9
1.0	Плоский диск без ручки	1
1.1	Плоский диск с раздельной ручкой	5
1.11	Плоский диск с плоской ручкой, расширяющейся книзу	1
1.2	Плоский диск с прямой плоской ручкой	17
1.4	Плоский диск с прямой ручкой с овальным окончанием	2
1.5	Плоский диск с ручкой-штырем (клиновидной)	4
1.6	Плоский диск с плоской ручкой, оканчивающейся овальным расширением на конце	2
1.8	Плоский диск с прямой ручкой с отверстием на конце	1
1.9	Плоский диск с ручкой-петелькой на обратной стороне	2
3.?	Плоский диск с бортиком по краю	2
3.0	Плоский диск с бортиком по краю без ручки	2
3.2	Плоский с бортиком по краю и плоской расширяющейся книзу ручкой	1
3.4	Плоский диск с бортиком по краю и прямой плоской ручкой	2
3.5	Плоский диск с бортиком по краю и прямой с овальным окончанием ручкой	1
3.8	Плоский диск с бортиком по краю и ручкой с овальным расширением на конце	1
4.?	Плоский диск с валиком по краю	26
4.1	Плоский диск с валиком по краю с раздельной ручкой	2
4.2	Плоский диск с валиком по краю и плоской расширяющейся книзу ручкой	3
4.4	Плоский диск с валиком по краю и прямой плоской ручкой	1
4.5	Плоский диск с валиком по краю и прямой с овальным окончанием ручкой	3
4.6	Плоский диск с валиком по краю и ручкой-штырем (клиновидной)	7
5.4	Плоский диск с валиками и выпуклой в центре диска	1
6.4	Плоский диск с валиком по краю и конусовидной выпуклостью в центре диска и плоской прямой ручкой	1
6.6	Плоский диск с валиком по краю и конусовидной выпуклостью в центре диска и ручкой-штырем (клиновидной)	1

Фрагментарность зеркал в большинстве случаев помешала определить тип ручки, поэтому достоверным выводом будет лишь то, что зеркала с плоским диском (44 %) и зеркала с валиком по краю (42 %) были самыми распространенными (таблица 3), что совпадает с имеющимися данными о принадлежности их к раннесарматской культуре. Подобные зеркала встречаются на Южном Урале с рубежа савроматского и сарматского времени, наиболее ранними из них являются зеркала с широкой плоской ручкой и

¹ Скрипкин А.С. Указ. соч. С. 88–97.

широким утолщенным валиком, которые появляются во второй половине V – начале IV вв. до н.э. Но помещение в могильную яму фрагментов зеркал стало традицией позднее¹.

Таблица 3

Распределение зеркал по отделам

Отдел	Невозможно определить	1 отдел	3 отдел	4 отдел	5 отдел	6 отдел
Количество	2	44	9	42	1	2

73 зеркала (73 % выборки) были фрагментированы (при совершении погребения была положена только часть предмета или зеркало было повреждено) (рисунок 1). Это говорит о большой вероятности существования ритуала преднамеренной порчи зеркала перед захоронением. Этот обычай можно объяснить анимистическими верованиями людей².

У древних людей существовали специальные обрядово-ритуальные приемы и способы приобщения чего-либо к неземному миру. Среди таких приемов намеренная порча предмета, отправляемого в неземные пределы. Таким образом, зеркало как образ человеческой души могли специально разбивать, чтобы отправить человека в загробный мир полностью³. Также они верили, что часть чего-либо, попадая в «Нижний мир», становится целым. Следовательно, можно предположить, что сарматы, помещая фрагмент зеркала в погребение, рассчитывали, что в загробном мире погребенный человек будет обеспечен целой вещью⁴. Результаты определения местоположений зеркал в сарматских погребениях можно представить следующим образом (рисунок 2): чаще всего данный инвентарь помещали возле головы (в основном справа или слева), под плечом или возле плечевой кости правой руки, немного реже – левой.

При рассмотрении взаимовстречаемости с другим погребальным инвентарем мы учитывали только предметы, находящиеся в непосредственной близости от зеркала, так как предположили, что это поможет увидеть связь с культовыми особенностями (рисунок 3). Выяснилось, что из всей выборки 25 % зеркал положены рядом с другим инвентарем. Чаще всего рядом с зеркалом находился камень или кусочки мела (порядка 25 %); также примерно в 20 % случаев зеркало шло в комплексе с жертвенником (алтарик или ступенька-столик). Около 15 % погребений содержат вещевые комплексы из зеркала и раковины-грифей, железного шила или иглы; как мы уже упоминали выше, такие комплексы могут рассматриваться как набор для нанесения татуировок. Также встречаются случаи взаимного размещения с зеркалом алебастрового пряслица, бусин, подвесок, что можно отнести к типично женскому погребальному набору; с ножом, сосудами, костями МРС, что связано, видимо, с жертвенными комплексами.

Таким образом, очевидно, что помимо бытовой роли помещение фрагментов бронзовых зеркал в погребение носит культовый, религиозный характер, возможно, обозначает жреческие погребения.

Обобщая вышесказанное, подведем итоги:

- Подтверждено существования обряда преднамеренной порчи зеркал;
- Данный ритуал можно связать с верованиями древних людей в загробный мир, жизнь после смерти;
- Фрагменты бронзовых зеркал чаще всего встречаются у головы и плеч, что вполне закономерно, учитывая его функции как предмета туалета;
- В основном фрагментированные зеркала являются самостоятельной частью инвентаря, однако могут находиться и в вещевом или жертвенном комплексе.

¹ Таиров А.Д., Боталов С.Г., Плешанов М.Л. Исследования КМ Кичигино в 2007 г. (предварительные результаты) // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург, 2008. С. 143.

² Скрипкин А.С. Указ. соч. С. 91.

³ Косарев М.Ф. Пространство и время в сибирио-языческом миропонимании // Мировоззрение древнего населения Евразии. Москва, 2001. С. 446.

⁴ Там же. С. 449.

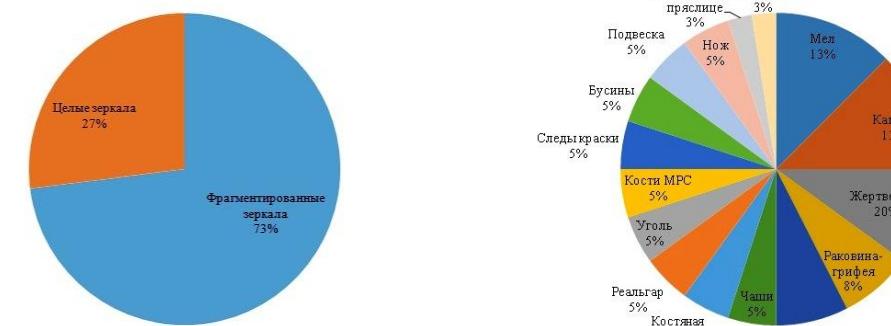

Рисунок 1. Процентное соотношение целых и фрагментированных зеркал в выборке

Рисунок 3. Взаимовстречаемость с другим погребальным инвентарем

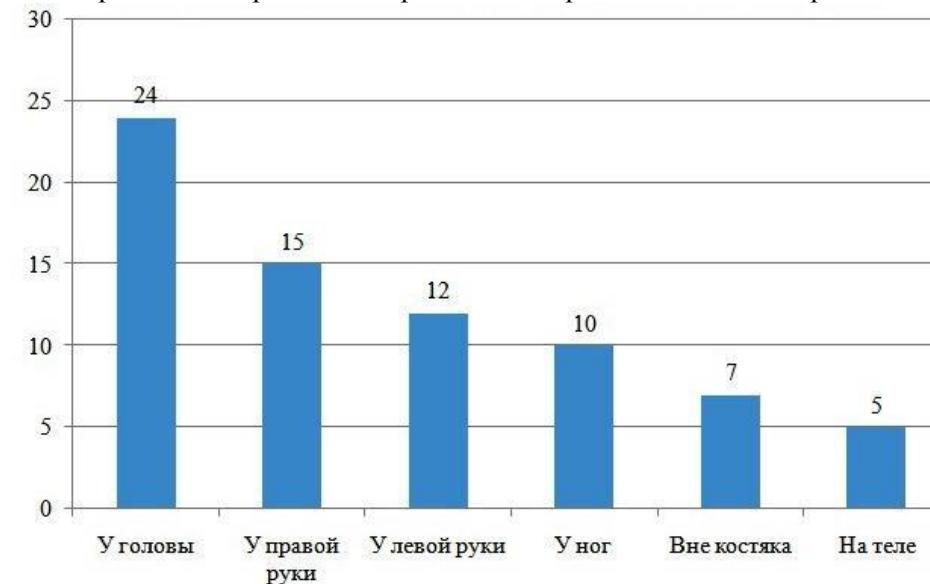

Рисунок 2. Местоположение зеркал в погребениях

© Александрова А.И., 2016

АДАПТАЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ В
УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ
(ПО ДАННЫМ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ)

Аннотация: Этносоциологические исследования показали, что население республики с пониманием относится к кризисным явлениям и в качестве основных мер для улучшения социального самочувствия в экономике связывает с необходимостью создания условий для роста производительности труда, вывода экономики из кризиса.

Ключевые слова: русские, башкиры, татары, молодежь, социальная дифференциация, этнические группы, социальное положение, экономическое положение, социальный статус.

Annotation: Ethno-sociological studies have shown that the population is sympathetic to the crisis and the main measures to improve the social well-being in the economy associated with the necessity of creating conditions for productivity growth, a conclusion of economy from crisis.

Key word: Russians, Bashkirs, Tatars, youth, social differentiation, ethnic group, social status, economic status, social status.

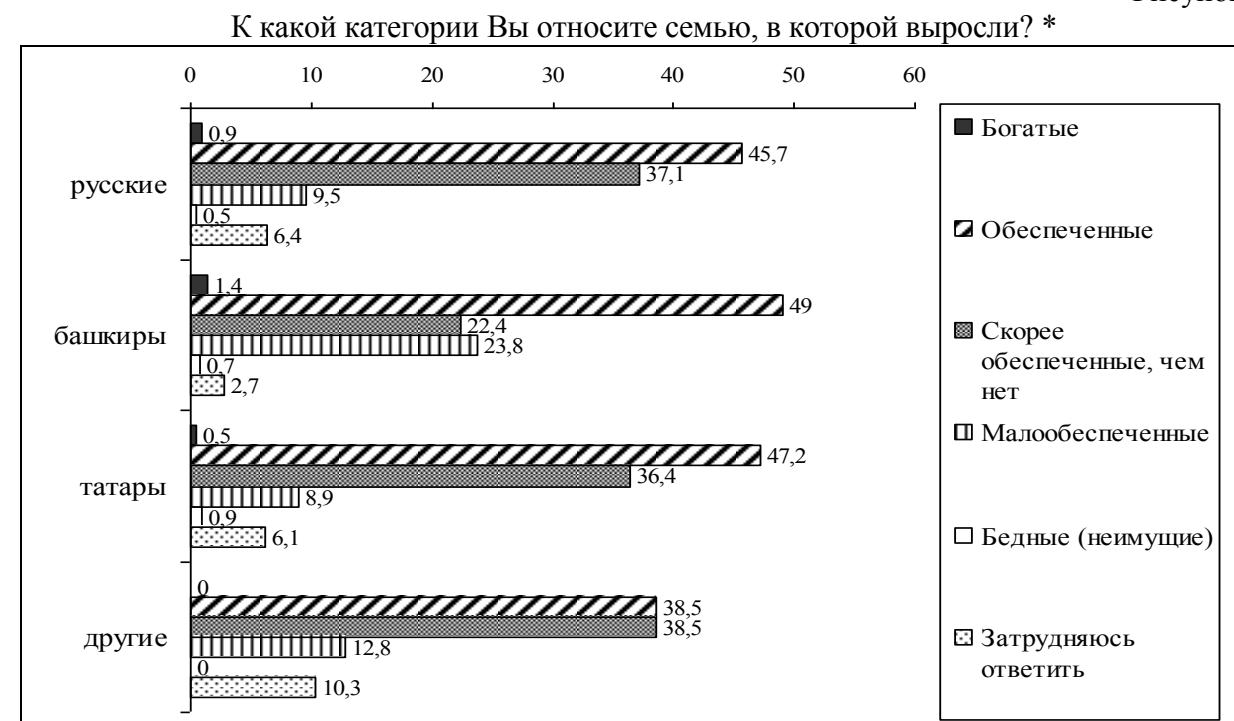
Социальная дифференциация в разрезе этнических групп по данным опроса молодежи выглядит весьма контрастно*. Русская молодежь в самооценках своих семей особо не отличалась от татар и респондентов иных национальностей. Среди башкирской молодежи самооценка своих семей и отнесших их к категории «богатых» превзошла аналогичную оценку молодежи других национальностей, а именно: русской – в 1,5 раза, татарской – почти в 3 раза. Немногим более одной трети русской молодежи (37,1 %) и столько же татарской (36,4 %), а также почти каждой второй из пяти опрошенной молодежи иных национальностей (38,5 %) свои семьи определили в категорию «скорее обеспеченные», чем «не обеспеченные». Доля таковых среди башкирской молодежи по сравнению с молодежью других национальностей занимала относительно низкую планку. Видно, что наиболее контрастно социальная дифференциация отмечена среди респондентов башкирской национальности. Если половина респондентов башкирской молодежи отнесла свою семью в разряд «богатых» и «обеспеченных», то немногим более 23,8 % занесли в разряд «малообеспеченных», что превышала самооценку русских более чем 2,5 раза, а татар в 2,7.

Вместе с тем, как определенная часть молодежи поставила свои семьи на высокую ступень социальной лестницы, так и весьма незначительная часть молодежи видит их в категории «бедных» (рисунок 1).

Таким образом, анализ оценки своих семей молодежью республики показывает, что наиболее сильная дифференциация социального положения наблюдается среди башкирского населения. Если социальный статус русского, татарского и иных национальностей наиболее отложен в рамках так называемого «среднего класса», то среди башкир он имеет определенный дисбаланс.

* Этносоциологический опрос среди молодежи г. Уфы. «Социальная доверительность и толерантность в поликультурной молодежной среде» был проведен в феврале 2014 г. Проект подготовлен д.и.н., проф. Ф.Г. Сафиным и к.и.н. А.И. Фатхутдиновой. Руководители исследования – к.и.н., н.с. А.И. Фатхутдинова, С.С. Алексеенко. Опрошено 621 респондента, из них 363 (58,5 %) женщин и 258 (41,5 %) мужчин. По национальному составу 35,6 % (221 чел.) составили русские, 23,7 % (147 чел.) башкиры, 34,4 % (214 чел.) татары и 6,3 % (39 чел.) представители других национальностей.

Рисунок 1

*Рис. составлен по материалам опроса (февраль 2014 г.)

Отвлекаясь, стоит отметить резкую конфигурацию социальной дифференциации башкирского населения, которую можно объяснить тем, что в годы суверенизации во властные структуры общественно-политической жизни были мобилизованы, прежде всего, башкир, взамен русским и татарам. В среднем звене, особенно в столице республики, в управлеченческих учреждениях и структурах также были «востребованы» представители титульного этноса. Если определенная часть представителей титульного этноса была востребована в государственном и муниципальном органах управления, то другая значительная часть практически по-прежнему оставалась на мелких предприятиях, в малом бизнесе или же в сельском хозяйстве с низкоквалифицированным трудом. Видимо, поэтому прослеживается такая сильная дифференциация среди башкир, в отличие от остального населения.

Несмотря на имеющиеся «ножницы» в социальной дифференциации экономическое и финансовое положение населения, независимо от национальной принадлежности, имеет почти одинаковое состояние, хотя имеются определенные различия. Если татары (19,2 %) и башкиры (19,0 %) в одинаковой степени отмечали существенное улучшение экономического и финансового состояния своей семьи за последний год, то респонденты русской молодежи (13,1 %) меньше всех видят аналогичное улучшение.

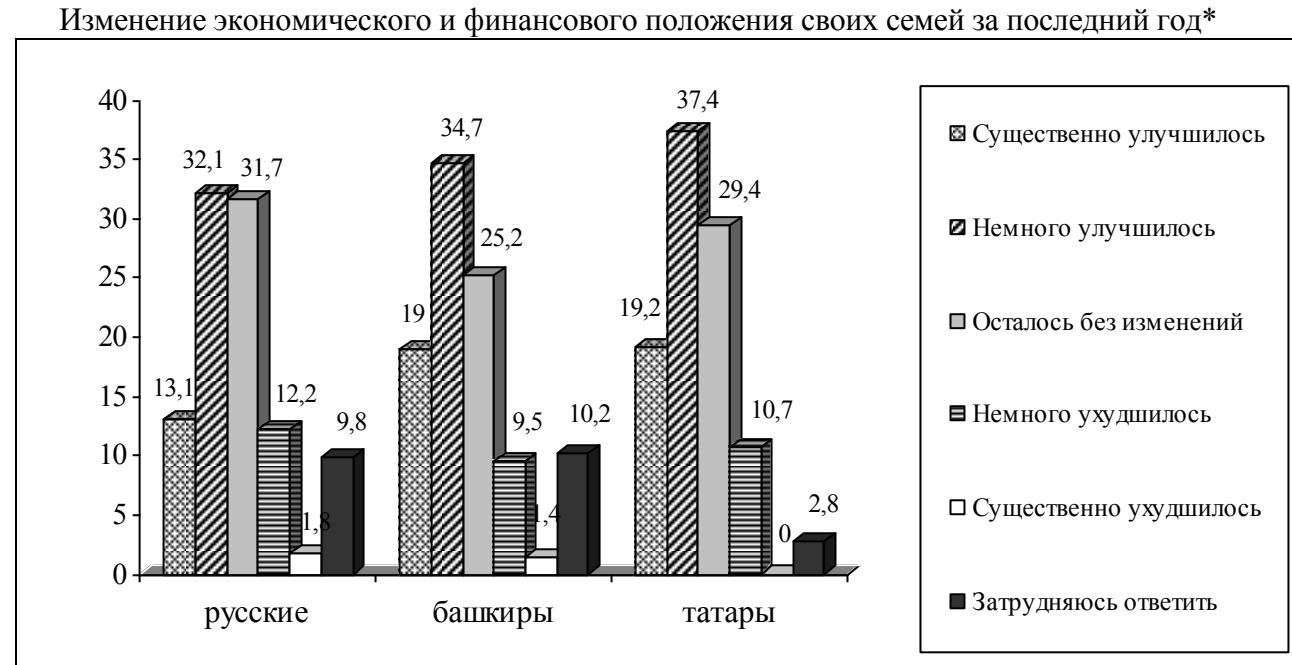
Улучшение экономического и финансового положения своей семьи отмечала около одной трети молодежи республики. Почти столько же респондентов, за исключением башкирской молодежи отмечали, что уровень экономического и финансового положения их семей остался без изменений. Русская молодежь (14,0 %) больше всех остальных озабочена существенным ухудшением финансового и экономического состояния своей семьи (рисунок 2).

Таким образом, данные этносоциологических опросов свидетельствуют, что в самооценке своего социального самочувствия все этнические группы практически в одинаковой степени отмечают как позитивные, так и негативные стороны рыночных отношений. Набирающие высокие темпы рыночные отношения, естественно, вносили свои определенные корректизы в этносоциальную стратификацию.

Стали появляться достаточно богатые люди, вызвавшие определенное стремление к подражанию, особенно у молодежи. Значимость богатства, как жизненной ценности, для определенной части русской молодежи (15,4 %) было очень значимой, чем для сверстников других национальностей.

Вместе с тем, немногим более половины русской (58,8 %), абсолютное большинство башкирской (66,7 %), татарской (57,5 %) молодежи богатство представляло собой определенную значимость и стало своего рода доминирующей ценностью. Лишь для каждого из пяти опрошенной русской молодежи, четверти респондентов татарской (25,8 %) статус быть богатым был малозначимым или же совсем не значимым

Рисунок 2

*Рис. составлен по материалам опроса (февраль 2014 г.)

Абсолютное большинство русской молодежи (74,2 %), также как башкирской (76,9 %) и татарской (69,3 %) было ориентировано на такой социальный статус, как стать богатым (рисунок 3).

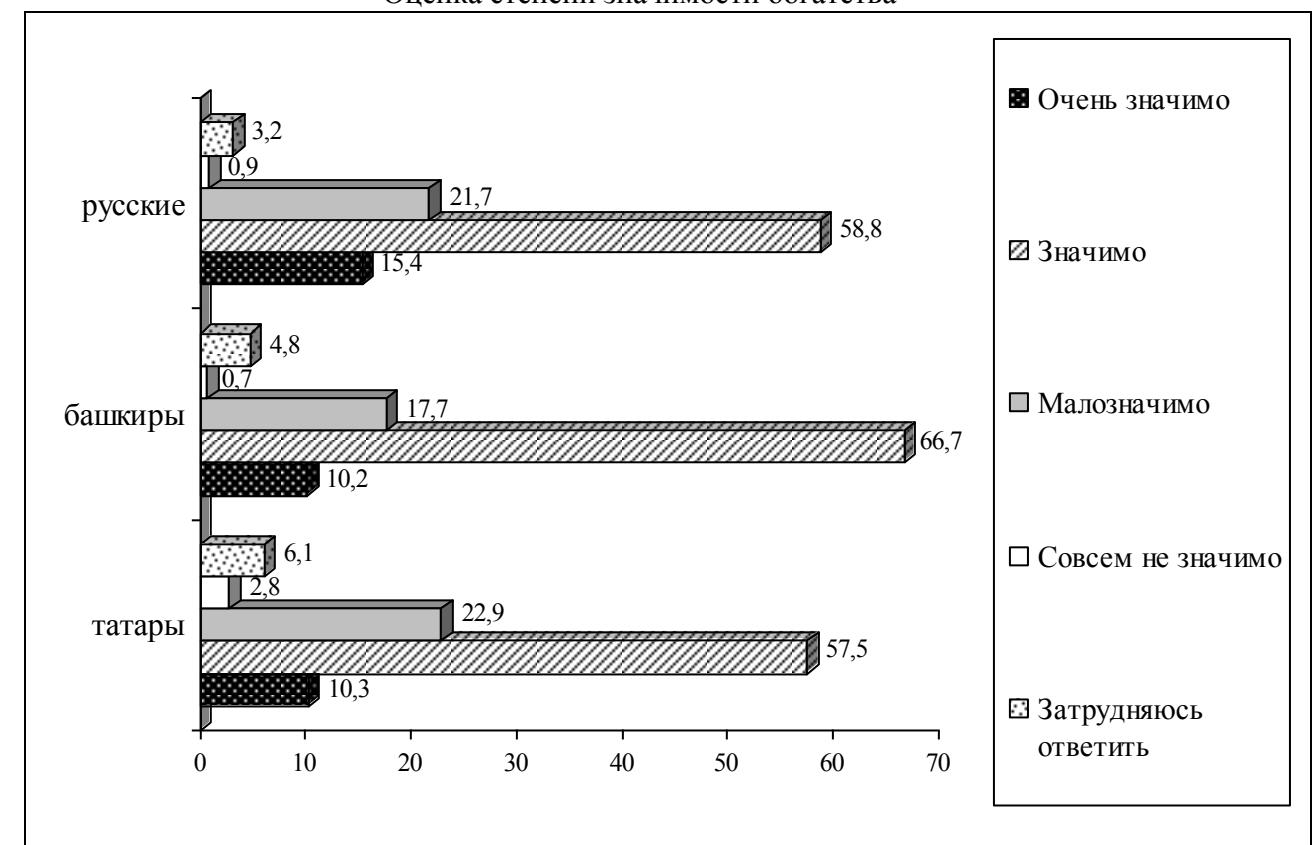
Вместе с тем, самый высокий показатель данного маркера отмечен у представителей титульной молодежи. Подобные расхождения между молодежью титульной и нетитульных национальностей, видимо, объясняются тем, что представители башкирской молодежи больше ориентированы на более высокий социальный статус, ибо рассчитывают на определенные «рычаги» и механизмы для успешного самовыражения, нежели русские.

Основной контингент русских детей по социальному происхождению из рабочих и среднего класса, родители которых работают в малом и среднем бизнесе, а большая часть на государственных предприятиях.

Выходцы городской башкирской молодежи – это дети, родители которых, в своем большинстве работают в органах управления, в городских и районных администрациях, в министерствах и ведомствах, доля которых в годы суверенизации достигла значительных масштабов. Видимо, такая установка башкирской молодежи, больше всего связана влиянием семейного воспитания, в котором, традиционно, принимали участие родители, закладывая мировоззренческие основы в молодое поколение.

Рисунок 3

Оценка степени значимости богатства*

*Рис. составлен по материалам опроса (февраль 2014 г.)

Такие акценты в ориентациях башкирской молодежи, направленные на высокий экономический статус своей семьи, вполне логичны и понятны, т.к. более половины из них самооценку своих семей определили, как «богатые» и «обеспеченные». Хотя, другая, также довольно значительная часть, оценила свою семью весьма скромно: «скорее обеспеченной, чем, нет» или же «малообеспеченной». Видимо, поэтому, среди первых трех наиболее важных условий, необходимых для обогащения, респонденты практически всех национальностей, за исключением татарской, в большей доле отметили вариант происхождения из обеспеченной семьи. Среди татар же данный маркер отмечен второй позицией. Возможно, столь высокая доля респондентов татарской, и отчасти русской, национальности объясняется тем, что определенная часть населения, особенно в городах, где основную долю населения составляют русские и татары, успела наладить успешную предпринимательскую деятельность.

Важным условием для повышения своего материального достатка, как русские, так и респонденты других национальностей видели в упорном каждодневном труде.

© Алексеенко С.С., 2016

ОПИСАНИЕ МОСТОВ ИЗ ФОТОКОЛЛЕКЦИИ ОТДЕЛА ЭТНОЛОГИИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ УНЦ РАН

Аннотация: В данной статье рассматриваются некоторые моменты из истории и практики башкирского мостостроения и описываются изображения мостов из фотоколлекции отдела этнологии ИИЯЛ УНЦ РАН.

Ключевые слова: мосты, башкиры, фотоколлекция, фототека, отдел этнологии, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук (ИИЯЛ УНЦ РАН).

Annotation: This article considers some moments from history and practice of Bashkir bridge engineering. In the article the author describes bridges pictures from the Photo Collection of Department of ethnology of the Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre RAS.

Keywords: bridges, Bashkir people, photograph collection, Department of ethnology by Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre RAS.

Дорога на своем пути встречает препятствия в виде рек, ручьев, для преодоления которых и сохранения непрерывности пути, люди строили искусственные сооружения – мосты. Башкиры так же с давних времен умели их возводить. Одним из простейших видов мостов были «баcма» – пешеходные деревянные временные, сборные мостики через ручьи и речки. Наиболее архаичным образом которых является мостик из ствола дерева, перекинутого с берега на берег. Традиционность конструкций мостов «баcма» связана с небольшими энергетическими и сырьевыми затратами, необходимыми для их организации. Более сложными по конструкции и в возведении являлись мосты «купер».

В фототеке отдела этнологии ИИЯЛ УНЦ РАН хранятся 26 карточек с изображением мостов, снятых в ходе этнографических экспедиций 1954–1984 гг. в башкирских селениях Башкирской АССР, Челябинской, Свердловской, Саратовской, Пермской областей.

В фотоколлекции представлены мосты нескольких типов. Среди них наиболее простым по конструкции и несложным в возведении являются балочные мосты. Они устраивались для перекрытия небольших пролетов через речки, ручьи и чаще всего являлись пешеходными. Для прокладывания балочного моста первоначально делалась так называемая береговая опора или береговая лежень. С этой целью по обоим берегам реки параллельно делались небольшие рвы, куда укладывали бревна-лежки. Расстояние между этими опорами перекрывалось двумя или четырьмя бревнами-балками. Эти прогоны-балки являются главным несущим элементом объекта, поэтому мосты данного типа именуются «балочными». Поверх прогонов укладывались жерди, доски, бревна небольшой толщины, вплотную подгоняемые друг к другу. Завершающим слоем моста могла быть насыпь из грунта, песка. Мосты такого типа зафиксированы в д. Бурангулово Абзелиловского района БАССР в ходе этнографической экспедиции 1971 г., в д. Туктубаево Сосновского района Челябинской области (1972 г.), д. Юкшур Бардымского района Пермской области (1984 г.).

Второй тип мостов – свайный. Такие мосты служат для проезда более тяжелых грузов и транспорта. При постройке моста данного типа, в первую очередь, возводят свайные опоры. Сваи выполняются из бревен, которые забивают в грунт. Для вбивания свай башкиры использовали специальное приспособление «свай тукмагы» или «свай каккыс», аналогичное русской «бабе». Также для забивки использовали кувалду (балга, сүкеш).

Сваи загоняются на некотором расстоянии друг от друга, парно, и соединяются бревном-насадкой. На насадку накладываются длинные балки, которые, как и в первом примере, имеют поперечный настил из жердей, досок или же из пластин (бревен,

распиленных по оси на две половины). Настил по краям сверху закрепляют прижимными бревнами, которые одновременно служат и колесоотбойными (бордюрными) элементами.

Необходимо отметить, что мосты свайного типа, в зависимости от природных зон региона, отличались используемыми материалами. Так, если для степных мостов были характерны настилы из жердей, прутьев, хвороста, грунтовые, глиняные насыпи; в лесных районах – мосты покрывались более надежными пластинами и бревнами.

Описание степного свайного моста имеется в путевых очерках М.А. Круковского, который в 1908 г. совершил поездку на Урал. Проезжая через р. Дему автор увидел следующее: «Проехав вдоль реки, меж кустарников, таантас вдруг повернул к реке, и перед нами открылся мост. Настоящий башкирский мост, какой можно встретить только на степной реке. Построен он на легких козлах. Это не срубленные, сколоченные козлы, а натуральные: каждый козел представляет из себя ствол ели с четырьмя суками, идущими в одном направлении: эти сучья служат ногами. Поверх козлов настилка из хвороста, покрытая сверху дерном. Мост узок: разъехаться двум телегам на нем нельзя; по бокам легкие перила. Такие мосты можно строить лишь на неглубоких и тихих степных реках; но несмотря на свою легкость, они выдерживают целые обозы»¹. Здесь необходимо обратить внимание на достаточно простой, но практичный способ изготовления опор из стволов дерева.

В фотоколлекции свайные мосты представлены в наибольшем количестве. Остановимся на некоторых из них. Во время этнографической экспедиции 1981 г. свайный мост запечатлен в д. Бикбулатово Кугарчинского района БАССР. Мост узкий, однопутный. Сваи моста парные, двухрядовые, забиты под небольшим уклоном. На сваи уложены бревна-насадки, поверх которых идет настил, выполненный из досок, жердей, имеется насыпь из песка. Береговую опору моста составляют бревно-лежень и сваленное дерево.

В д. Нижний Ташбукан Гафурийского района БАССР в 1982 г. зафиксированы два моста данного типа. Первый – свайный мост для проезда гужевого транспорта, имеет легкие перила, настил из бревен и грунтовую насыпь. Второй мост на первый взгляд напоминает обычную балочную конструкцию, за одним исключением: вместо бревен-лежек на берегу оврага вбиты сваи, которые также служат заборной стенкой.

Весьма простой пешеходный мост соединял две части деревни Старомунасипово Бурзянского района. Опорой дощатого настила являлись длинные бревна, закрепленные одним концом в сваи, а другим – уложенные в русло реки и направленные против его течения. Мост являлся временным, устанавливался после окончания весеннего половодья и разбирался перед ледоставом. По краям моста были размещены загороды от домашнего скота.

Пешеходный свайный мост с дополнительными укосинами запечатлен на фотографии 1970 г. в с. Таймас Кумертауского района БАССР (ныне Куюргазинского района РБ). Подобные специальные подкосы устраивали при большой высоте свайных опор, для увеличения их прочности и лучшего сопротивления давлению ветра. Укосины своими нижними концами упираются в дополнительные откосные сваи, а верхними концами связаны с коренными сваями².

Существовала еще одна категория мостов – ряжевые, на ряжу. Ряж представляет собой деревянный сруб из бревен или брусьев, заполняемый грунтом или камнями. Пролеты между ряжами перекрывали балками из бревен и жердевым, брускатым настилом. Ряжевый мост строили в тех случаях, когда дно реки имело скальный или каменистый грунт, не позволяющий забивать сваи. Во время экспедиции 1982 г. мост данной конструкции был зафиксирован в д. Кулгунино Ишимбайского района. При его строительстве были возведены две прямоугольные ряжевые опоры в русле реки, и такие

¹ Круковский М.А. Южный Урал. Путевые очерки. М., 1909. С. 46.

² Гаскин В.В., Иванов И.А. Деревянные мосты. Учебное пособие. Иркутск, 2005. С. 83.

же рубленые клети установлены по ее берегам. Нагрузка в данном строении приходится на береговые и центральные ряжевые опоры. Прямоугольная форма данных ряжевых устоев и промежуточных опор характерна для рек со слабым течением; поскольку на быстрых реках с сильным ледоходом ряжи делаются заостренными с носовой части, а иногда, и с кормовой¹. Для защиты от подмыва, по периметру с наружной стороны ряжа были устроены каменные наброски.

Помимо деревянных мостов этнографами, членами экспедиций фиксировались каменные и висячие мосты. Возникновение их связано с появлением новых материалов, технологий возведения мостовых сооружений и активным дорожным строительством Российской государства.

В фотоколлекции имеется только одно изображение каменного моста (*tash kuper*), зафиксированное в 1970 г. в д. Санзяпово Кугарчинского района. Мост однопутный, классического арочного типа. Арка имеет сегментный пологий свод. Особенностью таких мостов является то, что их свод складывается из тесно прижатых друг к другу каменных плит и в самой верхней точке замыкается одним клиновидным камнем – замком свода, за счет которого держится вся конструкция. Еще один арочный мост был на р. Шешанак. Это однопролетный деревянный арочный мост с каменными береговыми устоями. Арки выполнены из нескольких гнутых деревянных брусьев и досок, соединенных между собой. Однако со временем, по-видимому, из-за опасности обрушения свода моста, под ним были сооружены свайные подпорки.

Что же касается висячих мостов (*açылмалы баçма*, *açылма күпер* или *аркан күпер*), все представленные в фототеке мосты данного типа являются пешеходными. Строительство висячих мостов в России начинается в 1820-х годах, сравнительно позже, чем в других странах, и тесно связано с развитием металлургии, так как при строительстве таких мостов активно применялись проволочные тросы и канаты. Преимущество висячих мостов в том, что их можно построить высоко над водой, они могут иметь очень длинный основной пролет при минимальном количестве материала, а также отсутствует необходимость возведения промежуточных опор. В фототеке хранятся различные снимки таких мостов, снятые в деревнях: Новобелокатай Белокатайского района (1954 г.), Байгундино Перелюбского района Саратовской области (1963 г.), Усмангали Белорецкого района, Байгускарово Хайбуллинского района (1974 г.), Нижние Лемезы Иглинского района (1975 г.), Карталы Белорецкого района (1976 г.), Наурузово Учалинского района (1977 г.), Бикбулатово Кугарчинского района (1981 г.).

Конструкция висячих мостов выглядела следующим образом: по берегам реки устанавливаются опоры, чаще всего трубы, столбы, на которые сверху и снизу натягиваются металлические тросы, закрепляемые в землю. По всей длине моста верхние и нижние тросы соединяются между собой деревянными брусками (выполняющими роль подвесок), на нижних тросах укладывается деревянный настил. Достаточно своеобразными были опоры мостов. Через р. Лемезу (Иглинский район, 1975 г.) был протянут мост, опорами которому служили деревянные срубы. А висячий мост через р. Тиргамыш (Дергамыш) в Хайбуллинском районе имел опору в виде большого металлического колеса.

Таким образом, мосты, являясь одним из главных элементов дорожной системы, играют важную роль в жизнеобеспечении людей. Фотографии из фототеки отдела этнологии ИИЯЛ УНЦ РАН представляют большое значение для отечественной этнографической науки. Описываемый материал дает достаточно полное представление по истории мостостроения в регионе.

© Алламуратова Л.Х., 2016

УДК 902.2

Ахатов А.Т.
г. Уфа

БАШКИРСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ XVII–XIX ВВ.:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

Аннотация: В статье дается краткая характеристика состояния археологической изученности башкирских населенных пунктов XVII–XIX вв. на сегодняшний день, выявляются основные проблемы и наиболее перспективные направления их исследований методами археологии.

Ключевые слова: башкиры, башкирский аул, археология Нового времени.

Annotation: The article gives a brief description of the state of archaeological study of the Bashkir settlements of the XVII–XIX centuries. to date, identifies the main problems and the most promising directions of their research methods of archaeology.

Key word: Bashkirs, Bashkir village, archaeology of the New time.

Археологическое изучение периода позднего Средневековья и Нового времени, выделившееся в России в начале XXI в. в самостоятельное научное направление, в настоящее время является одним из активно развивающихся секторов российской археологии во многих регионах страны¹. Исследования археологических памятников XVII–XIX вв. особенно актуальны для территории современного Башкортостана, где несмотря на имеющийся массив письменных, архивных и этнографических материалов некоторые аспекты этнокультурного развития края в указанное время остаются слабо изученными до наших дней.

Как известно, изучение культуры любых этнических сообщества, в том числе и башкир, не возможно без анализа проблем сопряженных с освоением и обустройством занимаемой ими территории, образованием и развитием поселенческой структуры. Башкирские населенные пункты традиционно являлись объектами исторического, этнографического и архитектурного изучения, ориентированного преимущественно на материалы второй половины XVIII–XIX вв. Несмотря на большое количество исследований и публикаций, многие вопросы связанные с развитием поселений башкир, формированием их инфраструктуры, размерами, планировкой, внешним обликом жилищ и т.д. (особенно в XVI–XVIII вв.) остаются не достаточно изученными до настоящего времени. Дискуссионным остается и время возникновения первых башкирских населенных пунктов, которое определяется разными исследователями в широком хронологическом диапазоне от XI до XVI вв.² В связи с этим, для углубления изучения вопросов генезиса и трансформации населенных пунктов у башкир, формирования их инфраструктуры, топографии, планировки и размеров (особенно на ранних этапах) необходимо привлечение новых данных, которые может дать археология.

Археологическое исследование башкирских поселений началось достаточно поздно – в 1990-х гг. и было связано преимущественно с проводившими в разных районах Республики Башкортостан археологико-экспертными и историко-археологическими обследованиями. Начиная с того момента в их изучение можно выделить два основных направления – рекогносцировочные и стационарные исследования. Первое из них было связано с проведением в республике разведочных работ отдельными археологическими отрядами, которыми были выявлены остатки сезонных стоянок – летовок (яйля), представленных земляными и каменными оградками эпохи позднего средневековья –

¹ Беляев Л.А. Археология Позднего Средневековья и Нового времени в России: заметки о самоопределении // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст: В 2-х томах. Омск; Тюмень; Екатеринбург, 2014. Том I. С. 11.

² Шаяхметов Ф.Ф. Между Великой Степью и оседлостью: процессы седентаризации башкир и распределению земледелия в XVII – XIX вв.: Монография. Уфа, 2005. С. 138.

¹ Гаскин В.В., Иванов И.А. Указ. соч. С. 122.

начала XX в. и археологизировавшиеся населенные пункты (аулы) XVII – середины XX вв.¹ Итогом работ второго направления, явилось обследование таких поселенческих памятников башкир как деревня Тэкэево (XVIII в., Салаватский район, 1994 г.), стоянок Макан-5 (XVII–XVIII вв., Хайбуллинский район, 1995 г.) и Макан 4а (XIX в., Хайбуллинский район, 1996 г.), Азнаевского поселения (XVIII–XIX вв., Ишимбайский район, 1998 г.), Ибрагимовского аула (XVIII в., Кармаскалинский район, 2006–2007 гг.), селища Шемяк-2 (XVIII в., Уфимский район, 2012–2013 гг.) и др.² В ходе проведения исследовательских работ на некоторых памятниках были зафиксированы остатки жилых сооружений типа юрт (Юмаш-Тау-6, Петропавловский 7, Ургаза-5, Ургаза-6, Азнаевское поселение и т.д.), полуzemлянок (Береговское поселение), наземных бревенчатых домов (дер. Тэкэево), отмечены кольцеобразная (Азнаевское поселение и кучевая (Береговское поселение) планировка расположения жилищ³. Кроме того здесь был получен представительный комплекс находок, состоящий из фрагментов глиняной, фарфоровой и фаянсовой посуды, металлических изделий, украшений, остеологического, нумизматического материала и т.д.

Несмотря на то, что в ходе проведенных в 1990–2000-х гг. в Башкортостане полевых археологических работ, было выявлено и изучено несколько десятков поселенческих памятников башкир, нужно отметить что данное направление археологии является не достаточно разработанным на сегодняшний день. Исследование башкирских поселений XVII–XIX вв. осложняется нахождением их большей части на территории существующих населенных пунктов, общей малой археологической изученностью региона указанного периода времени, негативным антропогенным воздействием, особенностями этнокультурного развития на отдельных территориях проживания башкир и т.д. Одной из основных трудностей их изучения является не разработанность теоретических аспектов, методов и методик самих исследований. Так, до настоящего времени не выделены основные признаки башкирских поселений как памятников археологии, методология исследований, критерии их типологизация и т.д. К примеру, известно что долгое время был связан с кочевым и полукочевым образом жизни, определившим существование у них двух основных типов поселений – постоянных зимних (кышлау), которые стали основой для появления башкирских поселений и сезонных, подразделявшихся на весенние (язги йорт), летние (яйляу) и осенние (кезге йорт) стоянки⁴. Сформировавшийся к настоящему времени корпус археологических материалов

¹ Свод археологических памятников Республики Башкортостан, выявленных в 1987–2000 годах / Авт.-сост. Н.С. Савельев. Уфа, 2004. С.15–16, 56–57, 64, 91, 147–148; Яминов А.Ф., Савельев Н.С., Псянчин А.В. Баишевский микрорайон: итоги и перспективы этноархеологических исследований в Башкирском Зауралье // Интеграция археологических и этнографических исследований: материалы V Всероссийского научного материала, посвященного 155-летию со дня рождения Н.М. Ядринцева. Омск-Уфа, 1997. С. 182–185; Акулатов И.М., Ахтарянова Д.И., Котов В.Г., Минеева И.М., Савельев Н.С. Исследования Ирендыкской экспедиции на юге Башкирского Зауралья // Археологические открытия / Институт археологии. М., 2003–2004. С. 296–302.

² Мажитов Н.А. Отчет об археологических работах в Башкортостане в 1994 г. Уфа, 1995 // Научный архив Археологической лаборатории Башкирского государственного университета. Ф. 2. Д. 48. Л. 4–5; Свод археологических памятников... С. 91, 147–148; Кортунов А.И., Воробьева С.Л. Результат этнографо-археологического исследования башкирской деревни (аула) Тукус (Тукуч, Текес, Тукусово, Тукучево). Исследования и исследователи юго-востока России (XIX–XX вв.) // Вторые региональные историко-краеведческие чтения памяти профессора П.Е. Матвиевского. 28–29 февраля 2008 г.: сб. статей. Оренбург, 2008. С. 95–98; Савельев Н.С. Изучение селища Шемяк-2 в Уфимском районе Башкортостана в 2012–2013 гг. // Известия археологического общества Республики Башкортостан. 2014. № (1). С. 8–9.

³ Свод археологических памятников... С. 55–57, 91, 123; Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье. Уфа, 2010. С. 466; Мажитов Н.А. Отчет об археологических работах... Л. 4–5.

⁴ Хисаметдинова Ф.Г. Названия башкирских населенных пунктов XVI–XIX веков. Уфа, 2005. С. 60; Шаяхметов Ф.Ф. Указ. соч. С. 152.

подтверждает деление башкирских селений на стационарные и временные поселения, однако ввиду их немногочисленности и малоизученности собранные данные не позволяют провести их дальнейшую классификацию. Между тем, у скотоводов Казахстана, у которых так же исторически развивались два основных типа селений – временные и постоянные, исследователем С.Е. Ажигали различались собственно временные (кратковременные), временные сезонные, стационарные сезонные и стационарные оседлые (круглогодичные) поселения¹. Последние в свою очередь, по мнению исследователя С.Ж. Жолдасбаева занимавшегося изучением поселений казахов Южного и Центрального Казахстана XV–XIX вв. делились на следующие типы: 1) кыстау – зимовки, 2) кыстак-зимовка – поселение или селище, 3) уактылы корган – временный замок, укрепленный глиняными или каменными стенами со рвами, 4) кент (кала) – городище².

В целом, говоря об исследовании поселений башкир XVII–XIX вв. нужно отметить, что данный вектор развития археологической науки, связанный как с общими проблемами южноуральской археологии, так и с широким кругом вопросов хозяйственного и культурного развития башкирского народа в прошлом, является актуальным на сегодняшний день. Исходя из результатов уже проведенных исследовательских работ на данном этапе предварительно можно говорить о нескольких перспективных направлениях дальнейшего археологического исследования башкирских населенных пунктов в указанный период времени. Важной задачей их последующего изучения является прежде всего разработка теоретико-методологической основы, поскольку новый слабоизученный тип археологических памятников, бытовавших в относительно недавнем времени, вызывает необходимость разработки специальных подходов к их исследованию, включая методологию, методику полевых работ, предметно-объектную область, источниковую базу и т.д. Необходимо так же продолжить разведочные работы и раскопки как на территории Республики Башкортостан, так и в районах компактного проживания башкирского населения в соседних регионах – в Челябинской, Оренбургской, Курганской, Свердловской областях и т.д. для получения сопоставительного материала.

Не менее значимой проблемой является картографирование исчезнувших (археологизировавшихся) и существующих до настоящего времени башкирских населенных пунктов, известных исследованных и неисследованных поселений башкир с целью их научной систематизации, что позволит в дальнейшем определять наиболее перспективные зоны для поиска новых и создания охранных зон для уже выявленных поселенческих памятников. Отдельным вектором их дальнейшего исследования должно стать продолжение изучения структурных элементов составляющих поселения (жилые и хозяйствственные постройки), развития их планировки, взаиморасположения населенных пунктов с кладбищами, повседневно-бытового инвентаря с привлечением дополнительно этнографических материалов, письменных и архивных источников.

Говоря об археологическом изучение поселений башкир XVII–XIX вв., нужно отметить, что проделанная в данном направлении работа является начальным этапом в изучение башкирских населенных пунктов методами археологии. Не смотря на имеющиеся проблемы, данное направление является одним из наиболее актуальных на сегодняшний день, поскольку оно тесно связано как с проблемами археологии Башкортостана XVI–XIX вв., так и с широким кругом вопросов этнокультурного развития башкир в указанное время.

© Ахатов А.Т., 2016

¹ Ажигали С.Е. Традиционная система скотоводческого поселения казахов (в историческом развитии) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Новосибирск, 2002. Т. 5. С. 143–190.

² Жолдасбаев С.Ж. Типы оседлых поселений казахов по данным археологических исследований Южного и Центрального Казахстана (XV–XIX вв.) // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1976. С. 46–58.

Баимов А.Г.
г. Уфа

К ВОПРОСУ О ПРИЕМЕ НА СЛУЖБУ ВОЕННЫХ СВЯЩЕНОСЛУЖИТЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация: В данной статье рассматривается вопрос о процедуре и принципах комплектования армии военными священнослужителями. Приводятся статистические данные по количеству военных священнослужителей и верующих военнослужащих.

Ключевые слова: институт военного духовенства, армия, религия, ислам, буддизм, православие, комплектование войск.

Annotation: This article discusses the procedure and principles of manning the army military clergy. Statistical data on the number of military clergy and the faithful in Russian army

Keywords: institute of military clergy, the army, religion, Islam, Buddhism, Christianity, recruitment of troops.

Решение о воссоздании института военного духовенства было принято 21 июля 2009 г. Президентом РФ Д.А. Медведевым после коллективного обращения лидеров традиционных религиозных объединений России. Министр Обороны РФ А.Э. Сердюков заявил, что будет создан штат войсковых священнослужителей с численностью около 250 человек, а воссоздание института военного духовенства будет проходить в 3 этапа. Изначально предполагалось, что комплектование будет завершено к концу 2010 г., однако данный процесс затянулся и еще не завершился окончательно до настоящего времени. По состоянию на февраль 2016 г., укомплектованность армии священнослужителями составляет около 60 %, и завершение данного процесса планируется на 2017 г.¹

Дело в том, что проблемы, которые возникли при воссоздании института военного духовенства требовали определенных временных затрат для их решения. Во-первых, проблемы в области законодательства РФ, возникла необходимость поиска юридических лазеек, чтобы деятельность войсковых священнослужителей не противоречила светскому характеру государства, прописанного в Конституции. Во-вторых, обеспокоенность общества о возможных негативных последствиях, связанных с появлением в армии священнослужителей, поэтому первые годы деятельности института военного духовенства можно назвать накоплением опыта и работой над ошибками. В-третьих, сам процесс отбора кандидатов на должность помощника командира по работе с верующими военнослужащими (военных священнослужителей) состоит из нескольких этапов, и в среднем длится около года.

Должность военного священнослужителя называется помощник командира (начальника) по работе с верующими военнослужащими (РВВ). Они числятся в штате военной части, подчиняются ее командиру (начальнику), и получают зарплату (оклад - 12600 руб. + 100% надбавка + надбавка за допуск к сведениям, составляющим гос. тайну + надбавка за стаж). Структура органов по РВВ в системе работы с личным составом ВС РФ состоит из стратегического (на уровне высшего командования), оперативного (на уровне военных округов, видов и родов войск) и тактического (на уровне военной части/организации) звена.

Процесс отбора кандидатов на должность помощника командира по РВВ трудоемкий и длительный, и осуществляется поэтапно:

I. командир воинской части отбирает кандидата из числа священнослужителей и отправляет запрос руководителю местной религиозной организации, к которой

¹ Здесь и далее были использованы данные, полученные от Боровского Владимира Вячеславовича (консультант ГУ по работе с верующими военнослужащими МО) в ходе методического семинара «Организация работы с верующими военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации: состояние и перспективы» 17 февраля 2016 г. в г. Уфа.

принадлежит священнослужитель. Руководитель местной религиозной организации (после одобрения кандидата) предоставляет необходимую документацию командиру воинской части;

II. командир (руководитель) воинской части (организации) предоставляет заверенные документы¹ на кандидата в Главное Управление по работе с личным составом (ГУРЛС) ВС РФ. ГУРЛС ВС РФ организует работу по изучению документов на представленных кандидатов и согласовывает кандидатов с руководством соответствующего религиозного объединения. После согласования направляет предложения с пояснительными материалами в Главное управление кадров (ГУК) МО РФ;

III. ГУК МО РФ изучает представленного кандидата на предмет соответствия требованиям установленных для замещения должности помощника командира (начальника) по работе с верующими военнослужащими и готовит проекты решений МО РФ, согласовывает их с Статс-секретарем – заместителем Министра обороны РФ;

IV. При положительном решении МО РФ направляет сопроводительное письмо командиру (руководству) воинской части (организации) в ГУРЛС ВС РФ. Командир (руководитель) воинской части (организации) осуществляет прием кандидата на работу и предоставляет выписки из приказа о приеме на работу в ГУК МО РФ.

В настоящее время созданы структурные подразделения в МО РФ и штат должностных лиц по работе с верующими военнослужащими. Всего было выделено 277 должностей, из которых 10 – светский персонал, 267 – священнослужители. Светский персонал занимает руководящие должности на стратегическом и оперативном уровне управления, священнослужители осуществляют свою деятельность в оперативном и тактическом звене. Так, например, в Управлении по работе с верующими военнослужащими отведено 5 должностей, из них: 1 – начальник управления, 1 – советник, 2 – консультанта, 1 – главный аналитик. Также руководящие должности в отделениях по работе с верующими военнослужащими в военных округах, родах и видах войск замещают гражданские служащие не имеющие духовного сана (5 человек), каждый из них имеет по 2-3 помощника из числа священнослужителей из разных религиозных объединений (14 человек). На тактическом уровне штат помощников командира по РВВ целиком состоит из священнослужителей (253 человека).

Как уже отмечалось ранее, к началу 2016 года процент укомплектованности органов по работе с верующими военнослужащими священнослужителями составлял 59,9 %. В настоящее время руководящий состав из гражданских лиц, не имеющих духовного сана – полностью определен. Из 267 должностей священнослужителями укомплектован 160, из них: 157 – православные священники, 2 – имама, 1 – буддийский священнослужитель.

Согласно «Положению по работе с верующими военнослужащими» от 26 января 2010 года, назначение представителя духовенства в военных подразделениях и

¹ Согласно пункту 8 методических рекомендаций «Об организации кадрового обеспечения и трудовых отношений с работниками органов военного управления, воинских частей и организаций Вооруженных Сил Российской Федерации» от 13 февраля 2014 г. №173/ТК/243, на граждан, отобранных в качестве кандидатов, орган военного управления (руководитель структурного подразделения воинской части), в чьих интересах отобраны кандидаты, направляет ходатайство, к которому прилагает следующие документы кандидатов:

- 1) Копию паспорта;
- 2) Копию трудовой книжки (За исключением случаев, когда трудовая деятельность осуществляется впервые);
- 3) Анкету с фотографией (личный листок по учету кадров военного духовенства);
- 4) Копии документов о профессиональном образовании, переподготовке, повышении квалификации (дипломы, свидетельства, удостоверения, сертификаты специалиста и др.);
- 5) Копии документов воинского учета;
- 6) Справку об отсутствии медицинских противопоказаний для работы с использованием сведений, составляющих государственную тайну.

учреждениях осуществляется «исходя из пропорционального соотношения верующих военнослужащих»¹. Принято решение, что в воинской части должны быть назначены представители тех религий, где количество верующих набирается не менее 10 % соответственно от общего числа личного состава. Если рассмотрим конфессиональную ситуацию в армии, то увидим следующую картину: 68,5 % верующих военнослужащих относят себя к православным христианам, 8,5 % – мусульманам, 1,1 % – буддистам, 0,01 – иудаистам, 21,9 % не отнесли себя ни к одной вере. Необходимо обратить внимание на то, что даже 1,1 % – это огромный показатель для российской армии, с численностью почти 1 млн. человек. То есть, в Российской армии обязательно должны присутствовать духовенство хотя бы православного, мусульманского и буддистского вероучений, что в принципе, соответствует действительности (пусть даже количество последних двух до сих пор остается ближе к отметке «самый минимальный»).

Дело в том, что в России практикуется территориальный принцип комплектования войск. Это означает, что призывники направляются на прохождение военной службы в пределах военного округа, к которым относится военный комиссариат, откуда он был призван. Таким образом, представители ислама преимущественно проходят службу в Центральном и Южном военных округах, а представители буддизма – в Восточном военном округе, что соответствует территории проживания этнических мусульман и последователей буддизма. В указанных военных округах военные имамы и лама числятся на должности помощника начальника отделения военного округа по работе с верующими военнослужащими.

Таким образом, Российская армия неоднородна по своей этнической и конфессиональной структуре. К тому же, в силу специфики выполняемых задач, Вооруженные силы и Правоохранительные органы Российской Федерации, привлекают особое внимание различных экстремистских и террористических организаций, которые зачастую имеют и религиозный подтекст в своих действиях. Поэтому очень важно проследить за тем, чтобы не допустить к удовлетворению религиозных нужд военнослужащих духовных лиц, которые своим действием или бездействием могут способствовать проникновению в воинские коллективы различных экстремистских идей. По этим и многим другим причинам (в том числе и допуск к сведениям, составляющим государственную тайну) процедура отбора кандидатов на должность помощника командира по работе с верующими военнослужащими довольно сложная, и занимает продолжительное время, после чего отобранные претенденты проходят многоуровневую подготовку для работы с военнослужащими.

© Баймов А.Г., 2016

¹ Положение по организации работы с верующими военнослужащими Вооруженных Сил Российской Федерации [электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства Обороны РФ. URL: http://stat.doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=10339831@egNPA (дата последнего обращения 5.12.2014)

УДК 908

Барышников А.В.
г. Ижевск

ПОВСЕДНЕВНАЯ ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ РУССКИХ КРЕСТЬЯН ГЛАЗОВСКОГО УЕЗДА

Аннотация: В статье, автор рассматривает степень влияния природно-географического фактора на социально-экономическое развитие крестьянства в пореформенный период, на примере повседневной хозяйственной жизни двух русских волостей Глазовского уезда Вятской губернии. Самодостаточность крестьянского хозяйства обеспечивалась большими размерами наделов и качеством почв, тогда как малые земельные наделы толкали крестьян на развитие внеземледельческих занятий.

Ключевые слова: история повседневности, пореформенный период, крестьянство, социально-экономическое развитие.

Annotation: In the paper, the author considers the degree of influence of the natural and geographical factors on the socio-economic development of the peasantry in the post-reform period. Two parish of Glazov county of Vyatka province considered as an example. Self-sufficiency of the peasant economy was provided by the large size of plots and soil quality, whereas small parcels of land to the peasants caused the development of non-agricultural activities.

Key word: Alltagsgeschichte (everyday history), post-reform period, peasantry, socio-economic development.

Картину повседневной хозяйственной жизни крестьян Глазовского уезда Вятской губернии можно проследить анализируя материалы статистики, собранной Вятским губернским земством. Выбор пореформенного периода обусловлен тем, что именно в это время Россия вступила на путь модернизации, что ускорило темпы крестьянской жизни, внесло изменения в облик аграрной страны.

Население Глазовского уезда составляли преимущественно русские и удмуртские государственные и горнозаводские крестьяне. В региональной историографии исследования удмуртского крестьянства представлены работами М.М. Мартыновой, М.А. Садакова, Н.П. Лигенко, Л.А. Волковой¹, которые, рассматривая разные стороны деревенского быта, дали объёмную картину именно удмуртского крестьянства. Русское крестьянство данного уезда практически не исследовано. Повседневная история русской деревни отражена в монографиях В.Б. Безгина и О.А. Суховой², с опорой на которые написана данная работа. В ней мы попытаемся на примере двух волостей Глазовского уезда, выявить общее и различное в социально-экономическом развитии разных категорий русского крестьянства.

По Удмуртии в целом, крестьянское хозяйство носило комплексный характер и включало в себя земледелие, животноводство и промыслы. Однако, природно-климатические условия оказывали своё влияние. Для сравнительного анализа, нами были выбраны Омутнинская и Люмская волости. В каждой из них находились заводы (Омутнинский и Пудемский, соответственно), но принадлежность к разным природно-климатическим зонам обусловила различия в социально-экономическом развитии волостей.

¹ Мартынова М.М. Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX века // Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX вв. Ижевск, 1981; Садаков М.А. Аграрные отношения на территории Удмуртии в период империализма (конец XIX в. – до октября 1917 г.) // Вопросы истории Удмуртии. Вып. второй. Ижевск, 1974; Лигенко Н.П. Вопросы историко-географического развития крестьянской промышленности Удмуртии во второй половине XIX века // Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX вв. Ижевск, 1981; Волкова Л.А. Земледельческая культура удмуртов (вторая половина XIX – начало XX вв.). Ижевск, 2003.

² Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века). М.-Тамбов, 2004; Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания. М., 2008.

Омутнинская волость относилась к Северной природно-климатической зоне, отличавшейся большой лесистостью местности, отсутствием дорог и почвами неблагоприятными для земледелия. Отсутствие дорог послужило причиной низкого развития транспорта – у крестьян не было даже телег, что затрудняло хозяйственную деятельность и не способствовало коммуникации как с внешним миром, так и внутри самой волости. В то же время, область была богата железными рудами (сферосидерит и бурый железняк), что послужило причиной открытия здесь горных заводов¹. В состав волости входили Омутнинский завод и несколько починков. На 758 дворов приходилось 3362 человек, из них 8 удмуртов, и 3354 русских². Общинная земля составляла 562,7 дес., из которых только 14,2 дес. были неудобными для сельского хозяйства³. Заводу принадлежало 530,3 дес. удобной земли, которая находилась в общем владении, из них 506,6 дес. было отведено под сенокосы и 23,7 дес. составляла усадебная земля, при полном отсутствии пашни, выгона и лесного надела. Среднее количество земли на двор составляло 0,7 дес. при среднем показателе по уезду в 22,7 дес. Во всей Омутнинской волости пашенная земля была лишь в одном дворе починка Макаровского и равнялась 18,7 дес. В 90-е гг. XIX в. население завода начало распахивать свои сенокосы под пашню, однако залегавшие на этих территориях глинисто-лудистые почвы не благоприятствовали земледелию⁴. Усадебная земля обрабатывалась тщательно и удобрялась интенсивно. Выращивали, как правило, капусту, лук, редьку, свеклу, морковь, картофель, календулу, огурцы, а также разводили хмель. Однако высокой урожайности не было, в силу неблагоприятного климата. Сенокосы и выгоны находились в руках заводовладельца. Стоит отметить, что выгоны данной волости были едва ли не единственными, где корма для скота было достаточно⁵. Однако воспользоваться этими благами могли далеко не все крестьяне. Так 125 дворов (16 %) не имели скота вообще, количество безлошадных дворов составляло 417 (55 %), а бескоровных 157 (20 %)⁶. Учитывая эту разницу в экономическом состоянии, закономерна постановка вопроса о степени имущественной дифференциации крестьян. Для анализа этого процесса в данной волости, нужно обратиться к арендным отношениям и отношениям найма. В северной части уезда аренда, в целом, была распространена в большей степени, чем в центральной и южной. Обусловлено это было наличием частновладельческих дач, представлявших для крестьян своеобразный арендный фонд⁷. Преобладающими были вненадельные арендные отношения – площадь арендаемых сенокосов превышала площадь пашни. Однако в Омутнинской волости лишь один двор снимал 8,3 дес. под сенокос⁸. К найму прибегли всего 2 двора, взявшие работников на годовой срок. Отсутствие пахотной земли нивелировало необходимость в лишних рабочих руках. В отсутствии земледельческой занятости, крестьяне посвящали себя внеземледельческим работам. Из 758 дворов, 741 (98 %) были вовлечены в промысловую деятельность⁹. Преобладающим местным промыслом было прядение, им занималось 179 дворов, а непосредственно связанная с работой завода добыча руды охватила 141 двор и 161 человека¹⁰. Отхожий промысел был не популярен,

преобладающим видом была работа лоцманом, которой занимались 2 человека из двух дворов¹¹.

Принадлежность подавляющей части населения волости к железноделательному заводу определила их быт и ежедневные занятия. Несмотря на то, что преобладающим крестьянским занятием в Глазовском уезде было земледелие¹², русские крестьяне Омутнинской волости являлись скорее промысловиками, нежели пахарями.

Люмская волость располагалась на берегу р. Чепцы и относилась к Центрально-Восточной климатической зоне, которая отличалась более благоприятным климатом, в сравнении с северной частью уезда. Наличие крупной водной артерии способствовало развитию коммуникации. Население составляли государственные и горнозаводские русские крестьяне. Так же, как и в Омутнинской волости, часть территории (319 дворов) принадлежала заводу, однако крестьян, не прикрепленных к нему, было значительно больше (724 двора)¹³. Общинная земля составляла 28447,5 дес., а средний показатель на двор равнялся 26,2 дес., что выше показателей как по уезду (22,7 дес.), так и по Удмуртии (17,37 дес.) в целом¹⁴. Однако здесь стоит учитывать, что разброс в наделах был значительным – от 5 дес. до 58,7 дес. на один двор. Так, по территории Пудемского завода средний показатель был равен 6,5 дес. на двор. На землях волости, не принадлежавших заводу почти половина пашни (46 %) находилась в руках зажиточных крестьян, тогда как доля безземельных равнялась лишь 5 %¹⁵. При этом среднее крестьянство с наделами от 10 до 25 десятин земли составляло 26 %. Из этого следует, что в более благоприятных климатических условиях, на почвах, пригодных для земледелия, расслоение крестьянства шло гораздо интенсивнее, нежели в северной части Глазовского уезда. Арендные отношения внутри крестьянства в Люмской волости были распространены шире, чем в Омутнинской. Сдача земли как крестьянам-однообщинникам, так и крестьянам чужих общин более всего распространялась на поля под яровые, на 1 год было сдано 129 дес. надельной земли¹⁶. Снятие земли в своей общине также преобладало именно в секторе полей под яровые – сроком на 1 год было снято 72,5 дес. Однако в чужих общинах снимали в основном сенокосы – 288,6 дес¹⁷. В области аренды сенокосов, достаточно четко четко в этот период начинают проявляться капиталистические отношения, что выразилось в формировании прослойки посредников между сдатчиками-владельцами и арендаторами-крестьянами. Такие посредники испольно брали сенокос по Чепце размером 8 дес. с приплатой от себя 5 руб. и передавали 3 дес. одному крестьянину, обязывая его заплатить 4 руб. 50 коп. деньгами и еще отдать половину скошенного сена, в то же время, передавая 1,2 дес. другому крестьянину, с требованием платы в 2 руб. 50 коп¹⁸. Готовность вложить собственные средства для получения прибыли в дальнейшем, свидетельствует об изменении крестьянской психологии. Обеспеченность скотом была выше, чем в Омутнинской волости – дворы без скота составляли 9,6 %, количество безлошадных и бескоровных было ниже – 29 % и 19,6 % соответственно¹⁹. При этом, стоит учесть, что значительным было число дворов с тремя, четырьмя лошадьми, не говоря уже о наличии дворов с шестью и более лошадьми. Параллельно с развитием аграрного сектора широкое

¹ Материалы по статистике Вятской губернии. Т. VIII. Глазовский уезд. Часть I. Материалы для оценки земельных угодий. 1893 г. С. 7.

² Там же. Т. VIII. Глазовский уезд. Часть II. Подворная опись. 1892. С. 274.

³ Там же. С. 278–279.

⁴ Материалы по статистике Вятской губернии. Т. VIII. Глазовский уезд. Часть I... Приложения. Состав и характеристика пахотных районов. С. 24.

⁵ Там же.

⁶ Материалы по статистике Вятской губернии Т. VIII. Глазовский уезд. Часть II... С. 278.

⁷ Материалы по статистике Вятской губернии. Т. VIII. Глазовский уезд. Часть I... Приложения. Состав и характеристика пахотных районов. С. 145.

⁸ Материалы по статистике Вятской губернии Т. VIII. Глазовский уезд. Часть II... С. 280.

⁹ Там же. С. 276–277.

¹⁰ Материалы по статистике Вятской губернии Т. VIII. Глазовский уезд. Часть II... С. 276–277.

¹¹ Материалы по статистике Вятской губернии Т. VIII. Глазовский уезд. Часть II... С. 276–277.

¹² Материалы по статистике Вятской губернии. Т. VIII. Глазовский уезд. Часть I. Материалы для оценки земельных угодий. 1893 г. Приложения. Состав и характеристика пахотных районов. С. 43.

¹³ Материалы по статистике Вятской губернии Т. VIII. Глазовский уезд. Часть II... С. 298–299.

¹⁴ История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск. 2004. С. 279.

¹⁵ Материалы по статистике Вятской губернии Т. VIII. Глазовский уезд. Часть II... С. 302.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 303–304.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Материалы по статистике Вятской губернии. Т. VIII. Глазовский уезд. Часть I. Материалы... С. 163.

¹⁰ Материалы по статистике Вятской губернии Т. VIII. Глазовский уезд. Часть II... 302.

распространение получили и промыслы, которыми занимались в 664 дворах (92 %)¹. Преобладающим местным промыслом была работа поденщиком – 113 дворов, а отхожим – извоз, которым занимались 322 двора, уходя, в основном, в Слободской уезд². Эти данные по промыслам также указывают на обеспеченность скотом, в частности лошадьми, значительной части крестьян волости.

Несмотря на определённое сходство двух рассмотренных волостей, в частности наличие на их территориях горных заводов, различия в повседневной жизни крестьян очевидны. Суровый климат и неблагоприятный состав почв в Омутнинской волости обусловили, с одной стороны, практически полное отсутствие земледельческих работ в хозяйстве крестьян, а с другой, предопределили широкое втягивание в промысловую деятельность. В то же время, экономическая зависимость крестьян от завода нивелировала расслоение в их среде, выровняла положение. В Люмской волости, наличие горного завода не сыграло определяющей роли в жизни крестьян. Естественная для деревенского жителя тяга к земле, а также более благоприятные природно-климатические условия стали причиной более сбалансированного и комплексного развития сельского хозяйства, при котором не наблюдалось дисбаланса между земледельческими и внеземледельческими занятиями крестьян. При более развитом сельском хозяйстве чётче обозначились процессы расслоения, а также вызревание сугубо капиталистических элементов в экономической жизни русского крестьянства.

© Барышников А.В., 2016

УДК 316

Батыршина Э.Н.
г. Уфа

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: КРАТКИЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Аннотация: В данной статье рассматривается вопрос касающийся феномена «религиозная идентичность». Проанализированы проблемы связанные с исследованиями в этой области.

Ключевые слова: конфессиональная идентичность, религиозное многообразие, новые религиозные движения, церковь саентологии, кришнаиты.

Annotation: This article discusses the question regarding the phenomenon of "religious identity". The problems associated with research in this area.

Keywords: confessional identity, religious diversity, new religious movements, the Church of Scientology, Hare Krishna.

Феномен «религиозная идентичность» и различные аспекты этого вопроса являются актуальными и активно рассматриваются как зарубежными исследователями, так и отечественными учёными. Однако сам термин так и не получил чёткого определения. Сегодня изучение проводится в основном посредством отдельного рассмотрения понятий «религиозность» и «идентичность».

В вопросах религиозной идентичности имеется значительное количество трудов как отечественных, так и зарубежных авторов. Рассматриваются факторы и процессы формирования религиозной идентичности с разнообразных методологических подходов, что опять же свидетельствует о недостаточной ясности самого понятия религиозной идентичности, об отсутствии устойчивой теоретической модели для данного понятия и согласия между исследователями в вопросе его понимания.

В 2012 г. была опубликована монография «Религиозная идентичность» (3-е изд. 2014) доктора философии, директора Берлинского Вест-Ост института А.Н. Крылова¹. Автор претендует на комплексный анализ религиозной идентичности. «Религиозная идентичность — форма коллективного и индивидуального самосознания, построенная на осознании принадлежности к определенной религии и формирующая представления о себе и мире посредством соответствующих религиозных догм²» — такое определение даёт А.Н. Крылов в своей работе.

Зарубежные исследователи чаще рассматривают отдельные аспекты религиозной идентичности, анализируя ее роль и место в системе личностной идентичности (E. Nesbitt³, G.A. Valde⁴, C.J. Boyatzis⁵, C.H. Caldwell⁶, F.K. Willits⁷, P.E. King⁸ и др.). Для европейских и американских исследователей особой актуальностью пользуются вопросы этнорелигиозных взаимодействий и конфликтов возникающих на этой почве, религиозные аспекты ассимиляции культур и адаптации иммигрантов, формирование этнических и религиозных замкнутых сообществ.

¹ Крылов А.Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. 3-е изд, доп. и перераб. М., 2014.

² Там же.

³ Nesbitt E. Religion and identity: The Valmiki community in Coventry.

⁴ Valde G. A. Identity closure: A fifth identity status.

⁵ Boyatzis C. J. The Complexity of Quest in Emerging Adults' Religiosity, Well-Being, and Identity.

⁶ Caldwell, C.H., Sellers, R.M., Bernat, D.H., & Zimmerman, M.A. Racial identity, parental support, and alcohol use in a sample of academically at-risk African American high school students.

⁷ Willits, F.K., Crider, D.M. Church Attendance and Traditional Religious Beliefs in Adolescence and Young Adulthood: A Panel Study. Review of Religious Research.

⁸ King, P.E. Religion and identity: The role of ideological, social, and spiritual contexts. Applied Developmental Science.

¹ Материалы по статистике Вятской губернии Т. VIII. Глазовский уезд. Часть II... С. 300–301.

² Там же.

Состоянию традиционных и нетрадиционных религий посвящены работы зарубежного автора А. Баркер¹.

Российские исследователи обращаются к проблеме идентичности в 1990-е годы, стремясь осмысливать кризисные явления в сфере индивидуальной и коллективной идентичности, которые переживает российское общество под влиянием социальных трансформаций. Общим вопросам теории идентичности и рассмотрению конкретных ее аспектов посвящены работы А.А. Пелипенко², К.С. Гаджиева³, А.Б. Гофмана⁴, П.С. Гуревича⁵, И.В. Кондакова⁶, О.Ю. Малиновой⁷, К.Б. Соколова, Н.А. Хренова⁸ и др. Собственную теоретическую модель анализа идентичности предложил Б.В. Дубин в статье «Векторы и уровни коллективной идентификации в сегодняшней России»⁹.

Теме религиозной идентичности уделил значительное внимание известный российский исследователь религии М.П. Мчедлов¹⁰, который в нескольких работах рассматривал исторические предпосылки формирования религиозной идентичности, условия ее воспроизведения из поколения в поколение и ее связь с другими социальными процессами.

Среди отечественных исследований современной религиозности необходимо отметить результаты теоретических и эмпирических изысканий, которые отражены в работах Е.И. Аринина¹¹, Л.С. Астаховой¹², Е.Г. Балагушкина¹³, В.И. Гараджи¹⁴, М.А.

¹ Баркер А. Научное изучение религии? Вы, должно быть, шутите! // Религиоведение. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2003. № 4. С. 93–113.

² Пелипенко А.А. Идентичность: смыслогенетические основания [Электронный ресурс] // <http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2010/08.pdf>. (дата обращения 9.08.2016)

³ Гаджиев К.С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 3–16.

⁴ Гофман А.Б. В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность. <http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2010/12.pdf>.

⁵ Гуревич П.С. Проблема идентичности человека в философской антропологии. [Электронный ресурс] // <http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2010/04.pdf> (дата обращения 10.08.2016)

⁶ Кондаков И.В. Цивилизационная идентичность России. [Электронный ресурс] // <http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/vst/2010/14.pdf>. (дата обращения 10.08.2016)

⁷ Малинова О.Ю. Идентичность как категория практики и научного анализа. http://www.civisbook.ru/files/File/Malinova_ident.pdf

⁸ Хренова Н.А., Кондакова И.В., Соколова К.Б. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. http://www.rfbr.ru/rffi/ru/project_search/o_345701

⁹ http://ecsocman.hse.ru/data/2010/04/1210849950/vom_2009.2_x28100x29_55-65.pdf.

¹⁰ Мчедлов М.П. Религиозная идентичность. О новых проблемах в межцивилизационных контактах [Электронный ресурс] // Социологические исследования. http://www.religare.ru/2_34079.html (дата обращения 10.08.2016); Общие вопросы религиозной идентичности. К постановке проблемы, условия ее объективного анализа // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) М., 2008. С. 13–33. http://www.isras.ru/files/File/Publication/Monografii/Glava_1.pdf.

¹¹ Аринин Е.И. Религиозная антропология в контексте проблем. [Электронный ресурс] // <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/110187942>. (дата обращения 10.08.2016)

¹² Астахова Л.С. Религиозная идентичность как факт самоопределения в ситуации новой рациональности афте постмодерного общества // Религиозная идентичность как важный фактор формирования национального самосознания. Казань, 2011. С. 107–136.

¹³ Балагушкин Е.Г. Нетрадиционные религии в современной России. Ч. 1. М., 1999.

¹⁴ Гараджа В.И. Проблема идентичности и потенциал толерантности в развивающейся России // Теория и практика образовательной политики в условиях модернизации полигэтнического общества: в 2 ч. Ч. 2. М., 2006.

Жеребятьева¹, А.П. Забияко², И.Я. Кантерова³, И.Г. Каргиной⁴, Р.Н. Лункина⁵, Л.Н. Митрохина⁶, Н.А. Митрохина⁷, М.П. Мчедлова⁸, М.М. Мчедловой⁹, С.В. Рязановой¹⁰, Ю.Ю. Синелиной¹¹, М.Ю. Смирнова¹², Е.А. Степановой¹³, Д.А. Узланера¹⁴, С.Б. Филатова¹⁵, И.Н. Яблокова¹⁶ и др.

Вопросы конфессиональной идентичности на Южном Урале рассматриваются в работах А.Б. Юнусовой¹⁷, Р.М. Мухаметзяновой-Дуггал, А.Н. Кляшева¹⁸.

При постоянном научном внимании к теме религиозной идентичности, следует признать, что в отечественном религиоведении отсутствует детально разработанная теоретическая модель, способная стать исследовательским инструментом для типологического анализа, систематизации и целостного осмысления религиозности современного российского общества.

© Батыршина Э.Н., 2016

¹ Жеребятьев М., Феррони В.С. Феномен новых религиозных движений // Пределы светскости. М., 2003. С. 240–250.

² Забияко А. П. Религиозная идентичность/А. П. Забияко// Религиоведение: энцикл. словарь. М., 2006. С. 863–864.

³ Кантеров И. Я. «Новое религиозное движение в России и США: сравнительный анализ» // Религиоведение. № 1 (2001). С. 61–72.

⁴ Каргина И. Г. Религия как фактор адаптации иммигрантов: особенности американского случая. Полис. Политические исследования. 2014. № 2. С. 164–174.

⁵ Лункин Р. Н. Протестантизм и глобализация на просторах Евразии // Религия и глобализация на просторах Евразии. М., 2005. С. 90–125.

⁶ Митрохин Л. Н. Этот «странный мир Харе Кришна» // Наука и религия. 1983. № 2. С. 59–63.

⁷ Митрохин Н. А. Кровь или Библия. Этнонационализм и религиозные организации: опыт СНГ // Неприкосновенный запас. М. 2001. № 3. С. 85–101.

⁸ Мчедлов М. П. Религиозная идентичность. О новых проблемах в межцивилизационных контактах [Электронный ресурс] // Социологические исследования. http://www.religare.ru/2_34079.html (дата обращения 10.08.2016); Общие вопросы религиозной идентичности. К постановке проблемы, условия ее объективного анализа // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах). М., 2008. С. 13–33.

⁹ Мчедлова М.М., Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г., Кофанова Е.Н. Роль религиозного фактора в социальной адаптации в России // Россия реформирующаяся: Ежегодник [сборник научных статей]. М., 2016. Вып. 14. С. 468–495.

¹⁰ Рязанова С.В. О месте «новых религий» в конфессиональной картине мира. // Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса «Философия и будущее цивилизации». М., 2005

¹¹ Синелина Ю.Ю. Динамика религиозности россиян (1989–2004) // Восточно-европейский журнал. 2005. № 2.

¹² Смирнов М.Ю. Религиозная идентичность последователей саентологии в Санкт-Петербурге // Вестник Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 2. Философия. № 1. С. 89–102

¹³ Стапанова Е.А. Фундаментализм и мания идентичности // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2008. Вып. 8. С. 94–116.

¹⁴ Узланер Д. А. Трансформации светскости // Русский Журнал. 25 декабря 2008.

¹⁵ Филатов С.Б., Фурман Д.Е. Религия и политика в массовом сознании // Социологические исследования. 1992. № 7. С. 3–12.

¹⁶ Яблоков И.Н. Основы религиоведения. [Электронный ресурс] // http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Jablock_Index.php. (дата обращения 9.08.2016)

¹⁷ Юнусова А. Б. Ислам в Башкортостане. М., 2007.

¹⁸ Кляшев А. Н., Мухаметзянова-Дуггал Р. М. Религиозные меньшинства России: теоретико-правовой и социальный аспекты // Вестник Башкирского университета № 3. Том 15. 2010

Бахшиев И.И.,
Григорьев Н.Н.
г. Уфа

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ XVIII–XIX ВВ. ЗАУФИМЬЯ

Аннотация: Статья посвящена общей характеристики участков культурного слоя населенных пунктов XVIII–XIX вв. «Куяново-1» и «Нагаево-1» в Иглинском районе и г. Уфа Республики Башкортостан.

Ключевые слова: Уфа, Археология Нового времени, культурный слой.

Annotation: The article is devoted to the general characteristic of the sections of cultural layers of the settlements of XVIII–XIX centuries "Kuyanovo-1" and "Nagaevovo-1" in Ufa and Iglinsky districts of Bashkortostan.

Key words: Ufa, Modern archeology studies, historical layer.

Начиная с эпохи раннего железа обширная Бельско-Уфимская пойма и Прибельская равнина активно осваиваются разнокультурными группами населения. Проведенные здесь в последние годы разведочные работы позволили расширить банк данных и скорректировать представления об историко-культурном потенциале территории. В то же время из всего массива памятников, археологические объекты Нового времени оказались наименее изученными. Указанная диспропорция объясняется, с одной стороны, влиянием природных и антропогенных факторов, с другой, обусловлена недостаточной археологической изученностью памятников Нового времени в регионе. Особенно перспективным являются изучение памятников археологии XVI–XIX вв. на территории городских агломераций¹.

К такого рода объектам и относятся выявленные в 2015 г. участки культурного слоя «Куяново-1» и «Нагаево-1».

1. При обследовании террас среднего течения р. Холодный Ключ в районе коттеджного поселка д. Куяново (Иглинский район) обнаружено поселение этнографического времени. При осмотре антропогенных и естественных береговых обнажений реки найдены фрагменты гончарной неполивной керамики характерной для русского ремесленного производства (рис. 1). Границы памятника определены по визуально фиксируемым признакам руинизированных построек.

ОАН «Куяново-1, культурный слой».

Республика Башкортостан, Иглинский район, д. Куяново

Месторасположение объекта археологического наследия: располагается в 770 м к СЗ (азимут 312°) от электрической подстанции «Акбердино» и в 800 м к СЗ (азимут 341°) от коттеджного поселка д. Куяново (рис. 1A).

Описание объекта археологического наследия: памятник занимает мысовидную площадку первой надпойменной террасы левого берега р. Холодный Ключ, у пашни. Представляет собой руинизированное и практически снивелированное с дневной поверхностью поселение сельскохозяйственного типа. Территория памятника слабо задернована. Вероятно, часть площадки деревни до недавнего времени использовалась в качестве загона для скота. На территории памятника обнаружен археологический материал, представленный неполивной гончарной керамикой, произведенной не позднее XIX в. (рис. 1Б).

Факторы разрушения: береговая абразия, антропогенная нагрузка.

Общее состояние объекта археологического наследия: неудовлетворительное

Площадь памятника составляет ок. 8135 кв.м.

¹ Иванов В.А. Задачи и перспективы «Археологии нового времени» на Южном Урале // Археологические памятники Оренбургья. Вып. 2. Оренбург: Димур, 1998. С. 156–158; Ахатов А.Т., Камалеев Э.В. Изучение поселенческих памятников XVI–XIX вв. на территории Республики Башкортостан: проблемы и перспективы развития Археологии Нового времени в регионе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 4–1(60). С. 17–21; Ахатов А.Т., Бахшиев И.И., Камалеев Э.В., Колонских А.Г., Тузбеков А.И. Археология Нового времени и проблемы изучения городского культурного слоя Уфы (материалы исследований ИЭИ УНЦ РАН 2012–2013 годов) // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. №6(361). С. 45–56.

Категория государственной охраны: выявленный.

2. При обследовании северо-восточной окраины с. Нагаево и оврага Арка, на мысу выдающемся в пруд зафиксированы признаки постройки этнографического времени. В непосредственной близости от нее заложены рекогносцировочные зондажи.

Рекогносцировочный шурф № 8. Заложен на ровной задернованной мысовидной площадке, в 500 м к северо-востоку от самого села и в 30 м от ВЛ. Шурф ориентирован по сторонам света, размерами 1x1 м и глубиной 0,55–0,6 м. При снятии первого условного горизонта обнаружен археологический материал, встречающийся вплоть до третьего горизонта.

Стратиграфия:

- дернина (0,05–0,15 м);
- среднекомковатый гумусовый слой черного цвета с незначительным включением мелкого камня (0,35–0,3 м);
- предматериковый грунт (гумусированный в верхней части слой суглинка светло-коричневого цвета)

- материковый грунт (плотный, мелкозернистый суглинок светло-коричневого цвета).

Обнаруженный археологический материал представлен русской керамикой местного гончарного производства. Отдельные фрагменты керамики имеют признаки скульптурной лепки, что говорит об архаичных технологиях, применяемых в этом производстве.

Стратиграфический разрез №1. Заложен в 40 м к северо-западу от шурфа №8 и в 50 м от ВЛ. Общая глубина 0,65 м.

Стратиграфия:

- дернина с обильным включением древесного тлена (0,05 м);
- среднекомковатая гумусовая прослойка темного цвета, премешанная с древесным тленом (0,1 м);
- гумусовый слой черного цвета с незначительным включением мелкого камня (0,35–0,4 м);
- предматериковый грунт (гумусированный в верхней части слой суглинка светло-коричневого цвета)

- материковый грунт (плотный, мелкозернистый суглинок светло-коричневого цвета).

При производстве стратиграфического разреза обнаружены многочисленные фрагменты керамики этнографического времени аналогичные находкам из шурфа.

ОАН «Нагаево-1, культурный слой».

Республика Башкортостан, ГО город Уфа, с. Нагаево

Месторасположение объекта археологического наследия: располагается в 925 м к северо-западу (азимут 37°) от кладбища с. Нагаево, на берегу пруда, у дамбы (рис. 2A).

Описание объекта археологического наследия: памятник занимает мысовидную площадку восточного берега пруда. Объект представлен руинизированной постройкой, хорошо фиксируемой на местности в виде всхолмления. При закладке поисковых зондажей у восточной и западной частей сооружения обнаружен многочисленный археологический материал, представленный фрагментами гончарных сосудов. Среди выявленного материала имеются фрагменты, орнаментированные параллельными горизонтальными линиями (рис. 2Б). Культурный слой сформировался не позднее XIX в.

Факторы разрушения: береговая абразия, антропогенная нагрузка.

Общее состояние объекта археологического наследия: неудовлетворительное

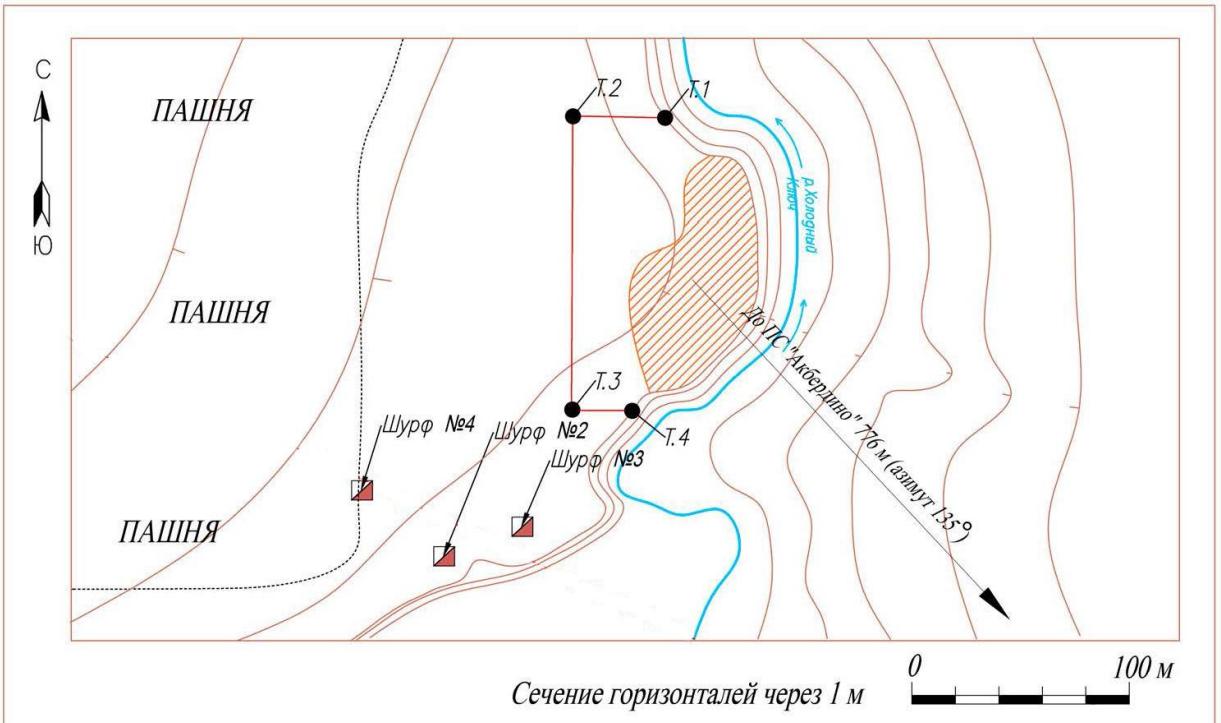
Площадь памятника составляет ок. 3520 кв.м.

Категория государственной охраны: выявленный.

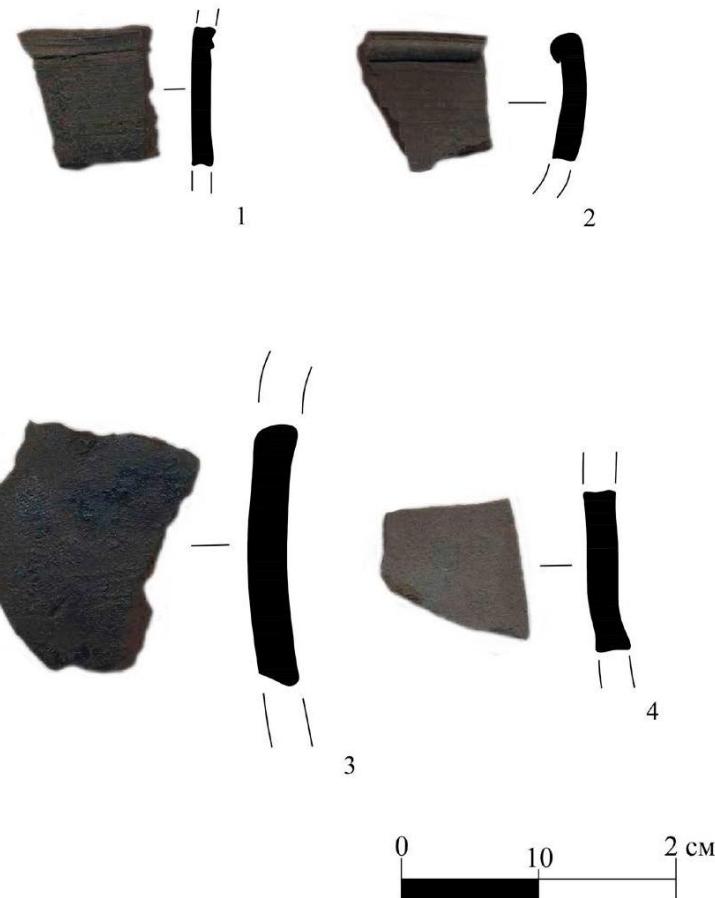
Результаты даже локальных археологических разведок в пределах Зауфимья указывают на высокий историко-культурный потенциал территории. Этноархеологическое исследование населенных пунктов XVI–XIX вв. остается при этом одним из перспективных и слабо разработанных направлений археологической науки Башкирии. Особую остроту эти исследования приобретают в исторических городах, где «поздние» археологические объекты и участки культурного слоя находятся в зоне активного антропогенного преобразования.

© Бахшиев И.И., 2016

© Григорьев Н.Н., 2016

А

Б

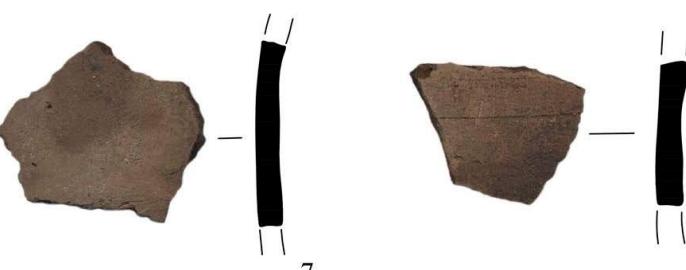
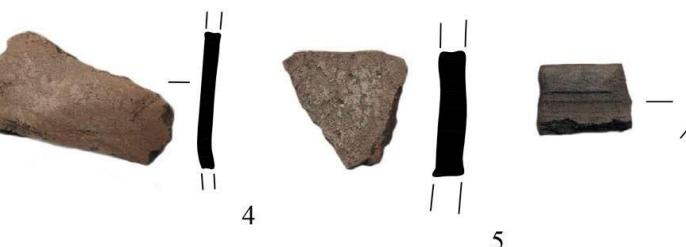
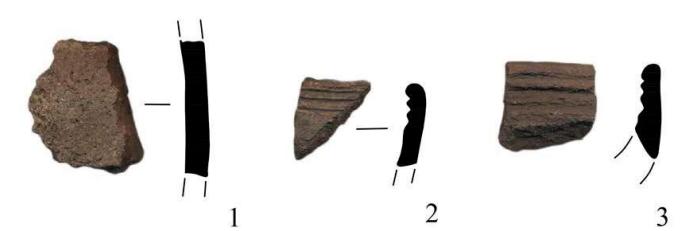
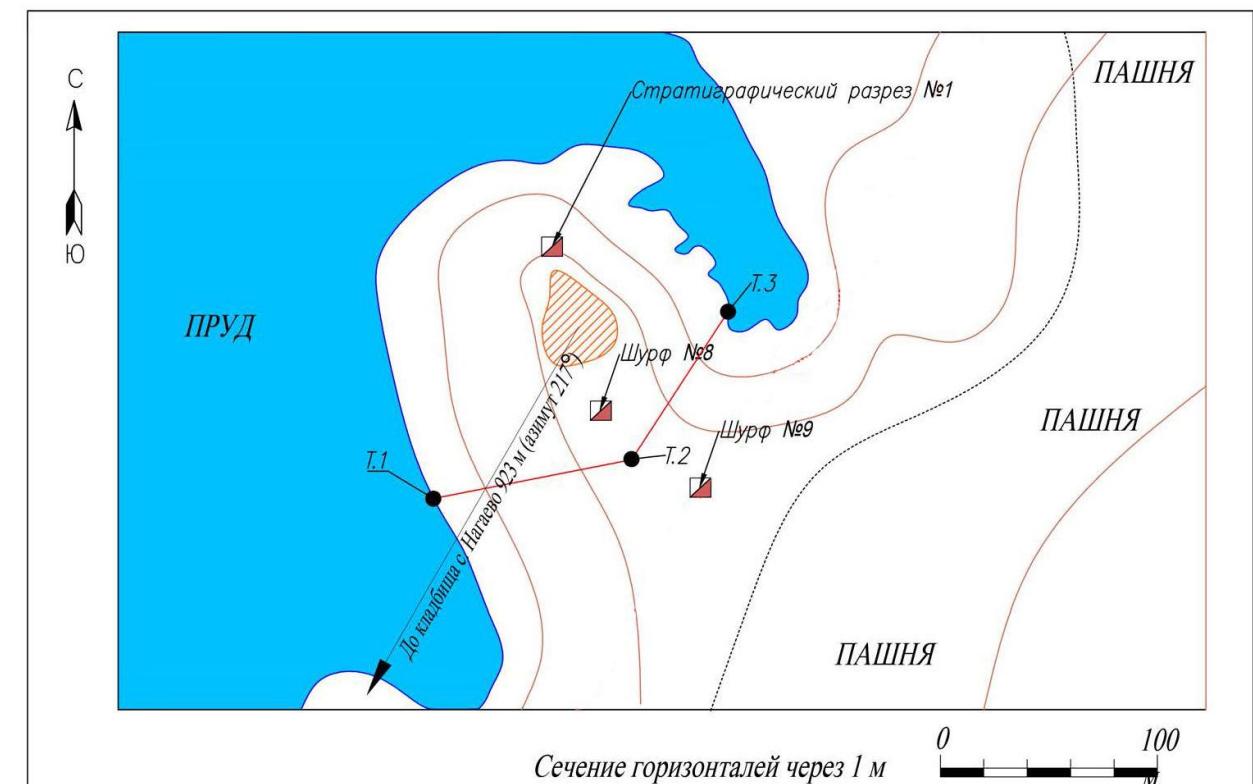

Рис. 1. Республика Башкортостан, МР Уфимский район. ОАН «Куяново-1, культурный слой». А – топографический план; Б – Подъемный археологический материал

Рис. 2. Республика Башкортостан, МР Уфимский район. ОАН «Нагаево-1, культурный слой». А – топографический план; Б – археологический материал из шурфа

Белоруссова С.Ю.
г. Екатеринбург

КАЗАЧЕСТВО В ЭТНИЧНОСТИ НАГАЙБАКОВ

Аннотация: Нагайбаки как народ возникли в результате определения крещеных инородцев Южного Урала в состав Оренбургского казачьего войска. Они защищали границы, участвовали во многих войнах. Легенды о славных подвигах предков распространены среди нагайбаков, и на них в немалой степени строится их сегодняшняя этничность.

Ключевые слова: Казак, нагайбаки, этничность, Оренбургское казачье войско, Гражданская война, Дутов, Блюхер, возрождение казачества, лошадь.

Annotation: Nagaibaks as a people have resulted from the definition of the baptized natives of the Southern Urals in the Orenburg Cossack army. They defended borders, participated in many wars. The legends of the glorious deeds of the ancestors common among Nagaibaks, and are to a large extent built their ethnicity today.

Key words: Cossack, Nagaibaks, ethnicity, Orenburg Cossack army, civil war, Dutov, Blucher, the revival of the Cossacks, horse.

Нагайбакская крепость во второй половине XVIII в. сыграла роль сборного пункта и крещения инородцев и чужеземцев (беглых пленников), принимавшихся на поселение или казачью службу на степной границе Российской империи. Соответственно, новокрещеные выходцы из Нагайбакской крепости (будущие нагайбаки) изначально представляли собой людей разного происхождения (татар, башкир, черемисов, чувашей, арабов, персов, киргизов), но сходной судьбы. Определение в казачество обособило группу будущих нагайбаков. Все, кто крестился в Нагайбакской крепости, назывались «новокрещенами»; они не имели различий в самоназвании и постепенно смешивались между собой.

В 1842 г. нагайбаки были переселены на Новую линию и образовали там автономные селения – Париж, Фершампенуаз, Кассель, Остроленский и Требио. На сегодняшний день этноотличительными чертами нагайбаков являются татарский язык, православная вера и казачий статус их предков. В отличие от тех пограничных казаков, которые «ориентировались на конфликты, вникая в противоречие и интриги соседних держав», оренбургские казаки, включая нагайбаков, всегда были служилыми у государства людьми (рисунок 1).

Легенды о славных подвигах предков распространены среди нагайбаков, и на них в немалой степени строится их сегодняшняя этничность. Самой яркой страницей казачьего прошлого нагайбаков считается Отечественная война 1812 г., заграничные походы 1813–1814 гг.² и Первая мировая война. Родственники павшего на поле битвы казака-нагайбака хранили память о нем в виде фольклорного предания. В песенном творчестве нагайбаков существовал жанр героической поэмы под названием *бейят*. Темой таких стихов могли быть «геройская смерть молодца, богатырские подвиги силача, ловкое воровство, удальство»³.

В конце XIX в. этничность нагайбаков подпитывалась славой казачьих подвигов, образом «храбрых» и «бесстрашных» воинов:

На службе и в частной жизни нагайбаки отличаются неподкупной честностью и покорностью властям. Они преданы царю, и это вошло в сознание каждого из них. На войне отличаются храбростью, что видно из того, что между ними много георгиевских кавалеров⁴.

¹ Головнёв А. В. Феномен колонизации. Екатеринбург. 2015. С. 334–335.

² Белоруссова С.Ю. Из Парижа в Париж: путешествие нагайбаков по дорогам предков // Уральский исторический вестник. № 3 (44). 2014. С. 129 – 130.

³ Витевский В. Н. Сказки, загадки и песни нагайбаков Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии // Труды IV Археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. Т. II. Казань. 1891. С. 266.

⁴ Бектеева Е. А. Нагайбаки (Крещёные татары Оренбургской губернии) // Живая старина. СПб., 1902. С. 172.

В Гражданской войне офицерский корпус нагайбаков выступал преимущественно за Белое движение. По воспоминаниям потомков, большинство офицеров-нагайбаков центральной группы вошли в полк атамана А. И. Дутова. Жители пос. Кассель вспоминают, как их предки «Дутова встречали хлебом-солью»¹. Самая известная легенда среди жителей пос. Остроленский связана с женитьбой Дутова на местной уроженке. Согласно ей, атаману приглянулась казачка Александра Афанасьевна Васильева: в 1918 г. «Дутов предложил Шурке [А. Васильевой. – С. Б.] собираться и увез ее потом в автомобиле с собою»². В завещании Дутов написал, что «Александра Афанасьевна Васильева, единственная моя наследница всего, что есть у меня»³. Жительница пос. Остроленский Зоя Гайсина передала историю встречи Дутова и Васильевой следующим образом:

[В Остроленке – С. Б.] Дутов остановился у очень зажиточного казака Васильева Сергея Афанасьевича. Приглянулась девушка, Александра, он решил на ней жениться. Раз такой большой начальник, то родители не могли перечить. Они все хотели сделать «по-людски» – обвенчаться в нашей церкви Покрова Божьей Матери; и даже договорились, что обвенчиваются. Но дозорные доложили, что со стороны Верхнеуральска Кашириńskое войско подступает. Так и не обвенчавшись, Дутов молоденькую жену забрал, они заложили повозки и бежали в Тургайские степи⁴.

Любовь Юскина рассказала, что матерью Александры была Варвара Васильева, сестра прадеда Юскиной; исходя из этого, она считает Дутова своим зятем. Для остроленцев история женитьбы атамана Дутова на местной уроженке по сей день остается предметом гордости и своего рода местным казачьим «брендом» поселка.

Участие жителей пос. Париж в Гражданской войне проходило по другому сценарию. По их словам, наиболее зажиточные казаки вступали в белогвардейское войско атамана Дутова, а бедное население перешло на сторону красных партизан во главе с братьями Кашириными и будущим маршалом В. К. Блюхером. Во время войны пос. Париж многократно переходил то к белым, то к красным, пока летом 1918 г. белая армия не была окончательно повержена. 17 апреля 1918 г. Блюхер со своей армией зашел в пос. Париж. По воспоминаниям, он был принят парижанами «доброжелательно, с почестями»⁵. В течение недели он организовал штаб в одном из парижских домов; впоследствии в этом доме работала школа им. Блюхера, а сегодня там располагается музей с. Париж. В настоящее время жители гордятся, что Париж был выбран «маршалом Советского Союза» Блюхером в качестве своей резиденции.

В период с 1920-х до 1980-х гг. о казачьем прошлом нагайбаков было не принято вспоминать. В условиях советской политики рассказывания слова «казак» и «атаман» приобрели негативное и порицательное значения. Согласно нагайбакской легенде советского времени «Утаман», слово «атаман» было чуть ли ругательством: за нерадивое поведение сына отец от злости назвал его «У-у-таман». Сын знал, что для отца слово «атаман – самое страшное ругательство»⁶. По словам Зои Гайсиной, «до 1960-х гг. было страшно упоминать, что ты дочь или сын казака, в противном случае обижали в школе, а в дальнейшем не брали в партию и комсомол»⁷.

¹ Вдовина С. И. Соты памяти народной. Челябинск. 2008. С. 34.

² Головин Л. Связанная совесть. Фрагмент дневника / Публикация В.Г. Семенова // Гостинный Двор (Оренбург). 2003. № 14. С. 229.

³ Ганин А. В. Атаман А. И. Дутов (Россия забытая и неизвестная). М. «Центрполиграф», 2006. С. 481 – 482.

⁴ ПМА. Август 2012 г. Челябинская обл., Нагайбакский район, пос. Остроленский.

⁵ Герасимова Н. Г. и др. Село Париж – малая Родина. Магнитогорск, 2015. С. 16.

⁶ Вдовина С. И. Бабушка, расскажи мне... Челябинск. 2005. С. 41–42.

⁷ ПМА. Август, 2012 г. Челябинская обл., Нагайбакский район, пос. Остроленский.

Татьяна Калинина из пос. Кассельский сообщила, что «казачество и казачий дух в Касселе и Остроленке есть. В свое время казаков рубили так, что даже погоны отлетали. И этот шок стер в памяти все казачье»¹. Сегодня в местных музеях можно встретить дореволюционные фотографии казаков-нагайбаков, у которых затерты изображения георгиевских крестов. По воспоминаниям нагайбаков, многие втайне хранили казачью форму и обмундирование, а главное – семейную и родовую память о казачестве.

В 1990-е гг. началось возрождение казачьего движения по всей стране, которое подхватили и нагайбакские казаки. Наиболее увлеченно себя проявили парижане; их активист, директор Парижского краеведческого музея Михаил Фомин, призывал: «Давайте возродим казачью культуру, казачий уклад, традиции обычай, обряды». По его словам, «нагайбаки послевоенного рождения в большинстве своем не знают, что они из казачьего рода»². По воспоминаниям Юрия Батраева из с. Париж, идею возрождения активно продвигали потомки белого движения, которые выступали «связующим звеном между старым и новым поколениями казаков» (рисунок 2).

После того как «имя казаков» было возвращено, назрел вопрос о функциях современного казачества. Нагайбаки рассчитывали на свое место в системе управления и поддержания порядка в Нагайбакском районе, а также стремились к возвращению к традиционным правилам станичного самоуправления. По словам Батраева, в планах нагайбакского казачества было создание «народной дружины», а само казачество рассматривалась как сила в «наведении порядка и возрождении традиции и культуры»³. Как отмечает А. Тептевев, казаки «рассчитывали, что будут помогать армии».

В 1993 г. нагайбаки были включены в перечень коренных малочисленных народов, однако это не придало дополнительного импульса казачьему движению. Постепенно нагайбаки стали отходить от идеи возрождения казачества; в народной среде было немало скептиков, представлявших это движение как «играющих в казаков» или «ряженых». Сегодня в риторике нагайбаков обозначен поиск перспективы в направлении восстановления казачьего движения. Директор школы пос. Остроленский предложил «создание кадетских классов с ориентацией на воспитание порядочности, патриотизма». Т. Калинина из пос. Кассельский предложила создать «казачье самоуправление с общими сходами, обсуждениями и воспитанием детей». Н. Фирсова из с. Фершампенуаз сожалеет, что «казачество погибает»; по ее словам, «пока корни казаков есть, надо что-то делать, если сейчас мы что-то упустим, то навсегда».

Сегодня большинство нагайбаков (в том числе и тех, кто не участвует в возрождении казачества) с достоинством и гордостью вспоминают о своих предках-казаках. Жительница с. Фершампенуаз заявила, что «считает себя казачкой и всегда любила “показаться”». По словам Гайсины, «казаки-нагайбаки всегда были зажиточным народом, держали себе слуг; они очень работящие, целеустремленные, в случае чего, надеются только на себя».

Культурное наследие нагайбакского казачества подпитывается народными преданиями и мифами. Николай Ишмекеев рассказал, что на службу царю (которая считалась наиболее престижной) брали только «уральских и сибирских казаков». По словам Фирсовой, во время Великой Отечественной войны «нагайбаков брали в первую очередь, отдавали в самые горячие точки, потому что знали, что они надежные и не предадут»⁴. Среди нагайбаков нагайбаков есть легенда, что отец Александра Васильевича Суворова, Василий Суворов был «катаманом Нагайбакской крепости»; в версиях этой легенды «отец Суворова был нагайбаком». Несмотря на то, что она не имеет отношения к действительности (воеводой в

Нагайбакской крепости, на самом деле, служил поручик В. Суворов, но он был лишь тезкой и однофамильцем отца полководца), она популярна среди нагайбаков.

Одной из черт нагайбакской казачьей идентичности является почитание лошади: иногда ее именуют «священным животным». В военных походах лошадь была главным, а иногда единственным спутником казака: по представлениям нагайбаков, «лошадь – брат и друг». Некоторые считают недопустимым употребление конины в пищу (в этом ощущимо влияние христианства). Ирина Иванова из пос. Париж рассуждает: «Как коня можно было заколоть? Конь ведь боевой товарищ всё-таки...» Конина среди нагайбаков считается деликатесом (в этом выражена тюркская пищевая традиция), однако немногие нагайбаки разводят лошадей на забой: «мы ее любим есть, но не держим». Коневодство и сейчас престижно среди нагайбаков; на вопрос, «что дороже, лошадь или машина, лошадник Исаев из пос. Остроленский ответил: «Для меня – лошадь, мне не нужна машина, лучше бы я себе заграничную лошадь купил [чем иномарку]» (рисунок 3).

По мнению жителя пос. Остроленский Андрея Юскина, казачья (воинская) идентичность нагайбаков проявляется в том, что они редко избегают армейской службы и стремятся попасть в боевой строй¹. Многие нагайбаки (в том числе нагайбаки) стараются получать образование в военных и полицейских учебных заведениях. Согласно анкетированию среди нагайбаков, на вопрос «Назовите бренд Вашего народа?» подавляющее число нагайбаков дало ответ «казак и казачество»; второе место заняла «лошадь». Кроме того, в качестве бренда нагайбаки называли и «казачьи атрибуты» – «фуражка», «шашка», «мужественность», «храбрость»². Таким образом, принадлежность к казачеству и сегодня занимает ключевое место в самосознании нагайбаков.

Рисунок 1.
Казаки пос. Остроленский,
нач. XX в., музей пос. Остроленский.

Рисунок 2.
Казак-нагайбак,
фото Н. Фирсовой.

Рисунок 3.
Нагайбак на скачках,
фото А. Печняк.

© Белоруссова С. Ю., 2016

¹ ПМА. Июнь, 2014 г. Челябинская обл., Нагайбакский район, пос. Кассельский.

² Фомин М. Возродим традиции казачества // Всходы. № 5-6. 15 января 1991 г. С. 1.

³ ПМА. Ноябрь, 2015. С. Париж. Нагайбакский район.

⁴ ПМА. Август, 2012 г. Челябинская обл., Нагайбакский район, с. Фершампенуаз, пос. Остроленский.

¹ ПМА. Август, 2015 г. Челябинская обл., Нагайбакский район, пос. Остроленский,

² ПМА. Август, 2012 г. Челябинская обл., Нагайбакский район.

Воробьёва С.Л.
г. Уфа

НАУЧНАЯ ОБРАБОТКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ В МУЗЕЯХ: ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКТОВАНИЯ И ОПИСАНИЯ

Аннотация: В статье раскрыта проблема комплектования и описания археологических коллекций на основе анализа музейного законодательства и законодательства в сфере сохранения объектов культурного наследия. Описана процедура включения предметов состава музеяного фонда и в состав Музейного фонда Российской Федерации. В статье дается методика описания коллекций, необходимая для первичного учета в музеях археологических предметов.

Ключевые слова: археологическая коллекция, музей, фонд, федеральный закон, комплектование коллекций, коллекционная опись.

Annotation: The article deals with the problem of acquisition and description of the archaeological collections of the museum on the basis of an analysis of legislation and legislation in the field of conservation of cultural heritage. The procedure of inclusion of subjects and composition of the Museum Fund of the Museum Fund of the Russian Federation. The article gives a description of the method of collection required for the primary account in museums archaeological objects.

Keywords: Archaeological collection, Museum, Foundation, Federal Law, Acquisition of collections, Collection inventory.

Археологические коллекции в любом музее являются важнейшей составляющей фонда. Они иллюстрируют древнейший этап развития того или иного региона, показывают его отличительные черты, с одной стороны, и место в общей картине исторического прошлого страны – с другой.

К примеру, на сегодняшний день, археологическое собрание Национального музея Республики Башкортостан составляет примерно треть всех фондов Национального музея – более 80 000 единиц хранения и около 100 000 предметов находится в стадии первичной обработки. Ежегодно фонды Национального музея пополняются материалами археологических исследований, полученными в ходе раскопок на территории Республики. Только за последние 4 года в фонды Музея поступило около 35 000 единиц хранения. Коллекции передают как сотрудники Музея, так и сотрудники Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, Башкирского государственного университета, Академии ВЭГУ, Научно-исследовательского центра «Наследие» и др.

Учитывая массовое пополнение археологических коллекций и изменения, которые произошли в Музейном законодательстве в текущем году¹, а также – в законодательстве об объектах культурного наследия в 2013–2015 гг.², в последние годы все актуальным становится проблема комплектования и научного описания археологических коллекций. Зачастую, хранителями музеев работают не специалисты-археологи, которые даже не знают, как описывать те или иные предметы, не понимают научной значимости археологических коллекций. Поэтому, в данной статье раскрыта проблема комплектования и описания сугубо этих специфических музейных предметов.

Важность сохранения археологических предметов и необходимость их музеефикации подчеркивается различными нормативными документами³.

Под **археологическими предметами** понимаются движимые вещи, основным или одним из основных источников информации о которых независимо от обстоятельств их обнаружения являются археологические раскопки или находки, в том числе предметы, обнаруженные в результате таких раскопок или находок¹.

Археологические материалы попадают в музей разными путями. Наиболее распространенный способ поступления – найденные во время разведок или стационарных раскопок. В таких коллекциях мы знаем название памятника (или экспедиции, ведущей работы на памятнике), номер раскапывавшегося участка, детальные сведения о месте находки (место на плане, указание глубины), дата находки и фамилия человека, зарегистрировавшего ее. Другой способ пополнения фонда – передача в музей предметов из случайных находок частными лицами и государственными учреждениями, не имеющими отношения к археологической деятельности.

Археологические находки различаются еще и по другому принципу, в зависимости от встречаемости: есть находки **индивидуальные и массовые**. К **массовым находкам** относят обломки бытовой глиняной посуды на поселениях, кости животных, птиц и рыб, а в средневековых городах еще и обрывки кожи.

Индивидуальные находки определяются скорее методом исключения: например, все то, что не обломки лепных сосудов, кости и обрывки кожи, в городской славяно-русской археологии считают индивидуальными находками; на памятниках иных эпох и территорий все это может быть отнесено и относится к числу индивидуальных находок. Значение находок оценивается в зависимости от того, насколько они часто встречаются, насколько высоко качество изготовления, насколько важны события, в них запечатленные; к одним находкам часто возвращаются и посвящают им особые издания, другие, напротив, исследуют и описывают совместно с подобными или идентичными вещами. Что касается истинного значения находок для изучения прошлого, то оно иногда прямо пропорционально их количеству, а иногда такой зависимости нет. Реальное значение археологических находок, и частных и редких, определяет характер поставленных задач.

Для учета и хранения археологических предметов надо учитывать несколько **основных моментов, отраженных в Российском законодательстве**:

1. Объекты археологического наследия, а также все археологические предметы, залегающие на поверхности земли, в земле или под водой, находятся в государственной собственности².

2. **Исполнитель археологических полевых работ** – физическое лицо, проводившее археологические полевые работы, и юридическое лицо, в трудовых отношениях с которым состоит такое физическое лицо, **в течение трех лет** со дня окончания срока действия разрешения (открытого листа) **обязаны передать** в порядке, установленном федеральным органом охраны объектов культурного наследия, **все изъятые археологические предметы** (включая антропогенные, антропологические, палеозоологические, палеоботанические и иные объекты, имеющие историко-культурную ценность) **в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации**³.

3. Музеи и аналогичные учреждения не должны приобретать объекты археологического наследия, в отношении которых существует подозрение, что они получены в результате неконтролируемых находок, незаконных раскопок или незаконных действий в ходе официальных раскопок⁴.

4. 1 сентября 2016 г. истек срок, когда можно было включить археологические находки в состав негосударственной части Музейного фонда России.

¹ Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 357-ФЗ.

² Федеральный Закон № 315 от 22.10.2014 г.; Федеральный закон Российской Федерации от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ.

³ Положение о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации» (утверждено Постановлением Отделения историко-филологических наук РАН № 85 от «27» ноября 2013 г. Москва, 2013. П. 1.9. С. 5.

¹ Федеральный Закон № 315 от 22.10.2014 г.

² Федеральный закон Российской Федерации от 23 июля 2013 г. № 245-ФЗ.

³ Там же.

⁴ Европейская конвенция об охране археологического наследия.

Поскольку раскопки любого археологического памятника приводят к его уничтожению, специалисты делают это квалифицированно, фиксируя весь процесс на фото и кинопленку, а также дублируя исследования чертежами. По окончании полевых работ и камеральной обработки исследователь обязан сдать полученный материал в музей вместе с полевой описью и полным экземпляром научного отчета с иллюстрациями. Выданный музеем Акт прием на постоянное хранение представляется в Институт археологии РАН и служит основанием для получения разрешения на проведение полевых работ в следующем году.

Согласно законодательству, находки, собранные при раскопках, должны быть взяты для музейного хранения и дальнейшей научной обработки. При этом целесообразно включение в коллекцию максимально широкого набора вещей, включая ферментированные предметы и предметы неясного назначения. Поступающие в коллекцию материалы должны быть внесены в полевую опись и снабжены этикетками с указанием года исследования и точного места происхождения каждого предмета или фрагмента: памятник, раскоп, участок, пласт или слой, квадрат, яма (№), погребение (№), землянка (№), номер находки, ее нивелировочная отметка или иные условия обнаружения. Исследователь должен обеспечить правильную упаковку, транспортировку и хранение коллекций до их передачи в государственную часть музейного фонда Российской Федерации. Весь массовый материал (керамика, кости животных и рыб, шлаки и прочие), характеризующий содержание и состояние культурного слоя, описывается и фиксируется по квадратам раскопа в статистических таблицах, составленных в соответствии с примененной методикой раскопок памятника археологии (по слоям или пластам). При экспедиционных (полевых) сборах достаточным будут требования, изложенные в коллекционной описи¹.

В случае выявления исторических древностей в процессе каких-либо земляных работ, строители обязаны приостановить хозяйствственные работы и вызвать специалистов для обследования выявленного археологического памятника. При этом следует отметить, что археологические раскопки финансируются хозяйствующим субъектом, в результате деятельности которого возникает угроза уничтожения археологического памятника.

В то же время не исключено и случайное обнаружение археологических предметов и последующая их передача в музей. В этом случае поступление любого предмета в фонды музея, как это и предписано общими инструктивными требованиями, должно сопровождаться максимальной информацией о нем. Практика показала, что даже выполняя основные положения инструкции, принимая в музей тот или иной предмет, зачастую забывают отразить чисто специфическую археологическую информацию об условиях местонахождения древнего артефакта. Для определения древности предмета, его культурной принадлежности, а также максимально достоверной его интерпретации важны условия обнаружения самого предмета. Поэтому необходимо обозначить, обнаружен ли предмет на поверхности или в слое земли на определенной глубине. Единичный ли это артефакт, или он обнаружен в составе коллекции. В последнем случае необходимо указать основные, наиболее выразительные изделия, помогающие уточнить культурную принадлежность и время бытования всего комплекса находок.

В случае получения оперативной информации о только что найденных археологических предметах необходим выезд сотрудников на местонахождение и осмотр условий находки, если это возможно.

После поступления археологической коллекции в музей хранителю фондов необходимо провести работу по ее описанию, в которое входит: краткое описание коллекции с внесением его в книгу поступлений, карточки коллекций и в топографические описи, а также, составление коллекционной описи с подробным описанием каждого предмета, входящего в состав коллекции.

¹ Приказ Минкультуры СССР от 17.07.1985 № 290. Прил. 2.

Учет археологических материалов из раскопок/разведок.

Все археологические материалы, поступающие в музей из раскопок и разведок, на время их подготовки к записи в книги поступлений принимаются по акту на постоянное хранение на основании полевой описи (один экземпляр отдается археологу). К полевой описи, кроме того, прилагается список наиболее значимых находок, в которой обязательны ссылки на номера предметов в полевой описи. Предметы из драгоценных металлов и камней до проведения апробации записываются как предметы из «белого», «цветного» металла, с «цветными вставками». Внесенные в список предметы хранятся в отдельной упаковке и проверяются в момент составления акта по предметно. Остальной материал до полной сверки с полевой описью принимается суммарно /по ящикам, коробкам и другим видам упаковки.

Полевая опись учитывается в «Книге регистрации полевых описей», которая хранится в отделе /секторе/ учета и у хранителя фондов и получает свой порядковый номер.

Фондо-закупочная комиссия, рассматривая вопрос о принятии вновь поступающих материалов на временное хранение, устанавливает срок, в течение которого данный материал должен быть проверен по полевой описи и подготовлен к последующей записи в книгу поступлений на постоянное хранение.

После разбора, систематизации, классификации материалов, осуществленных научными сотрудниками музея совместно о передающим коллекцию лицом, фондо-закупочная комиссия рассматривает этот материал, определяет, какая часть его относится к основному фонду (далее – ОФ), а какая – к научно-вспомогательному (далее – НВФ) и принимает решение о принятии поступлений на ответственное хранение.

1. В ОФ рекомендуется принимать все целые предметы – сосуды, образцы керамики с разными типами орнамента, все материалы с малоисследованных памятников, из погребений и закрытых комплексов, а также определенную часть массового материала, которая несет научную информацию о данном памятнике.

2. К НВФ рекомендуется относить массовые поступления однородных предметов, их обломки, отходы производства, фрагменты керамики и т.д.

3. Вопрос об отнесении вновь поступивших материалов к основному и научно-вспомогательному фонду должен решаться конкретно в каждом случае, а в сложных случаях – с учетом мнения специалистов-экспертов из профильных научных организаций.

5. В ОФ принимаются материалы раскопок памятников. Если имеются стенки неорнаментированных сосудов, по которым нельзя реконструировать внешний вид сосуда, их необходимо включить в НВФ.

6. В ОФ принимаются все материалы разведочных работ не зависимо от степени их значимости (в том числе и стенки неорнаментированных сосудов), так как подобные коллекции зачастую являются единственным источником по памятнику культурного наследия.

7. Остеологический материал с поселенческих памятников и кости человека с могильников можно принять только в НВФ, так как кость плохо сохраняется. Кроме того, необходимо объяснить исследователю-археологу, сдающему коллекции, что в музее отсутствует специально-оборудованное помещение для хранения кости.

8. При поступлении единичных находок надо учитывать их значимость и сохранность – хорошо сохранившиеся металлические предметы записывать в ОФ, кости и керамику – НВФ.

9. Все копии должны быть записаны в НВФ.

Регистрация коллекции на постоянное хранение в каждой из книг поступлений ОФ и НВФ производится под одним номером – порядковым номером данной книги. Номер присваивается всей коллекции один, а каждый входящий в нее предмет получает дробный номер: в числите – номер коллекции по инвентарной книге, а в знаменателе – номер

музейного предмета по данной полевой или коллекционной описи (например: 165/3). Коллекции, состоящей только из одного предмета, присваивается также отдельный номер.

Необходимо дать **краткое название коллекции**, которое должно начинаться с имени существительного. В названии должны содержаться сведения о памятнике, авторе и месте (обязательно необходимо указать район исследования) раскопок, культурной принадлежности.

Например: 1. *Материалы разведочных работ на селище Караган-4. Работы проводились под руководством Савельева Н.С. в 2010г. Иглинский р-н Республики Башкортостан. Эпоха раннего средневековья, имендяшевский тип.*

2. *Материалы раскопок пещеры Шульган-Таш. Разведка проводилась Котовым В.Г. в 2008 г. (ИИЯЛ УНЦ РАН). Бурзянский р-н РБ.*

Примеры учетных карточек:

Таблица 1

НМ РБ	Материалы археологической разведки на селище Чайка-2. Разведка С.Л. Воробьевой, 2014 г.
ОФ 32714/1-29	Республика Башкортостан, город Уфа, Октябрьский район (ул. Зорге, западнее радиостанции «Алтай»). Пряслице, венчики и стенки лепных сосудов с орнаментом и без, кости животных. Кара-абызская культура эпохи раннего железа.
29 ед. хр.	Коллекционная опись 674 Акт ПП 51 от 16.06.2015 г.. от С.Л. Воробьевой ¹ Ящик ____ кор. ____
Керамика, кость Размеры и сохранность разная	

Таблица 2

НМ РБ	Подвеска монетовидная с отверстием (из серебряной копейки XVII в.). Размер 9x14,5 мм, толщина 0,5 мм в верхней части, в нижней части – до 0,2 мм, отверстие 1,1 мм. Вес 0,43 г. Серебро 925 пробы. Подвеска представляет собой расплощенную монету. Материалы археологических раскопок укрепленного поселения «Табынский городок» (Табынск-3). Раскопки Г.Т. Обыденновой, 2014 г., Гафурийский район Республики Башкортостан. Шурф №2. Горизонт 3.
ОФ ____	Коллекционная опись 677/370 Акт ПП 37 от 37.04.2015 г. от Г.Т. Обыденновой Ящик ____ кор. ____
1 ед. хр.	
Серебро (Справка № 156 от 26.11.2014 г. Поволжской госинспекции пробирного надзора) Видимых повреждений нет	

НМ РБ	Материалы археологических раскопок поселения Шемяк-1. Раскопки В.С.Горбунова 2014 г., Уфимский район Республики Башкортостан. XVII–XVIII вв.
ОФ ____/1-18	
18 ед. хр.	Коллекционная опись 678/1-18 Акт ПП 39 от 29.05.2015 г. от Г.Т. Обыденновой Ящик ____ кор. ____

Учет археологических предметов из «случайных находок».

«Случайными находками» считаются все археологические предметы, найденные не в процессе стационарных археологических раскопок или целенаправленных разведок, а в результате земляных, строительных или иных работ, а также на поверхности земли, в обрывах, размывах берегов рек и т.п. Как правило, это одиночные предметы или небольшие группы находок, передаваемые частными лицами или представителями строительных организаций. Эта форма поступлений не дает массового увеличения музеиного фонда, но пополняет музей интересными, подчас уникальными предметами и указывает на местонахождение новых археологических памятников.

Первым этапом оформления документации на такие поступления является составление акта приема на временное хранение. В акте должны быть перечислены все предметы, дано их описание, указаны размеры к степени сохранности. Если передаваемых предметов несколько, описание их также может быть суммарным, а к акту прилагается коллекционная опись, как в случаях передачи коллекций из раскопок. В акте и описи указывается по возможности точное место находки, адрес лица, произведшего находку, и адрес лица, передающего коллекцию или предмет.

Фондо-закупочная комиссия выносит решение о принятии новых поступлений и определяет, к какому фонду следует отнести данную коллекцию /предмет/. Далее коллекция /предмет/ регистрируется в книге поступлений в установленном порядке.

После записи археологического материала в книги поступлений на ответственное хранение на коллекционных описях ОФ и НВФ проставляются учетные номера соответствующего фонда, и коллекция вместе со вторыми экземплярами коллекционных описей передается хранителю. Далее начинается вторичный учет археологических коллекций, который включает в себя: составление более подробной коллекционной описи, фотографирование и т.д. Кроме того, после записи коллекций в книги поступлений, все археологические коллекции основного фонда должны быть **включены в состав Музейного фонда Российской Федерации**.

В соответствии с Федеральным законом от 26.05.1996 № 54-ФЗ, Положением о Музейном фонде Российской Федерации, приказом Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации от 22.11. 2007 № 1321 для включения музеиных предметов и музеиных коллекций, поступивших в музеи после принятия Федерального закона от 26.05.1996 № 54-ФЗ, и закреплении их на праве оперативного управления за федеральными государственными учреждениями необходимо представить в Минкультуры России следующие документы:

- письмо-заявление о включении музеиных предметов и музеиных коллекций в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации и закреплении их на праве оперативного управления за музеем с указанием количества предметов и наличием в музее необходимых условий для хранения и экспонирования предметов;

¹ Акт ПП – Акт приема на постоянное хранение.

- список музейных предметов и музейных коллекций, подписанный руководителем музея и главным хранителем, скрепленный печатью музея по форме (на бумажном и электронном носителях):

Таблица 4

№ п/п	Автор, наименование, ключевое слово	Время создания	Размер, материал, техника	Краткое описание, сохранность	№ и дата протокола ЭФЗК; учетные номера
Количество предметов в списке должно соответствовать количеству порядковых номеров, листы списка должны быть пронумерованы;					

- экспертное заключение **на бланке музея с указанием даты и номера**, подписанное заместителем директора по научной работе (или главным хранителем), автором экспертного заключения; необходимо аргументированно обосновать историко-культурное, художественное (научное, мемориальное и т.д.) значение предметов, подлежащих включению в состав Музейного фонда РФ;

- протокол ЭФЗК музея о целесообразности включения музейных предметов (указать общее количество), внесенных в основную учетную документацию музея после вступления в силу Федерального закона № 54-ФЗ, в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации. В протоколе отражается вывод о необходимости включения данных предметов в Музейный фонд Российской Федерации в связи с их историко-культурной ценностью, также указывается, что предметы поступили в музей в установленном порядке: составлены договоры-дарения, договоры купли-продажи, акты на постоянное хранение и предметы включены в основную учетную документацию на основании решения ЭФЗК;

- копии документов (на электронном носителе), на основании которых предметы подступили в музей (договоры дарения/купли-продажи, акты приема на постоянное хранение);

- изображения предметов на электронном носителе.

Фактически, процедура включения археологических коллекций в состав Музейного фонда РФ предполагает полное описание каждого предмета с его фотографированием. В связи с этим, у работников музеев часто возникает вопрос, как же описывать эти предметы. Итоговым документом такого описания является коллекционная опись. Рассмотрим пример составления такой описи. Преамбула к коллекционной описи должна содержать следующие основные пункты:

1. № коллекционной описи
2. Акт Приема на постоянное хранение
3. Инв. № коллекции по КП
4. № КП
5. Название памятника
6. Дата составления описи
7. Количество предметов в коллекции
8. Время и место нахождения, сбора или приобретения коллекции
9. Автор раскопок
10. Источник поступления коллекции
11. Эпоха
12. Культурная принадлежность
13. Датировка
14. Музейная коллекция
15. Протокол ФЗК №, дата

Таблица 5. Пример коллекционных описей

Коллекционная опись № 600	
Акт Приема на постоянное хранение	№ 63 от 18.06.2012г.
Акт приема на ответственное хранение	№ 109 от 24.08.2012г.
Протокол ФЗК №	№ 120 от 18.08.2012г.
Дата регистрации в Книге поступлений	24.08.2012
Книга поступлений №	43
Инв. № коллекции по КП	ОФ 27577/1-4
Наименование коллекции по КП	Материалы разведочных работ на селище Бакита-1
Название памятника	Бакита-1, селище
Дата составления описи	август 2012 г.
Количество предметов в коллекции	4 единицы
Время и место нахождения, сбора или приобретения коллекции с указанием лиц собравших и определивших ее	2010г., Мелеузовский р-н Республики Башкортостан
Автор раскопок	Румянцев М.М.
Источник поступления коллекции	передана на хранение автором раскопок
Эпоха	XIX – начало XX вв.
Культурная принадлежность	не определена
Датировка	XIX – начало XX вв.
Музейная коллекция	ОФ "Археология"
Протокол ФЗК №, дата	№4 от 22.06.12

Основанием датировки и культурной принадлежности для археологических предметов служит либо определение их датировки автором раскопок или автором публикации материалов, либо определение их сотрудником музея. **Если у сотрудника имеются какие-либо сомнения в культурной принадлежности или датировке, то необходимо писать «культурная принадлежность не определена».**

Сама коллекционная опись составляется в виде таблицы в двух экземплярах и содержит следующие пункты:

- №
- Описание
- Материал
- Кол-во единиц хранения
- Размеры
- Сохранность
- Местонахождение (шуф/гор., погр., кв.)
- Место хранения (ящик, коробка)
- Примечание

№

Каждый предмет нумеруется отдельно через пробел от общего номера коллекции. Например, ОФ 2706/1. Номер на предмет наносится тушью. На металлические черные предметы можно предварительно нанести лак или белый штрих для того, чтобы было видно номер. Археологические предметы лучше всего нумеровать с оборотной стороны, которая не видна при экспонировании предмета. Если сотрудник музея дает новую нумерацию предметам, старые номера не затираются. Кроме того, в коллекционную опись необходимо ввести пункт «старый №».

Важно учесть, что если имеется полевая опись, составленная автором раскопок, то номера предметов музейной описи должны совпадать с ней.

Одни предмет – один номер!!!!

Если предмет разбит на части, которые можно склеить (развал сосуда, фрагменты ножа и т.д.), то он описывается под одним номером.

Исключения: низка бусин – здесь описывается каждая бусина в отдельности. Также при описании не склеиваемых фрагментов сосудов каждый фрагмент описывается отдельно.

Описание

В этом пункте дается общая характеристика и краткое описание предмета, внешних признаков и индивидуальных особенностей, указывается автор предмета, место и время его создания.

Названия предметов следует начинать с предметного слова. Например, *сосуд, браслет, наконечник, топор и т.д.*

Если предмет имеет собственное название (авторское, функциональное, местное – бытовое), то оно приводится после видового признака. (Например: «*Топор проушиной*»; «*Топор-кольцо*»; «*Сосуд лепной*»; «*Бусина глазчатая*» и т.д.).

Название предмета по возможности, должно отвечать его прямому назначению (стрела, сосуд, браслет, бусина). Но в некоторых случаях, археологические предметы имеют свои специфические названия, которые необходимо учитывать («*кокоушки*», «*портупеи*» и т.д.).

Сначала указываются общие признаки предмета – его внешний вид, форма и цвет. Описание должно быть предельно сжатым, конкретным, точным. Парные предметы (стремена, удила) описываются вместе, как один предмет. При этом в графе «Количество» указывается «1 ед. хр.». Кроме того, при описании сосудов и их фрагментов, можно также описывать несколько предметов сразу, указывая их номера через дефис. Например: № 1-10. Стенки лепных сосудов без орнамента с примесью песка в тесте. Если предмет имеет специальное оформление (вместилище) – рамку, отверстия и пр., при описании это оговаривается.

Материал

В этом пункте дается общая характеристика основы, из которой изготовлен предмет и характерные признаки техники его изготовления. (Например: «*керамика – лепная*», «*бронза – штамповка*»). Для металлов и сплавов, в случае невозможности их точного определения, можно ограничиться обозначением «*металл*», «*белый металл*», «*желтый металл*».

Количество

Указывается количество поступивших музейных предметов, (например, браслет, разломанный на 2 части, будет обозначен в этой графе цифрой 2).

В старых коллекционных описях часто путают понятия «предмет» и «единица хранения». Предмет – это целостная вещь (сосуд, бусина), а единица хранения – части одного предмета. В фондах музея все предметы учитываются ТОЛЬКО по количеству единиц хранения.

Не приемлемо для обозначения количества предметов использовать понятие «штука», «кусок» и т.д.

Размеры

Согласно сложившемуся порядку, размеры указываются в линейных мерах (в сантиметрах, мелкие предметы – в миллиметрах), причем, сначала измеряется высота (h), затем ширина (l) и глубина; у двухмерных, плоских (если предмет имеет незначительную толщину, которая не имеет принципиального значения, например, гвоздь) – высота и ширина; у трехмерных объемных предметов измеряется высота и размеры основания предмета; у круглых предметов – диаметр с проставлением впереди обозначения «дм»; у овальных, плоских предметов измеряется сначала больший, затем меньший диаметр, если предмет объемный – следует указать третье измерение.

Для сосудов, а также для цилиндрических предметов проставляются два размера – высота и наибольший диаметр. Размеры съемных (отдельных) частей предметов указываются после общих размеров.

Сохранность

Сохранность предмета отмечается при его поступлении в музей, что имеет важное значение для контроля за состоянием предмета. Фиксируются все имеющиеся дефекты: коррозия на металлических предметах, фрагментированность предметов (для отдельных фрагментов сосудов, украшений, оружия и т.д.), обращается внимание на целость предмета.

Местонахождение (шурф/гор., погр., кв.)

В этой графе указывается то, где найден предмет на археологическом памятнике. Как правило, информация содержится в полевых описях или на самих предметах (полевой шифр). Она имеет первостепенное значение для дальнейшей научной интерпретации археологического материала.

Место хранения (ящик, коробка)

Указывается номер ящика и коробки, в которых хранится тот или иной предмет. Предметы с одной коллекции необходимо, по возможности хранить вместе. Материалы раскопок могильника хранятся так, чтобы предметы с одного погребения лежали вместе. Распределение предметов по типам (только оружие или только бусы) для одной, а тем более для нескольких, коллекций не приветствуется, т.к. при перемещении возможна утрата

Примечание

Указываются дополнительные сведения о музейных предметах и фиксация всех происходящих с ними изменений: делаются карандашные записи о временном изъятии музейных предметов из состава коллекции для использования на выставке, экспозиции, при передаче на реставрацию, для изготовления копий и т.п. При этом указывается, кому, когда и с какой целью передан музейный предмет. Если он передается на постоянное хранение в государственный музей или архив, то в этой графе уже ручкой указывается учреждение, куда передан памятник, а также дата и номер акта передачи.

На каждую коробку с предметами и в каждый диплок необходимо положить **паспорт вещи**.

Пример паспорта на археологические предметы приводится ниже:

ОФ или НВ _____
Памятник _____
Автор _____
Назв. _____
К-во _____
Ящик _____ Кор. _____

Таким образом, в наши дни главной задачей музейных работников при работе с археологическими коллекциями является приведение фондов в надлежащий порядок, согласно новым требованиям сохранения культурного наследия, в том числе и создание электронной базы данных по всем коллекциям. Но главным условием такого «надлежащего порядка» является наличие полевой документации, предоставленной исследователем, которая повышает документирующее значение предметов.

© Воробьёва С.Л., 2016

**БАШКОРТ ФОЛЬКЛОРЫНДА ТАШТАРГА БЭЙЛЕ
ЫРЫМ-ЫШАНЫУЗАР, ТЫЙЫУЗАР
(ФОЛЬКЛОР ЭКСПЕДИЦИЯЛАРЫ МАТЕРИАЛДАРЫ НИГЕЗЕНДЭ)**

Аннотация: Во всех жанрах башкирского фольклора: в сказках, легендах, преданиях, обычаях, играх, знахарстве и т.д. существуют мотивы, интересные информации о камнях. В данной статье приведены поверья, приметы и запреты, связанные с камнями. Многочисленные примеры, перечисленные в работе показывают, что камень, является фольклорным символом, культовым объектом и выполняет разные функции.

Ключевые слова: башкирский фольклор, жанры, поверья, приметы, запреты, камень.

Annotation: There are motives and interesting information about stones in all genres of the Bashkir folklore: fairy tales, legends, traditions and customs, games, sorcery, games, etc. This article describes beliefs, signs and prohibitions associated with stones. There are numerous examples listed in the work, that prove the stone being a folklore symbol, a cult object, and performing different functions.

Keywords: Bashkir folklore, genres, beliefs, signs, prohibitions, stone.

Таштар – йолалар аткарыуза файдаланылған күлт объекты, фольклор символы, төзөлөш материалы буларак тарихсы, археолог, этнограф, фольклорсыларзың өйрәнеү сығанағы булып тора. Башкорт халық ижадының һәр бер жанрында тиерлек таштарға бэйле төрлө мәғлүмәттәр бар. Таш – борондан халкыбыз тормош-көнкүрешендә (батырзарзың көс һынашуында, нигез корғанда, нокот һалғанда һ.б.), йолаларында (ерләү, түй йолаларында, ямғыр теләүзә һ.б.) кин қулланыла килгән, шуға ла, ул башкорт фольклорында бер үзенсәлекле символик күренеш булып тора.

Фольклор экспедициялары вакытында безгә таш тураында қысқа булна ла, қызыкли материалы осрап тора. Мәсәлән, борон таштың нисек барлықка килеме, уның ниндәй булыу халықнда: «Бикмәш тауы янында һыу актан ти. Шуның күпереге ташка өйләнеп, азак тауга өйләнгөн ти борон» (2016 йылда Ишимбай районы Хайран ауылынан Ильясова Минлеямал Нәбиулла қызынан Ф.Ф.Файсина язып алган (1931 й.)¹.

«Әүел ташты кояш ныңк қызырыған, шуға ул йомшак булған, кеше баңча – әз қалған. Пәйғәмбәр ташы бар. Килен ташы – Хәйбуллала, изге таш ул» (2003 йылда Йылайыр районы Искужса ауылында Юлгилдина Маникамал Рамазан қызынан (1927 й.) Р.Ә.Солтанғәрәева язып алган)².

«Каяла әзле таштар бар. Элек таштарза кеше әзе жалыр булған. Жояш ныңк қызырыған, сөнки якын булған Ергә. Ташта әзәм әзе бар, тизәр. Бик боронғо таш ул» (2003 йылда Йылайыр районы Искужса ауылында Юлгилдина Хәмдиә Айса қызынан (1933 й.) Р.Ә.Солтанғәрәева язып алган)³. Шулай ук, Йылайыр районы Кәзәрша ауылында ла «Бәйгәмбәр әзе» тигән, уртаында кеше аяғы әзе уйылып қалған таш бар.

Артабан, «Алптар – дәү кешеләр, уларзың сабаталарынан қаккан тупрактан таузар барлықка килгән, әzzәре қалған урындар бар. Таштарзың һығып һыуын ағызғандар» (2006 йылда Борай районы Кәшикәләү ауылынан Туктағолова Хәбіба Гәбделәхәт қызынан (1931 йылғы) Г.Әхмәтишина язып алган).⁴ Был миңалдарзан күреүбезсә, элек кояштың ергә якын тороуы, шуға таштарзың йомшак булыуы халықнда боронғо мәғлүмәт, хәтер бөгөнгәсә килемп еткән.

Башкортостан ерлеге – таулы-ташлы төйәк буларак, һәр районда, һәр ауылда тиерлек таш һүзө менән бэйле **ер-һыу атамалары** бихисап, мәсәлән: Сусакташ, Килен

¹ Шәхси архив материалы.

² Экспедиционные материалы – 2003: Зилаирский район. Уфа, 2006. С. 128.

³ Шунда ук, 110-сы б.

⁴ Экспедиция материалдары – 2006. Борай районы (Материалдар һәм тикшеренеүзәр). Өфө, 2008. 132 б.

ташы, Ташлы, Таштау, Пәйғәмбәр ташы, Карагаш, Таш кисеу, Ташлы құл, Таш үйлә h.б. Әбйәлил (Ташбулат, Таштимер), Әлшәй (Ташлы, Таштүбә), Салауат (Ташауыл), Яңауыл (Таш үйлә, Таш-тау) h.б. райондарза таш һүзө менән бәйле ауыл исемдәре күп.

Легенда-риүйәттәрзә ташка әйләнеү тураында мотивтар осрай. «Аллаһ Тәғәләнә асыуландырма, ташка әйләндереп қуймаын!» – тигән әйтем шунан қалғандыр. Фольклорсы Ф.А. Нәзәршина: «Киленташтар» – карғыш төшөү һөзөмтәһендә таш булып каткан, тораташка әйләнгән, йәки ниндәйзәр бер фажиға сәбәпле һәләк булып, шуға бәйле топонимик атама барлықка килеме тураындағы сюжеттар» халықнда язған¹. Мәсәлән, Салауат районында, Йүрүзән үйләғаны буйында таш булып қатып қалған қыз тураында легенда һәм таш бар, уны «Әминәташ» тизәр. Шул ук райондың Мәсәт ауылында «Түгелмә таш», тигән кая бар. «Уның ташы илдә бәлә-каза булыр алдынан тәгәрәп, койолоп төшә. 1941 йыл алдынан гөрһөлдәп емерелгән» ти, урындағы халық (йәғни Бейек Ватан һүғышы башланып алдынан емерелеп төшөүө, йәғни бәлә-казаны алдан искәртеүе халық һөйләне (пирамидаларзың фотоларын да қүрһәттерәләр).

Учалы районының Колош ауылы янындағы Тәкәоскан, Алабаш таузарында һәм Муса ауылы әргәнендәге Кызылташ тауында борондан қалған кеше күтәрә алмастырылған зур таштардан королған пирамидалар бар, уларзы кем, касан, ни өсөн эшләгәне билдәһе兹. Был хакта безгә 2010 йылда ошо тәбәктә фольклор экспедициянында йөрөгәндә урындағы халық һөйләне (пирамидаларзың фотоларын да қүрһәттерәләр).

З.Ф. Әминев әлек башкорттарза тау, ер-һыу әйләренә таузарза дәрүиштәр, көтөүселәр таштардан қарасқылар эшләп китеүе һәм улар янында борон корбан салыу ғәзәте булғанлығы халықнда бәйән иткән³. Бындай қарасқылар, әүлиә қәберзәренә қуылған таштар, йәғни күлт объекттәрі халықнда Тарих, тел һәм әзәбиәт институты археологтары В.Г.Котов, В.В.Овсянников, Н.С.Савельев ғилми мәкәләләрендә бәйән иттеләр⁴.

Таштар күп **йолаларыбызы** аткарыуза ыйш файдаланыла. Башлап **нигез корғанда**: «Нигез королаңы урынға тәүзә зур акташ һалалар. Шуны нигез ташы, тизәр. Тұнға акташ һалыу йолаңы ла бар. Кесаңна һайын шуны йыгуып, сайып торалар»⁵.

«Өй күтәргәндә нигез астына, б бағана төбөнә «Колноуаллан» уқып, бәләкәй ак таш, һыу ташын һалалар. Нигез ныңк булын, тип. (2009 йылда Бөйән р-ны Колғона ауылынан Гәтиәттуллина Сәкінә Кирағметдин қызынан (1929 й.) Г.Хөсәйенова язып алган)⁶.

Ауылдарда «Мәсеттең нигез ташын алырға, тейергә ярамай», «Бер нигеззен өстөнә икенсөн һалырға ярамай, әз булна ла ситкәрәк һалыр кәрәк», «Үзенә өй һалғанда мәсеттең нигез ташын алып, қыстырырға ярамай» тигән тынызуар бар.

Түй йолаһында қыз қүсеп киткәндә: «Төшкән ерендә таш булып бат!» – тип теләп қалалар. Таш құзғалмай, бер урында ятыуын иғтибарға алып, қыз кире айрылып кайтмаын өсөн шулай әйтәләр.

Ерләү йолаһында мәрхүмде ерләгәс – баш осона қабер ташы қуыла. Улар төрлө формала, төрлө кинлектә, бейеклектә була. Элек қәберзәрзә таш менән бураған булғандар,

¹ Нәзәршина Ф.А. «Киленташтар халықндағы башкорт легендалары Башкорт фольклоры: Тикшеренеүзәр һәм материалдар. V сығарылыш. Өфө, 2004. 87–92-се бб.

² Шәхси архивтан.

³ Аминев З.Г. Об одном реликте культа гор у зауральских башкир // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы III Всероссийской тюркологической конференции, посвященной 110-летию со дня рожд. Н.К. Дмитриева. Уфа, 2008. С. 11–12.

⁴ Аминев З.Г., Котов В.Г., Овсянников В.В., Савельев Н.С. Малые культовые объекты в башкирском Зауралье: к постановке проблемы // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы V Всероссийской тюркологической конференции. Уфа, 2012. С. 6–20.

⁵ Башкорт халық ижады: Йола фольклоры. Өфө, 1995. Б. 263.

⁶ Экспедиция материалдары – 2009: Бөйән районы. Өфө, 2011. 65-се б.

хәзәрге заманда ла был ғәзәт наклана килә. Халыкта «Кәбер ташына тейергә ярамай», «Кәбер ташын күзгатырға ярамай» тигән тыбыузары эле лә йыш ишетергә турған килә.

Борон, башкорттар йәйләүгә сыйканды яланда йома намазын укыр есөн өй урынылай ерзе таш менән уратып, бурап түйгандар. Был урын ға мал кермәһен, таңа накланын есөн шулай әшләгендәр. Бындай урын туралында Эбйәлил районында һәйләнеләр¹.

Ильясов С. «Барын-табын хәтере» китабында борон Эүештауга нисек зиярат қылганда тураһында: «...Тауга күтәрелгәндә түбәнән аз гына астарас өс кеше коласы һыймалы карагас үсә торғайны. Элек Эүлиә тауына менер алдынан табынысылар таузың жәнүб яғындағы қәберлеккә зиярат қылып, тау үңеренән сыйкан шишимә һууы менән үйүүнип, карагаска килеп рөхсәт норагас, Көрәндән сүрәләр укып, кулына таш алып, тауга әүлиәләр янына мeneу хокуғын алған. Тауга мeneу юлы ла кибла яктан булған. Тауга мeneуселәр уң кулына үйшел таяк, нул кулына таш тоторға тейеш булған»² тигән. Бында карагастан рөхсәт норап, әүлиәләр янына қулға таш алып мeneу қызыклы элементтар булып торалар.

Ямғыр теләү йолаңында ла таш кулланыла. Халық әгәр ямғыр озак яумаһа таузағы ташты ылғала тәшөрөп һалған, туктатыр есөн уны азак кире тауга мендергәндәр. Шулай уң, әгәр озак ямғыр яуна йәй ташы, йәки яза ташына һукнаң – ямғыр яуа баштай, ә озак, туктауың үаған осракта ул ташка май һөртөп, ризалатып, доға қылып ямғырзы туктатыр булғандар. Киленташ, колонташ, язаташтар тураһында фольклорсы, этнограф ғалимдарзан А.Инан³, Ф.Ф.Хисамитдинова⁴, Ф.А. Нәзәршина⁵, Ә.М. Сөләймәнов⁶, З.Ф. Әминев⁷, А.Ф.Илембетова⁸, Ю.Р.Әбсәләмова⁹, һәүәсәкәр тарихсы С.Ильясов¹⁰ h.б. хәзмәттәрендә бер ни тиклем мәғлүмәттәр бар.

Башкорттарзың тормош-көнкүрешендә таштар төзөлөш материалы буларак актив кулланылған. Борон ейзәрзә таш қойма, шишимә-көйоларзы һәм мөгөрәптәрзән эсен таш менән бурағандар, таш құмер яққандар, ишек, күтәрмә алдарына таш түшәгендәр. Быға бәйле боронғо ырым-ышаныу за накланған: «Түпһаға таш түшәйбез – кешенең тел-теше баҫмаһын тип. Ул ташты үйүүп торабыз. Уны үйүнаң, ямғыр за була тибез» (2003 йылда Йылайыр районы Һынташ ауылында Мусина Сәғизә Рамазан қызынан (1932 й.) Р.Ә.Солтанғәрәева язып алған)¹¹.

¹ Шәхси архивтан.

² Ильясов С. Барын-табын хәтере: Тарихнәмәләр, хәтирәләр. Өфө, 2008. 388 б.

³ Инан А. Төрки қәбиләләрендә тау, ағас (урман) һәм һыу культы // Ағиzel. 1992. № 11. Б. 139–142.

⁴ Хисамитдинова Ф.Г. Абдулкадир Инан и мифология дождевого камня у башкир // Ахнаф Харисов и актуальные проблемы башкирской филологии (к 100-летию со дня рождения): Матер. Всерос. научно-практич. конф. Уфа, 2014. С. 278–282.

⁵ Нәзәршина Ф.А. «Киленташ»тар хакындағы башкорт легендалары Башкорт фольклоры: Тикшеренеүзәр һәм материалдар. V сығарылыш. Өфө, 2004. 87–92-се бб.

⁶ Сөләймәнов Ә.М. Акташта бәйле эпостар // Урал-Алтай: через века в будущее: Матер. Всерос. научной конф. Уфа, 2006. 400–402-се бб.

⁷ Аминев З.Г. Абдулкадир Инан о камне «Яда» и об обряде вызывания дождя // Ахнаф Харисов и актуальные проблемы башкирской филологии (к 100-летию со дня рождения): Матер. Всерос. научно-практич. конф. Уфа, 2014. С. 249–251.

⁸ Илимбетова А.Ф. Легенда «Ташколон» // «Колокай таш» у башкир и ее генетические и историко-культурные корни // Литературное наследие. Фольклор. Текстология: Межвуз. Сборник научных статей. Уфа, 2009. С. 175–179.

⁹ Абсайымова Ю.А. Обряд вызывания дождя у башкир (в контексте изучения народного ислама) // Труды Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. Вып. V. Уфа, 2011. С. 66–71.

¹⁰ Ильясов С. Барын-табын хәтере: Тарихнәмәләр, хәтирәләр. Өфө, 2008. 272-се б.

¹¹ Материалы – 2003: Зилаирский район. Уфа, 2006. С. 128.

Беларет районында: «Яткан ташты әйләндерһән – ямғыр яуа», «Яткан таштың мүген ачаң – үзенә яуызлык килә», «Ең-зәхмәт тау-таш араһында йәшәй», тигән ырым-ышаныузыар бар. Ауылдарза «Нәр тау-таштың эйәне бар» тигән ышаныу за кин таралған.

Борон батыр-бәһлеуәндәр **таш күтәреп қостәрен арттырғандар**, hayafa, ылға йәки койма аша таш ташлар булғандар. Көс һынашканда тирмән таштарын күтәреп қарағандар, қайһыны тубыкка, қайһы биленә ҳәтлем күтәрә алған. Мәсәлән, Салаут районы Аркауыл ауылынан Борхан бәһлеуән Карапатауза таш карьеरға барып, таш күтәреп көсөн артырыр булған... Салаут районы Мөсәт ауылында көрәшсе Файсин Сәмсетдин олатай (1912-1987 й.) йәш сағында ауыл егеттәре менән ике метр ярымлык таш қойма аша берәр ботлог таш ырғытыр булғандар. Йүрүзән ылғағы аша кем алысырап ташлар тип, һәм кем бейегерәк ырғытыр тип, күккә таш ырғытып көс һынашканда. Таш күтәреп көс һынашу башкорт әкиәттәрендә лә сағылыш тапкан.

Мифологик легендаларза ла ташқа бәйле мотивтар бар, мәсәлән, таштан тыуған еget, Алл батыр туралында йәш фольклоры Р.Р. Зинурова мәкәләһендә телгә ала¹.

Уйын жанрында ла таш кулланыу қүзәтелә. Мәсәлән, «Накы таш» уйынында: «Биш таш алаңын, бер таш ырығытаңың да, тағы берзә алаңын, шунан тағы ырығытаңың да икәүзе алаңың. Әгәр ала алмаңын икенсе кеше уйынды дауам итә» (2003 йылда Йылайыр районы Кашкар ауылы Сафина Зөһрә Сәйфулла қызынан (1937 й.) Г.В. Юлдыбаева язып алған)². Был уйын Балтас районындағы «Биш таш» уйыны менән ауаздаш: «Бер ташты өсәкә сөйөп ебәрәһен дә, икенсөн алаңың. Азак өс, дүрт ташты алып өлгөрһән – очкоң була. Алып өлгөрмәһән кешегә құсә, ул ташлай» (2008 йылда Балтас районы Нәркә ауылы Вәлиева Светлана Шанисолтан қызынан (1946 й.) Ф.Ф. Гайсина язып алған)³.

Халкыбызза ташқа бәйле **мәкәл-әйтедәр** күп: «Яткан таш мүкләнә, йөрөгән таш шымара», «Яткан таш астына һыу ақмай», «Таш менән органға аш менән ор» h.б. тиҗәр.

Алғыш-карғыштарза ла таш һүзә кулланыла, ауылдарза мәсәлән, әгәр қозғон қыскырға: «Тамағына таш төйөлһөн, карғышың үзенә төшһөн» тип әйтәләр. Быға қаршы, шулай әйткәндәр: «Улай қоштарға насар әйттергә ярамай, ауызыңа бал да-май, тип әйт!» – тиҗәр.

Таш менән бәйле сағыштырызуза за бар. Халкыбызза каты бәгерле, үсал кешене – «таш йөрәкле» тиҗәр, йәғни таш һымақ каты қүнелле.

Таштарға бәйле **тыйыузыран** тағы түбәндәгеләрзе миңалға килтерергә мөмкин: «Яткан ташты күзгатырға ярамай, туктауың үмғыр яусак», «Кәбер ташын алып қайтырға ярамай» h.б. Балаларзың һаулығын қайтыртып: «Ташка ултырма, эсенә, бөйөр-бауырыңа һыуык үткәрерһен» тиҗәр ололар.

Таштар им-томда ла кин кулланыла. Әгәр баланың теле бозолна – борон уға асы таш ялатканда. Кайһы бер тәбәктәрзә бүсөр ташы менән төртөп имләү ғәзәте булған. «Инә таш, ата таш була. Инә таш менән қыззарзы имләйзәр: бүсөрзә, өсійәндә, тире аурыуын. Ата таш менән ир балаларзы имләйзәр: әс ауыртыузын, қүзегеүзән, быуын сиренән» (2003 йылда Йылайыр районы Искужса ауылында Юлгилдана Ҳәмдиә Айса қызынан (1933 й.) Р.Ә.Солтанғәрәева язып алған)⁴.

«Матур ғына шыма таш. Салғы қайраған таш. Имләй инем төрлөһөн шуның менән. Инә таш, ата таш була. Қүзлөне була... Шулар имгә һәйбәт» (2005 йылда Һарытау өлкәне Ташибулат ауылынан Мусина Кәнифә Камали қызынан (1926 й.) Р.Солтанғәрәева язып алған)⁵.

¹ Зинурова Р.Р. Рожденный из камня герой башкирской богатырской сказки «Алл-батыр» // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы V Всероссийской тюркологической конф., посв. 80-летию ИИЯЛ Уфимского научного центра. Уфа, 2012. С. 378–380.

² Экспедиционные материалы – 2003: Зилаирский район... С. 201.

³ Экспедиция материалдары – 2008: Балтас районы... 170-се б.

⁴ Экспедиционные материалы – 2003: Зилаирский район... 140-сы б.

⁵ Һамар, һарытау өлкәне башкорттарының рухи хазинаһы. Өфө, 2008. 137-се б.

«Ташым бар ине минен. Шул ташым менән һыйпам – шеше бөтә ине һыйыр еленинен. Күп затлы кешегә бирзәм – хәзәр үкенәм. Йомро ғына таш ине. Эйтә инем: Елдән килһәң – елгә кит, Ерзән килһәң – ергә кит, Кайзан килсәң – шунда кит! - тип өс тапкыр һыйпай инем». (2005 йылда Һамар өлкәне Құсәбай ауылынан Гафарова Бибисара Мөхәмәтиә кызынан (1926 й.) Р.Солтангарәева язып алған)¹.

Шулай ук, им-томда йылға буйынан ябай таш алып қайтып, шуның менән имләп, уны кире урынына алып барып һалыу алымы ла бар. Халық араһында қиммәтле минерал таштарзың наулықка ғына түгел, язмышқа ла йоғонто янауы туралында ырым-ышаныузаң осрай.

Таштар – халқыбызың борондан килгән күрәзәлек қылыу ысулы – «Нокот һалыу» за ла күлланыла. «Нокот һалыу»зы икенселәй «Таш һалыу»за тизәр. Уның өсөн барлығы 41 таш алына, тик таштарзы юлдан алырға ярамай, сөнки улар алдай, тип иңәпләнә. Йылға буйынан алынған таштар дөрөсөн эйтә, тизәр. (юлда кеше күп йөрөгәнгә күре, юлдағы таш бырсак энергетикалы булғанға – Ф.Ф.). Таштарзы булгәндә һәр han нимәнелер белдерә. Эммә, былар барыны ла, йәғни таш символының фольклор жанрзарында сағылыши айырым тикшереү талап итә.

Дин буйынса таштар за зекер эйтәләр, тип иңәпләнә (йәғни, Аллаһты исәкә ала). Мәккә қалаһындағы Харам мәсеттә, Қәғбәтуллала жара таш бар. Хаж қылған вакытта мосолмандар уны тауаф қыла. Дини риүәйәт буйынса, ул Әзәм ғәләйхис-сәләм тарафынан ожмахтан төшөрөлгән фәрештә, һуңынан ташка әйләнгән. Тәүзә ул ак төстә булған, эммә гонаһлы кешеләр қағылғаны өсөн жара төсәкә әйләнгән. Заман ахырында ул таш янынан фәрештәгә әйләнәсәк, тип бәйән ителә.

Борон башкорттарза таш – язалау жоралы ла булып хәзмәт иткән, белеүегезсә, шәрифәт канунын бозған, зина гонаһы қылған өсөн таш менән һуғып язалау булған.

Шулай итеп, таштар халық ижадында, тормош-көнкүрештә төрлө функциялар үтәүзәрен дауам итәләр. Таш – «Мифологияла донъяның иң тәүге өлөштәренең берене. Башкорттарзың ышаныуы буйынса, таш – тере әйбер. Улар үсә (таш үсә), ял итә, йоклай (таш таныға), таш балалай»². Шулай ук, таш – тоя, дауалай, зекер қыла, енестәргә бүленә (инә, ата), тышкы-эске сифаты буйынса жарала (каты, йомшак), ер-һыу атамаһы булып һәм көнкүрештә төзөлөш материалы булып хәзмәт итә h.б. Үрзә, беззәң тарафтран жарала башлаған бүлектәр киләсәктә һәр яктан ентекле ейрәнелер тигән өмөттә қалабыз.

© Ғайсина Ф.Ф., 2016

УДК 902.2

Галимова М.Ш.,
Хамзин Р.Н.
г. Казань

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ДРОЖЖАНОВСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Аннотация: В данной работе рассматривается краткая история археологического изучения Предволжья в целом и Дрожжановского района Республики Татарстан в частности. Прослежено заселение региона людьми на основе известных археологических памятников рассматриваемого района в различные исторические эпохи, начиная с каменного века и заканчивая поздним средневековьем.

Ключевые слова: Республика Татарстан, Предволжье, Дрожжановский район, археологические памятники, история археологического изучения.

Annotation: In this paper we consider the history of researching the archaeological sites in Predvolzhye.

Key words: Republic of Tatarstan, Predvolzhye, Drozhzhansky district, archaeological sites, history of archaeological studies.

Краткая история археологического изучения Предволжья Татарстана. Интерес со стороны исследователей к археологическим памятникам Предволжья проявился по сравнению с другими районами Татарстана, относительно поздно. Первые упоминания об археологических памятниках Предволжья относятся к 20-м годам XIX в., когда Ф. Эрдманом (1821) были отмечены остатки летописного Ошеля (Кирельское) городище. Далее в 1856 г. у с. Малые Атрясы найден крупный клад монет XIII-XIV вв., опубликованный П.С. Савельевым. В 1967 г. профессор Казанского университета Н.А. Головкинский (1869) отметил несколько местонахождений каменных орудий и фрагментов глиняной посуды в окрестностях с. Буртасы. В первых сводах археологических памятников К.И. Невоструева, (1871) и С.М. Шпилевского (1877) уже указано около двух десятков древних городищ и отдельных находок в Предволжье. В 70-80-е годы XIX в. из различных населённых пунктов правобережья Волги и бассейна р. Свияги в коллекции казанских краеведов и коллекционеров начинают поступать различные предметы. Особенно многочисленными они оказались в коллекции В.И. Заусайлова, ныне хранящийся в Национальном музее Финляндии¹.

Образование в 1878 г. при Казанском университете Общества археологии, истории и этнографии усилило деятельность казанских и симбирских археологов по непосредственному изучению памятников региона. Так, например, инспектор народных училищ И.А. Износков в 1878-1881 гг. открывает и осматривает в районе г. Тетюши несколько интересных городищ (Танай-Тураевское городище, Чуру-Барышевское городище и селище). Ряд городищ (Льяшевское городище, Зеленовское городище, Колунецкое городище, Сюкеевское городище и др.) между Волгой и Свиягой были открыты и изучены в 1881-1882 гг. Е.Т. Соловьевым. В эти же годы профессора Казанского университета Н.Ф. Высоцкий и П.И. Кротов выявляют и исследуют несколько стоянок в правобережье устья Свияги. Несколько позднее в 1895 г. П.И. Кротов открыл ряд интересных стоянок на р. Свияге у сел Большие и Малые Кокузы (Малококузинская стоянка I, Малококузинская стоянка). В 1890 г. известный казанский учёный П.А. Пономарёв предпринял попытку археологического поиска летописного города Ошеля и с этой целью осмотрел несколько городищ в районе с. Кирельское (Янтиковское (Кирельское) городище, Кирельское городище II («Сокол»)), Кирельское городище I («Сокол»))².

К рубежу XIX–XX вв. относится активная деятельность татарского археолога Г. Ахматова по выявлению и изучению археологических памятников в низовьях Свияги. Им

¹ Һамар, һарытау өлкәне башкорттарының рухи хазинаһы. 129-сы б.

² Хисамитдинова Ф.Г. Таш // Башкорт мифология һүзлеге. Өфө, 2015. Б. 328–331.

¹ Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье. Казань, 1985. С. 6.

² Свод памятников археологии Республики Татарстан (т. 3). Казань, 2007. С. 9.

были исследованы и описаны несколько городищ: Тавлинское, Городищенское, Луковское (Япанчинское), а также Побединская курганская группа и др. В это же время В.И. Поливанов составляет Археологическую карту Симбирской губернии, где был отмечен ряд археологических памятников, ныне относящихся к Буйинскому району РТ. В 1901 г. профессор А.А. Штуценберг провел археологические раскопки в Пустых Морквашах (Пусто-Морквашинский могильник I).

В советское время в Предволжье начинаются целенаправленные археологические разведочные исследования и раскопки. Так, например, в 1927–1928 гг. краеведы А.М. Тамбовцев и Н.Ф. Калинин проводят разведки по Волге и от Волги к Свияге, при этом они осматривают Льяшевское и Зеленовское городища. В 1927 г. В.Ф. Смолин предпринял раскопки Пусто-Морквашинского могильника II.

В 1949 г. под руководством Н.Ф. Калинина в правобережье Волги была проведена археологическая экспедиция, которая открыла и исследовала более 100 различных археологических памятников. В 1951 г. этой же экспедицией исследовались палеолитические памятники и проводились разведки по правобережью Волги на отрезке между селами Пустые Моркваша и Нижний Услон.

В 1957 г. экспедиция ИЯЛИ КФАН СССР несколькими отрядами провела археологические разведки в бассейне р. Свияги в пределах Тетюшского, Буйинского, Дрожжановского и Апастовского районов. В результате этих работ было выявлено около 130 археологических памятников, а на Козловском и Большетарханском I могильниках были проведены раскопки. В 1960 г. разведки и довольно широкие археологические исследования памятников эпохи бронзы были проведены в пределах Верхнеуслонского, Зеленодольского и Апастовского районов. В результате было выявлено более 100 различных археологических памятников. Интересные результаты принесли раскопки в 1960–1961 гг. мезолитических, неолитических и энеолитических стоянок в районе сёл Кабы-Копры и Кокузы (Кабы-Копрынская стоянка I, II, Малококузинская стоянка I, II). В эти же годы широкие были продолжены исследования на Большетарханском I могильнике¹.

В 60-е гг. XX в. начинаются активные работы казанских археологов по изучению археологических памятников Предволжья, разрушающихся в зоне Куйбышевского водохранилища. В 1963 г. были осмотрены памятники на Волге между Сюкеевым и Тетюшами, в 1968 г. – от Камского Устья до южных границ РТ, в 1967–1969 гг. низовья р. Свияги. В результате всех этих работ к 1976 г. в Предволжье Татарстана было осмотрено около 120 археологических памятников, многие из которых были открыты впервые. В эти же годы проводились стационарные археологические исследования некоторых памятников. Так, например, в 1963–1967 гг. Чувашский отряд Поволжской археологической экспедиции провёл раскопки городища «Хулаш». В 1969–1971, 1978 и 1980 гг. исследовался комплекс могильников эпохи бронзы, раннего железа и раннеболгарского времени у г. Тетюши (Тетюшский могильник I, II, III). В 1970 г. Е.А. Халиковой и А.Х. Халиковым были проведены небольшие раскопки на Атрясском кладбище и Большетарханском I могильнике. Также во второй половине 1970-х гг. начале 1980-х гг. масштабным археологическим исследованиям были подвергнуты Пусто-Морквашинский I могильник, комплекс «Сюкеевский звезд»².

В конце 1980-х – 1990-е гг. разведочные исследования в бассейне р. Свияги проводились Р.С. Габышевым, М.Ш. Галимовой, К.Э. Истоминым, А.А. Чижевским, М.Г. Косменко и т.д. В 2006 г. разведочные исследования под руководством Р.Н. Хамзина проводились в Верхнеуслонском и Камско-Устьинском районах³. В 2008 г. под

руководством Р.Н. Хамзина разведки проводились в Апастовском и Кайбицком районах¹, а под руководством М.В. Сивицкого разведочные исследования проводились в Дрожжановском и Буйинском районах РТ². Последние работы в южных районах Предволжья на территории Республики Татарстан дали новые сведения о памятниках археологии региона и позволили уточнить состояние и местоположение ранее выявленных памятников³. Однако, несмотря, на определенные успехи археологов, в древней и средневековой истории Предволжья Татарстана и Дрожжановского района, в особенности, остается немало нерешённых проблем, которые требуют пристального внимания исследователей.

Территория Дрожжановского района в первобытную эпоху. Долины левых притоков р. Свияги (в ее среднем течении) – рек Малая и Большая Цильна, которые протекают по территории Дрожжановского района, были издревле населены людьми первобытной эпохи. Об этом свидетельствуют отдельные первобытные археологические памятники, известные к настоящему моменту. В целом, в истории заселения и хозяйственного освоения территории Предволжья РТ в так называемый «догородской» период выделяется несколько основных этапов:

- каменный век и медно-каменный век (верхний палеолит, мезолит, неолит, энеолит) (XIV–IV тыс. до н.э.)
- эпоха бронзы (срубная, абаевская, культуры, памятники т.н. «займищенского типа», а также сусканко-луговская и маклашевская культуры) III–II тыс. до н.э.
- ранний железный век (ананьевская культура) VII–V вв. до н.э.
- раннее средневековье (азелинская, именьковская культуры) III – нач. X вв. н.э.

Вопрос о заселении территории Дрожжановского района в каменном и медно-каменном веках до сих пор остается открытым, поскольку стоянок этого возраста здесь пока не обнаружено. Вместе с тем, существуют довольно неплохие перспективы нахождения древнейших памятников в долинах рек Малая и Большая Цильна. Об этом свидетельствуют находки эпохи камня и энеолита, известные в долине р. Карла – левого притока Свияги, который протекает несколько севернее р. Малая Цильна, по территории Буйинского района РТ. На обоих берегах р. Карла были открыты стоянки первобытных людей мезолита, неолита и энеолита, располагавшиеся на песчаных холмах – дюнах у сел Альшихово, Тиньгаш, Рунга и др.

С появлением первых металлических орудий (медных) в период энеолита (IV–III тыс. до н.э.) образ жизни и хозяйственная деятельность обитателей Приволжского края практически не изменились. Первобытные люди в это время по-прежнему использовали, в основном, каменные орудия труда, медные изделия были чрезвычайно редки. В связи с этим для волжского правобережья весьма характерны остатки стоянок- мастерских по изготовлению орудий из кремня и кварцита. Полученные на берегу Волги заготовки каменных орудий, а также ножевидные пластины и нуклеусы (ядрища), с которых эти пластины могли быть отделены, первобытные обитатели долины Свияги и ее притоков приносили в свои жилые поселки (поселения и стоянки), которые также, как и в предшествующие эпохи, располагались на песчаных холмах и террасах. Каменные наконечники стрел и дротиков, а также топоры использовали на кратковременных охотничих стоянках, остатки которых в виде местонахождений зафиксированы на территории Буйинского района.

¹ Он же. Отчёт о разведках археологических памятников в Апастовском, Кайбицком районах Республики Татарстан в 2008 г. С. 4–9.

² Сивицкий М.В. Отчёт о разведках археологических памятников в Дрожжановском, Буйинском районах Республики Татарстан в 2008 г. С. 4–6.

³ Галимова М.Ш., Сивицкий М.В., Хамзин Р.Н. Археологические исследования у села Нижнее Чекурское Дрожжановского района Республики Татарстан // Средневековая археология Волго-Уралья: сборник научных трудов к 65-летнему юбилею д.и.н., проф., член-корр. АН РТ Ф.Ш. Хузина. Казань, 2016. С. 86–91.

¹ Археологическая карта Татарской АССР... С.7.

² Свод памятников археологии Республики Татарстан... С. 11–12.

³ Хамзин Р.Н. Отчет о разведках археологических памятников в Камско-Устьинском и Верхнеуслонском районах Республики Татарстан в 2006 г. С. 4–9.

Обитателями Предволжья и в частности в период энеолита были, в основном, носители волосовской археологической культуры. Об этом говорят, например, результаты раскопок Черки-Кильдуразских поселений 1 и 2 на песчаной террасе правого берега Свияги в Буинском районе. Несколько позже на территории среднего течения Свияги проникли носители балановской культуры, принадлежащей обширной общности культур с боевыми топорами Северной Европы. Распространение в Предволжье памятников балановской культуры III тыс. до н.э. было связано, видимо, с тем, что здесь находились источники медесодержащих руд. Свидетельством тому являются результаты раскопок уникального Козловского 1 могильника на дюне в пойме Свияги напротив д. Козловка Буинского района.

В III–II тыс. до н.э. в районе появляются сообщества носителей культур эпохи бронзы, которые были знакомы с бронзовыми орудиями, однако, продолжали активно использовать и каменные. Чрезвычайная редкость находок эпохи бронзы в Дрожжановском районе, вероятно, связана со слабой изученностью этой территории Предволжья. Между тем, в соседних районах Предволжья, например, в Буинском районе, число зафиксированных стоянок бронзового века довольно велико (около 50 памятников). В Дрожжановском районе известны следующие памятники эпохи бронзы: Старошаймурзинские местонахождения I и II, Новозадоровское поселение, Матакское поселение (селище). Необходимо отметить, что в бронзовом веке была заселена ближайшая к Дрожжановскому району с севера долина реки Чильча (левый приток Свияги). Там известны стоянки у сел Старые Тинчали, Старостуденецкие Выселки, Бюрганы, Старые Бурундуки, Сарыкамыш.

На протяжении эпохи бронзы картина распространения археологических культур на данной территории неоднократно менялась. Вначале долину Свияги и ее притоков освоили племена абашевской культуры, затем – срубной культуры и так называемого займищенского типа памятников. В позднем бронзовом веке здесь появились носители сускан-луговской и маклашеевской культур. Первобытные коллективы эпохи бронзы освоили важнейшую отрасль производящего хозяйства – животноводство. Вместе с тем, они активно продолжали заниматься охотой и рыболовством. В этой связи долина Свияги и ее притоков, широкая, с песчаными холмами, с высоким правым берегом и многочисленными старицами на левом берегу, была весьма привлекательна для древних скотоводов.

По всей вероятности, к эпохе бронзы могут быть отнесены все группы курганов, не имеющие хронологической привязки, которые были отмечены во множестве еще в XIX в. Ныне большинство из этих курганных групп, внесенных в списки Министерства культуры РТ, очевидно, были уничтожены распашкой, вследствие чего не поддаются локализации. Таковы, видимо и курганы, отмеченные в более 100 лет назад близ с. Средние Алгаши. Между тем, поблизости от восточной границы Дрожжановского района, в устьевой части долины р. Цильна у с. Раково сохранились такие курганы.

В начале I тысячелетия до н.э. в Волго-Камье происходило формирование предков современных финноязычных народов Поволжья и Предуралья – мордвы, марийцев, удмуртов, коми. В VIII в. до н.э. племена, жившие в Предволжье, перешли к использованию железа. Железо окончательно вытеснило каменные и бронзовые орудия труда и оружие. Освоение черной металлургии привело к дальнейшему развитию производительных сил, а также росту имущественного расслоения в первобытных коллективах. Археологические культуры раннего железного века – городецкая, ананьинская, пьяноборская и др. В начале 1 тыс. до н.э. на место обитания населения маклашеевской культуры финального бронзового века пришли носители ананьинской культурно-исторической общности, мигрировавшие из Верхнего и Среднего Прикамья. Ананьинцы имели сложную племенную структуру, со своими локальными центрами.

Ананьинское население в VIII–VI вв. до н.э. оставило наиболее древние в Волго-Камье укрепленные поселения–убежища (городища), которые обычно располагаются на очень высоких, выдающихся над окрестностями, мысах, залесенных и ограниченных

глубокими оврагами. Множество таких мысов зафиксировано на территории приподнятого и глубоко расчлененного рельефа северной части Приволжской возвышенности. Однако, на территории Дрожжановского района таких высоких мысов довольно мало. Здесь известно лишь одно местонахождение ананьинской культуры – Старошаймурзинское. Видимо, население ананьинской культурно-исторической области, так же, как и последующее население азелинской культуры, почти не проникало вглубь Предволжья, расселяясь, в основном, в безопасной пересеченной и залесенной местности на высоком волжском берегу. В VI в. до н.э. ананьинская культурно-историческая область прекратила свое существование по причинам, которые не установлены твердо до сих пор.

О населении территории нынешнего Дрожжановского района в период с VI в. до н.э. по III в. н.э. ничего не известно. В III–IV вв. н.э. в Предволжье приходят носители азелинской культуры. Здесь они оставили после себя редкие памятники. В эпоху Великого переселения народов в середине I тыс. н.э. поволжские финны испытывали давление прототюркских и других племен, что привело к перемещению и отчасти смешению населения. Азелинцы занимались подсечно-огневым земледелием, скотоводством, рыбной ловлей и охотой (преимущественно пушной), а также кузнецким делом. Азелинцы использовали городища-убежища предшествующих ананьинской и городецкой культур. Однако, на территории района памятники азелинской культуры на сегодня практически не известны.

В раннем средневековье (V–VII вв.) – т.н. «предболгарский» период долина Свияги и ее притоков была плотно освоена населением именьковской культуры. Будучи первыми пашенными земледельцами в крае, «именьковцы» стремились освоить, прежде всего, черноземные почвы, которыми богата долина Свияги. Жили носители именьковской культуры в полуземлянках, выращивали зерновые культуры. У них было развито также скотоводство. Высокий правый берег реки, интенсивно рассеченный оврагами, был чрезвычайно удобен для постройки именьковских городищ-убежищ, что было вызвано необходимостью защиты от вражеских племен. Именьковские городища занимают обычно узкие длинные обрывистые мысы на высоком правом берегу Свияги. С этими городищами были связаны и крупные неукрепленные поселения – селища, располагавшиеся «кустами» вокруг первых. Таковы, например, крупные «кусты» памятников у сел Черки-Бибкеево, Большое Фролово, Степановка, Большая Карланга, Русские Кищаки. Такие кусты памятников именьковской культуры соответствовали, вероятно, отдельным родам. На рубеже VII–VIII вв. н.э. часть именьковцев ушла на запад, в Среднее Поднепровье, а другая часть, вероятно, была ассимилирована раннебулгарскими племенами, пришедшими из евразийских степей в период Тюркского каганата¹.

В связи со слабой археологической изученностью Дрожжановского района памятников именьковской культуры не зафиксировано. Это, вероятно, объясняется отсутствием крупных рек с их большими пойменными долинами пригодными для земледелия и скотоводства, которые использовались именьковским населением. Кроме того, сравнительно небольшая высота надпойменных террас рек рассматриваемого района (реки: Цильна, Малая Цильна, Большая Якла) относительно уреза воды не позволяла носителям именьковской культуры строить укрепленные поселения-убежища.

Таким образом, территория Дрожжановского района остается «белым пятном» в отношении значительного хронологического отрезка истории от завершения бытования ананьинской культуры (VI в. до н.э.) до прихода волжских болгар (булгар) (VIII–IX вв. н.э.). Необходимы целенаправленные археологические исследования в этом направлении.

Территория Дрожжановского района в средневековье (волжские болгары). В раннебулгарский период (VIII–IX вв.) на Средней Волге началось формирование булгарской археологической культуры. Этот процесс происходил с участием тюркских,

¹ Сивицкий М.В. Отчет о разведках археологических памятников в Дрожжановском, Буинском районах Республики Татарстан в 2008 г. С.17–21.

угорских и именьковских племен. Отражением этого стало появление памятников нового типа – могильников с кочевыми древностями, а на ряде селищ именьковской культуры – посуды салтово-маяцкой культуры Волго-Донского междуречья (среди которых были и ранние болгары). Первые булгары появились на территории Среднего Поволжья в конце VII – начале VIII вв. н.э. Это было тюркоязычное население, пришедшее из Подонья и Приазовья после разгрома Великой Болгарии хазарами. Вторая волна переселенцев-булгар появилась на Средней Волге после поражения Хазарии от арабов в середине VIII в.¹. В этот период в Предволжье булгарами были оставлены могильники, такие, как Большетарханский в Тетюшском районе РТ.

В IX–Х вв. на территории Среднего Поволжья булгары создают государство – Волжская Болгария. В Волжской Болгарии хорошо были развиты земледелие, градостроительство, ремёсла, торговля. Основой хозяйственной жизнедеятельности болгар являлись земледелие и скотоводство. С провозглашением в 922 году ислама государственной религией духовная жизнь народа развивалась под воздействием культуры мусульман Востока. В отличие от богатых домонгольскими памятниками районов Закамья и Предкамья, южная часть Предволжья (в пределах Республики Татарстан) обладает сравнительно немногочисленными памятниками домонгольского периода Волжской Болгарии. На территории Дрожжановского района в настоящее время известны несколько археологических объектов этого периода. В южной части района у села Городище зафиксированы остатки Городищенского городища, практически полностью разрушенного в результате антропогенного воздействия, а также прилегающего к нему крупного Городищенского селища (Х–ХIII вв.). Близ села Татарские Шатрашаны находятся два булгарских селища того же периода (Татарско-Шатрашанское селище I, II). У села Чувашская Бездна фиксируется Чувашско-Бездненское городище. Городище расположено у северо-западного края села на относительно невысоком мысу, образованном речкой и оврагом. Со всех сторон городище ограждено линией обороны из одного, а местами из двух валов. Наибольшая сохранность укреплений фиксируется с напольной стороны: вал высотой 1,5 м и шириной 11 м, ров глубиной 1,2 и шириной 8 м. В 8–10 м от них через небольшую площадку следует ещё один невысокий вал. Также имеются проезды с западной, восточной и южной стороны городища².

В ближайшей окрестности Чувашско-Бездненского городища, в 1,3 км к юго-юго-западу от села имеются остатки небольшого булгарского селища (Чувашско-Бездненское селище). Довольно мощный булгарский культурный слой домонгольского периода наблюдается в обрывах правого берега р. Малая Цильна близ д. Канаш (Канашское селище).

Кроме того, к востоку от села Русская Бездна археологами фиксируется крупное булгарское селище (около 140000 кв. м), материал которого синхронен с материалом, найденным на городище. Вероятно, данное городище являлось южным форпостом, используемым булгарами для контроля местного населения и охраны прилегающих территорий.

После расширения границ Золотой Орды вплоть до р. Дунай и завершения монголами похода, направленного на покорение западных земель, Волжская Болгария вошла в состав нового государства – Улуса Джучи. Учитывая высокий экономический потенциал Волжской Болгарии, развитую систему государственного управления, монотеистического религию и высокий уровень культурного развития, Бату-хан в качестве первой столицы выбрал город Булгар и именно здесь в 40-х – начале 50-х гг. XIII в. началась чеканка джучидских монет.

Поволжские города Золотой Орды достигли высшего расцвета в первой половине XIV в., во многом, благодаря стратегически и экономически выгодному расположению

вдоль Великого Волжского пути. В этот период болгарские купцы также активно участвуют в торговых связях со странами арабского востока и Русью. Об этом говорят находки арабских (куфических) монет, сделанные в большом количестве на болгарских городищах и селищах на территории Предволжья.

В золотоордынский период в рассматриваемом регионе жизнь продолжается, о чём свидетельствуют два мусульманских кладбища, выявленных в Дрожжановском районе. Одно из них – Староишлийское кладбище, расположенное в 0,8 км к западу от деревни Старые Ишли, у местного населения носит название «Иски Зират». В довоенное время на нём фиксировались надгробные камни. Второе кладбище – Старошаймурзинское, расположено в 6 км к западу от села на пологом мысу ограниченном двумя неглубокими оврагами. На Старошаймурзинском кладбище в настоящее время фиксируются два надгробных камня со стёртыми надписями. Оба кладбища датируются XIV–XV вв. Оба кладбища заброшены. Следов проживания групп болгарского населения, оставивших данные эпиграфические памятники, исследователями до настоящего времени не зафиксировано.

Вероятно, небольшие группы болгарского населения продолжали проживать на территории Дрожжановского района, но они были весьма малочисленны. Основная же масса населения с приходом монгольских войск покидает свои места, и, вероятно, уходит на север и северо-восток. Об этом, возможно, свидетельствует отсутствие культурных напластований и артефактов на Городищенском и Чувашко-Бездненском городище, а также на прилегающих к ним булгарских селищах. В этой связи, видимо, не случайно возникновение и развитие в XIII–XIV вв. на территории соседних районов (Апастовский, Камско-Устьинский, Тетюшский и др.) крупных торгово-ремесленных центров (Сюкеевское, Больше克莱ринское, Чуру-Барышевское, Зеленовское и Ляшевское городища, Большеатрясское селище II и т. д.), о чём свидетельствуют археологические материалы.

По писцовым книгам XVI в. в Предволжье выявлено 700 поселений ханского периода, 500 из которых находятся в междуречье Волги и Камы. Однако установить местонахождения селений и кладбища периода Казанского ханства довольно трудно в силу того, что на их месте возникли или продолжали существовать села в русский ранний период и позже. Таким образом, период Казанского ханства, по данным археологии на территории Дрожжановского района практически не изучен и остается белым пятном. Это, во многом, объясняется тем, что основная масса селений Казанского ханства в Предволжье существует и по сей день и, к сожалению, зачастую не рассматривается археологами как объект для исследований.

© Галимова М.Ш., 2016

© Хамзин Р.Н., 2016

¹ Хузин Ф.Ш. Ранние булгары и Волжская Булгария. (VIII – начало XIII в.). Казань, 2006. С. 26.

² Археологическая карта Татарской АССР... С. 46–47.

Гаухман М.В.
г. Уфа

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ МУЗЕЯХ
(ИЗ ОПЫТА МЕТОДИЧЕСКОЙ РАБОТЫ
НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)**

Аннотация: Статья посвящена проблемам научно-исследовательской деятельности муниципальных музеев Республики Башкортостан. Рассмотрены причины недостаточного уровня научных исследований в музеях и предложены перспективные направления, которые позволяют активизировать исследовательскую работу музейных сотрудников.

Ключевые слова: музейное дело, муниципальные музеи, научно-исследовательская деятельность, Национальный музей Республики Башкортостан.

Annotation: The article deals with the problems of scientific-research activity of municipal museums of Bashkortostan Republic. The causes of insufficient level of scientific researches in museums are investigated and the perspectives branches for activation research work of museum staff are proposed.

Key words: Museology, municipal museums, scientific-research activity, the National Museum of Bashkortostan Republic.

Музейные учреждения ведут комплексную работу, связанную с комплектованием, изучением, представлением и популяризацией музейных коллекций, связанных с историей и культурой родного края. Неотъемлемой частью музейной деятельности является исследовательская работа, направленная на изучение музейных предметов и музейных коллекций, природы, истории, этнографии и культуры родного края, музейной педагогики, истории и теории музейного дела.

В общем понимании научно-исследовательская работа представляет собой получение новых знаний или обобщение имеющейся информации. Приращение научного знания происходит в соответствии с методами и принципами, как общими для различных наук, так и специфическими для каждой дисциплины. В специальном терминологическом словаре приведено такое определение понятие «научное исследование»:

«Научное исследование – процесс выработки новых научных знаний. Основными компонентами исследования являются: постановка задачи, предварительный анализ информации, условий и методов решения задач данного класса; формулировка исходных гипотез; теоретический анализ гипотез; планирование и организация эксперимента; анализ и обобщение полученных результатов; проверка исходных гипотез на основе полученных фактов; окончательная формулировка новых фактов и законов; получение объяснений или научных предсказаний; внедрение полученных результатов в производство»¹.

Согласно определению понятия «музей», сформулированному сотрудником Государственного литературного музея Евгенией Воронцовой, музей является исторически обусловленным институтом социальной памяти, предназначение которого «заключается в сохранении культурного наследия в форме музейных предметов и их совокупностей – музейных коллекций и музейных собраний..., в трансляции культурного опыта от поколения к поколению... и в сохранении культурного пространства как некой целостности»².

В этом определении понятия «музей», как и в других пониманиях музея¹, прямо не упоминается научно-исследовательская деятельность музейных сотрудников и её направления. Однако из этого определения следует, что музей должен в обязательном порядке вести исследования, во-первых, музейных предметов², составляющих культурное наследие страны и региона, и, во-вторых, культурного пространства в рамках исторического, литературного и искусствоведческого краеведения, в зависимости от профиля музея. К сожалению, нередко научно-исследовательская деятельность оказывается второстепенной составляющей работы музейных сотрудников.

Национальный музей Республики Башкортостан является методическим центром для государственных и муниципальных музеев республики. Национальный музей предоставляет методическое обеспечение различным направлением деятельности музеев и галерей. Особое внимание в методической работе уделяется муниципальным музеям, которые в большинстве своём расположены в малых городах и сёлах.

Для осуществления методического обеспечения, при помощи периодических и тематических отчётов, сотрудники Национального музея Республики Башкортостан ведут постоянный мониторинг работы муниципальных музеев республики. Данные мониторинга свидетельствуют о недостаточном уровне научно-исследовательской деятельности в городских и сельских музеях. Музейные сотрудники обычно не могут представить результаты своих исследований в форме академического или популярного текста.

Целью настоящей работы является анализ проблем научно-исследовательской деятельности сотрудников муниципальных музеев Башкортостана и определение перспектив повышения уровня исследовательской работы в муниципальных музеях.

Попытаемся сформулировать основные факторы музейной практики, препятствующие полноценной научно-исследовательской деятельности муниципальных музеев Республики Башкортостан:

1. Восприятие музеев, в первую очередь, как учреждений культуры. Подобное представление преобладает и среди музейных сотрудников, и среди представителей местных властей. Официально музеи относятся к сфере культуры, находясь в ведении Министерства культуры Российской Федерации, Министерства культуры Республики Башкортостан и отделов (управлений) культуры администраций муниципальных районов или городских округов. Однако музеи – это не только культурно-просветительские организации.

Искусственное ограничение музейного дела сферой культуры приводит к тому, что на первое место в работе музейных сотрудников выходит культурно-просветительская деятельность, зачастую в ущерб другим направлениям работы музеев. Безусловно, массовая работа является одной из важных сторон музейного дела. Но она должна быть связана с научно-фондовой и научно-исследовательской работой и не подменять их.

2. Кадровые проблемы музеев. В крупных государственных музеях возможно разделение труда, при котором выполнение тех или иных функций музея распределяется между разными сотрудниками. В муниципальных музеях, в связи с незначительным числом персонала, подобное разделение становится невозможным. Острым является кадровый вопрос в сельских музеях, в которых основной персонал (научные сотрудники, экскурсоводы, музейные смотрители) составляет всего 1-2 человека.

Критично не только малое число музейных сотрудников, но и их квалификация. В настоящее время в высших учебных заведениях Башкортостана не ведётся подготовка и переподготовка специалистов по направлениям «Музеология» (или «Музееведение»). Ежегодные краткосрочные курсы повышения квалификации, проводимые под эгидой

¹ Исследовательская деятельность. Словарь [Электронный ресурс] М., 2010. URL: http://research_activities.academic.ru/775/Научное_исследование (дата обращения 5.09.2016).

² Воронцова Е.А. От «Российской музейной энциклопедии» к энциклопедии «Литературные музеи России»: энциклопедия как информационный ресурс по истории культуры // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. М., 2015. Вып. 52. С. 228.

¹ См.: Каулен М.Е., Мавлеев Е.В. Музей // Российская музейная энциклопедия: в 2 т. М., 2001. Т. I. А–М. С. 395–396.

² См.: Воронцова Е.А. Музей как элемент системы информационного обеспечения исторической науки: теоретико-методологические аспекты // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3. С. 83.

Министерства культуры Республики Башкортостан, охватывают, по нашему мнению, большой спектр проблем, но за слишком короткое время.

3. Место музеев в научном сообществе. Под «научным сообществом» понимают совокупность исследователей и научных институций, объединённых общими стандартами и нормами научного познания¹. Традиционно абсолютное большинство музейных сотрудников, за исключением персонала ведущих музеев России из Москвы и Санкт-Петербурга и отдельных музейщиков, не относится к сообществу учёных академического уровня. Исключением являются археологи и этнографы, для которых научные исследования неотделимы от изучения тематических коллекций предметов, обычно хранящихся в музеях.

Не включённость музейных сотрудников в научные сообщества исследователей-гуманитариев отражается на том, что музейщики, как правило, не могут представить свои исследовательские разработки в виде опубликованного текста, написанного по определённым академическим стандартам.

4. Специализированный характер научно-исследовательской деятельности. Любая современная наука требует специализации, при которой исследователь посвящает основную часть своего рабочего времени изучению определённой научной проблемы или ряда проблем. Музейным сотрудникам, особенно в сельских музеях, приходится выполнять множество функций: заниматься пополнением фондов и описанием музейных предметов, создавать выставки, проводить экскурсии, организовывать массовые мероприятия и т. д. Перегруженность музейщиков снижает научно-исследовательский потенциал музеев.

Исходя из вышеперечисленных факторов, препятствующих музейным исследованиям, предлагаем следующие пути повышения эффективности исследовательской деятельности, которые не требуют коренной перестройки музейного дела:

I. Методическое обеспечение научно-исследовательской деятельности музеев. Для этого необходимо издавать специальную методическую литературу для музейных сотрудников, уделяя внимание проблемам каталогизации музейных коллекций, историко- и литературно-краеведческим и музейно-педагогическим исследованиям, проводить конференции, посвящённые вопросам фондовой работы, краеведения и музейной педагогики.

Необходимо действовать в соответствии с актуальными направлениями исследовательской деятельности. Например, выше говорилось о преобладающем характере культурно-просветительской деятельности музеев. Исходя из этого, представляется перспективным развитие музейно-педагогических исследований, которые способны повысить уровень просветительской работы и связать её с экспозиционными возможностями и результатами краеведческих исследований музейщиков.

II. Участие музейщиков в краеведческих сообществах. Выше говорилось, что большинство музейных сотрудников не включено в научные сообщества различных дисциплин. Зато музейщики ориентированы на интересы местных жителей. Заинтересованная локальная аудитория, как правило, включает группы краеведов – исследователей-любителей, которые занимается изучением различных сторон истории и культуры родного края. Однако краеведческие работы могут быть далеки от академических стандартов.

Нередко музейные работники являются довольно известными краеведами и даже возглавляют районные организации краеведов. Поэтому участие музейщиков в краеведческом сообществе, при условии приближения их публикаций к стандартам научного сообщества, может способствовать развитию и популяризации краеведческих исследований.

III. Развитие научно-просветительских проектов. Ряд музеев реализует собственные проекты или участвуют в научно-просветительских инициативах, направленных на

популяризацию исторического знания и приобщение школьников к научно-исследовательской деятельности. Напрямую эти инициативы не связаны с исследовательской деятельностью, но опосредованно способствуют развитию краеведения на местах. Так, в августе 2015 года и июле 2016 года Стерлитамакский историко-краеведческий музей, при поддержке Отдела молодёжи Стерлитамакского района и ВПО «Отечество», организовал лагерь дневного пребывания для школьников из г. Стерлитамак и Стерлитамакского района. Ребята участвовали в археологических раскопках под руководством профессиональных археологов.

Музеи организовывают на районном уровне конкурсы школьных научно-исследовательских работ. Например, Бижбулякский историко-этнографический музей в первом квартале 2016 года провёл районный этап республиканского краеведческого конкурса «Дорогами Отечества». Сибайский историко-краеведческий музей, совместно с Сибайским институтом Башкирского государственного университета, в январе 2016 года объявил Республиканский конкурс научно-исследовательских работ школьников «Историческое и культурное наследие народов Республики Башкортостан».

Таким образом, научно-исследовательская работа в муниципальных музеях республики, согласно мониторингам Национального музея Республики Башкортостан, ведётся на недостаточно высоком уровне. Исследовательской деятельности музейных сотрудников препятствует восприятие музеев преимущественно как учреждений культуры, нехватка кадров вообще и квалифицированных кадров в частности, не присутствие музейщиков в научном сообществе и невозможность специализироваться на разработке определённых исследовательских проблем из-за разнообразных служебных обязанностей.

Перспективы повышения уровня научно-исследовательской работы в музеях, без реформирования музейного дела в целом, мы усматриваем в организации методического обеспечения исследовательской деятельности, участии музейщиков в краеведческих сообществах и активизации научно-просветительских инициатив, направленных на приобщение школьников к научным исследованиям.

© Гаухман М. В., 2016

¹ См.: Юдин Г. Иллюзия научного сообщества // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 3. С. 64–65.

Григорьев А.П.
г. Самара

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ И ИСТОКАХ ПАМЯТНИКОВ ЯМНОЙ
КУЛЬТУРЫ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Аннотация: Статья посвящена проблеме появления ямной культуры в волжско-уральском междуречье. Сравнительный анализ таких культурных компонентов, как погребальный обряд, гончарная традиция, а также данные абсолютного датирования и антропологический анализ дают повод сделать вывод о возникновении ямной культуры Волго-Уралья на основе хвалынской культуры с участием лесных и лесостепных культурных компонентов эпохи энеолита.

Ключевые слова: ямная культура, репинский тип, хвалынская культура, энеолитические культуры Урало-Поволжского междуречья, керамические традиции, радиоуглеродные даты.

Annotation: This article describes the problem of the appearance of the Yamna culture of Volga-Ural interfluve. Comparative analysis of such cultural components as the burial rite, the pottery tradition, information of absolute dating and anthropological analysis, allows us to conclude about beginning of the Yamna culture based on the Khvalynsk Culture with forest and forest-steppe cultural components of the Eneolithic period.

Key words: yamna culture, repino type, khvalynsk culture, eneolithic culture of Volga-Ural iterfluve, pottery tradition, radiocarbon dates.

Вопрос о сложении ямной культуры раннего бронзового века в современной науке стоит довольно остро. В частности, проблема появления ямных памятников в Волго-Уралье интересна тем, что данный регион находится на стыке двух физико-географических зон: степи и лесостепи. Природные условия лесостепи, в данном случае, являются связующим фактором между двумя разными культурными областями – степной и лесной. В рамках лесостепи наиболее интересно проследить процесс возникновения новых культурных образований. Накопление материалов по эпохе энеолита, в котором, по нашему мнению, нужно искать истоки ямной культуры, исследования, посвященные абсолютной датировке энеолита – раннего бронзового века, а также антропологические данные, дают возможность попытаться решить вопрос о происхождении ямной культуры на территории Волго-Уральского междуречья. Рассматриваемое явление есть лишь часть более масштабных процессов, связанных с культурогенезом на территории Восточной Европы. Данная работа посвящена поиску истоков ямной культуры Волго-Уралья, имеющей свои отличительные признаки от других локальных вариантов, выделенных Н.Я. Мерпертом. Исследователь в своих работах отмечал особое значение этого региона в истории ямной культурно-исторической области¹. В рамках данной проблемы ставится вопрос о статусе памятников репинского типа и их преемственности с хвалынскими памятниками и группами населения, соотносимыми с местными лесостепными позднеэнеолитическими образованиями – памятниками турганикского, алексеевского и алтатинского типов².

Стоит обратить внимание на такой яркий культурно-идеологический компонент ямной культуры, как подкурганный обряд захоронения умерших, истоки которого можно увидеть в позднем (пережиточном) энеолите Волго-Уралья. Древнейшие подкурганные погребения типа КМ Бережновка I 5/22, КМ Перегрузное 13/7, КМ Вертолетное поле 1/12 общепринято соотносятся с позднехвалынским временем и выделяются в бережновский этап хвалынской культуры³. Отметим точку зрения Н.С. Котовой о существовании курганного обряда с грунтовым в позднеэнеолитическую эпоху⁴. Данное предположение подтверждается находками хвалынской керамики в вышеуказанных

комплексах Поволжья. Связь прослеживается между бережновскими памятниками, и раннеямными (репинскими) подкурганными погребениями и фиксируется по аналогичному, но в тоже время неустойчивому, погребальному обряду: скорченное положение на спине или на правом боку, ориентировка в восточный сектор, обильная посыпка охрой. Здесь следует обратиться к материалам радиоуглеродного датирования интересующих нас комплексов. Судя по полученным датам по хвалынской керамике со стоянок Кумыска и Чекалино IV (5260 ± 80 BP), можно предположить, что хвалынская культура продолжала существовать и во второй половине V тыс. до н.э. Сопоставив вышеупомянутые даты с датами курганов Перегрузное (5430 ± 50 BP) и Вертолетное поле (5180 ± 100 BP), Н.Л. Моргуновой было выдвинуто предположение о широком распространении подкурганного обряда во второй половине V тыс. до н.э.¹. Таким образом, на основании вышеупомянутых дат, верхняя граница хвалынской культуры хронологически приближается к репинскому этапу ямной. Сопоставив датированные материалы хвалынской культуры с такими репинскими комплексами, как пос. Шумейка п. 4,5 (5420 ± 50 BP и 5290 ± 100 BP соответственно), КМ Скворцовка 5/2 (5140 ± 70 BP), КМ Скатовка 5/3 (5080 ± 80 и 4890 ± 70 BP)², можно сделать вывод о преемственности данных культурных образований.

Примечательные сведения также дают анализ и сравнение керамических коллекций репинского типа и предшествующих им материалам эпохи энеолита Волжско-Уральского региона. Сосуды репинского облика имеют характерные устойчивые черты: яйцевидная форма тула сосудов, профилированный желобчатый венчик и реже, прямое высокое горло, орнаментация пояском ямок, «жемчужин» по венчику. Орнамент также наносился по горловине и плечикам сосудов веревочкой и гребенчатым штампом. Для данного типа керамики характерна обильная примесь толченой раковины в тесте из илистых глин. Керамический материал этого типа на территории Волго-Уралья распространен повсеместно и встречается, как в погребальных, так и бытовых памятниках. Стоит обратить внимание на замечание Н.П. Салугиной, проводившей анализ керамики репинского стиля, о том, что в гончарной традиции этого населения существовали глубокие различия, о чем говорят навыки конструирования и формообразования изготавливавших сосуды мастеров³.

Судя по всему, в типологии репинской керамики стоит отметить синкретизм степных и лесостепных керамических традиций. Так, например, керамика турганикского типа схожа с репинскими материалами в формах сосудов, составе теста, в частности обильной в нем примеси толченой раковины. Близки некоторые орнаментальные мотивы, выполненные гребенчатым штампом. Однако данный тип имеет собственные устойчивые черты и хронологически синхронизируется с раннеямными памятниками типа Репин Хутор и Михайловка II⁴, а так же с репинскими материалами Волго-Уралья. Данный вывод получен исходя из радиоуглеродных определений по керамике с Ивановского поселения Красногвардейского района Оренбургской области⁵. Схожа, а также, по всей

¹ Моргунова Н.Л. Хронология и периодизация энеолита волжско-уральского междуречья в свете радиоуглеродного датирования // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург, 2009. С. 6–27.

² Моргунова Н.Л., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Новые радиоуглеродные даты памятников энеолита, раннего и среднего этапов бронзового века Поволжья и приуралья // Археологические памятники Оренбургья. Вып. 9. Оренбург, 2011. С. 54–60.

³ Салугина Н.П. Технология изготовления керамики ямной культуры с территории Самарского Поволжья // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 4. Самара, 2006. С. 444.

⁴ Моргунова Н.Л. Ивановская стоянка эпохи неолита-энеолита в Оренбургской области // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980. С. 114–115.

⁵ Моргунова Н.Л., Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Хронологическое соотношение энеолитических культур волго-уральского региона в свете радиоуглеродного датирования // Российская археология. 2010. № 4. С. 18–21.

¹ Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волго-Уральского междуречья. Москва, 1974. С. 16.

² Васильев И.Б. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1981. С. 43–57.

³ Дрёмов И.И., Юдин А.И. Древнейшие подкурганные захоронения степного Поволжья // Российская археология. 1992. № 4. С. 18–30.

⁴ Котова Н.С. Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск, 2006.

видимости, одновременна с репинской керамика алексеевского типа, общими чертами которых являются: состав глиняного теста, формы венчиков и оформление орнамента веревочкой и гребенчатым штампом. Население – носитель алексеевской гончарной традиции, неся в себе пережитки лесостепного энеолита, также было задействовано в сложении ямной культуры Урало-Поволжья. Примечателен синкретизм эпонимного памятника для этого типа – Алекеевской стоянки в Хвалынском районе Саратовской области, органично сочетающей в себе раннеямные и волосовские черты в керамике: форма сосудов, фактура, орнаментальные мотивы¹. Близка алексеевской керамика алтатинского типа, представленная в коллекциях бытовых памятников, расположенных в южной части степной зоны Поволжья в бассейнах рек Большой и Малый Узени. Для данного типа характерны сосуды с выраженной шейкой — с желобчатым профилем, сосуды полуяйцевидной формы с прикрытым горловиной и сосуды с плавно профилированной горловиной. Орнамент наносился гребенчатым штампом, шнуром и наколами. Дата, полученная по фрагменту керамики со стоянки Алтата – 5120 ± 70 BP (3900–3800 BC)², близка датам репинских материалов. Отсутствие сколько-нибудь значимого хронологического разрыва между ними указывает на существование некоторое время этих культурных образований.

Вполне целесообразно привести данные антропологического анализа. По мнению А. А. Хохлова, краинологический комплекс, формировавшийся в результате активного взаимодействия местного уральского компонента с южными и западными европеоидами в хвалынское время, для которого характерна долихокрания в сочетании с низким, не очень широким и хорошо профилированным лицевым скелетом в дальнейшем проявляется в материалах ямной культуры Поволжья и Приуралья³.

Существование и взаимодействие культур энеолита Волго-Уралья, несущих в себе различные материально-культурные традиции, привело к образованию здесь подосновы для появления мощного ямного культурного пласта. Тем самым, мы можем видеть, как в разнокультурной энеолитической среде Урало-Поволжья возникает на основе хвалынской, с участием архаичных лесных и лесостепных культурных групп, ассимилирующая ямная общность. Сочетая в себе культурные компоненты степного и лесостепного энеолита, ямная культура была монолитной в идеологическом плане. Погребальный обряд, сопоставляется с хвалынским, но общая бедность инвентаря в ямных погребальных комплексах является заметным отличием. В свою очередь, малочисленность инвентаря ямных погребений можно связывать с обеднением подкурганных погребений позднехвалынского времени.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что ямная культура Волго-Уралья, судя по всему, возникает на местной степной хвалынской подоснове, при участии архаичных лесостепных и лесных энеолитических культурных компонентов. Связующим звеном между хвалынской и классической ямной культурами, наиболее вероятно, являются памятники репинского типа, сочетающие в себе, как показано на примере, различные культурные черты.

№	Комплекс	Шифр лаб.	Мат.	Дата BP	Дата BC 68%	Дата BC 95%
1	Кумыска пос.	Ki 16273	кр	5260 ± 80	4170 - 3980	4260 - 3940
2	Чекалино IV пос. (хвал.)	Ki 15074	кр	5260 ± 80	4230 - 4190	4260 - 3940
3	Перегрузное КМ 13/7	GrA 19260	кч	5430 ± 50	4339 - 4553	
4	Вертолетное поле КМ 1/12		кч	5180 ± 100	4212 - 3818	
5	Ивановское пос.	Ki 15069	кр	4860 ± 80	3760 - 3620	3950 - 3350
6	Ивановское пос.	Ki 14515	кр	5920 ± 80	4860 - 4690	5000 - 4580
7	Ивановское пос.	Ki 15008	кр	4790 ± 80	3660 - 3510	3710 - 3660
8	Алтата пос.	Ki 16493	кр	5120 ± 70	3990 - 3800	4050 - 3700
9	Шумейка пос. п. 4	Ki 16277	кр	5420 ± 50	4360 - 4050	4460 - 3990
10	Шумейка пос. п. 5	Ki 16276	кр	5290 ± 100	4230 - 3980	4350 - 3900
11	Скворцовка КМ 5/2	Ki 16268	кр	5140 ± 70	4000 - 3800	
12	Скатовка КМ 5/3 с.1	Ki 16274	кр	4100 ± 90	2870 - 2560	2890 - 2460
13	Скатовка КМ 5/3 с.2	Ki 16487	кр	4890 ± 70	3770 - 3630	3810 - 3510
14	Скатовка КМ 5/3 с.3	Ki 16488	кр	5080 ± 80	3970 - 3790	4040 - 3690
15	Репин Хутор пос. (обр. 1)	Ki 16486	кр	4830 ± 80	3710 - 3520	3780 - 3490
16	Репин Хутор пос. (обр. 2)	Ki 16272	кр	5060 ± 80	3960 - 3770	3990 - 3660

© Григорьев А.П., 2016

¹ Васильев И.Б. Габяшев Р.С. Взаимоотношение энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982. С. 10.

² Моргунова Н.Л., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Указ. соч. С. 54–60.

³ Хохлов А.А. Палеоантропология волго-уральского региона эпохи неолита-энеолита // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век, Самара, 2000. С. 287–289.

¹ Таблица составлена по: Моргунова Н.Л., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Указ. соч. С. 55; Моргунова Н.Л., Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. Указ. соч. С. 18–21; Шишилина Н.И. Степной энеолит Северо-Западного Прикаспия // Чтения, посвященные 100-летию В.А. Городцова. Тезисы конференции. Ч. 1. М., 2003. С. 65; Житников В.Г., Жеребилов С.Е. Синкретические комплексы энеолита-ранней бронзы из могильника «Вертолетное поле» в Ростове-на-Дону // Четвертая кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2005. С. 87.

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОКРЕСТНОСТЯХ
С. КАРИНО – ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Аннотация: В статье рассматриваются археологические работы, проведенные в селе Карино Слободского района Кировской области. Подведены итоги исследования археологических памятников в окрестностях села, с культурно-хронологической атрибуцией некоторых из них. Дано описание полевых работ на Каринском городище, в ходе которых выявлены некоторые параллели с городищами булгаро-татарского типа. Описаны перспективы новых исследований и их научная значимость.

Ключевые слова: тюрки, Волжская Булгария, Золотая Орда, каринские татары, археологические исследования, Каринское городище, Казанское ханство.

Annotation: The article discusses the archaeological work carried out in the village Karino Slobodsky area of the Kirov region. The results of the study of archaeological monuments in the vicinity of the village, given the ethnic and chronological attribution of some of them. The description of the field work on Karino settlement, which identified some parallels with hillforts of the Bulgaro-Tatar type. Describes the prospects for new research and their scientific significance.

Keywords: Turks, Volga Bulgaria, Golden Horde, karinskie Tatars, archaeological research, Karino settlement, Kazan khanate.

На территории Слободского района Кировской области расположено старинное татарское село Карино, где проживает особая этнографическая группа татар – каринские (нухратские) татары, которые считаются этнотерриториальным кустом чепецкой группы казанских татар. Окрестности села Карино, а в частности появление там представителей тюркского этноса, с дореволюционных времен и до настоящего времени привлекали к себе пристальное внимание многих историков, краеведов и археологов.

А.Х. Халиков высказывал мнение, согласно которому, каринские татары восходят к некоему раннему тюрко-угорскому населению, которое на р. Чепце и Средней Каме контактировало с обитавшими там древнеудмуртскими племенами¹. П.М. Сорокин считал, что «для исследователя древнейшей истории Вятского края каринцы интересны в том отношении, что некоторые данные связывают их с государством волжско-камских болгар... Именно каринцы-князья представляются наследниками власти предполагаемых болгарских владетелей»². М.Г. Худяков видел в каринских татарах потомков булгар, бежавших от монголо-татар на север и осевших на нижнем течении р. Чепцы³. Другие исследователи склонны связывать появление каринских татар с Золотой Ордой и Казанским ханством⁴. Все гипотезы основываются исключительно на письменных и этнографических материалах и носят весьма умозрительный характер.

Археологические исследования в окрестностях с. Карино впервые провел А.А. Спицын. Он в 1890 г. осмотрел Каринское городище, расположенное к юго-востоку от д. Деветьярово (Верхнее Карино), подчеркнув, что «оно относиться к числу несодержательных» и среди находок отметил только «обломки костей да каких-то песчаниковых камней, и то в небольшом количестве»⁵. Следующие археологические работы в окрестностях села прошли уже в 1983 г. под руководством Е.А. Обуховой. В ходе них, в юго-западной части городища был заложен шурф 2x2 м, который выявил

¹ Халиков А.Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978. С. 61.

² Сорокин П.М. Арские князья в Карино // КВГ на 1897 г. Вятка, 1896. С. 45.

³ Худяков М.Г. Очерки по истории казанского ханства. Казань, 1923. С. 21.

⁴ Спицын А.А. К истории вятских инородцев // КПКВГ на 1889 г. Вятка, 1888. С. 220;

Исхаков Д.М. Арские князья и нукратские татары. Казань, 2010.

⁵ Спицын А.А. Приуральский край. Археологические разыскания о древнейших обитателях Вятской губернии // Материалы по археологии Восточных губерний России. Вып. 1. М., 1893. С. 189.

культурный слой мощностью до 55 см без находок. Кроме того, у с. Карино было обнаружено позднесредневековое Нижнекаринское селище¹. В 2013 г. район обследовался экспедицией под руководством автора статьи в ходе которой было тщательно обследованы мысы в районе Верхнего Карино (окрестности д. Деветьяровы и Мазар-кладбища), проведены работы на Каринском городище и выявлено два новых селища Деветьяровское I и II. На сегодняшний день в окрестностях с. Карино выявлены следующие памятники.

Нижне-Каринское селище (XV–XVII вв.). Расположено к востоку от д. Нижнее Карино, рядом с татарским кладбищем. Подъемный материал представлен стенками гончарной посуды светло-коричневого и серого цвета с примесью песка в тесте и обломком глиняной фигурки. В настоящее время частично занята разросшимся кладбищем, другая его часть задернована и используется под сенокос.

Каринское городище (местное название – Кала-Тау). В ходе работ 2013 г. было установлено, что размеры памятника составляют около 90Х65 м. По краю площадки и с напольной стороны идет кольцевой вал высотой 1-2 м и шириной 1-1,5 м. С напольной же стороны предположительно проходит вторая линия вала. Площадка памятника отделена от коренной террасы заплывшим рвом глубиной до 4 м. В юго-западной части городища был заложен шурф, в котором ниже дерна залегал пахотный слой коричневой супеси мощностью 0,1-0,15 м. Под ним фиксировалась слой угля мощностью до 0,25 м. В шурфе были обнаружены несколько обожженных костей животных и один фрагмент керамики коричневого цвета с примесью песка в тесте. Данный фрагмент керамики предположительно выполнен в булгаро-татарской традиции². Местные жители называют городище Кала-Тау (город-гора, городище) и считают местом первоначального проживания татар в районе села, а также местом проживания князей Деветьяровых. Крайне интересна оборонительная система городища. Сплошные кольцевые валы не характерны для средневековых городищ Вятского края. Ближайшие городища с аналогичными укреплениями и названиями «Кала-Тау» известны на территории Среднего Поволжья и определены как булгарские или булгаро-татарские. Р.Г. Фахрутдинов относил подобные городища с кольцевой системой обороны и небольшим культурным слоем к типу феодальных замков³. К такому же типу относит хорошо укрепленные городища с небольшой площадью до 6 га и А.М. Губайдуллин⁴. Похожие на Каринское городище памятники известны в бассейне р. Черемшана, это Утяшкинское, Ошинское и Елантовское городища. Эти памятники имеют небольшую площадь, незначительный культурный слой (на Утяшкинском слоя вообще не выявлено), вокруг них отсутствуют селища. Р.Г. Фахрутдинов относит их к типу военных форпостов имеющих стратегическое значение⁵. На наш взгляд, Каринское городище может рассматриваться как сочетающее в себе функции городища-замка и городища-форпоста, появившегося в крае в результате переселения, вынужденного или намеренного, части тюркоязычного населения с территории Казанского ханства в XV в.

Деветьяровское I селище. Расположено в границах д. Деветьярово и имеет площадь около 14500 кв. м. С распаханного поля было собрано большое количество фрагментов гончарной керамики XVII–XIX вв., фрагментов фаянсовой посуды, оконного стекла с патиной, фрагментов

¹ Обухова Е.А. Отчет о разведочных работах в Слободском районе Кировской области, проведенных летом 1983 г. // Фонды Института истории и культуры народов Приуралья при УдГУ. 1983. Ф. 2. Д. 218. С. 6–7.

² Автор благодарит д.и.н. Ф.Ш. Хузина за помощь в предварительном определении керамического материала, обнаруженного в окрестностях с. Карино.

³ Фахрутдинов Р.Г. Классификация и топография булгарских городищ // Советская археология. № 4. М., 1990. С. 80.

⁴ Губайдуллин А.М. Фортifikация городищ Волжской Булгарии. Казань, 2002. С. 103.

⁵ Фахрутдинов Р.Г. Новые археологические памятники Волжской Булгарии // Советская археология. № 1. М., 1978. С. 222–223.

конской упряжи, часть конских удил, костяная пуговица, фрагменты металлического котла, кости и зубы животных, а также две монеты: полушка 1730-х гг. и 2 коп. 1850-х гг. Среди керамического материала был обнаружен фрагмент керамики, предположительно выполненный в булгаро-татарской традиции. Заложенный шурф подтвердил наличие здесь культурного слоя. Памятник датирован эпохой средневековья XVII–XIX вв.

Деветьяровское II селище. Было обнаружено на задернованном треугольном мысу левого берега р. Вятки к юго-востоку от д. Деветьярово. В трех заложенных на мысу шурфах было обнаружено несколько фрагментов гончарной керамики XVIII–XIX вв., фрагменты фаянсовой посуды, кости и зубы животных. На площадке памятника обнаружены многочисленные грабительские вкопы, что указывает на возможное наличие металлических изделий. Памятник датирован эпохой средневековья XVIII – XIX вв.

Стоит отметить так же **надгробные памятники** нач. XVI в., с арабской и тюрко-татарской эпиграфикой, почитаемые местным населением на близлежащем кладбище (местное название – Мазар-кладбище). По мнению специалистов, надгробия, хотя и относятся к нач. XVI в., по многим параметрам архаичны и напоминают надгробия XV в. из с. Тат. Ходяшево Республики Татарстан¹.

Появление на территории Вятского края тюркоязычного населения и его роль в средневековой истории Камско-Вятского региона до сих пор исследована крайне недостаточно. Не прояснены вопросы хронологии, материальной и духовной культуры первых жителей Карино, а также особенности их этнокультурного взаимодействия с местным финно-угорским и русским населением. Актуальным и перспективным направлением исследования данного компактного места проживания группы каринских татар может стать хронологическая и этнокультурная интерпретация Каринского городища, как памятника археологии с уникальной для края кольцевой системой укреплений, выяснение его роли в средневековой истории Вятского края, связях его населения с Волжской Булгарией, Казанским ханством и русской Вятской землей. Кроме того, перспективным видится археологическое изучение самого с. Карино и окружающих его деревень, с целью выявления их старой части (исторического центра). Получение данных сведений поможет уточнить время появления средневекового тюркоязычного населения на территории Вятского края, его этнокультурные компоненты и роль в системе межнациональных отношений в эпоху средневековья.

© Егоров А.В., 2016

УДК 39

Киссер Т.С.
г. Екатеринбург

ЭТНОПАЛОМНИЧЕСТВО НА ВОЛГУ НЕМЦЕВ СРЕДНЕГО УРАЛА

Аннотация: В июле 2013 г. немцы Среднего Урала совершили паломничество на Волгу в 250-летия издания манифеста о приглашении иностранцев в Россию Екатериной II. На праздничных мероприятиях немцы получили возможность прикоснуться к своим корням, истокам, прошлому. Некоторые только в Саратове ощутили и почувствовали себя немцами, ведь именно там зародилась российско-немецкая этничность, которая затем была подорвана и снова возродилась.

Ключевые слова: немцы Среднего Урала, этнопаломничество, Поволжье, республика немцев Поволжья, манифест, Екатерина II.

Annotation: In July 2013 the Germans made a pilgrimage of the Middle Urals to the Volga to the 250 anniversary of the publication of the Manifesto of inviting foreigners to Russia by Catherine II. At the celebration the Germans were able to touch their roots, origins, past. Some felt only in Saratov and felt by the Germans, because it is there that the Russian-German ethnicity, which was then shaken and again revived.

Keywords: Germans of the Middle Urals, ethno pilgrimage, the Volga region, the Republic of the Volga Germans, a manifesto of Catherine II.

Сообщество российских немцев оформилось в XVIII в., его история связана с императрицей-немкой Екатериной II. Вступив на престол, она решила пригласить иностранных переселенцев из Европы для активного заселения и освоения свободных территорий Российского государства. 22 июля 1763 г. был издан манифест «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах». Уже в первое десятилетие после издания манифеста в Россию приехало около 30 тысяч колонистов из них 26 тысяч отправлены на Волгу¹. Все они приносили присягу на верность новой Родине и ее императорскому величеству. В период советской власти в Поволжье была создана немецкая автономная республика.

После начала войны 28 августа 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издает указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Начался процесс выселения в отдаленные районы (Казахстан, Сибирь). В конце 1941 г. на Урале стали прибывать эшелоны с людьми немецкой национальности². На Урал они направлялись в трудармии, а остались на «вечное поселение».

Современная история немцев (конец XX–XXI вв.) на Урале состоит из сложных периодов и событий: незаконченная реабилитация, массовая депатриация и национальное движение и др. На протяжении этого периода предлагались и реализовывались различные этнoproекты по возрождению этничности и актуализации этнокультурного наследия российских немцев (национальное движение «Wiedergeburt», культурно-просветительский центр, российско-немецкий дом, национально-культурные автономии, народный хор, школы по изучению немецкого языка, этногазеты и др.). В данной статье будет представлен последний этнoproект российских (в т.ч. уральских) немцев, связанный с массовым этнопаломничеством немцев на Волгу, их историческую родину, в честь 250-летия со дня издания манифеста Екатерины II³. Подобные проекты заставляют задуматься: кто есть российские немцы? Это фикция, фантом, ушедшая историческая или современная реальность.

В июле 2013 г. российские немцы из разных регионов страны и мира совершили путешествие на Волгу. Это этнопаломничество стало проектом по актуализации исторической памяти, помогло почувствовать себя единым народом; немцы смогли

¹ ПМА, 2013. Саратовская обл., г. Саратов.

² Книга памяти. Екатеринбург, 1994. С. 72–74.

³ Абрамов И.В., Киссер Т.С., Печняк В.А. ЭтноЭкспедиция «Урал-2013» // Уральский исторический вестник. 2013. № 4 (41). С.145–149.

¹ Мухаметшин Д.Г. Татарские эпиграфические памятники. Региональные особенности и этнокультурные варианты. Вып. 6. Казань, 2008. С. 53.

несколько дней говорить на родном языке, петь национальные песни, носить традиционную одежду, гулять по земле, где жили их предки.

Немцы Среднего Урала впервые отправились на свою историческую родину и с нетерпением ждали встречи с Волгой. Еще в поезде они не сдерживали эмоций: «Какая ширина Волги! Ах, будь здоров!»¹. Они сравнивали Волгу с Рейном, считая ее символом и брендом российских немцев. Во многих народных песнях Волга выступала главным героем: «Wo die Wolgawellen» (Там, где волны Волги), «Es fließt die Wolga» (Течет Волга), «Das Wolgalied» (Песня Волги) и др.

Этничность российских немцев основывается на других категориях нежели этничность европейских немцев. Для российских немцев свойственен свой ракурс этноистории, поэтому значимыми событиями в истории их народа чаще всего упоминаются: депортация, издание манифеста Екатериной II, образование АССР НП, реабилитация. Германский компонент в истории российских немцев отсутствует. Символом российских немцев, по мнению, немцев Среднего Урала являются: Волга, Поволжье, пасхальный заяц, рождественский сапожок, губная гармошка. Как видно, большую часть составляют религиозные символы.

В Саратове для немецких гостей (всего прибыло около 700 человек из всех регионов страны и зарубежья) была подготовлена насыщенная программа. За три дня немцы совершили путешествие по культовым местам своих предков. Гости были приглашены в Дом правительства Саратовской области для открытия праздничных мероприятий. На проспекте Кирова была открыта мемориальная доска «250 лет служения Российскому Отечеству». Это место историческое, здесь когда-то была лютеранская кирха. Раньше проспект Кирова назывался «немецкой улицей», более двухсот лет назад здесь располагались ремесленные лавки переселенцев из Германии, эта улица до сих пор сохраняет немецкий архитектурный облик.

В здании Правительства состоялась церемония открытия праздничных мероприятий, сопровождавшаяся вручением памятных медалей и выступлением немецких творческих коллективов. Продолжился праздник на Соколовой горе, в национальной деревне, где немцы позволили себе пуститься в пляс, выпить традиционного пива, пообщаться на родном языке. В этот день планировалось шествие в национальных немецких костюмах. Но из-за национального конфликта в Пугачеве (Саратовская область) власти решили отменить шествие.

Следующей остановкой в немецком этнопаломничестве стал г. Энгельс. До ликвидации АССР немцев Поволжья именно Энгельс был столицей республики. Праздник начался с возложения цветов к памятнику жертвам политических репрессий в СССР. Мемориал состоит из двух фигур, изображающих взрослого человека и юношу на фоне черной вертикальной плоскости. По задумке автора мемориала, она символизирует границу между жизнью до и после депортации. На городской площади всех встречала актриса в роли Екатерины II. Она была приветлива к своим подданным, к своему народу, заявляя: «Любить мой народ и быть матерью его – обязанность моя».

В Энгельсе для гостей приготовили национальные угощения. Традиционные сосиски с тушеной капустой, нудель-суп и пиво – настоящий немецкий обед. Кухня – одно из немногого, что немцам удалось сохранить, особенно если в семье немкой была мама. Кухня остается любимой темой для разговоров, ведь у каждого свои секреты приготовления традиционных блюд (штруделя, кухи, креплей, нудель-супа, шниц-супа и т. д.), которые никто не скрывает, а наоборот пытается передать и сохранить. Уральские немцы часто отмечали, что капуста для немцев, как сало для украинцев, – национальный продукт: «Помню, как мы солили капусту бочками. Наши немецкие соседи заставляли детей ногами прыгать в бочке (ноги мыли сначала), а нам мама не разрешала, у нас была большая толкушка»².

¹ ПМА, 2013. Саратовская обл., г. Саратов.

² ПМА, 2013. Саратовская обл., г. Энгельс.

Последней остановкой был г. Маркс – одна из самых крупных немецких колоний, первоначально названная в честь Екатерины II. С советских времен город носит имя Карла Маркса. Маркс – духовная столица немецкого Поволжья, там расположены лютеранская кирха, католическая и православная церкви. Немцев отличает глубокая привязанность к религии, богу и церкви. Именно в Марксе состоялось праздничные богослужения. Все это время на городской площади не переставали звучать немецкие песни, исполнялись национальные танцы, особенно полюбившаяся за эти дни «клихтенштейнская полька».

В Саратове остро обсуждался вопрос о республике российских немцев. Немцы, потеряв свою автономную республику, так и не приобрели ее вновь, несмотря на реабилитацию. Единой территории и национальной символики у российских немцев нет. Они составили обращение к В.В. Путину с предложением решить данный вопрос: «Российские немцы продолжают надеяться на то, что историческая справедливость восторжествует, немецкий народ в России будет реабилитирован и приобретет реальные конституционные права наравне с другими народами России. Уважаемый Владимир Владимирович, мы обращаемся к Вам с просьбой принять наших представителей с целью совместного поиска путей решения проблем российского немецкого народа»¹.

Первая встреча немцев с руководством страны состоялась в 1965 г. В беседе с председателем Президиума Верховного Совета СССР Анастасом Микояном была выражена благодарность за политическую реабилитацию немцев, но подчеркнуто, что полная реабилитация может быть только после восстановления автономной республики на Волге. Итоги той встречи были неутешительными, и полгода спустя в Москву отправилась новая делегация, но и ее работа не принесла успеха². В конце 1980-х гг. были сформированы еще три инициативные группы немцев, выдвигавшие требование восстановить республику немцев Поволжья и завершить реабилитацию российских немцев. В те годы обращения к руководству страны подписывали тысячи немцев.

Среди немцев Среднего Урала наиболее активным в движении за республику был член Президиума Всесоюзного общества советских немцев «Возрождение» Иван Иванович Кроневальд. В своих выступлениях он неоднократно отмечал необходимость решения вопроса о республике. По его мнению, ее нужно было восстановить на старом месте и в прежних границах как национальный центр социалистической нации советских немцев, подчеркивалась необходимость организовать национальные районы и национальные поселковые советы советских немцев, как это практиковалось до 1935 – 1937 гг.³

В итоге этот вопрос решился лишь частично в 1992 г. созданием национальных районов в Омской области и Алтайском крае. Эти районы являются местом компактного проживания представителей немецкого народа, где придерживаются традиций, общаются на родном языке, отмечают праздники.

Сейчас внутри самих немцев нет единства в вопросе о восстановлении республики, как и относительно других правовых вопросов, касающихся статуса и положения народа; не каждый из них готов уехать обратно на Волгу. Лидер немецкого объединения в Ивдельском районе Н. Я. Шттрикер вспоминала, как ее родители были привязаны к Поволжью:

«Прошлое поколение бредило этим, бредили вернуться. Мы каждое лето ездили отдыхать в Саратов. Папе предлагали обходными путями вернуться на Родину в Славянку, но он говорил: “Туда откуда меня этапом вывезли, я не поеду, чтобы через это снова не пройти”. Мама очень хотела быть похороненной там, ей безумно нравилась земля саратовская, она мягкая, родная, приятная, поэтому я привезла оттуда земли на могилу маме и папе»⁴.

¹ Обращение российских немцев к Президенту Российской Федерации В.В. Путину в связи с 250-летием издания Манифеста Императрицей Екатериной II. Саратов, 19 июля 2013 год.

² ПМА, 2013. Свердловская обл., г. Нижний Тагил.

³ Нижнетагильский городской исторический архив. Ф. 608. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.

⁴ ПМА, 2013. Свердловская обл., Ивдельский р-н, п. Полуночное.

Однако и сейчас есть те, кто считает, что республику нужно восстановить: «Ни один народ не может существовать без своей территории, символики, автономии. Но проблема в том, что в стране нет лидера среди немцев, кто бы мог этим заняться, того, кому это действительно было нужно»¹.

Паломничество завершилось, однако российские немцы еще долго будут вспоминать эти дни, ведь там они получили возможность снова прикоснуться к своим корням, истокам, прошлому, вспомнить пусть трагические, но важные события в истории своей семьи, в истории государства, которому они служат уже третий век. Некоторые только в Саратове ощутили и почувствовали себя немцами, ведь именно там зародилась российско-немецкая этническость, которая затем была подорвана и снова возродилась. Многие в память об этих днях, о родине, привезли с собой на Урал, на могилы своих родителей, горсти саратовской земли, «настоящей, мягкой, теплой и родной»².

По мнению председателя Федеральной национально-культурной автономии российских немцев Г.Г. Мартенса, мероприятие, проходившее в Саратовской области, должно привлечь внимание граждан России к этому знаменательному событию, показать самобытность российских немцев. Немцы получили возможность поразмышлять о развитии своего народа, обсудить его проблемы и перспективы.

© Киссер Т.С., 2016

УДК 902

Колонских А.Г.
г. Уфа

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УКРЕПЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ БАХМУТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ УФИМСКО-БЕЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Аннотация: В работе приведена общая характеристика укрепленных поселений бахмутинской культуры Уфимско-Бельского междуречья, по ряду признаков: мощность культурного слоя, топография, фортификация.

Ключевые слова: Бахмутинская культура, укрепленные поселения, городища, фортификация.

Annotation: The paper provides general characteristics Bachmutino hillforts of the Ufa-Belaya interflue, on several grounds: the power of the cultural layer, topography, fortification.

Key words: Bachmutino culture, fortified settlements, hillforts, fortification.

История изучение укрепленных поселений эпохи раннего средневековья в Уфимско-Бельском междуречье насчитывает не один десяток лет. Схожие черты в выборе площадок, устройстве фортификационных сооружений, локализации средневековых поселений прослежены исследователями древностей ещё в начале прошлого столетия¹. Однако вопросы типологии и классификации городищ бахмутинской культуры стали целью пристального внимания археологов лишь во второй половине XX в.²

Для создания подробной типологии поселенческих памятников бахмутинской культуры, необходимо выделить круг классифицирующих признаков. Решение данной исследовательской проблемы и стало основной целью работы.

На данный момент нам известно о 86 городищах, описанных в истории археологического изучения, как объекты имеющие материалы бахмутинской археологической культуры. Исключив памятники, имеющие скучные или ошибочные сведения о культурно-хронологической атрибуции объектов можно говорить о 77 укрепленных поселениях. Сопутствующие культурные группы ананьинской, пьяноборской, кара-абызской, турбаслинской, кушнаренковской, кара-якуповской и чияликской археологических культур встречаются на 20 поселениях. Целенаправленные научные раскопки производились лишь на 24, оставшиеся памятники в своем большинстве подвергнуты топографическому изучению, в меньшей степени шурфовке. То есть данные о мощности культурного слоя есть у 51 укрепленного поселения, 34 из них однослойные и имеют исключительно археологический материал бахмутинской культуры.

Локализация укрепленных поселений бахмутинской культуры на основных водных артериях представляется следующим образом:

- река Белая и её притоки (рр. Бирь, Евбаза, Сюнь, Кармасан и др.) – 39 (51%);
- река Быстрый Танып с притоками (рр. Гарейка, Юг, Тошкурка и др.) – 28 (36%);
- река Уфа (притоки – рр. Тюй, Сарс, Шаровка, Байки) – 6 (8%);
- река Буй (левый приток р. Кама) – 4 (5%).

Основная масса городищ расположена на правом берегу водоёмов, что с одной стороны объясняется наличием высоких коренных террас именно по правым берегам указанных рек региона, с другой стороны может быть интерпретировано, как

¹ Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии Наук // Приложение к № 8-9 «Хозяйство Башкирии» за 1929 год. Уфа, 1929. С. 25.

² Бахшиев И.И., Колонских А.Г. Методы пространственного анализа в характеристике поселенческой структуры населения бахмутинской культуры Уфимско-Бельского междуречья // Поволжская археология № 3 (17). 2016. С. 59–82.

¹ ПМА, 2013. Свердловская обл., Ивдельский р-н, п. Полуночное.

² Там же.

расположение укрепленных поселений, образующих линию защиты с востока, юга и запада. Последний вывод звучит не впервые.¹

Мощность культурного слоя городищ Уфимско-Бельского междуречья представляет собой широкий интервал от 0,1 до 3 м. Для группировки данного признака, некоторые поселения были исключены нами из выборки. В виду своей уникальности в отношении мощности культурных напластований, а также многослойности поселений в выборку не вошли городища Кара-Абызское и Уфа-2, которые имеют культурный слой мощностью более 1,5 м. Эти значения резко выделяются из общей картины по выбранному признаку. Представленные в работе расчёты производились по математической формуле интервалов вариационных рядов используемой Г.А. Федоровым-Давыдовым, а также В.Ф. Генингом и др.² Полученные при расчётах данные сопоставлялись с результатами визуализации результатов путем построения математических графиков и гистограмм.

Преследуя цели более выразительной визуализации основных характеризующих признаков, а также определения традиций сооружения укрепленных поселений, расчёты производились как по общему количеству объектов имеющих материалы бахмутинской культуры, так и по однослойным памятникам. Проведенное исследование, в будущем, обязательно будет расширено как за счёт привлечения материалов предшествующих эпох, так и за счёт синхронных материалов смежных в географическом плане регионов.

В общем количестве городищ Уфимско-Бельского междуречья наиболее встречаемой величиной мощности культурного слоя, является интервал «0,3-0,4 м.» включающий в себя 16 (33%) укрепленных поселений. Наименьшая мощность культурного слоя прослеживается на 12 (25%) городищах и не превышает 0,3 м. Наибольшие показатели глубины залегания находок превышают интервал в 0,4 м. Мощность культурного слоя в интервале от 0,4 до 0,5 прослежена на 9 (18%) поселениях, от 0,5 до 0,6 м. включительно на 7 (14%) поселениях. Самым мощным оказался культурный слой на городищах, где его показатели превышали 0,6 м. – 3 (6%) и 2 (4) поселения имели мощность культурного слоя в пределах от 0,8 до 1 м (Рисунок 1).

Таким образом, средневзвешенный показатель мощности культурного слоя многослойных городищ Уфимско-Бельского междуречья, на которых встречены находки бахмутинской археологической культуры равен 0,4 м.

Немного иначе обстоит дело с однослойными городищами бахмутинской культуры с известной нам мощностью культурного слоя. С самым бедным находками культурным слоем (менее 0,3 м.) нам известно о 10 (29%) городищах. Интервал от 0,3 до 0,4 м. заполняют 15 (44%) городищ, что является едва ли не половиной от общего количества. Большая мощность культурного слоя определена в пределе, превышающем 0,5 м., где сконцентрированы 6 (18%) поселений. Самый мощный культурный слой (0,6 м. и более) встречен на 3 (9%) укрепленных поселениях (Рисунок 2).

В результате однослойные городища бахмутинской культуры чётко объединены в 4 условные группы:

- городища имеющие «слабый культурный слой» (до 0,27 м) – 10 (29%) объектов;
- «средняя мощность» культурного слоя (от 0,3 до 0,4 м) – 15 (44%) памятников, что является наиболее распространенным показателем;
- «мощный культурный слой» (от 0,4 до 0,6 м) – встречен на 6 (18%) объектах;
- «очень мощный культурный слой» (свыше 0,6 м) – 3 (9%) городищ.

¹ Иванов В.А., Останина Т.И. К вопросу о бахмутинско-мазунинской проблеме (по материалам поселений) // Поселения и жилища древних племен Южного Урала. Уфа, 1983. С. 105–106.

² Федоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии: Учеб. Пособие для вузов по спец. «История». М.: Высшая школа, 1987. С. 26–27; Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников) / Отв. ред. Пачкова С.П. Киев, 1990. С. 48–50.

Средневзвешенный показатель мощности культурного слоя указанных поселений равен 0,33 м.

Следующим критерием анализа укрепленных поселений бахмутинской культуры стал показатель площади укрепленных площадок городищ. Целесообразным, на наш взгляд, является оценка многослойных поселений, имеющих археологический материал бахмутинской культуры, как и однослойных поселений.

Все городища имеющие материалы бахмутинской культуры были объединены в 5 групп в соответствии с площадью. Так, 27 (39%) из них имеют площадь менее 8 тыс. кв.м; 20 (29%) – от 8 до 15 тыс. кв. м; 10 (14%) - площадью 16-24 тыс. кв.м; 6 (9%) площадью от 24 до 30 тыс. кв.м и столько же поселений, площадь которых превышает показатель в 3 га. Средняя величина по данному признаку равна 13856 кв.м. (Рисунок 3).

В свою очередь однослойные памятники бахмутинской культуры также были объединены в 5 групп. Наименьшая площадь (менее 6 тыс. кв.м) встречена на 16 (33%) поселениях, 20 (41%) поселений имеют площадь от 6 до 12 тыс. кв.м; 6 (9%) городищ имеют площадь в интервале от 12 до 18 тыс. кв.м; городища с площадью выше 18, но менее 24 тыс. кв.м. встречены 4 (8%) раза; 3 (6%) городища имеют самую большую площадь, которая превышает 2,5 га. Средний показатель по однослойным городищам равен 10682 кв.м. (Рисунок 4).

В результате, внимание на себя обращает тот факт, что количественные показатели таких признаков, как мощность культурного слоя и площадь защищенных площадок многослойных городищ, значительно выше, чем у однослойных городищ. Всё это, разумеется, объясняется тем, что некоторые площадки поселений заселялись множеством раз на протяжении, как всего раннего железного века, так и в эпоху средневековья.

В ходе исследования отдельное внимание было обращено на наличие естественных преград и форм ландшафта, которые могли бы служить подобием защиты от внезапного нападения, и являлись одним из аспектов для выбора древним населением площадки и последующим строительством на нем укрепленного поселения. Большинство городищ бахмутинской культуры находится на мысовидных площадках и отрогах речных коренных террас и водоразделов. Поэтому, основными элементами естественных преград служат реки и прочие водотоки (47%), 39 % городищ огорожены оврагами, около 12% укрепленных поселений прикрыты с мысовой части озерами-старицами и столько же объектов расположены на возвышенностях имеющих довольно крутые и затяжные склоны, одно городище (Укмановское), с напольной стороны имеет преграду в виде глубокого карстового провала. Большинству укрепленных поселений бахмутинской культуры свойственны комбинированные формы естественной фортификации.

Можно предположить, что схожие цели (естественная фортификация) преследовались строителями раннесредневековых городищ и при выборе высоты площадок. При характеристике поселений по данному признаку, опять же стоит учесть, что большинство городищ расположены на коренных террасах и водораздела крупнейших в регионе рек. Поэтому и высота площадки замерялась от уровня прибрежной линии или пойменного участка суши перед укрепленным поселением, в случае, когда городище находилось на горе или отдельной возвышенности, уровнем «нулевого репера» становилось их основание. В результате, самыми «низкими» (высота площадки не более 26 м) оказались городища (19 объектов или 26% от общего количества), расположенные на останцах и пойменных террасах, что вполне закономерно, в виду морфологии их локального ландшафта. Также в вышеуказанную группу полностью вошли и городища, расположенные внутри коренных террас. «Средняя» высота площадки свойственна 19 (26%) городищам, занимающим коренные террасы водотоков второго порядка, то есть в большинстве случаев – это объекты, сконцентрированные по притокам рек Белая и Кама. Наибольшее количество (24 объекта (33%), но не наибольшая высота характерна для поселений площадки которых расположены на высоких коренных террасах крупных рек (Белая, Уфа). Почти полностью в эту группу вошли городища, расположенные на горах и

отдельно стоящих возвышенностях. Заключительная группа, объединенная по признаку высоты площадок укрепленных поселений включает в себя 11 (15%) городища. Эти памятники, практически исключительно, представляют собой укрепленные поселения, расположенные на правом, высоком берегу р. Белая. (Рисунок 5).

Большим разнообразием отличается следующий признак – форма площадки городища. Наибольшую встречаемость – 17 (25%) объектов, имеют городища, имеющие узкую продолговатую форму, они были объединены в группу «языковидной». Следующие две группы насчитывают по 10 (15%) городищ и именуются в соответствии с формой площадок – «тупой треугольник» и «подпрямоугольная». Городища, форма которых не представляла собой сходство с известными нам геометрическими фигурами, а также различалась особой изощренностью были объединены в категорию «сложная» – 9 (13%) объектов. Городища «округлой» формы встречены нами 8 (11%) раз. Укрепленные поселения также имели «овальную», «трапециевидную» и «подтреугольную» формы имели количественные показатели – 5, 2 и 1 соответственно.

Различны типы городищ бахмутинской культуры Уфимско-Бельского междуречья и в плане количества их укрепленных площадок. Характер изученности раннесредневековых поселений не позволяет нам определить, каким образом на них протекала жизнь. Однако мы имеем чётко ограниченные укреплениями (валами, рвами, эскарпами, естественными преградами) площадки городищ, которые наверняка и являлись жилыми (обитаемыми). Именно количество защищенных площадок городищ и является следующим классифицируемым признаком. Самыми распространенными стали одноплощадочные городища, их количество равно 45 (67%). Две площадки защищенные линиями фортификации встречены на 14 (21%) укрепленных поселениях, три укрепленные площадки имеют 5 (8%) городищ. Два (2,5%) городища имеют четыре укрепленные площадки и одно (1,5%) насчитывает 5 укрепленных площадок (Рисунок 6). Уникальным в этом плане является Юмакаевское городище, оно ограничено девятью линиями фортификации, которые образуют 8 площадок. Данный случай не учитывался в нашей выборке, и на наш взгляд анализ подобных (нетипичных) объектов возможен лишь после проведения масштабных стационарных археологических исследований городища.

Соответственно следующим классифицирующим признаком является количество линий и вид фортификационных укреплений городищ бахмутинской культуры Уфимско-Бельского междуречья. Для удобства, данный критерий был выражен нами в виде соотношения, где числитель – количество валов, а знаменатель соответственно рвов. В результате, самым распространенным видом фортификации бахмутинских городищ явились укрепления в одну линию состоящие из вала и рва (Рисунок 7). Таких городищ 28, что составляет 42% от их общего числа (66 укрепленных поселений имеют сохранившуюся до наших дней информацию об их фортификации, как в виде самих археологических объектах, так и в виде письменных упоминаниях о них). Вдвое меньше городищ имеют двойную линию укрепления из двух валов и рвов. Конструкции в виде двух валов и одного рва имеют 6 (9%) городищ. Одна линия укреплений в виде одного вала без рва зафиксирована на 5 (8%) объектах. Остальные вариации линий укреплений достаточно разнообразны и скорее всего, просто не характерны для фортификационных традиций населения бахмутинской культуры.

Отдельного внимания заслуживает и состав линий укреплений. Самой распространенной является конфигурация фортификационных линий в один ряд, состоящая из вала и рва перед ним. Эти городища составляют примерно половину (49%) от общего количества – это 29 объектов. Менее распространенной является конфигурация в две линии валов и рвов, ограждающих городища с напольной стороны. Встречено 12 (20%) таких памятников. Следующая группа из 5 (8%) городищ имеет одну линию укреплений, состоящую из вала, не подкрепленного рвом. Скорее всего, данный тип является не традицией населения бахмутинской культуры, а результатом разрушения укреплений, чаще антропогенным влиянием, что иногда упоминается и исследователями

данных городищ¹. Следующие два типа, включившие в себя по 2 объекта, укрепленных двумя линиями (первая – вал и ров перед ним, вторая – вал без рва) и тремя линиями (три вала без рвов), на наш взгляд также являются результатом плохой сохранности фортификационных сооружений и вряд ли в дошедшем до нас виде, без должного исследования полевыми археологическими методами, могут быть включены в выборку. Подобного нельзя сказать о двух городищах имеющую одну, но очень любопытную линию фортификации. Эти объекты защищены одной линией укреплений состоящий из двух валов и вырытым между ними глубоким рвом. Такой вид фортификации встречен как на многослойном городище Кара-Абыз, так и на однослоистом городище бахмутинской культуры Казакларовское-1. Таким образом, можно предположить, что подобный вид фортификации вполне мог использоваться, как в эпоху раннего железного века (караабызская археологическая культура), так и в эпоху раннего средневековья местным населением Уфимско-Бельского междуречья.

Кроме основных линий укреплений на 17 городищах фиксируются ещё и дополнительные. На 12 объектах – это эскарпированные участки склонов площадок городищ. Обваловку по склонам укрепленных поселений имеют 4 памятника. Кувыковское городище имеет дополнительную форму фортификации в виде наличия двух валов в конце мысовой части.

Основная проблема изучения раннесредневековых поселений Уфимско-Бельского междуречья в том, что на данный момент для них практически отсутствует какая-либо хронологическая схема. Исследование поселенческой керамики, проведенное Ф.А. Сунгатовым и В.В. Овсянниковым, позволяют разделить часть городищ на ранние (мазунинские, раннебахмутинские) и поздние (бахмутинские или позднебахмутинские)². Однако на большинстве поселений отсутствует датирующий материал, что приводит к тому, что время бытования селищ и городищ укладывается в широкие рамки двух стадий развития культуры (III-V и V-VIII вв. н.э., в частности и широкий диапазон III-VIII вв. н.э., в целом.

Возможным видом развития городищ может быть принятия их эволюция, от простых мысовых с одной линией укрепления, к многоплощадным и сложным городищам, с развитой дополнительной фортификацией. С другой стороны данные доводы отвергаются тем фактом, что многие из сложных в плане фортификации и конфигурации городищ были сооружены ещё в эпоху раннего железного века.

Другая сложность связана с классификацией социальной структуры городищ. Предложенная ещё В.Ф. Генингом и поддержанная Т.И. Останиной схема городищ-крепостей (наблюдательных пунктов), городищ-поселений, в зависимости от занимаемой ими площади, на данный момент не подтверждена стационарными исследованиями³.

Можно предположить, что статусы укрепленных поселений могли быть более разнообразны. Особенно на это намекает отсутствие изученных жилищ на городищах бахмутинской культуры Уфимско-Бельского междуречья (за исключением Казакларовского-1 городища, где на площади более 500 кв. м. изучено лишь одно

¹ Савельев Н.С. Генеральный план города Бирск Республики Башкортостан / Проект зон охраны Объектов Культурного наследия города Бирск в 2-х томах. Т.1. Уфа, 2007. С. 18; Сунгатов Ф.А., Бахшиев И.И., Насретдинов Р.Р. Научный отчет об итогах инвентаризации памятников археологии регионального и федерального значения в Кушнаренковском районе Республики Башкортостан в 2010 году. Уфа, 2010. С. 45–46. (Архив ГУБК НПЦ МК РБ).

² Овсянников В.В., Сунгатов Ф.А. Городище Каменная гора в среднем течении р. Уфы // Уфимский археологический вестник. Выпуск 5. Уфа, 2004. С. 230, 236. Рис. 14.

³ Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Вопросы археологии Урала. Вып. 7 / Отв. ред. А.Ф. Медведев. Свердловск, 1967. С. 22; Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III – V вв. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997 87–91.

жилище)¹. Возможно, наряду с городищами сторожевыми крепостями и поселениями могли существовать и городища, выполняющие иные функции.

Таким образом, данное исследование позволило выявить основные характеристики укрепленных поселений, определить присущие им черты и наиболее встречающиеся признаки городищ бахмутинской культуры в Уфимско-Бельском междуречье.

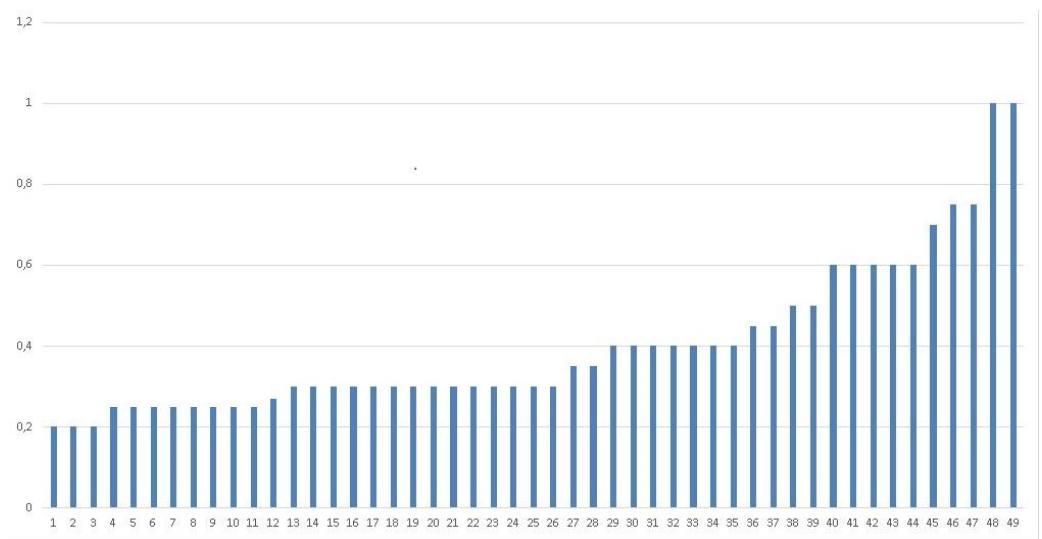

Рисунок 1. Мощность культурного слоя городищ бахмутинской культуры Уфимско-Бельского междуречья включая многослойные.

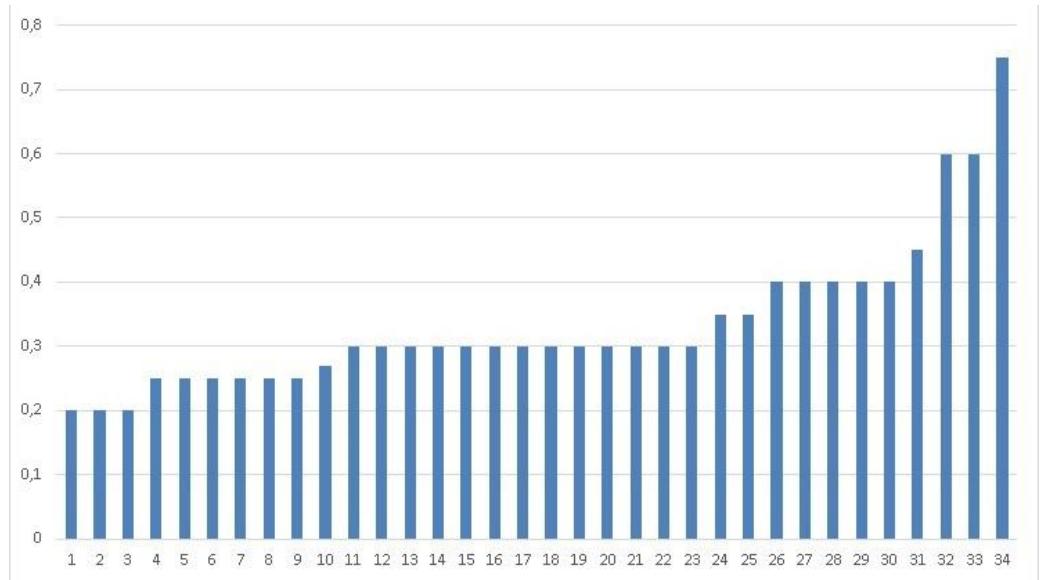

Рисунок 2. Мощность культурного слоя однослоиных городищ Уфимско-Бельского междуречья.

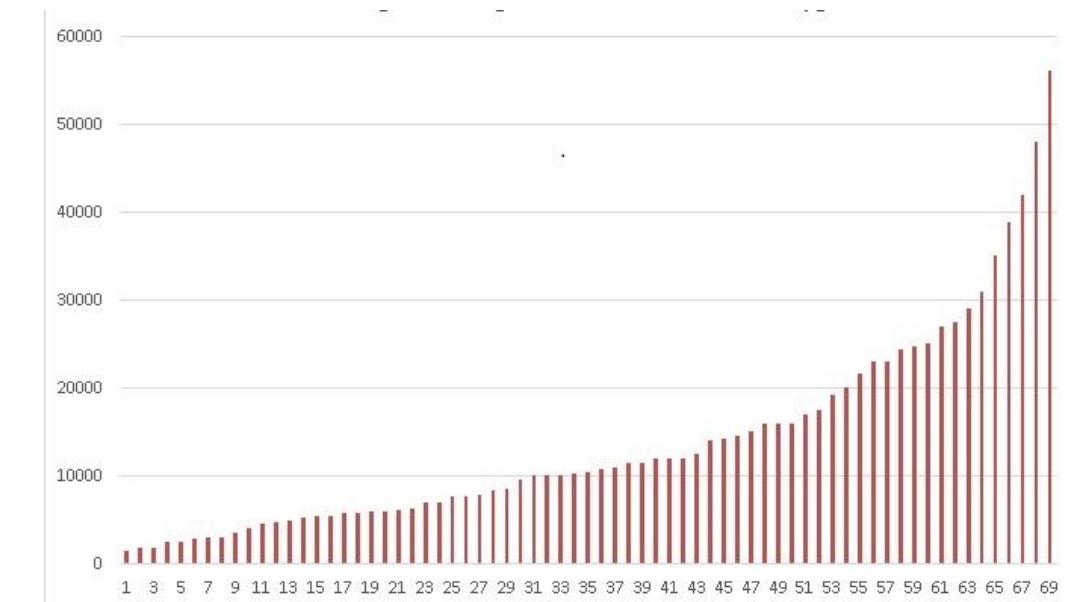

Рисунок 3. Показатели площади городищ бахмутинской культуры, включая многослойные объекты.

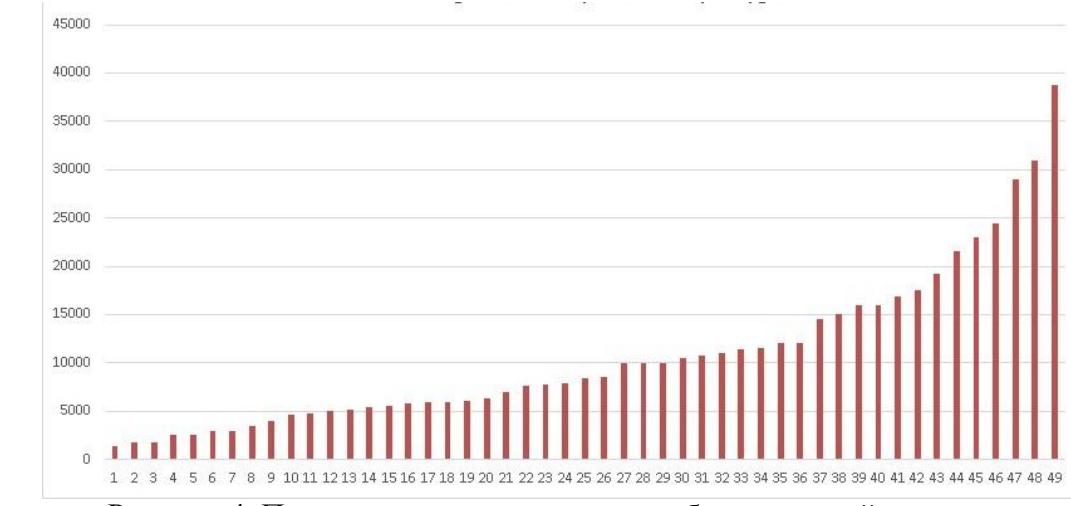

Рисунок 4. Показатели площади городищ бахмутинской культуры Уфимско-бельского междуречья.

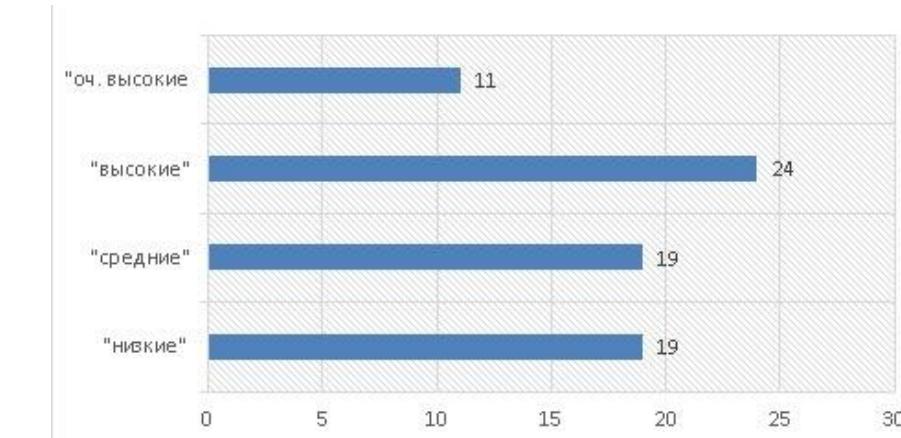

Рисунок 5. Высота площадок укрепленных поселений бахмутинской культуры.

¹ Иванов В.А. Отчёт о разведках и раскопках в Башкирской АССР. Уфа, 1981 / Научный архив ИЭИ УНЦ РАН.

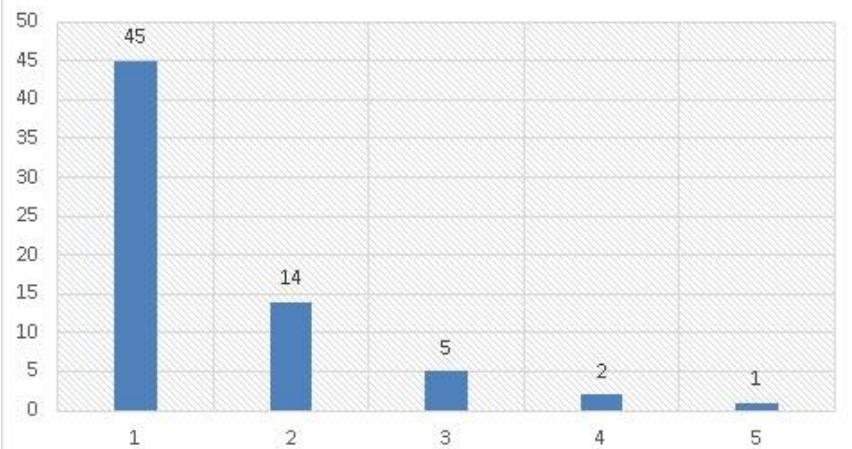

Рисунок 6. Количество укрепленных площадок городищ бахмутинской культуры Уфимско-Бельского междуречья.

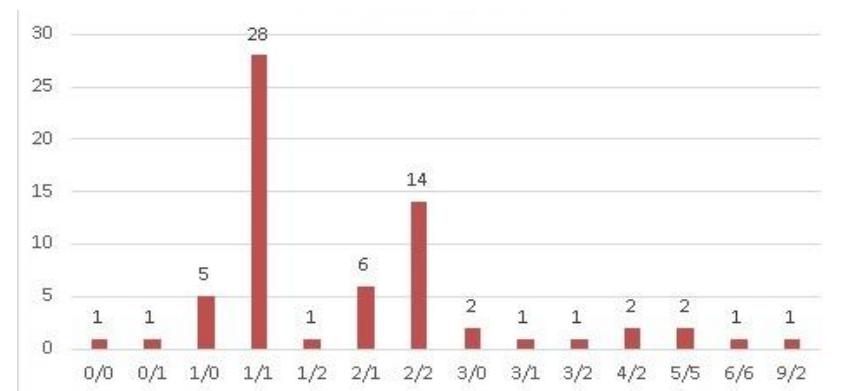

Рисунок 7. Конфигурация линий фортификации городищ бахмутинской культуры.

© Колонских А.Г., 2016.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ ЭПОХИ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ МЕТОДАМИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТ НА ТЕРРИТОРИИ СЛОБОДСКОГО ХРИСТОРОЖДЕСТВЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ В Г. СЛОБОДСКОМ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 2015 Г.)

Аннотация: В статье рассматриваются перспективы исследования методами археологии объектов эпохи Нового и Новейшего времени. В частности, в 2015 г. в результате археологической разведки на территории Христорождественского монастыря г. Слободского Кировской области были прослежены объекты, относящиеся к XVIII–XX вв. В итоге делается вывод о целесообразности изучения относительно поздних сооружений методами археологии и высокой степени информационного потенциала таких исследований.

Ключевые слова: археология, Новое и Новейшее время, монастырь, разведка, церковь, перспективы.

Annotation: The perspectives of the research by archaeological methods are examined in this article in the era of modern and contemporary history. In 2015 as a result of archaeological investigations on the territory of the Hrisrozhdestvesky monastery (Slobodskoy town, the Kirov region) the objects were found related to XVIII–XX centuries. In the end it is concluded that the study of the latest construction by archaeological methods is reasonable and highly informative.

Key words: Archeology, modern and contemporary times, monastery, archaeological investigations, church, the perspectives.

Как известно, археологическая наука имеет наибольшее значение при исследовании эпох, когда письменности еще не было или ее произведения не дошли до нашего времени, а также при изучении истории бесписьменных народов. Когда появляется возможность исследовать исторические события и процессы при помощи письменных источников, информативная ценность методов археологической науки для рассмотрения этих событий и явлений существенно снижается. Однако и по отношению к периодам, от которых сохранилось большое количество различных документов и иных произведений письменности, археологическая наука с помощью своих методов может предоставить немало ценной информации. Это достаточно хорошо можно проследить на примере археологических исследований на территории Христорождественского монастыря г. Слободского Кировской области в 2015 г.

Слободской Христорождественский женский монастырь был основан в первой четверти XVII в. и первоначально носил название Спасского – по имени первого деревянного храма на его территории. Монастырские постройки возводились на средства горожан, для содержания монастырю был отведен небольшой приход. К 1740 г. монастырская Спасская церковь перестраивается в каменном исполнении, до нашего времени сохранились ее фотографии. В 1764 г., в период проведения государственной реформы по секуляризации монастырских земель, многие монастыри были закрыты. Эта участь постигла и Спасскую обитель, часть монахинь которой перевели в Христорождественский монастырь города Уфы (Уфа в то время входила в состав Вятской епархии). В 1775 г. (по другим источникам – в 1777) по указу Синода монастырь был перемещен обратно. При этом он получил название «Уфимский Христорождественский монастырь, что в г. Слободском», под которым просуществовал до 1823 г., пока вместо «Уфимский» не стали писать «Слободской». Перевод монастыря был обусловлен опасностью его разграбления в ходе восстания Пугачева в 1774 г. (когда активно обсуждался вопрос о дальнейшей судьбе обители), ветхим состоянием большинства построек и вятским происхождением игумении Таисии Сеземовой, которая, очевидно, очень хотела вернуться на родину.

После возвращения монастыря в г. Слободской его территории активно расширялась и застраивалась. В 1829-1831 гг. был построен второй монастырский храм, освященный в 1832 г. в честь Рождества Христова. В конце XIX в. монастырь занимал уже целый квартал.

После 1918 г. большинство монастырских построек передали в ведение коммунального хозяйства. В 1920 г. монастырь был закрыт, а на его территории организован школьный городок. В 1920-х – начале 1930-х гг. северную часть квартала передали под военную часть, а юго-восточную – пожарной части, юго-западная часть квартала осталась жилой. В советское время были утрачены древняя Спасская церковь, деревянные келейные и хозяйствственные корпуса, главы Христорождественской церкви и часовни, шатер колокольни, часть ограды и сады. На территории монастыря построили гаражи и склады. В 2006 г. начался постепенный вывод с территории монастыря военной части и передача высвобождающихся построек в пользование православным верующим¹. В настоящее время строения монастыря активно восстанавливаются и реставрируются.

В 2015 г. на территории Слободского Христорождественского монастыря была проведена археологическая разведка. Заказчиком выступил сам монастырь, работы производились под руководством Р.В. Матвеева². Целью исследований стал поиск фундаментов каменной Спасской церкви, построенной в 1740 г. и разрушенной в советское время. Руководство монастыря планировало обозначить место расположения храма памятным знаком и учесть район его размещения в процессе разработки планов по благоустройству территории. Задача поиска фундаментов осложнялась тем, что участок расположения Спасской церкви был известен лишь примерно, и отсутствовала информация о том, каким образом происходил ее демонтаж и в каком состоянии фундаменты вообще могли сохраниться.

На обследуемой территории было заложено 2 шурфа размером 2x2 м. В шурфе № 1 следов фундамента обнаружить не удалось, после чего в 6 м к западу от него был заложен шурф № 2. В нем на глубине -40 см от условного нуля обнаружено пятно слоя камня-известняка, перемешанного с битым кирпичом и известковым раствором. Это пятно имело четкие границы, и в процессе работ возникло предположение, что его заполнение является остатками сильно разрушенного фундамента Спасской церкви. Для подтверждения этой гипотезы было решено продолжить выборку до момента получения полной уверенности в истинности этого предположения. На уровне -80 см от условного нуля прокопка шурфа была приостановлена, так как обнаружение в шурфе остатков фундамента Спасской церкви получило подтверждение. Продолжилось пятно слоя камня-известняка, перемешанного с битым кирпичом и известковым раствором, с довольно четкой границей. Кроме того, в восточной части шурфа был выявлен участок разрушенной кирпичной кладки, прослеженный еще в шурфе № 1 и представляющий собой основание стены, отделяющей собственно монастырскую территорию от части монастыря, в которую был открыт доступ мирским людям. Под этим основанием были обнаружены следы первоначальной деревянчатой стенки, существовавшей до кирпичной и выполнявшей те же функции. Остатки этих деревянной и кирпичной стен упирались в линию слоя камня-известняка, перемешанного с битым кирпичом и известковым раствором, и далее не продолжались. По имеющимся картографическим материалам, в частности, по плану Христорождественского монастыря, снятому архитектором В.М. Дружининым в 1874 г., эта стена начиналась от алтарной части Спасской церкви и продолжалась до одного из расположенных вблизи монастырских зданий. Обнаружение остатков этой стены позволило сделать вывод о том, что в шурфе №

¹ Титова Г.В. Слободской Христорождественский монастырь. Он один такой на белом свете // Вятский край. 23.08.2011. № 129. С. 3.

² Автор выражает благодарность старшему преподавателю Казанского национального исследовательского технологического университета Р. В. Матвееву за возможность использования при написании статьи неопубликованных материалов разведки 2015 г.

2 прослежена часть северо-восточной границы алтаря церкви¹. Кроме всего прочего это позволило достаточно точно локализовать место расположения Спасской церкви и ее соотношение с другими строениями Христорождественского монастыря. По данным, полученным в ходе археологических работ, фундамент церкви состоял из известнякового камня, уложенного в специально выкопанные траншеи, на который опирались кирпичные стены. В ходе демонтажа здания этот фундамент был достаточно сильно поврежден.

Шурф № 2 не был доведен до материка вследствие необходимости дальнейшего изучения фундамента Спасской церкви методами археологических раскопок в соответствии с п. 3.9 «Положения о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации».

В ходе выборки двух заложенных шурfov в восточной части монастыря был зафиксирован культурный слой в виде прослоек темно-серой супеси с включениями органики мощностью от 3 до 27 см, темно-коричневой супеси с включениями органики мощностью до 10 см, темно-серой супеси с редкими включениями песка и глины мощностью от 4 до 36 см, желто-коричневой пестроцветной супеси с включениями песка мощностью до 27 см. В шурфах также обнаружено большое количество мореной, красноглиняной плотной и поздней поливной керамики, комплекс которой можно датировать XVII–XX вв.² Все это позволило выявить новый объект археологического наследия – «Культурный слой Слободского Христорождественского монастыря, XVII–XX вв.».

Таким образом, археологические исследования территории Слободского Христорождественского монастыря продемонстрировали высокую степень перспективности методов археологической науки в решении проблем точной локализации объектов Нового и Новейшего времени, рассмотрении вопросов их архитектурных особенностей и изучении особенностей материальной культуры различных частей поселений данного периода. Многие аспекты этих вопросов не находили отражения на страницах письменных источников, что делает оправданным обращение к источникам археологическим.

© Кряжевских А.Л., 2016

¹ Матвеев Р.В. Отчет об археологических разведках на территории г. Кирова и г. Слободского Слободского района Кировской области, а также об археологических раскопках на территории Хлыновского кремля г. Кирова за 2015 год. Т. 1. Текстовые материалы // Архив КОГКУК «НПЦ по охране ОКН Кировской области». С. 52–59.

² Там же. С. 52–61.

РЕВИЗИЯ ПЕЩУРОВА 1842–1843 ГГ. КАК ПОКАЗАТЕЛЬ РАБОТЫ
ГУБЕРНСКИХ И УЕЗДНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ

Аннотация: Статья посвящена анализу положения дел в губернских и уездных учреждениях Оренбургского края на основе ревизии сенатора А.Н. Пещурова. Эта ревизия хотя и являлась второй по счету, но имела более резонансный характер в плане вскрывшихся ходе ее проведения нарушений. Благодаря современным исследованиям ревизий органов власти в других областях России в XIX в., мы можем сравнить положение дел в Оренбургской и ряда других губерний Российской империи.

Ключевые слова: ревизия, сенатор Пещуров, чиновник, незавершенные дела, приговор.

Annotation: The article is devoted to analysis of the situation in provincial and district schools of the Orenburg region on the basis of inspection Senator Peshchurov. This revision although it is the second in a row, but had more resonance, in terms of the revealed violations, but not issued totals. Thanks to modern research in other regions of Russia, we can compare the cases in Orenburg and other provinces of the Russian Empire

Key words: inspection, Senator Peshchurov, official, incomplete cases, the verdict

Сенатские ревизии как метод контроля правительством губернских органов правления оценивается в современной историографии с совершенно противоположных позиций. Ряд ученых¹ относит ревизии к номинальному виду контроля над чиновничим аппаратом, так как основное внимание проверяющей стороны сосредотачивалось на бюрократических мелочах (правильное ведение канцелярии, верное заполнение журналов присутствия и пр.). Степень наказания виновных была явно номинальной и двойкой, так чиновника ранга губернатора и вице-губернатора могли перевести на службу в другой регион, а служителей среднего и низшего звена, могли наказать от выговора до увольнения, но опять же наиболее тяжелое наказание несли подчиненные, а не начальники. Другие исследователи² говорят об определенной результативности ревизий и наказании виновных по степени их вины.

На наш взгляд, это реакция правительства на столь явные нарушения управления вверенной областью и ведением канцелярии, которые уже не возможно было игнорировать, поэтому важно разобраться в причинах приезда ревизора. Формально, миссия сенатора – устраниТЬ ошибки, допущенные местными властями в управлении и наказать проштрафившихся чиновников. Современники событий называют основной причиной ревизий следующее: «это неисполнение вызывало жалобы, заставлявшие посыпать ежегодно сенаторов на ревизию в губернии, давать им обширные полномочия, но и это, как увидим, мало помогало делу, главным образом потому, что высшее правительство и низшее чиновничество было в полной разобщенности как между собою, так с обществом и народом... Была масса чиновников, безграмотных и невежественных, но правительства, в смысле стройной и твердой силы, тогда не было; не было власти, объединяющей и скрепляющей, и каждый преследовал свои личные интересы, жил сам по себе»³. На наш взгляд, это высказывание наиболее точно объясняет номинальный характер проводимых ревизий и безрезультативность большинства из них. Тем не менее,

¹ Морякова О.В. Система местного управления России при Николае I. М., 1998; Писарькова Л.Ф. От Петра I до Николая I: политика правительства в области формирования бюрократии // Отечественная история. 1996. № 4. 29–43

² Гвоздикова И.М. Миссия сенатора А.Н. Пещурова. Сенаторская ревизия в Оренбургской губернии 1842–1843 гг. // Бельские просторы. 2007. № 6. С. 63; Семенова Н.Л. Причины сенаторской ревизии Оренбургской губернии 1842–1843 гг. // Вестник ОГУ. 2011. № 4 (123). С. 49; Савченко Н.А. Институт сенаторских ревизий Российской империи: на примере ревизии Н.А. Зиновьева в 1902–1904 гг. дис. канд. ист. наук. Курск, 2007.

³ Дубровин Н. Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина. 1899. Т. 97. № 1. С. 5.

сенаторские ревизии проводились на протяжении всего XIX – начала XX вв., начиная с 1800 по 1915 гг. В первой половине XIX в. ревизии Оренбургской проводились дважды: в 1800 и 1842 гг.

Несмотря на то, что время и место предстоящей ревизии назначалось лично императором, у заинтересованных лиц всегда была возможность узнать об этом заранее, благодаря связям при дворе, покровительству важных лиц и пр. Благодаря изданной «Инструкции сенаторам, назначаемым для обревизования губернии» каждый губернатор знал, что ему следует показывать в лучшем свете. «Инструкция...» наделяла ревизоров широчайшими полномочиями: все чиновники губернии находились в его непосредственном подчинении, а в случае непредвиденных обстоятельств, сенаторы могли рассчитывать на помочь квартирующихся в губернии войск. Ревизоры должны были проверять работу губернских органов власти, профессионализм классных и внеклассных чиновников и пр. При волеющих злоупотреблениях сенатор-ревизор мог незамедлительно обращаться к министру МВД, юстиции, финансов, а иногда и к императору. По окончании ревизии сенатор обязан был предоставить полный отчет в Сенат, а обобщенный – императору. То есть, несмотря на то, что император лично назначал ревизора, его работу оценивал Сенат, глава государства знакомился с ней в общих чертах.

7 июля 1842 г. в Сенате было объявлено о предстоящей ревизии Оренбургской губернии сенатором, тайным советником А.Н. Пещуровым. Об этом был уведомлен Оренбургский военный губернатор В.А. Обручев, а 20 июля о ревизии было уведомлено Оренбургское губернское правление.

Для николаевского царствования основным критерием оценки эффективности бюрократической машины было количество нерешенных палатой, отделом, столом дел. По данным И.М. Гвоздиковой¹ на 1840 г. из 23 489 дел нерешенными оставалось 13 603 дела, в 1841 г. нерешенными оставалось 8 191 дело, к октябрю 1842 г. (ревизионное время) нерешенными оставались 9 093 дела. На естественный вопрос властей о причинах этого, губернское руководство отвечало стандартно: не оформлены докладные записки или не получены необходимые сведения из Присутственных мест. Идентичной была ситуация и в других губерниях: «в Тамбовской губернии за 1842 г. числилось 1 010 нерешенных дел из 3 477; в Костромской за 1843 г. – 404 из 4 163; в Калужской в 1835 г. – 232 из 1 384; в Курской в 1839 г.– 681 из 9 461; в Тверской в 1841 г. – 210 из 2 725»².

С другой стороны, Н.Л. Семенова³, оценивая эффективность деятельности Оренбургских губернских учреждений (по количеству решенных и нерешенных дел) в зависимости от ревизионного времени. Так, 30-е гг. XIX в. являются доревизионными и характеризуются довольно высоким процентом решенных дел в губернских учреждениях и низким – по другим учреждениям. Постревизионный период (1843–1851 гг.) – самый продуктивный период делопроизводства, когда процент решенных дел составлял 80–90%. Третий период (1852–1859 гг.) характеризуется резким спадом в количестве решенных дел. Таким образом, ревизии все-таки способствовали повышению работоспособности и эффективности среди чиновников губернских учреждений, но не на долго, в среднем 5–7 лет.

20 июня 1843 г. ревизия А.Н. Пещурова была закончена, он предоставил подробный отчет о ней в Правительствующий Сенат и обобщенный – лично императору. Ревизия Пещурова была признана состоявшейся, а его действия, как ревизора, верными. И.М. Гвоздикова⁴ считает эту ревизию «первой широкомасштабной проверкой работы губернских и уездных присутственных мест» в крае.

¹ Гвоздикова И.М. Указ. соч. С. 65.

² Морякова О.В. Указ. соч. С. 61.

³ Семенова Н.Л. Проблема определения эффективности деятельности государственных учреждений Оренбургской губернии в 30–50-е гг. XIX века // Вестник ВЭГУ. 2013. № 4. С. 130–131.

⁴ Гвоздикова И.М. Указ. соч. С. 65.

Несмотря на свою роль карающего органа, Сенат смягчил наказания чиновникам, которых Пещуров приговорил к уголовному суду, а также и гражданскому губернатору Талызину, хотя на нем и военном губернаторе лежала основная вина за упущения по управлению краем. В то же время Сенат потребовал от всех главных губернских учреждений немедленно начать устранять недостатки, выявленные ревизором. Например, Губернскому правлению было приказано в полугодичный срок окончить дела о взяточниках и других преступниках против должности, назначив двух-трех надежных чиновников обезжать присутственные места. Так же Правление должно было учредить особую комиссию для разбора дел, оставшихся без производства, в состав которой должны входить советники 2-4 отделений, где наибольшее количество нерешенных дел. К Уездным присутствиям жестких претензий не было, поэтому они полноценно продолжили свою работу. В остальных местах начали работать комиссии по разбору залежавшихся дел, и стали обязательными послебеденные присутствия чиновников. На военного губернатора Балкашина была возложена проверка результативности и жизнеспособности замечаний сенатора.

Несмотря на проведение ревизии, основные недостатки бюрократического аппарата России – взяточничество и запущенное делопроизводство остались на своем месте. Но было ли такое положение дел свойственно только бюрократической системе Оренбургской губернии или чиновники по всей империи брали взятки?

Л.В. Мерзлякова¹ в диссертации по чиновничеству Вятской губернии говорит о следующих недостатках в управлении губернией и делопроизводстве: основной порок – волокита, большое количество дел, рассмотрение которых длилось годами – от 1 до 11 лет, например, в уездах Нолинском, Глазовском, Котельническом, Малмыжском, Сарапульском, Уржумском. Причиной этому служила, по мнению автора, большая плотность населения, обширная территория, специфика национального состава. Централизация управления породила обширнейшую переписку: так в 1836 г. через Вятское губернское правление прошло 4 572 бумаги, в 1850 г. – 14 545. Помимо всего вышеперечисленного, не хватало как добросовестных чиновников, так и образованных и компетентных канцелярских служителей.

Ю.Н. Токмакова², описывая ревизию Курской губернии в 1827 г., отмечает медлительность в делопроизводстве, нарушения должного порядка, многочисленные злоупотребления, особенно в полиции, случаи коррупции и самоуправства, формализм, отсутствие доверия и сочувствия к администрации со стороны местного населения.

Таким образом, ревизия Пещурова не выявила экстраординарных нарушений бюрократического аппарата в Оренбургской губернии – все эти нарушения были типичны для всей империи. Ряд дополнительных возможностей для правонарушений чиновников губернии давали отдаленность губернии относительно центра, наличие нерусского говорящего местного населения и приоритет власти военного губернатора над гражданским.

© Куприянова Е.А., 2016

¹ Мерзлякова Л.В. Чиновничество Вятской губернии первой половины XIX века. (Опыт социально-политической характеристики). Ижевск, 1997. С. 126–128.

² Токмакова Ю.Н. Провинциальное чиновничество центральной России в 1801–1861 гг. (на материалах Курской губернии). Курск, 2011. С. 78–79.

УДК 092

Курамшина К.Р.
Гущина Е.Г.
г. Казань

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ, КАК РЕСУРС ПОЗНАНИЯ КУЛЬТУРЫ
(НА ПРИМЕРЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ, КАЗАНСКОГО (ПРИВОЛЖСКОГО)
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Аннотация: В статье говорится об особой роли этнографических музеев в условиях современного мира. Этнографические музеи показывают уникальную культуру народов и являются основой для полноценного межкультурного диалога. Этнографические музеи способны развить в людях толерантное отношение к представителям различных национальностей, так как являются носителями информации о материальной и духовной культуре народов.

Ключевые слова: музей, этнографический музей, культура, этническая общность, коллекция, экспозиция, межкультурный диалог.

Annotation: A special role of ethnographic museums in the modern world is mentioned in the article. Ethnographic museum is the basis for a full intercultural dialogue and shows the unique culture of people. Ethnographic museums are able to develop a tolerant attitude in people to the representatives of different nationalities, because they are carriers of information about the material and spiritual culture of the peoples.

Key words: museum, ethnographic museum, culture, ethnic community, collection, exposition, intercultural dialogue.

«Музей – грандиозная памятная книга человечества»

А.В. Луначарский

Человек неразрывно связан со своей культурой. Она определяет его образ жизни, ценности, взгляды по отношению к представителям своей и иных этнических обществ. Человек создает культуру, но в тоже время способен ее разрушить. Глубоко нравственное отношение к культуре способно сохранить ее от разрушения.

В современном мире, в условиях многоэтнических государств, важным остается вопрос о мирном сосуществовании различных культур на одной территории. Данный вопрос тесно связан с толерантностью по отношению к другим народам и культурам. Каким образом можно воспитывать в людях толерантное отношение? Этому могут способствовать музеи.

Музей это уникальный общественный институт, аккумулирующий социальную информацию, предназначенную для сохранения и передачи последующим поколениям культурно-исторических ценностей. В этой связи хотелось бы отметить особую важность этнографических музеев, которые хранят и экспонируют коллекции, раскрывающие традиционный быт и культуру разных этнических сообществ. Этнографические музеи, по сравнению с другими категориями музеев, воспитывают толерантное отношение к людям иной этнической принадлежности, бережное отношение к своей и «другой» культуре.

Этнографические музеи выступают в качестве проводников в сфере межличностных и межэтнических отношений. Они способствуют взаимопониманию между людьми и позитивному культурному диалогу. Этнографические музеи демонстрируют материальную и духовную культуру народов, показывают сходства и особенности между разными народами, а также учат проявлять уважение к традициям и гуманно относиться к представителям иных этнических обществ.

На данный момент существует разнообразные формы этнографических музеев – от академических музеев до историко-этнографических и архитектурно-этнографических музеев под открытым небом, где этнографические коллекции демонстрируются в подлинной среде. Интересными являются сельские этномузеи, изучающие и демонстрирующие традиционные формы материальной и нематериальной культуры малых народов непосредственно в среде бытования¹.

¹ Ануфриев А.В. Музейное дело и охрана культурных ценностей. Иркутск, 2013. С. 44

На базе Казанского Федерального университета действуют большое количество музеев, в том числе Этнографический музей, являющийся одним из старейших музеев гуманитарного профиля в России. Он располагается в главном здании университета, в своих исторических помещениях. Особо хотелось бы отметить, что Этнографический музей оборудован специально разработанными профессором Б.Ф. Адлером авторскими шкафами и витринами, которые учитывают специфику экспонатов. Первым крупным пополнением музея стала коллекция И.М. Симонова, привезенная с островов Тихого океана в 1821 г.

В экспозиции Этнографического музея Казанского университета широко представлена традиционная культура народов Поволжья, народов России и мира в целом. На данный момент в музее действуют три экспозиции: «Этнография и этнографические коллекции Казанского Университета», «Этнография народов Казанского Поволжья», «Этнография народов мира».

Особое место в Этнографическом музее Казанского университета отведено коллекциям, характеризующий быт и культуру народов Среднего Поволжья. В данном собрании представлены предметы, раскрывающие специфику традиционного быта, народной культуры и религиозных воззрений трех этнических слоев: финно-угорского (марийцы, мордва, удмурты), тюркского (татары, чуваши), славянского (русские).

Не менее важное значение имеют коллекции, касающиеся иных регионов России и СНГ. Большая часть коллекций музея, посвящена многочисленным народам Сибири и Дальнего Востока (чукчи, кеты, ненцы, ханты, манси, тувинцы, буряты) и народам Средней Азии (узбеки, киргизы, туркмены).

Третий блок в Этнографическом музее представляют зарубежные коллекции. Они характеризуют традиционную культуру целых регионов: Африка, Австралия и Океания, Северная и Южная Америка, и восточных стран: Китай, Корея, Япония, Тибет, Вьетнам, Иран¹.

Коллекции Казанского этнографического музея дают возможность приобщиться к культуре других народов, понять их специфику, а также они дают основу для эффективного межкультурного диалога.

Именно сохранение культурного наследия занимает ведущее место в деятельности музеев сегодня. В современном XXI веке, в условиях глобализации, они становятся главным, а иногда единственным источником получения информации о тех или иных явлениях материальной и духовной культуры народов. Огромное значение в деле сохранения культурного наследия играют именно этнографические музеи, коллекции которых выступают, как трансляторы традиционной культуры разных народов².

© Курамшина К.Р., 2016
© Гущина Е.Г., 2016

¹ Гущина Е.Г. Этнографический музей как пространственная составляющая диалога культур // Материалы Международного музейного форума в Казани «Музей и общество: современные модели интеграции» 14–18 сентября 2010 г. В 2 т. Казань, 2011. Т. 1. С. 245–247.

² Там же.

УДК 908 (470.44) (09)

Макарцева В.Д.
Макарцева Л.В.
г. Саратов

О КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Аннотация: В научной статье дается характеристика историко-культурному наследию Саратовской области, показана его специфика и позиционирование. Авторы приводят конкретные объекты в разрезе административных районов и городов с целью выявления идентичности для развития туризма.

Ключевые слова: культурное наследие Саратовской области, археологические памятники, садово-парковое искусство, культурный ландшафт, традиции и современность.

Annotation: In the scientific article the characteristic of historical and cultural heritage of the Saratov region, shown its specificity and positioning. The authors present specific properties in terms of districts and cities with the aim of identifying identity for tourism development.

Key words: the cultural heritage of the Saratov region, archaeological monuments, landscape art, cultural landscape, tradition and modernity.

Саратовская область образована в 1934 г/ (до этого она была краем, т.к. включала Немецкую автономную республику). Область занимает 100,2 тыс. квадратных километров и входит в Приволжский федеральный округ. Река Волга делит область на две почти равные части: Правобережье и Левобережье. В административном отношении область делится на 38 районов, из которых 20 расположены в Правобережье и 18 в Левобережье.

Формирование культурного наследия Саратовской области связано с ее выгодным географическим положением, историческими, природными, социально-экономическими особенностями. Культурное наследие формировалось не одним поколением. Наследие предков, запечатлено в архитектуре, традициях, легендах края, оно хранит мудрость и самобытность народа. Более 140 национальностей проживает на территории Саратовской области.

Выгодное географическое положение (расположение в Европейской части на юго-востоке Русской равнины, река Волга, относительно равнинная территория) повлияли на расселение Саратовского края, об этом свидетельствуют палеонтологические находки.

Археологические памятники каменного века распространены повсеместно, хотя не равномерно. Наибольшая часть сосредоточена в Правобережье – Хвалынский, Воскресенский, Красноармейский районы, а в Левобережье – Александрово-Гайский, Дергачевский, Питерский районы. Поселения, курганы бронзового века – сконцентрированы вдоль долин рек Волги, Медведицы, Терешки, Хопра в Правобережье и Иргиза, Большого и Малого Узеня в Левобережье¹.

Одним из центров средневековья в XIII в. был город Укек (ныне Увек – микрорайон областного центра). Это один из первых крупнейших центров Золотой Орды. Многие города Саратовской области лежат на местах древних поселений, пример тому г. Аткарск (средневековый могильник), г. Хвалынск (мезолитические стоянки), г. Новоузенск (курганные погребения), г. Пугачев (курганные захоронения), г. Энгельс (Покровские курганы)².

Объяснением месторасположения современных городов региона служит заселение кочевыми народами. Характер быта обитавших народов, повлиял на неравномерное распределение городищ по территории области. Сеть их гуще там, где кочевники за период своего обитания в пределах Нижнего Поволжья успели перейти к оседлой жизни.

Архитектурные и культовые сооружения с XVIII по XX вв. связаны с эпохой расцвета русского классицизма. Пример тому г. Балаково (усадьба А. Мальцева, храм святой Троицы, усадьбы купцов-старообрядцев), г. Вольск (пожарные каланчи,

¹ Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов, 2002. С. 229.

² Макарцева Л.В., Щеглов Д.М. Туристический потенциал Саратовской области и условия его реализации // Известия Алтайского отделения РГО. 2014. № 35. С. 86.

архиерейский дом, старый Предтеченский собор и др.), г. Ртищево (собор Св. Александра Невского), г. Пугачев (Иоанно-Предтеченский собор, Средне-Никольский старообрядческий монастырь), г. Хвалынск (дом Радищевых, Петровых-Водкиных, старообрядческие скиты, Черемшанский старообрядческий монастырь и др.).

Видное место среди объектов садово-паркового искусства занимают сохранившиеся фрагменты помещичьих усадеб, садово-парковых ансамблей, сконцентрированных в городах Правобережья (г. Вольск – сад Сапожникова, усадьба Плигина, дача В. Челинцева, г. Калининск – усадьба Шереметьева, г. Хвалынск – дача Михайлова-Кузьмина), а также в окрестностях (с. Владыкино – усадьба Владыкино-Волконских, с. Сергиевка – Сергиевский приусадебный парк, с. Летяжевка – Летяжевский приусадебный парк, с. Марфино – Марфинский приусадебный парк и др.). Основной прием архитектурно-планировочной структуры – пейзажный. В парковых ландшафтах преобладают рощи, поляны, водоемы свободных очертаний. Владельцы сохранившихся усадеб были из именитых родов России (Беклемищевы, Нарышкины, Шереметьевы, Нессельроде и др.), которые сыграли большую роль в становлении паркового пейзажа Саратовского края¹.

Удельный вес архитектурных памятников созданных русскими, наиболее велик в Правобережье и в северной части Левобережья. В Саратовской области сохранились памятники «переселенческой архитектуры». К ним относятся постройки немецких поселенцев середины XVIII – начала XX вв. В эту группу входят исторические планировки городов Красноармейска, Маркса, Энгельса, сохранившиеся лютеранские и католические церкви, мельницы, жилые дома и некоторые другие постройки.

Особенностью региона является историко-культурное наследие, связанное с существованием с 1924 по 1941 гг. Автономной республики Немцев Поволжья. Сегодня в Саратовской области проживает около 12 тысяч российских немцев. Их традиции, обычаи, история – часть богатого культурного наследия Саратовской области. В четырех районах области (Энгельском, Марковском, Ровенском и Красноармейском) сохранились памятники, связанные с историей и культурой поволжских немцев, а также традиционные системы природопользования и хозяйствования. Культурно-историческое наследие поволжских немцев создаёт предпосылки для развития международного этнического и ностальгического видов туризма в регионе.

В настоящее время в городской архитектуре практически нет домов, возраст которых превышал бы 300 лет, причиной тому набеги кочевых орд, казаков, пожары, народные бунты, восстания, войны, перепланировка.

Современная область представляет собой культурный ландшафт, внутреннее разнообразие которого объясняется сложной историей заселения, хозяйственным освоением, этнографическими различиями, природной неоднородностью. Одним из природных ландшафтов является «Хвалынский национальный парк» федерального значения в одноименном административном районе.

Зарождение культуры и возникновение поселений на территории «Хвалынский национальный парк» археологами датируется эпохой мезолита. В перечень объектов природного, исторического, архитектурного и культурного наследия на территории «Хвалынский национальный парк» и города Хвалынска входит более 100 объектов. С 2013 г. на территории горнолыжного курорта «Хвалынский» (Хвалынский район) проводится «Туриада», куда приезжают студенты, победители региональных спортивно-туристских лагерей Приволжского федерального округа. Это может послужить отправным моментом для развития в регионе молодежного спортивного туризма.

Другим не менее интересным природным объектом является степной зоологический заказник «Саратовский». Всего в области под охраной находятся 79 особо

охраняемых природных территорий регионального значения и это открывает перспективу для развития экологического туризма.

Из современного наследия можно выделить этнографический комплекс «Национальная деревня», где собраны 15 подворий народов Саратовской области, парк Победы, включающий военную и гражданскую технику, архитектурный комплекс «Гагаринское поле» – место приземления первого космонавта Ю.А. Гагарина. Международные, всероссийские, региональные фестивали (международный Собиновский музыкальный фестиваль, международный телекинофестиваль «Саратовские страдания», всероссийский театральный фестиваль имени О.И. Янковского, Поволжский рок фестиваль «Желтая гора») собирают свою аудиторию. Фестивали, которые с каждым годом набирают популярность, могут послужить развитию событийного туризма в Саратовской области. Международный фестиваль «Один день из жизни средневекового города Увека» положил начало для развития международного туризма в регионе.

Саратовская область известна памятными местами, связанные с выдающимися личностями: писатель Н.Г. Чернышевский и учёный Н.Н. Вавилов, художник В.Э. Борисов-Мусатов (г. Саратов), учёный Г.Н. Минх и поэт Л.И. Гумилевский (г. Аткарск), изобретатель Я.В. Мамин и герой гражданской войны В.И. Чапаев (г. Балаково), художник К.С. Петров-Водкин и писатель С.С. Наровчатов (г. Хвалынск), изобретатель П.Н. Яблочкин (Ртищевский район), писатель А.Н. Толстой (г. Пугачев), писатель Л. Кассиль, композитор А.Г. Шнитке (г. Энгельс). Основным мотивом туризма в Саратовской области может стать культурно-познавательное направление, включающее основные объекты, связанные с известными людьми.

В позиционировании Саратовская область использует в основном историко-культурные достопримечательности: Хвалынский национальный парк, место приземления Ю.А. Гагарина, а также различного уровня фестивали.

Таким образом, позиционируя историко-культурное наследие, можно развивать туристские услуги, тем самым привлекая дополнительные инвестиции в регион, создавая новые рабочие места, обеспечивая благоприятный и доброжелательный образ территории.

© Макарцева В.Д., 2016

© Макарцева Л.В., 2016

¹ Макарцева Л.В. Особенности культурного наследия малых городов Саратовской области. Краеведческие аспекты географических исследований и образования: сб. статей V Международной научно-практической конференции. Пенза. 2009. С. 61.

Махмутов З.А.
г. Казань.
Файзуллина Г.Ш.
г. Алматы

НАЦИОНАЛЬНАЯ КУХНЯ ТАТАР КАЗАХСТАНА: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация: Настоящая статья посвящена современной кухни татар Казахстана. На примере кулинарных традиций и новаций авторы статьи выявляют основные тенденции этнокультурного развития одного из этнических меньшинств республики. При всех инновациях кулинария татар Казахстана остается наиболее устойчивой сферой народной культуры. Особенности традиционной пищи часто воспринимаются как маркеры этнической, локальной и религиозной идентичности.

Ключевые слова: татарское население Казахстана, культура, этническая идентичность, национальная кухня, трансмиссия.

Annotation: The paper deals with characteristics of modern cuisine of Tatars in Kazakhstan. Despite all innovations cuisine of Tatars of Kazakhstan remains the most stable element of their culture. Specifics of traditional cuisine are often considered as markers of ethnic, religious and local identity.

Key words: the tatar population of Kazakhstan, culture, ethnic identification, маркеры идентичности, nation meal, transmission.

Национальная кухня – один из важнейших этноспецифических элементов культуры. Принято считать, что в условиях современных процессов глобализации пища с одной стороны более других элементов материальной культуры сохраняет национальные черты, с другой – легче других поддается заимствованиям¹. Данные особенности актуализируют проблематику изучения национальной кухни этнических меньшинств, групп в наибольшей степени подверженных ассимиляции и потери культурной специфики.

Как показывают источники, пища являлась традиционно ярким культурным маркером татарского населения Казахстана. Описывая население Северного Казахстана во второй половине XIX в., местный врач Ц.А. Белиловский подчеркивает своеобразие национальной кухни татар региона: «Забравши под себя ноги по-восточному, вы усаживаетесь за приземистый стол и обязательно должны отведать с каждого блюда. Стол накрыт скатертью и устлан множеством блюд и различными сладостями: чикчаги (приготовлены из муки, меду, масла – очень вкусно), пирожки с малиной, хворост, мармелад, урюк, конфеты, монпасье, фисташки, орехи, фрукты, варенье и т.п. От такого количества сладостей татары часто страдают зубной болью и болезнью десен»².

Самым популярным напитком местных татар XIX в., по описанию современника, являлся широко распространенный также среди казахов, сибирских татар и башкир кисломолочный напиток из кобыльего молока – кумыс, который местные татары использовали, в том числе и для лечебных целей³.

Для современной татарской кухни в Казахстане, как и для татар на исторической родине характерно широкое распространение жидких горячих блюд – супов («шурпа»). Популярностью пользуются мучные изделия – из пресного или дрожжевого теста. На празднества печенные изделия с несладкой начинкой (пәрәмәчи, әчпочмаки, губадия) подаются часто вместо второго блюда или с бульоном. Любовь к сладостям в Казахстане продолжает оставаться такой же отличительной чертой, как и сто лет назад. Самым любимым блюдом татар Казахстана, согласно нашему исследованию, является

¹ Артюнов С.А. Основные пищевые модели и их заимствования // Традиционная пища как выражения этнического самосознания. М., 2001. С. 10.

² Белиловский Ц.А. Медико-статистический очерк города Петропавловска Акмолинской области. Годичный отчет за 1886 год. Томск, 1887. С. 9.

³ Там же. С. 9.

традиционное татарское лакомство – чак-чак, о чем заявили более 30% опрошенных нами респондентов.

Следует констатировать в целом высокую осведомленность татар Казахстана о своей национальной кухне. Более 90% респондентов без труда назвали одно, а порой и несколько любимых национальных кушаний. Наиболее компетентные в своей национальной кухне татары проживают в Алматинской области, где данный показатель достигает 97%.

Несмотря на хорошее знание своей национальной кухни, в этой области материальной культуры мы также фиксируем нарушение этнокультурной трансмиссии. Это проявляется в том, что значительно сокращается ассортимент национальных блюд, названных молодым поколением в качестве любимых. Если представители старшего поколения без труда назвали более тридцати любимых национальных блюд, то среди молодежи данный показатель не достигает и двадцати. Утрачиваются традиционные татарские названия кушаний: кыймак все чаще называют татарскими оладьями, токмач – татарской лапшой, бәлиш – татарским пирогом, дучмак – татарскими ватрушками.

В наименованиях кушаний нельзя не обратить внимание на некоторые расхождения в понимании татарами отдельных блюд. Так, бәлишом татары Казахстана называют, прежде всего, сладкие пироги с начинкой из смеси кураги, чернослива, черной смородины. В Татарстане же под бәлишом, главным образом, подразумевают пирог из мяса и картофеля. Обязательным ингредиентом бәлиша «китайских» татар на юге Казахстана является рис.

На специфику пищи татар Казахстана оказали влияние как естественно-географические условия, так и соседствующие культуры. Жизнь в степи и соседство с казахской культурой, вероятно, предопределила широкое распространение среди татар Казахстана мяса конины, не смотря на то, что оно, согласно нормативным предписанием ислама, относится к категории «макрух» – не запрещаемое, но и не одобряемое¹. В некоторых районах Казахстана мясо конина в повседневном рационе преобладает над всеми другими видами мяса.

Из интервью:

«Настоящий бешбармак должен, безусловно, быть именно из конины. Даже само название происходит, не как все считают от пяти пальцев, которыми едят, а от пяти видов мяса конины: жал (сала из-под грибы), жая (засоленного особым образом мяса с жиром), қазы (ребра с полоской мяса и жира с брюшины), қарта (конская кишса), бауыр (печень) или шұжық (колбаса из конины). В татарском бешбармаке есть все виды мяса лошади. Все, что в лошади есть, крошится кубиками и отваривается. Каждый вид мяса в отдельную чашку. Кубики перемешиваются, потом делается тесто, поэтому это занятие достаточно кропотливое и отнимающее очень много времени» (муж. 1960 г.р., с. Аулеколь Костанайской области).

Богатейшая флора Средней Азии привнесла в кухню южных татар Казахстана разные специи, пряные травы и овощи. Салаты стали неотъемлемой составляющей татарского застолья в гг. Шымкенте и Алматы.

Из интервью:

«Посиделки у нас бывают от 3 до 7 раз в месяц. Это могут быть поминки или похороны, праздники, а также просто приезд родственников. Как-то так повелось, что на подобные посиделки обязательно должен быть стандартный набор блюд. В нем обязательное наличие салатов. Практически всегда есть лянсай (салат из мучной лапши или крахмальной – фунчозы и жареными овощами и мясом)...» (жен. 1936 г.р., г. Алматы).

«Некоторое время жила в Казани, сейчас вернулась. Для них в диковинку были салаты из спаржи, из фунчозы...» (жен. 1954 г.р., г. Алматы).

Особенности этнического ландшафта Казахстана также отразились на своеобразии кухни татар Республики. На севере страны можно проследить заимствования от русской, а

¹ Смолянский Б.Л., Григоров Ю.Г. Религия и питание. Киев, 1995. С. 9.

на юге – от узбекской, уйгурской, киргизской, а так же турменской кухни. Некоторые татары в Костанайской области считают своим любимым национальным блюдом – борщ, в Павлодарской области – шаньгу, которое было позаимствовано у русских Сибири получило широкое распространение у сибирских татар¹. Разнообразен список любимых блюд татар южных областей, куда входят и манпар (клещки по-уйгурски), лагман (уйгурское блюдо), санза (сладость киргизской кухни), унаш (туркменский суп из фасоли с лапшой) и т.д.

Сильное влияние на традиционную кухню татар, как на юге, так и на севере Казахстана оказывает казахская культура. В разных районах Казахстана в повседневный рацион входят такие блюда казахского застолья, как куырма-самса (жареные пирожки из пресного теста), куырдак, кыякча.

Из интервью:

«Я очень люблю куырма-самсу. Еще в детстве, когда я жила в Лепсинске, мама всегда их делала после того, как забивали гусей зимой. В качестве начинки использовалась печень» (жен. 1975 г. р., г. Алматы).

«Куырдак у нас почти повседневная пища. Раз в две недели обязательно готовлю. Готовится он очень просто. Сперва наливаешь масло в казан, потом туда мясо и лука немного. Все это жарится. Потом докладывается лук, перец болгарский, морковь, затем томат» (жен. 1987 г. р., г. Талдыкорган).

«Люблю кыякчу, мы ее у казахов взяли. Тесто раскатывается, потом разрезается на треугольники и ромбики, потом обжаривается в масле. То же самое что баурсаки из того же теста, только фигурки другие» (муж. 1953 г. р., с. Аулеколь. Кустанайская область).

Бешбармак, достаточное популярное блюдо среди татар Казахстана, также был, очевидно, заимствован у казахов. Бешбармак татарами на исторической родине не готовится, хотя оно известно ряду приуральских локальных групп татар, татарам Среднего Прииртышья², что, видимо, объясняется также влиянием кухни казахской степи. Бешбармак в татарском приготовлении отличается от казахского наличием, кроме мяса и теста, еще и картофеля. Таким образом, картошка служит в блюде своеобразным «национальным штрихом», незначительной чертой, которая придает блюду «татарскую». Как показывает наше исследование, подобным штрихом зачастую может выступать ингредиент (как в случае с татарским бешбармаком), форма, а также способ приготовления и вкус. Помимо татарских бешбармаков, существует и разновидность татарских баурсаков и татарского лагмана.

Из интервью:

«Татарские баурсаки отличаются от казахских даже внешне, они обычно бывают круглой формы, казахские – квадратные и достаточно крупные. Тесто для них готовится с добавлением молока или топленого масла, в результате чего они дольше хранятся и не портятся» (жен. 1951 г. р., г. Алматы).

«Баурсаки есть у нас и татарские: добавляются сахар и соль, и они такие хрустящие и вкусные, к чаю. Но я обычно люблю готовить казахские баурсаки. Они готовятся из пресного или дрожжевого теста, без добавления яиц. Обжаривается это все в масле и используется вместо хлеба» (жен. 1963 г. р., г. Караганда).

«Татарский лагман, в отличие от уйгурского, более разварен и нередко содержит картошку» (жен. 1963 г. р., г. Шымкент).

Приведенные выше примеры, на наш взгляд, наглядно иллюстрируют то, как подобный «национальный штрих» выполняет функции этнокультурных границ в сознании респондентов. Этнограф Е.Ю. Гуляева, исследуя национальную армянскую кухню армян Петербурга, видит конструктивистскую составляющую в подобных различиях: «Для

информантов важно, чтобы их кулинарная культура отличалась, и поэтому она отлична...»¹.

Очевидно, что в условиях этнокультурной и языковой ассимиляции, в которой находятся татары Казахстана, маркеры в области национальной пищи особенно актуализируются.

Из интервью:

«Мы часто ходим с соседями друг к другу в гости. Когда зовем с мужем к себе, я обязательно готовлю татарские блюда, чтобы гости знали, что они побывали на ужине именно в татарской семье» (жен. 1976 г. р., г. Петропавловск).

«Учу свою dochку готовить татарские блюда. Начали с эчпочмаков. Не знает национального языка, пусть хоть готовить умеет. Говорю ей, приготовивши мужу чак-чак, хоть будет знать, что на хорошей татарке женился» (жен. 1963 г. р., г. Караганда).

«Здесь в Казахстане – татарка – это означает то, что женщина хорошо печет» (жен. 1959 г. р., г. Алматы).

Яркую этническую нагрузку несет в себе блюдо чак-чак, для татар Казахстана оно стало своеобразным символом этничности. Часто татарские молодежные мероприятия, и не только в Казахстане, получают названия «Чак-чак пати», где помимо дискотеки нередко проводятся и конкурсы на приготовление самого вкусного лакомства. Наиболее известными мероприятиями такого формата в Казахстане стали несколько республиканских Чак-чак акций, проведенных татарским этнокультурным центром в г. Павлодаре. На нем молодые татарские активисты с разных городов Республики, как правило, обсуждают планы на ближайшее будущее, проходят встречи с людьми старшего поколения, в завершении акции организовывается танцевально-развлекательная программа, где татарское лакомство выступает главным призом. На свадьбе чак-чак занимает место центрального угощения, подчеркивая ее «татарскую». Особый почет этого блюда выражается и в том, что жених с невестой сами разрезают и раздают его перед чайной церемонией.

Особенности в приготовлении чак-чака, также легко используются для поддержания субэтнической и локальной идентичности. Многие так называемые «китайские» татары Казахстана настаивают, что их чак-чак и тесто, несколько отличны от кухни других групп татар.

Из интервью:

«У нас, у китайских татар, чак-чак тает во рту, а не жуется и долго не черствеет. Для придания формы чак-чаку бабушка использовала «калып» (формочку). Чак-чак раньше на стол подавали горой или трапецией (сейчас сразу на куски нарезают и по столам раскладывают» (жен. 1936 г. р., г. Алматы).

«Самое яркое отличие в кухне «китайских» татар – это туши (чак-чак). Кульджинские татары его изготавливают по особому рецепту, и это доступно не каждой хозяйке. Наш туши получается воздушным, белым. У каждой хозяйки свой набор любимых блюд, и у каждой они получаются разными, тесто очень капризный продукт и чувствительно к настроению хозяйки, к ингредиентам и т.д.» (муж. 1960 г. р., г. Алматы).

«Тесто у нас, как правило, готовится слоеное, в то время как у других татар оно обычно пресное. Часто кладем в тесто жир, чтобы оно было рассыпчатым» (жен. 1940 г. р., г. Алматы).

Помимо формы и ингредиентов, важнейшим отличием пищи китайских татар для многих представителей данной группы татар становится вкус.

Из интервью:

«Одно из самых важных отличий кухни наших китайских татар – это «вкус», секрет которого как у того еврея из анекдота: «Не жалейте заварки» (продуктов).

¹ Тихомирова М.Н. Культура питания татар среднего Прииртышья: проблемы формирования и этнокультурных связей. Омск, 2006. С. 115.

² Там же. С. 140.

¹ Гуляева. Е.Ю. Культурные практики и этничность. (По материалам наблюдений и интервью с армянами Петербурга) // Этнографическое обозрение. 2012. № 5. С. 28.

Видимо, это связано с тем, что в Китае с продуктами было лучше, особенно в Великую Отечественную войну. Поэтому и пекли, и гостей встречали постоянно. Наши (китайские татары) придавали особое значение красоте изделий. По наследству передавались всякие формочки для печений, кулинарные шприцы для украшения тортов. Кривые печенья - брак - "скормливались" детям. Гостям преподносилось всё ровное и красивое» (жен. 1959 г.р., г. Алматы).

Примечательно, что традиционные формы блюда иногда «перекодируются» в локальные отличия уже внутри самой группы китайских татар.

Из интервью:

«Если «токаш» больших размеров, то они были изготовлены китайскими татарами выходцами из китайского города Чугучак, если маленькие – то китайскими татарами из г. Кульдже» (муж. 1960 г.р., г. Алматы).

Национальная кухня может поддерживать не только этническую и локальную, но и религиозную идентичность. Нередко отказ от пищи, а точнее от мяса свинины, многими респондентами используется для демонстрации своей религиозности.

Из интервью:

«Я мусульманин. У меня, к сожалению, не хватает времениходить в мечеть, максимум бываю там 1 раз в год, не удается держать Уразу, но я, например, никогда не буду есть свинину» (муж. 1986 г.р., г. Астана).

Пища татар Казахстана продолжает выполнять и ритуальные функции. Щербет, сладкий напиток из сахара, иногда с добавлением меда обязательно подают молодоженам во время никах (обряд религиозного бракосочетания). Ритуальные функции данный напиток получил у многих мусульманских народов, например, у таджиков¹, белуджей², у казанских татар он применялся в свадебных обрядах³.

К кушаньям, выполняющим свадебную обрядность среди татар Казахстана в полной мере можно отнести мед и масло. Мед и масло обычно дают родители молодоженам при входе в дом, а сейчас – в ресторан, где обычно отмечается свадьба. Считается, что это будет залогом крепкого и удачного брака.

Татарские родины в Казахстане редко обходятся без ириса и элбэ.

Ирис представляет собой лакомство, не получившее распространения среди других групп татар. Это блюдо получается в результате продолжительной варки смеси молока и сахара.

Из интервью:

«Ирис научила маму готовить ее аби, мама жила у нее в Киргизии в детстве около полугода. Готовила моя прабабушка его очень редко: на день рождения мамы и на свое. Мама все обещается его приготовить, но никак руки не доходят» (жен. 1989 г.р., г. Алматы).

«Готовится у нас ирис испокон веков и считается национальным блюдом. Я научилась готовить у мамы, а та – у своей. Раньше, правда, молоко было более жирное и сахар свекольный, а сейчас тростниковый. Поэтому чувствуется, сейчас он уже и по вкусу немного отличается. Обычно готовят его на «родины», чтобы жизнь новорожденных была такая же сладкая, как и блюдо. Сейчас нередко носят его на коран-аи (поминки)» (жен. 1931 г.р., г. Петропавловск).

Элбэ – блюдо, которое традиционно у татар имело ритуальное значение, однако применение его отличается. У татар Казахстана его приносят гости на родины, у некоторых других групп татар ставится на поминки.

У татарского населения южных регионов Казахстана особую ритуальную роль играют чепеки. Использование чепеков в обрядовой практике достаточно распространено у народов Средней Азии: например, узбеки и таджики готовят их на

¹ Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. Душанбе, 1973. С. 172.

² Гафферберг Э.Г. Белуджи Туркменской ССР: Очерки хозяйства, материальной культуры и быта. Л. 1969. С. 198–199.

³ Воробьев Н.И. Казанские татары. Казань. 1953. С. 345.

поминки, туркмены по семейным праздникам: по случаю рождения ребенка и на свадьбу¹. Ранее чепеки были известны и казанским татарам, но в настоящее время они практически не готовятся. Чепеки у татар Казахстана подаются на стол по поводу разных событий.

Из интервью:

«Чепеки обязательно делают как на праздники, так и на похороны и поминки (на 7 дней). Готовят их и тогда, когда снятся родственники, которых уже нет, обязательно в пятницу делают 7 лепешек и раздают обычно детям на улице. Чепеки бабушка в разных местах стола кладет именно по 7 штук, потому что это священное число для мусульман» (жен. 1988 г.р., г. Талдыкорган).

Готовятся чепеки и на Гайт, хотя застольная еда к празднику достаточно вариативна.

Из интервью:

«На Гайт обязательно должно быть что-то жареное: перемяч, баурсак или чепеки, на горячее – куллама, шурпа или мелкие пельмени, к чаю – открытый пирог с курагой или закрытый с яблоками» (жен. 1940 г.р., г. Алматы).

На сам праздник с давних времен было принято раздавать детям конфеты, а взрослым – мясо. Раздача мяса и сейчас практикуется некоторыми татарами, несмотря на городские условия.

Из интервью:

«У нас своего хозяйства нет, поэтому с утра еду на базар, покупаю мясо и еду раздавать многодетным соседям» (муж. 1959 г.р., Караганда).

С самим приемом и приготовлением пищи в татарской культуре связано множество национальных традиций и обычаем. Помимо поминок и праздников, татары приглашают гостей на аузыашар (первый прием пищи во время Уразы), кузайн (накрывают стол в честь приехавшего родственника). Женские чайные посиделки ауляги (женский девичник) и каземесе (праздник ощипывания гусей), ранее особенно популярные в сельской местности, в Казахстане в настоящее время уже практически не проводятся. До сих пор частично сохранились и запреты на прием пищи. Это запрет действует в доме, где находится покойник. Данное правило, как полагают исследователи, может быть связано как с влиянием ислама, так и с более ранними верованиями².

После застолья сохранилась традиция «саркыта», когда часть сладостей с праздничного стола передается детям и внукам. Иногда в южных районах Казахстана сладости на стол вообще не подаются, они полностью уходят на саркыт. Татарский саркыт в Казахстане отличается от казахского тем, что он практически полностью состоит из сладостей, в то время как казахский – из мясных блюд.

Вспоминая, как шло раньше приготовление различных блюд, представители старшего поколения отмечают, что хозяйки часто предпочитали запереться на кухне, так чтобы их никто не отвлекал и «тесто не падало». Некоторые респонденты упоминают особый культ отца во время приема пищи.

Из интервью:

«У нас в детстве была достаточно большая семья – 6 человек. Бабушка так приучала нас, чтобы мы, сев за стол, не могли начинать есть, пока это не сделает наш отец. Самые лучшие куски мяса она всегда отдавала ему. После смерти бабушки, конечно, это уже соблюдать перестали» (жен. 1955 г.р., г. Шымкент).

В ритуалах подачи пищи казахстанских татар также можно проследить ряд культурных заимствований. Так чай-аши татары г. Алматы (в отличие от домашних «посиделок», когда все мелко нарезается и раскладывается по тарелкам) на свадьбах и на

¹ Васильева Г. П. Некоторые тенденции развития современных национальных традиций в материальной культуре народов Средней Азии и Казахстана // Этнографическое обозрение. 1979. № 3. С. 27.

² Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX–XX вв.) Алматы, 1991. С. 25.

похоронах подают, выкладывая на подносы, как правило, один поднос на двух человек, что, безусловно, свидетельствует об уйгурском влиянии. Чаем, согласно среднеазиатским традициям, во многих татарских семьях, как на юге, так и на севере Казахстана принято наполнять лишь половину пиалы, что демонстрирует особое уважение к гостю и желание хозяев, чтобы он попросил добавки и задержался подольше.

Итак, формирование современной кухни татар Казахстана проходило под влиянием естественно-географических условий, а также культур соседних народов. Данное обстоятельство объясняет многие различия блюд татарского населения внутри самой Республики и в сравнении с традиционной пищей других групп татар. Несмотря на некоторые нарушения в механизмах вертикальной трансмиссии, данная область остается наиболее устойчивой сферой материальной культуры. Особенности традиционной пищи используются представителями исследуемой этнической группы для поддержания этнической, локальной и религиозной идентичности. Важной продолжает оставаться и ритуальная функция пищи татар Казахстана.

© Махмутов З.А., 2016
© Файзуллина Г.Ш., 2016

УДК 39

Медведев В.В.
г. Сургут

«ХУПЛУ – ПИРОГ, САРА НЕ ВАРИМ»:
ЧУВАШИ ХАЙБУЛЛИНСКОГО РАЙОНА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Аннотация: Чуваши Хайбуллинского района Республики Башкортостан расселены в поликультурном пространстве. Взаимодействие с разными народами выразилось в трансформации идентичности, культуры и языковых процессах. Чуваши в районе в основном проживают в с. Яковлевка и д. Пугачево. Поселения яркий пример адаптации в полигетническом обществе и моноэтническом локусе. Конкретизированы этнические маркеры, присущие чувашскому населению.

Ключевые слова: чуваши, идентичность, пространство, язык, культура, традиция.

Annotation: The Chuvashes of Khaybullinsky District of Republic of Bashkortostan are settled in a multicultural space. Interaction with different peoples was expressed in the transformation of identity, culture and language processes. Chuvashes in the district mainly live in the countryside Yakovlevka and the village Pugachevo. Settlements is the striking example of adaptation in the polyethnic society and monoethnic locus. Concretized ethnic markers inherent to Chuvash population.

Key words: Chuvash, identity, space, language, culture, tradition.

Территория современного Хайбуллинского района расположена в юго-восточной зоне Республики Башкортостан. Общая численность населения составляет 33398 чел., абсолютное большинство представлено башкирами – 25863 чел. (77,6 %). Как и в других частях Республики Башкортостан в Хайбуллинском районе полигетническая структура. Помимо башкир здесь проживают русские – 5945 чел. (17,8 %), татары – 681 чел. (2,0 %), украинцы – 286 чел. (0,9 %), чуваши – 232 чел. (0,7 %), удмурты – 56 чел. (0,2 %), марийцы – 31 чел. (0,1 %), мордва – 27 чел. (0,1 %) и другие¹.

Чуваши Хайбуллинского района сосредоточены в двух поселениях – с. Яковлевка и д. Пугачево². В настоящее время с. Яковлевка относится к Татыр-Узякскому сельскому совету, а д. Пугачево – к Ивановскому сельскому совету. Численность с. Яковлевка – 301 чел. (144 муж. и 157 жен.), население состоит из башкир, русских и чувашей. В д. Пугачево насчитывается 89 жителей (42 муж. и 47 жен.). Поселение практически моноэтническо, совместно с чувашами проживают несколько башкирских семей³.

Этнографическое изучение чувашских поселений юго-восточной зоны Республики Башкортостан, в том числе Хайбуллинского района, к сожалению, ранее не осуществлялось. Первым подобным исследованием послужила экспедиционная поездка автора, состоявшаяся в августе 2010 г. с целью посещения с. Яковлевка и д. Пугачево, работы с информантами, сбора фотоиллюстративного и вещественного материала. Отчасти полученные во время выезда сведения уже были опубликованы⁴.

Чуваши в пространстве Хайбуллинского района появились в результате заключительной волны миграции. Это характерно для движения чувашского населения на территорию башкирских земель в XIX – начале XX в. Возникновение с. Яковлевка связывают с именем чуваша-первоосновенца Якова, заложившего хутор, известный как Якку хуттар. Датой его основания считается 1861 г. С первыми годами проживания чувашей связывают посадку нескольких десятков ветел, отчасти растущих при въезде в село

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Республике Башкортостан // URL: http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/tosstat_ts/bashstat/resources/7ba81d004e64acd68cc5ef21f378d622. С. 18.

² Чуваши Приуралья: культурно-бытовые процессы. Чебоксары, 1989. С. 11.

³ Численность населения по населённым пунктам Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический бюллетень. Уфа, 2012. С. 138–139.

⁴ Медведев В.В. Поселения и жилища чувашей Башкортостана второй половины XIX – начала XX века. Магнитогорск, 2012; Медведев В.В. Традиционные хозяйствственные постройки чувашей Республики Башкортостан. Магнитогорск, 2014.

и в наши дни. Традиция искусственного озеленения либо сохранения участков леса в поселении чувашами принадлежит к этническим маркерам. Данный признак всегда подчеркивал чувашские деревни и села.

По словам информантов, в поселение приезжали чуваша из соседних населенных пунктов, что особенно характерно для советского периода. Во-первых, связь между ними осуществлялась благодаря брачным контактам. Так, замуж в с. Яковлевка вышли его жительницы Мария Арсеньевна Дмитриева (Романова) (1935 г.р., родилась на х. Надеждинский Зилаирского района), Татьяна Николаевна Молодцова (1955 г.р., родилась в д. Пугачево Хайбуллинского района), Зоя Васильевна Романова (Соловьева) (1937 г.р., родилась в с. Ивано-Кувалат Зилаирского района). Значительное число браков было заключено чувашами с. Бердяш Зилаирского района с девушками из с. Яковлевка и д. Пугачево.

Во-вторых, поддерживали родственные отношения. Например, в годы создания в с. Яковлевка колlettivного хозяйства часть жителей переселилась на территории, отведенные для формированной д. Пугачево. Естественно, родные продолжали общение друг с другом. Взаимным контактам способствовала и экономическая деятельность. В настоящее время доля чувашей в с. Яковлевка незначительна. На лицо процессы ассимиляции, трансформация этнической идентичности, что выражено преобразованым самосознанием, незнанием или отказом при общении от чувашского языка и другими признаками. Конечно, старшее поколение является носителями народной культуры, но уже в измененной форме. Традиции, как и родной язык, доступны в усеченном, фрагментарном виде. Незнание языка или нежелание разговаривать на нем выражено стремлением не акцентировать внимание односельчан на своей этнической принадлежности.

Во время беседы информанты не переходили на чувашский язык, ссылаясь, что многие слова позабыты, поскольку отсутствует постоянная практика, но, разговорившись, признавались, что иногда, собираясь в кругу родных и друзей, стараются вести беседы на чувашском языке. Это, естественно, характерно для поколения, рожденного в 30–40 гг. XX в. Информанты, рожденные уже в 50 гг. и несколько позднее, отмечали знание слов и словосочетаний, восприятие информации по-чувашски, но неумением свободно вести разговор на родном языке. Общение в таком случае строится по принципу диалога с одной стороны по-чувашски, а с другой – по-русски. Отмечены и диалектные различия чувашей разных поселений, что было сказано даже о ближайшей чувашской деревне Пугачево.

В семьях хранятся предметы домашней утвари (различного рода деревянная посуда, глиняные и берестяные емкости) и ткачества, особенно домотканые полотенца, скатерти, салфетки, подзоры. И, одновременно, отсутствуют комплексы традиционной чувашской одежды или отдельные вещи. Исключением стал *пицуххи* «мужской пояс», сплетенный из разноцветных шерстяных нитей с ажурными кистями, переданный в дар Марией Арсеньевной Дмитриевой в Лабораторию археологических и этнографических исследований Магнитогорского государственного университета (в настоящее время – Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова) (рисунок 1). Сохранившиеся до наших дней тканые предметы информанты обозначили как «свадебное приданое», отношение к которому было наиболее трепетное.

В разговоре о чувашской традиционной кухне единогласно были выделены *хуплу* «пирог», имеющий круглую форму с мясной и крупуяной, а сейчас картофельной, начинкой, и *сара* «пиво», приготовленное в домашних условиях из ячменного или ржаного солода, хмеля и пивных дрожжей. Но, если *хуплу* чуваша готовят и в наши дни, то рецептура домашнего пива уже не актуальна для сельчан. По большому счету, *сара* в восприятии информантов выступает как неотъемлемая часть «чувашской культуры», но самими жителями уже невостребованная, поскольку ни в одной чувашской семье пива не делают. Противоположное состояние самосознания и отчасти традиций наблюдается в д. Пугачево.

Поселение возникает в 1932 г. До этого времени здесь находилось поместье зажиточного человека по фамилии Варавин, проживавшего в г. Орск, но державшего в усадьбе лошадей и крупный рогатый скот. В 1929 г. владелец попадает под раскулачивание и на этом месте создается коммуна «Интернационал», затем преобразованная в колхоз имени Е. Пугачева. Первыми жителями новой деревни стали

братья Алексеевы – Алексей, Петр и Николай Денисовичи. Затем переселились Афанасий Тимофеевич Иванов, Рафаил Измайлович Анисимов, Степан Николаевич Федоров, Егор Николаевич Федоров и Андрей Петрович Федоров. Первоначально проживали в амбарамах Варавина, занимались постройкой землянок и саманных домов у реки (рисунок 2). Возникло две улицы – нижнюю улицу заняли переселенцы из с. Яковлевка, на верхней расселились чуваша с. Бердяш Зилаирского района. Между выходцами разных поселений в первое время происходили и конфликтные ситуации. Например, взаимная перепалка между детьми часто возникала из-за языковых различий. Причиной служило то, что чуваша с. Яковлевка использовали для названия картофеля слова *улма* и *չէр ոլմի*, а выходцы из с. Бердяш называли его *паранк*. Взаимные противоречия были связаны и с тем, что часть жителей переселилась по требованию руководства во вновь образованную деревню для работы в колlettivном хозяйстве.

До наших дней среди сельчан присутствует разделение на потомков переселенцев из двух разных поселений, но в свою очередь отсутствует какая-либо память об этнографических группах у чувашей и соотношения себя с одной из них. В семьях не сохранились образцы традиционного костюма. Информанты связывают это с тем, что старожилы, использовавшие вещи в повседневности или предназначенные для праздничных дней, завещали себя похоронить в этой одежде. Вспоминали бабушку Евдокию, похороненную, по словам Елизаветы Егоровны Платоновой (Федоровой) (1927 г.р.) и Нины Андреевны Алексеевой (Федоровой) (1966 г.р.), в «чувашском наряде с украшениями». Ежедневная и праздничная одежда мужчин соответствовала городскому типу. Сейчас «чувашский костюм» можно увидеть во время выступления фольклорного ансамбля *Хէрлэ тюльпансем* «Красные тюльпаны», базирующегося в деревенском клубе под руководством Зои Васильевны Федоровой. Помимо сельских мероприятий, группа принимает динамичное участие в районных конкурсах.

Фольклорному ансамблю аккомпанируют балалайки. Выезды на районные выступления сопровождаются презентацией чувашской культуры и кухни. Неизменным атрибутом в таких случаях является *хуплу* / *курник*. К значимым событиям готовят домашнее пиво или *карчама* «медовую брагу». Участие коллектива в массовых мероприятиях позволяет представить традиции чувашей в поликультурном пространстве.

Костюм участниц ансамбля, конечно, достаточно произвольная интерпретация в современном исполнении. Он состоит из блузы украшенной вышивкой и юбки с двумя широкими оборками (рисунок 3). Предприняв попытку реконструкции и объединив их вместе, получаем платье из фабричного материала с вышивкой и оборками, что вполне соответствует комплексу *анатри* «низовых чувашей»¹. Для чувашских поселений подобный тип одежды характерен в настоящее время.

В числе праздников, отмечаемых в прошлом и в настоящее время, информанты выделили *Раштав* «Рождество», *Кайшарни* «Крещение», *Ҫаварни* «Масляную неделю», *Мэнкун* «Пасху» и *Ҫимәк* «Троицу». Одним из праздников уже не востребованным в поселении является *Сурхури* «Овечий дух» или как интерпретировали его перевод старожилы «Дух барана». Он был связан с обращением к божествам и духам, покровительствующим домашним животным, что отражено в названии «Овечий дух», «Овечья нога». Соотносят праздник со временем зимнего солнцестояния. Обязательным действием были слова благопожелания, сопровождавшиеся рассыпанием ранним утром для детей моченого и жареного гороха в доме: «Пусть будет у вас столько овец – сколько горошин, такие жирные, такие выносливые, как жареный горох»². С этим периодом связывают и традиционные гадания чувашей – выбрасывание поленьев за ворота, падение на чистый снег и т.д.

Жители д. Пугачево, несмотря на процессы, приводящие к трансформации культуры и языка, ощущают себя чувашами. Критерии идентичности, на наш взгляд,

¹ Петров И.Г. Чуваша Башкортостана (Популярный очерк этнической истории и традиционной культуры). Уфа, 1994. С. 23–24.

² ПМА, 2014 г., Республика Башкортостан, Хайбуллинский район, д. Пугачево.

выражены словами Нины Андреевны Алексеевой: «Мы – чуваши, язык свой поддерживаем». Такое глубоко эмоциональное высказывание, несомненно, свидетельствует об устойчивом самосознании, но не стоит забывать, что молодое поколение по-иному воспринимает традиции отцов и дедов. Чувашская речь в будущем может быть исключена из повседневного общения сельчан. Начало этому было положено уже в советские годы. Родители учили своих детей чувашскому языку, но разговаривали с ними на нем только в поселении, за его пределами беседы вели на русском и башкирском языках. Въезд в Пугачево преграждает река, берега которой объединены мостом. Родители объясняли своим детям, что общение по-чувашски возможно только «до моста», т.е. в локусе родной деревни.

Таким образом, самосознание и культура чувашей Хайбуллинского района находятся в состоянии динамичного движения. Мноэтничность д. Пугачево позволяет отчасти сохранять традиции и чувашский язык, но уже в измененном виде. Иная ситуация в с. Яковлевка. Небольшая численность чувашей и иноэтническое окружение привели к серьезным идентификационным переменам. Необходимо проведение комплексных экспедиционных исследований, объединяющих этнологов, историков, фольклористов, лингвистов и искусствоведов с целью фиксации имеющегося материала, дальнейшего анализа и реконструкции. Это положительно скажется на идентичности чувашей района. Вполне возможно, со стороны сельчан будет проявлена инициатива, стремление к сохранению и поддержке народных традиций и языка на уровне культуры и образования.

Рисунок 1. *Пиçиххи* – мужской пояс из разноцветных шерстяных нитей // Республика Башкортостан, Хайбуллинский район, с. Яковлевка, 2010 г., фото автора.

Рисунок 2. Саманная постройка с соломенной кровлей // Республика Башкортостан, Хайбуллинский район, д. Пугачево, 2010 г., фото автора

Рисунок 3. Участница фольклорного коллектива Нина Николаевна Алексеева (Дмитриева) (1937 г.р.) // Республика Башкортостан, Хайбуллинский район, д. Пугачево, 2010 г., фото автора.

© Медведев В.В., 2016

УДК 394

Миргалиева А.Р.
Родионова Л.И.
г. Оренбург

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ОРЕНБУРЖЬЯ (НА ПРИМЕРЕ КАЗАХСКОГО НАСЕЛЕНИЯ)

Аннотация: Современная школа – это не только образовательное учреждение, осуществляющее изучение родного языка, но и учреждение, передающее национальную культуру и обеспечивающее формирование ребенка в этнокультурной среде. Поэтому сохранение и развитие образовательных организаций с этнокультурным компонентом в многонациональных регионах, требуют особого внимания со стороны государственных органов и национально-культурных автономий и объединений.

Ключевые слова: Оренбуржье, этнокультурное развитие, казахский язык, образовательное и культурное учреждение, сотрудничество.

Annotation: The modern school is not only an educational institution providing study their native language, but also the institution, transmitting national culture and ensuring the formation of the child in the ethno-cultural environment. Thus, the preservation and development of the national language, and a secondary school with ethno-cultural component in a multinational region requires special attention from the public authorities and the Kazakh national-cultural autonomies and associations.

Key words: Orenburg region, ethno-cultural development, Kazakh language, an educational and cultural institution, cooperation.

Современный интерес политиков, государственных и общественных организаций, а также исследователей большинства научных направлений и простых обывателей, все чаще обращается к проблемам изучения этнокультурных особенностей и различий населения, как на уровне отдельных регионов, так и целых государств. Данное положение обусловлено распространением теории «столкновения цивилизаций», нарастанием напряженности межэтнических отношений, межконфессиональных столкновений и т.д.

В этой связи исследование этнокультурной специфики населения поликультурных регионов и организации поступательного развития этнокультурного взаимодействия в них приобретает особый научно-исследовательский и практический интерес. Опыт длительного совместного проживания и взаимодействия представителей разных этносов в одних регионах может способствовать созданию толерантной модели развития обществ в других. В тоже время, он может помочь изучению механизма сохранения этнокультурных особенностей отдельных этнических сообществ в условиях доминанты отдельных этносов. В этом плане особое место занимает Оренбуржье, являющееся уникальным регионом. По словам исследователя В.В. Амелина «История распорядилась так, что Оренбургский край, расположенный на стыке Европы и Азии, оказался непосредственной зоной контактов двух культур – азиатской и европейской, двух мировых религий – христианской и мусульманской, тюркских, славянских и других языков»¹.

Особое место в этноконфессиональной мозаике Оренбургской области занимает культура казахского народа, для развития современной этнокультурной самобытности которого созданы и активно функционируют 13 национально-культурных общественных объединений, в том числе 2 национально-культурные автономии. Данные организации области объединяют созданная в 1999 г. Ассоциация казахов Оренбуржья. Самыми многочисленными культурно-общественными организациями казахов являются: Оренбургская, Орская, Новотроицкая, Ясенская, Адамовская, Акбулакская, Беляевская, Домбровская, Новоорская, Светлинская и Ясенская. В целях поддержания единства

¹ Амелин В.В. Этнографическая наука в Оренбуржье: история, современное состояние // Историко-культурное наследие народов Южного Урала: опыт исследований и практика сохранения: материалы межрегиональной научно-практической конференции. Оренбург, 2010. С. 7.

казахского менталитета, в Оренбуржье издаётся областная казахская газета «Жана Айкап», которая выходит ежемесячно тиражом 1 200 экземпляров, в организациях культуры края работают 62 казахских самобытно-творческих коллективов, представленных 440 участниками и распространенных преимущественно среди сельского населения юго-восточных районов¹. Не смотря на то, что в последние годы отмечается сокращение численности данных коллективов, вследствие сокращения общей численности сельского населения региона, они играют важную роль в сохранение этнокультурной самобытности казахов

Значимым событием в общественно-просветительской деятельности по представлению и развитию казахской культуры стала реализация проекта строительства в г. Оренбурге этнокультурного комплекса «Национальная деревня». 23 августа 2007 г. было открыто казахское подворье, в котором действуют музей этнокультуры и быта, редакция областной казахской газеты, кафе и ресторан национальной кухни².

Одним из главных направлений деятельности национально-культурных организаций является внедрение этнокультурного обучения, которое, не смотря на значительное сокращение обучающихся учеников на казахском языке за последние три года, тем не менее является важным компонентом образовательной системы. Так, в 2015/16 учебном году казахский язык как предмет стал преподаваться в 16 школах области, в которых обучается 327 человек, в то время как, в 2013/14 учебном году язык изучался в 22 школах, общим числом учащихся – 513 человек³. Основной формой организации образовательного процесса стали факультативы и кружки. Современное сокращение образовательных организаций с казахским этнокультурным компонентом объясняется, в первую очередь, отсутствием социальной востребованности преподавания казахского языка, во-вторых, сокращением числа сельских малокомплектных школ.

С 1990 г. в педагогическом колледже г. Орска велась подготовка кадров в области обучения родному (казахскому) языку по специальности «Преподавание в начальных классах». Всего за период 1990-2009 гг. было выпущено 128 таких специалистов. В настоящее время ввиду отсутствия социального заказа и сокращения численности профильных школ дополнительная подготовка учителей казахского языка больше не ведется. В апреле 2011 г. Ассоциацией казахов Оренбуржья был проведен специальный Совет по теме «Актуальные проблемы преподавания казахского языка в школах Оренбуржья», где было решено вести работу по восстановлению изучения казахского языка в некоторых школах⁴.

В октябре 2014 г. было составлено Соглашение о сотрудничестве между филиалом АО «Национальный центр повышения квалификации «Өрлеу» - Институтом повышения квалификации педагогических работников по Актюбинской области» и Государственный бюджетным учреждением «Региональный центр развития образования Оренбургской области» (ГБУ РЦРО).

В Соглашении о взаимном сотрудничестве в области образования были обозначены следующие задачи:

- осуществление деятельности по совершенствованию педагогического процесса в области интенсивного изучения казахского языка и приобщения к этнокультуре родного народа;
- участие в организации и проведении совместных мероприятий (симпозиумов, форумов, конференций, семинаров и т.д.) по приоритетным направлениям современного образования, в том числе развития языков, в частности казахского языка;

¹ Этнокультурное развитие казахского населения Оренбуржья [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kazembassy.ru/ru/mkultura/7429-2015-12-02-15-44-21> (02.12.2015).

² «Казахское подворье» в культурном комплексе «Национальная деревня» // <http://kz-yurta.narod.ru/index.html>

³ По данным Министерства образования Оренбургской области.

⁴ Доклад Россия – Казахстан на евразийском пространстве: проблемы интеграционного развития на примере Оренбуржья (региональный аспект). Оренбург, 2014. С. 24.

- реализация совместных образовательных программ, проектов в области этнокультурного воспитания;
- организация курсовой подготовки¹.

Исходя из задач Соглашения, одной из которых является трансляция лучшего педагогического опыта, 6-7 ноября 2014 г. в Домбаровском районе состоялся семинар-практикум «Коммуникативные технологии как средство интенсивного изучения казахского языка и приобщения к культуре родного народа». На нем было отмечено, что при малом количестве часов отводимых на изучение казахского языка главное направление экспериментальной работы в школе – это приобретение навыков устной и письменной речи на родном языке, знаний по истории и культуре казахского народа, развитие способностей учащихся к самостоятельному поиску.

В рамках данного Соглашения 5 ноября 2015 г. в МАОУ «Нежинский лицей Оренбургского района» прошел международный семинар «Реализация этнокультурного (казахского) компонента в содержании современного образования в Оренбургской области: состояние и перспективы».

Участники конференции обсудили вопросы этнокультурного воспитания в условиях поликультурной школы, истории взаимодействия культур тюркских народов региона, современные требования полизычного образования и другие.

После изучения ряда лет модульной технологии учителями этнокультурных (казахских) школ было принято решение: начать обучение в школах Оренбуржья по учебникам А. Кайырбековой «Изучение казахского языка в школах русским языком обучения» и М. М. Жанпесовой «Изучение казахского языка в русских школах»².

В целом, говоря реализации этнокультурного компонента в образовательных организациях Оренбуржья, исследователи сделали следующие выводы:

1. В Оренбургско-Казахстанском порубежье при поддержке органов государственной власти и общественных организаций наших стран создается гармоничная образовательно-просветительская система, обеспечивающая самобытное и одновременно межнациональное этнокультурное развитие населения. Главными проводниками данной работы выступают культурно-просветительские организации областного, городского и районного уровней, образовательные организации с преподаванием казахского языка, народные творческие коллективы, этнокультурный комплекс казахской культуры и быта, казахские периодические издания.

2. Первоначальный подъем национальной самоидентичности двухтысячных годов сменился в настоящее время падением числа желающих обучаться казахскому языку и количества участников культурно-творческих коллективов, что, в целом, ведет к сокращению в Оренбуржье численности образовательных организаций с казахским этнокультурным компонентом в содержании обучения. Преодолеть данную проблему можно как при наличии активной пропагандистско-просветительской работы казахских общественных организаций в регионах, так и существенной поддержки со стороны республиканских и областных органов власти, готовых оказать структурно-организационную и материальную поддержку возрождения и развития образовательных и культурных организаций при условии социальной востребованности со стороны казахского населения края.

3. В целом удовлетворение этнокультурных запросов казахского населения Оренбуржья и организация этнокультурного взаимодействия на уровне образовательных

¹ Биктимирова Л.Р. Реализация этнокультурного (казахского) компонента в содержании современного образования в Оренбургской области: состояние и перспективы // Жана Айкап. 2015. №. 11 (132). С. 4-5.

² Биктимирова Л.Р. Тесное приграничное сотрудничество приносит плоды // Жана Айкап. 2015. № 1 (122). С. 2-3.

учреждений способствует формированию привлекательного имиджа нашего региона и достойно его более глубокого и системного развития¹.

Таким образом, определив особенности реализации этнокультурного компонента в системе общего образования, мы пришли к заключению, что успешно данный компонент отражается в многообразных формах сотрудничества пограничных территориях – Оренбургской области и республики Казахстан.

Прослеживается четкая направленность взаимодействия народов на внедрение инноваций в образовательный процесс, основанных на партнерском сотрудничестве и многоканальных этнокультурных коммуникациях.

© Миргалиева А.Р., 2016
© Родионова Л.И., 2016

УДК 39

Михалева Е.А.
г. Екатеринбург

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ КАК ЭТНОПРОЕКТ (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНОЙ ГРУППЫ НАГАЙБАКОВ)*

Аннотация: В ответ на современные процессы глобализации и урбанизации у северной группы нагайбаков появились новые формы существования культуры, защищающие ее от исчезновения. Они приобрели форму этнoproектов, которые сближают локальную культуру с миром потребления, при этом сохраняя ее основы и уникальность.

Ключевые слова: этнология, этничность, этнoproекты, глобализация, урбанизация, локальные культуры, коренные малочисленные народы, кряшены, нагайбаки.

Annotation: As a result of modern globalization processes, new forms of existence of culture, which protected it from extinction, were created by north group of Nagaybaks. Those new forms has become ethnic projects, which bring local culture together with the world of consumption, whereas preserve it's foundations and uniqueness

Keywords: ethnology, ethnicity, etnoprojects, globalization, urbanization, local culture, indigenous peoples, Kryashens, Nagaybaks.

Тенденция к унификации культуры повлияла на все человечество, в том числе и на коренные малочисленные народы. Исследователь А.В. Павлов дает определение глобализации как процесса «интеграции культур, неминуемым в ходе меж-культурного диалога»¹. При этом глобализацию он связывает с массовым исчезновением культур. По его мнению, сохраняются лишь те, «кто, помимо названия, удержит свое самосознание и самобытие...»². Негативное влияние глобализации на малые общности отмечает философ У. Бек: «В этом мире локальные культуры и идентичности утрачивают корни и заменяются символами товарного мира...»³.

Этнoproекты нагайбаков являются примером адаптации коренных малочисленных народов к современным тенденциям и сопротивления процессу исчезновения локальных культур. Нагайбаки – коренной малочисленный народ, проживающий на Южном Урале в Нагайбакском (центральная группа) и Чебаркульском (северная группа) районах Челябинской области. Основными этноотличительными характеристиками нагайбаков являются казачий статус их предков, православное вероисповедование, язык нагайбаков (средний диалект татарского). Северная группа нагайбаков проживает в селах Попово, Ключевский – 2, Болотово Чебаркульского района и Краснокаменка Уйского района Челябинской области. Нагайбаки этой группы начали проявлять свою нагайбакскую идентичность относительно недавно: толчком послужил пример более многочисленной центральной группы. Подъем нагайбакской этничности связан с именем Алексея Михайловича Маметьева⁴, который добился для нагайбаков включения их в список коренных малочисленных народов РФ и начал работу над первым нагайбакским музеем в с. Фершампенуаз.

После работы Маметьева произошел всплеск нагайбакской этничности: в селах открылись музеи, возникли фольклорные коллективы, стали проводиться этнофестивали. В настоящий момент нагайбаки центральной группы имеют свое собственное телевидение

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-31-01078 «Коренные малочисленные народы (манси и нагайбаки) в этномазаике Урала» (рук. С.Ю. Белоруссова).

¹ Павлов А. В. Этнокультурное самосохранение в условиях современности // Вестник НВГУ. 2008. № 2. С. 37.

² Там же.

³ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответ на глобализацию. М., 2001. С. 82.

⁴ Белоруссова С.Ю. Траектория этничности нагайбаков // Вестник ЧелГУ. 2015. № 24 (379). С. 20.

¹ Амелин В.В., Денисов Д.Н., Моргунов К.А. Этноконфессиональные отношения в Оренбуржье. Оренбург, 2014. С. 126.

«Неделя», которое освещает события района. К центральной группе возрос интерес среди исследователей: за прошедшие годы нагайбаков посетило множество экспедиций, было снято несколько фильмов, опубликован ряд научных работ.

Активность центральной группы дала толчок к переосмыслению своей этничности со стороны северной группы нагайбаков. Основной причиной подъема самосознания северной группы стал ответ на политику СССР в отношении малых народностей. Известно, что с 1930-х гг. нагайбаков перестали записывать отдельным народом и приписали к татарам. Записываться в паспортах разрешалось либо русским, либо татарином, реже башкиром. Впоследствии в 1960-х гг. произошло упразднение татарских классов в нагайбакских школах: все обучение шло на русском языке. По словам местных жителей, нагайбакам «запрещалось» говорить на родном языке: «Нас в школе ругали, чтобы мы на родном языке не разговаривали»¹. Чебаркульские нагайбаки часто вспоминают, как за соблюдение этнических традиций, например, за соблюдение детьми обрядов на Пасху или Рождество, с них снимали пионерские галстуки и предавали общественному порицанию.

В 1990-е гг. северная группа нагайбаков встала на путь смены отношения к своей этничности. «Раньше с сестрой мы разговаривали только по-русски, а сейчас стараюсь, чтобы знали, что я не русская, на своем [языке – Е.М.] разговариваем»², – делится жительница с. Попово. Поводом к поиску чебаркульскими нагайбаками новых форм этничности стал первый Форум кряшенской молодежи, прошедший в 2009 г. в Казани, на который поехала Надежда Николаевна Уряшева – активистка с. Попово Чебаркульского района. Наблюдая за активностью кряшен, она решила обратиться к своей этничности. «И когда мы приехали оттуда, у меня месяцами была подготовка как донести другим, что живут такие же нагайбаки, что они любят свой язык. Ну почему бы нам не сделать такое?»³, – рассказала Уряшева. Она призналась, что до этого не проявляла активности в отношении своего народа и не любила говорить на родном языке, однако с того момента переосмыслила свою этническую идентичность и начала распространять идеи среди односельчан. Этот событие вызвало целую волну интереса к своей этничности у северных нагайбаков. Как отмечает А.В. Головнев: «Этничность – неrudимент традиционной социальности, а постоянно генерируемое явление. Эта возобновляемость обусловлена функцией персональной и групповой стратегии самоопределения и безопасности»⁴.

Стеснение своей национальности или равнодушие к ней сменилось на яркую демонстрацию ее самобытности, которая начала реализовываться в форме этнопроектов. После проведения Форума, в 2010 г. в с. Попово Уряшева решила создать фольклорный ансамбль «Чишме». Участники участвуют в фольклорных конкурсах, исполняют народные песни на своем языке в традиционных костюмах. Стоит отметить, что именно участники коллектива имеют самую активную позицию в отношении своей этничности: они принимают участие в различных мероприятиях, посвященных культуре кряшен и нагайбаков. Данный этнографический проект важен в целом для нагайбакской культуры, поскольку помогает поддерживать связь между двумя группами. Участники фольклорных коллективов центральной и северной группы практикуют «обмен» концертами, периодически приезжая в соседние районы для общения и передачи опыта (рисунок 1).

Следующим этнографическим проектом северной группы нагайбаков стало открытие в 2012 г. Музея этнической культуры нагайбаков в с. Попово. Открытие состоялось 14 октября в Покров день, который является престольным праздником села. Музей располагается в одном из помещений дома культуры, состоит из двух комнат и оформлен в стиле внутреннего убранства традиционной нагайбакской избы. Все экспонаты – личные вещи

¹ ПМА. Челябинская обл., Чебаркульский р-н, с. Попово, 2015 г.

² ПМА. Челябинская обл., Чебаркульский р-н, с. Попово, 2016 г.

³ ПМА. Челябинская обл., Чебаркульский р-н, с. Попово, 2015 г.

⁴ Головнёв А. В. Этничность и идентичность на Урале // Уральский исторический вестник. 2011. № 2 (31). С. 40.

жителей, отданные в дар музею. Директором и основателем музея является активистка Уряшева. В настоящий момент, музей заключил контракт с одной из туристических фирм Челябинска, которая отправляет туристов в Попово, где им устраивают экскурсию. Данная форма этнографического проекта ориентирована не только на внутреннего зрителя среди кряшен, но и во многом играет роль проводника между глобальной урбанистической культурой и локальной культурой нагайбаков. Этот мост расширяет границы этнопространства северной группы. Происходит смена ориентиров: теперь силы нагайбаков обращены не только на развитие своей собственной этничности, но и на демонстрацию своей яркой идентичности обществу (рисунок 2).

Другой этнографический проект северной группы нагайбаков связан с переосмыслением традиционных обрядов. Нагайбаки, основой этничности которых являются родственные связи, по-новому взглянули на важный для себя поминальный обряд – Аш биру. Традиционно он проводится по близкому усопшему родственнику не ранее, чем через три года после смерти, сопровождается закланием коровы и общей трапезой среди родственников. Нагайбаки с. Попово помнят, что обряд так и не был совершен для усопших, умерших в годы Великой Отечественной войны. Поэтому 9 мая 2015 г. в честь 70-летия Победы все жители с. Попово организовали поминальный обряд Аш биру по погибшим в годы этой войны, выполнив тем самым последний многолетний «долг» перед ними. Обряд Аш биру, который является чем-то «личным» для каждой семьи и обычно спровождается в кругу близких родственников в этот день приоткрыл свои границы. На обряд были приглашены не только жители села, но и высокопоставленные гости – глава Чебаркульского района, журналисты, военные. Это событие стало поводом для демонстрации уникальности чебаркульских нагайбаков и достижения значимости за пределами своего села (рисунок 3).

Еще одним примером переориентации этничности нагайбаков северной группы стал обряд вызывания дождя, который прошел 7 августа 2016 г. в Попово. Обряд был выполнен «по просьбе» группы молодежи из Нагайбакского района для съемок фильма о нагайбакской культуре. Этот обряд уже давно не проводился в селе, поэтому съемки стали поводом для того, чтобы вспомнить забытую традицию предков. Обряд проводили участницы фольклорного коллектива «Чишме». Собралось немало наблюдателей, которые хотели посмотреть на обряд, о котором слышали от своих мам и бабушек. Данный этнографический проект продемонстрировал дуализм отношения нагайбаков северной группы к своей культуре. С одной стороны культура – это нечто родное и неотъемлемое для нагайбака, а с другой – это повод заявить о себе. «С одной стороны, нагайбаки с благовением относятся к наследию предков, поддерживают родство, соблюдают традиционные обряды; с другой – самосознание нагайбаков находится в непрерывной динамике, и их этничность открыта новым идеям»,¹ – отмечает С.Ю. Белоруссова (рисунок 4).

Данные этнографические проекты, хотя и не имеют коммерческого характера, но одной из своих целей ставят найти своего «потребителя», которому была бы интересна нагайбакская культура. Это явление помогает найти новые пути сохранения культуры, которые являются актуальными и трендовыми для современного мира потребления. Традиционные культуры меняют свою этничность исходя из ситуации, в которую их ставят процессы глобализации и урбанизации. «Человек тестирует свою культуру как инструмент мотивации и собирает эти тесты в персональный «этнический опыт»².

Такие «этнические эксперименты» проходят сейчас и у северной группы нагайбаков. Они пытаются найти новые формы существования своей культуры, которые помогут не только привлечь внимание со стороны общества, но и пробудить интерес внутри нагайбаков. Этнографические проекты приобретают черты, привычные и понятные молодежи, которые, возможно, помогут сохранить или приумножить этническую идентичность у

¹ Белоруссова С.Ю. Указ. соч. С. 17.

² Головнёв А.В. Дрейф этничности // Уральский исторический вестник. № 4 (25), 2009. С. 53.

нового поколения. Благодаря этим экспериментам нагайбакская культура сумела адаптироваться к условиям современного мира.

Рисунок 1. Фольклорный ансамбль «Чишме», с. Попово Чебаркульский район, Челябинская область

Рисунок 3. Молитва перед жертвой. Обряд Аш биру. 9 мая 2015 г., с. Попово Чебаркульский район, Челябинская область

Рисунок 2. Музей этнической культуры нагайбаков, с. Попово Чебаркульский район, Челябинская область

Рисунок 4. Обряд вызывания дождя. 7 августа 2016 г., с. Попово Чебаркульский район, Челябинская область

© Михалева Е.А., 2016

УДК 902

Мухаметдинов В.И.
г. Уфа

ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ ИЗ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА ЭПОХИ БРОНЗЫ БЕРЕЗОВСКИЙ V В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ*

Аннотация: В работе представлены результаты исследования технологии изготовления керамики из Березовского V курганного могильника. Были получены данные об отборе и обработке исходного сырья, составлении рецептов формовочных масс, способе конструирования начинов и полых тел, орнаментации и термической обработке.

Ключевые слова: Южный Урал, Поздняя Бронза, гончарные традиции, культурные контакты, срубная культурно-историческая общность, алакульская культура, кожумбердынская культура.

Annotation: The paper presents some results of a study of manufacturing technology of vessels from the barrow cemetery Berezovka-V. Data were obtained on the selection and processing of raw materials, the preparation of recipes moulding compounds, the method of construction of bases and walls, ornamentation and heat treatment of vessels.

Key words: Ural region, late Bronze Age, pottery traditions, cultural contacts, Srubnaya cultural-and-historical community, alacul culture, kozhumberdi culture.

Курганный могильник Березовский V, расположенный в Кваркенском районе Оренбургской области, был исследован экспедицией Национального музея Республики Башкортостан в 1994 г.¹ В ходе работ были раскопаны 4 кургана эпохи поздней бронзы. Погребальный обряд и керамический материал свидетельствует о принадлежности памятника к кожумбердынской линии развития алакульской культуры с некоторой примесью срубных черт². В целях уточнения процессов культурных взаимодействий населения оставившего памятник был проведен технико-технологический анализ погребальной посуды.

Всего исследовано 10 сосудов: 7 из кургана 6, 1 из кургана 7, 1 из кургана 8 и 1 из кургана 9. Анализ сосудов проводился по методике А.А. Бобринского в рамках разработанного им историко-культурного подхода³. Гончарная технология, в рамках данного подхода, рассматривается как системное образование, состоящее из уровней – стадий керамического производства (подготовительная, созидательная и закрепительная), разделённых на десять ступеней – обязательных задач, выполнение которых необходимо для изготовления сосуда. В рамках подготовительной стадии – это 1. отбор, 2. добыча и 3. обработка исходного сырья, 4. составление формовочной массы; созидательной стадии – 5. конструирование начина и 6. полого тела сосуда, 7. придание ему формы и 8. механическая обработка его поверхностей; закрепительной стадии – 9. придание сосуду прочности и 10. устранение влагопроницаемости его стенок.

Кроме того, существуют две необязательные ступени в рамках созидательной стадии: 11. создание рельефных частей сосуда и 12. орнаментация сосуда. В текстовой части работы будет представлена общая информация о гончарных традициях, зафиксированных на памятнике, после чего, в таблицах – данные по каждому отдельному сосуду.

1. Подготовительная стадия

В качестве исходного пластичного сырья при изготовлении сосудов использовали в основном высокопластичную ожелезненную глину не содержащую естественную примесь

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ в рамках научного проекта №16-11-02008/16 «Курганы Южного Зауралья».

¹ Федоров В.К., Рафикова Я.В. Березовский V курганный могильник эпохи бронзы в Южном Зауралье // Башкирский край: Сб. статей. Вып. 6. Уфа, 1996. С. 49–71.

² Там же. С. 69

³ Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978. Он же. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Коллективная монография. Самара, 1999. С. 5–109.

песка или включающую редкие кварцевые окатанные песчинки. Некоторые глины содержат бурый железняк от редких включений размером до 0,5 мм (К6П5С1, К6С2) до фракций 1-3 мм в концентрации 1:5 (К7П1, К8П3). Глина, из которой изготовлен сосуд К6П2, относится к слабоожелезненным. Сосуд К9П1 был изготовлен из среднезапесоченной ожелезненной глины.

Из непластичного исходного сырья были зафиксированы кварцевая и известняковая дресва, дробленая раковина, шамот, органический раствор и навоз. Из указанного набора искусственных примесей составлялся широкий спектр рецептов формовочных масс (таблица 1), из которого можно выделить 4 группы: глина + дресва + органика (6 случаев), глина + дробленая раковина + шамот + органика (2 случая), глина + дресва + шамот + органика (1 случай), глина + дресва + дробленая раковина + органика (1 случай).

2. Создательная стадия

Только по пяти сосудам удалось определить способ конструирования начинки и по трем полого тела. Начинки сосуда из погребения 2 и сосуда 1 из погребения 5 кургана 6 были изготовлены из жгутов, навитых по спиральной траектории по донно-емкостной программе. Начинки сосуда 2 из погребения 5, сосуда из погребения 7 кургана 6 и из погребения кургана 9 – донно-емкостные спирально-лоскутные. Также выделяются два способа конструирования полого тела: спирально-жгутовой (К6П2) и спирально-лоскутный (К6П4, К7П1, К9П1).

По косвенным признакам можно предположить использование формы-основы при изготовлении сосуда К6П5С2. Форма сосудам К6П2, К6П5С1, К7П1 и К9П1 придана путем выдавливания на плоскости.

Внешняя поверхность всех изученных сосудов была залощена. У сосудов из погребения 5 кургана 6 по поверхности в кожетвердом состоянии, а у остальных по сухой.

При орнаментации в основном использовались комбинированные способы. Чаще всего встречаются отиски мелкогребенчатого штампа, которые сочетаются с наколами, отисками гладкого штампа или с налепными валиками. Сосуд 1 из кургана 6 был орнаментирован отисками полой трубочки.

3. Закрепительная стадия

Обжиг всех сосудов проводился в окислительной среде.

Поверхность сосудов К6С1, К6П4, К8П3 после обжига была обработана обвариванием в органическом растворе.

По результатам технологического анализа можно сделать вывод об активных процессах смешения групп населения с разными гончарными традициями. В первую очередь на это указывает большое количество смешанных рецептов формовочных масс. Их рассмотрение показывает три вида искусственных примесей, относящихся к разным традициям: дресва, дробленая раковина и шамот. Из них дресва – примесь широко распространенная в южноуральском ареале проживания алакульских и кожумбердинских племен¹, а шамот – срубных².

Примесь раковины имеет отчасти территориальное, и отчасти хронологическое значение. Анализ керамики с поселенческих памятников Степного Приуралья показал, что примесь дробленой раковины часто встречается в посуде раннеалакульской и алакульской

культурных групп³. В то же время раковина была одной из наиболее широко распространенных примесей на раннем этапе срубной КИО в Приуралье⁴.

Также обращает на себя внимание, что из пяти начинок, способ конструирования которых удалось установить, два изготовлены из жгутов, навитых по спирали. В эпоху поздней бронзы, к которой относится могильник, этот способ был широко распространен у срубных племен. Остальные начинки – донно-емкостные спирально-лоскутные характерны для алакульской культуры⁵. Подобный случай, когда срубная субстратная традиция ярко проявляется на памятнике, посуда которого имеет, в основном, алакульские и кожумбердинские морфологические черты встречен ранее в курганном могильнике Ташла-1⁴. Косвенно о срубном влиянии может свидетельствовать обжиг сосудов в окислительной среде.

Таблица 1
Технологические данные об исходном пластичном сырье и рецептах формовочных масс отдельно по каждому сосуду.

№	МН	исходное пластичное сырье		рецепты формовочных масс							
		НзП	СзП	Г+КД+ Орг	Г+КД+ Н	Г+КД+Д Р+Н	Г+ДР+ Ш+ОР	Г+ДР+ Ш+Н	Г+ДИ+ Н+ОР	Г+ДИ+ Ш+ОР	Г+ДИ+ ТД?+ Н
1	К6С1	+			+						
2	К6С2	+								+	
3	К6С5	+							+		
4	К6П2	+					+				
5	К6П4	+							+		
6	К6П5 С1	+		+							
7	К6П5 С2	+				+					
8	К7П1	+			+						
9	К8П3	+									+
10	К9П1		+		+						

Примечание: НзП – незапесоченная глина, СзП – среднезапесоченная глина Г – глина, КД – кварцевая дресва, ДИ – дресва известняка, ДР – дробленая раковина, ТД – тальковая дресва, Ш – шамот, ОР – органический раствор, Н – навоз.

¹ Мухаметдинов В.И. Технологические традиции изготовления керамики на поселении Ново-Байрамгулово-1 // Вестник ВЭГУ. 2014. № 1 (69). С. 218–228; *Он же.* Технотехнологический анализ керамики курганного могильника Ташла-1 из Башкирского Зауралья, Уфимский археологический вестник № 15. Уфа, 2015.

² Салугина Н.П. Гончарство населения позднего бронзового века: к проблеме культурогенеза // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 1. Казань, 2014. С. 643–646.

³ Кузьмина Е. Е. Откуда пришли Индоарии? М., 1994; Мухаметдинов В. И. Технотехнологический анализ керамики Родникового поселения эпохи бронзы // Археологические памятники Оренбургья. Вып. 10. Оренбург, 2010. С. 134–139.

⁴ Салугина Н.П. Указ. соч. С. 644.

⁵ Ломан В. Г. Андроновское гончарство: общие приемы изготовления сосудов // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. Челябинск: 1995. С. 97–100.

⁶ Мухаметдинов В.И. Технотехнологический анализ керамики курганного могильника Ташла-1 из Башкирского Зауралья, Уфимский археологический вестник № 15. Уфа, 2015.

Таблица 2

Технологические данные о конструировании начинов, полых тел, формообразовании и способах обработки поверхности отдельно по каждому сосуду.

№	МН	начин		полое тело		формообразование		обработка поверхности		
		ДЕ, СЖ	ДЕ, СЛ	СЖ	СЛ	ВнП	ФО	Лкжт	Лсух	обвар
1	K6C1								+	+
2	K6C2								+	
3	K6C5								+	
4	K6P2	+		+		+			+	
5	K6P4				+				+	+
6	K6P5C1	+				+		+		
7	K6P5C2		+				+	+		
8	K7P1		+	+	+				+	
9	K8P3								+	+
10	K9P1		+	+	+	+			+	

Примечание: ДЕ – донно-емкостный, СЖ – спирально-жгутовой, СЛ – спирально-лоскутный, ВнП – выдавливание на плоскости, ФО – форма основа, Лкжт – лощение по поверхности в кожетвердом состоянии, Лсух – лощение по сухой поверхности.

Таблица 3

Технологические данные о способах орнаментации и режиме обжига отдельно по каждому сосуду.

№	МН	способы орнаментации						режим обжига	
		мГр	Гл	Н	ПТ	Вал	Прч	ОС	ПОС
1	K6C1				+			+	
2	K6C2	+	+						+
3	K6C5	+				+		+	
4	K6P2		+					+	
5	K6P4	+		+				+	
6	K6P5C1							+	
7	K6P5C2							+	
8	K7P1	+		+	+			+	
9	K8P3	+	+					+	
10	K9P1					+		+	

Примечание: мГр – мелкогребенчатый штамп, Гл – гладкий штамп, Н – наколы, ПТ – полая трубочка, Вал – валик, Прч – прочерчивание, ОС – окислительная среда, ПОС – полуокислительная среда.

© Мухаметдинов В.И., 2016

УДК 2: 1/14

Мухаметзянова-Дуггал Р.М.
г. Уфа

ИЗУЧЕНИЕ РЕЛИГИЙ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В БАШКОРТОСТАНЕ (1991–2016 ГГ.)

Аннотация: В статье для осмысливания современного состояния религиоведения в Башкортостане осуществлен анализ религиоведческих исследований за последние 25 лет. Для этого дан обзор изданий, вышедших в республике с 1991 г., в том числе материалов Научной электронной библиотеки e-library, проанализированы проведение научных конференций, издание научных журналов по религиоведческой тематике, вузовское религиоведение.

Ключевые слова: религии, Башкортостан, религиоведческие исследования, ислам, православие, государственно-конфессиональные отношения.

Annotation: In the article for understanding the current state of religion in Bashkortostan carried out an analysis of religious studies in the last 25 years. To this end, a review of publications issued in the country since 1991, including materials of scientific conferences, publication of scientific journals on theological subjects, undergraduate Religious Studies, analyzed the Scientific Electronic Library e-library.

Keywords: religion, Bashkortostan, religious studies, islam, orthodoxy, religious-state relations.

Задача описания многообразной литературы по религиоведению ставилась в таких публикациях, как небольшая брошюра А.Б. Юнусовой «Указатель отечественной и зарубежной литературы по проблемам религии и общества в России», ее же статья «Современные религиоведческие исследования в Башкирии (по материалам Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН (2009–2013 гг.))¹, а также в статьях Ю.Н. Сергеева «Уфимская епархия в 1799–1917 гг.: историография вопроса», «Церковная историография»² и др. Однако данные издания посвящены либо отдельной конфессии, либо ограниченны узкими хронологическими рамками.

Современный религиозный портрет Республики Башкортостан определяется его поликонфессиональностью и характеризуется доминированием мусульманских и православных организаций. Соответственно основными направлениями религиоведческих исследований в республике являются ислам и православие. Целостная картина истории ислама в Башкортостане на протяжении X – XX вв. дана в работах А.Б. Юнусовой³. В них раскрывается комплекс политических, экономических и идеологических особенностей функционирования ислама в республике, в научный оборот введен целый комплекс архивных документов и материалов. Истории учреждения Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) в г. Уфе в 1788 г., его роли в общественной и духовной жизни мусульман в конце XVIII–XIX вв. посвящены работы Д.Д. Азаматова⁴. Отдельные сведения по истории Оренбургского магометанского духовного собрания содержатся в публикации

¹ Юнусова А.Б. Указатель отечественной и зарубежной литературы по проблемам религии и общества в России. Уфа, 1995; Она же. Современные религиоведческие исследования в Башкирии (по материалам Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН (2009–2013 гг.)) // Topical are as off fundamental and applied research III. Vol. 1. NorthCharleston (Актуальные направления фундаментальных и прикладных исследований. Материалы III Международной научно-практической конференции). 2014. Т. 1. С. 18–39.

² Сергеев Ю.Н. Уфимская епархия в 1799–1917 гг.: историография вопроса // Вестник Башкирского университета. 2005. № 4. С. 60–62; Она же. Церковная историография // Башкирская энциклопедия. В 7 т. Т.7. Ф–Я / Гл. ред. М.А. Ильгамов. Уфа, 2011. С. 205–206.

³ Юнусова А.Б. Ислам в Башкирии. 1917–1994. Уфа, 1994; Она же. Ислам в Башкортостане. Уфа, 1999.

⁴ Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в общественной и духовной жизни мусульманского населения Южного Урала в конце XVIII–XIX вв.: Дисс....канд. ист. наук. Уфа, 1994; Она же. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв.: Дисс....канд. ист. наук. Уфа, 1994; Азаматова Г.Б., Азаматов Д.Д. Из истории мусульманской благотворительности в Уфимской губернии // Проблемы востоковедения. 2009. № 3 (45). С. 43–52.

Р.И. Якупова¹. Творческий путь религиозных деятелей, в том числе окончивших медресе «Галия», а также история этого учебного заведения, описаны ученым-исламоведом, тюркологом Р.А. Утябай-Карими².

Историко-философские и социологические аспекты взаимоотношений государства с исламом освещены в обобщающем труде Г.Б. Фаизова «Государственно-исламские отношения в Поволжье и Приуралье»³. Данный труд явился первым опытом освещения отношений органов власти и мусульманских религиозных организаций. Хронологическое исследование охватывает период с момента появления ислама до начала 90-х гг. XX в. Из всей совокупности «государственно-конфессиональных отношений» автором четко выделено понятие «государственно-исламские отношения», которые наряду с государственно-церковными отношениями являются составными элементами государственно-конфессиональных, отличаются друг от друга не только спецификой религий, но и формой их взаимоотношений с государством.

Становлению мусульманских учебных заведений при мечетях, а также системы церковно-приходских школ в 60–90 гг. XIX в. в контексте истории школьной системы в Башкирии посвящены работы М.Н.Фархшатова⁴. Автор рассматривает динамику развития системы духовных учебных заведений в Уфимской губернии. Истории мечетей и медресе Башкортостана в конце XVIII – начале XX в., в основном бывшего Стерлитамакского уезда Уфимской губернии посвящена монография Ш.Н. Исянгулова⁵.

Региональным особенностям ислама у башкир посвящены работы З.Г. Аминева и Л.А. Ямаевой⁶, а также Ю.А. Абсалямовой⁷. Обширный материал по пережиточным формам доисламских верований и обрядов башкир представлен в монографии М.Н. Сулеймановой «Доисламские верования и обряды башкир»⁸.

Обогащают целостную картину религиозного ландшафта республики исследования А.Р. Ширгазина по архитектурным памятникам православия и ислама. В книге А.Р. Ширгазина «Православные храмы Башкирии: история и архитектура» приводятся исторические сведения и описания архитектурных особенностей памятников православного зодчества, расположенных на территории Республики Башкортостан. Монография содержит краткий обзор истории строительства православных храмов в Оренбургской и Уфимских губерниях в XIX – XX в., информацию о наиболее известных архитекторах, подрядчиках и

благотворителях, оставивших след в истории Уфимской и Оренбургской епархии¹. Описание памятников архитектуры г. Уфы, связанных с исламской культурной традицией, а также история основания и строительства зданий комплекса Оренбургского магометанского духовного собрания, возникновения и расширения мусульманского кладбища содержится в книге А.Р. Ширгазина и Д.Б. Калимуллина «Памятники исламской архитектуры»². Авторами проведен подробный анализ композиционных, конструктивных и стилистических особенностей зданий Первой, Второй, Третьей, Четвертой, Пятой и Шестой соборных мечетей города Уфы. Следует отметить, что возрождение интереса к историко-архитектурным исследованиям памятников исламской культуры Урало-Поволжья во многом были предопределены работами профессионального архитектора Б.Г. Калимуллина, написанными в 1950-х – 1970-х гг.³

В 1993 г. коллектив сотрудников ЦГИА РБ во главе с О.В. Васильевой и В.В. Латыповой выпустил книгу «Дорога к храму. История религиозных учреждений г. Уфы»⁴. Книга посвящена истории различных конфессий и культовых зданий г. Уфы. В ней также есть разделы «Из истории Уфимской епархии», «Духовное управление мусульман европейской части СНГ и Сибири».

История распространения христианства и развития государственно-церковных отношений на территории Башкирии во второй половине XVI и до середины XIX в. представлена в обобщающей работе Ю.Н. Сергеева «Православная церковь в Башкортостане. Вторая половина XVI – середина XIX века»⁵. Им же изучены вопросы православного миссионерства, истории монастырей, структура и статус православного духовенства, биографии архиереев⁶. Следует также упомянуть исследования по отдельным историческим периодам государственно-церковных отношений – это работа Ю.Н. Сергеева и Н.Т. Абдулова «Уфимская епархия в 1943–1964 гг. Очерки государственно-церковных отношений»⁷, кандидатская диссертация Н.Т. Абдулова «Уфимская епархия в системе государственно-церковных отношений»⁸ и др.

История, современное состояние и структура Уфимской епархии представлена в справочнике-путеводителе «Уфимская епархия Русской Православной Церкви» составленном П.В. Егоровым⁹. В издание также включены: сведения о православном духовенстве, сказание об одной из главных святынь Уфимской епархии – иконе Божьей

¹ Якупов Р.И. К вопросу об изучении фонда Оренбургского магометанского духовного собрания в Центральном историческом архиве Республики Башкортостан // История в лицах и личность в истории. Материалы Вторых Международных Усмановских чтений, посвященных 90-летию со дня рождения профессора Х.Ф. Усманова. Составители: И.М. Гвоздикова, М.Н. Фархшатов; Редколлегия: И.М. Гвоздикова, Ф.Г. Хисамитдинова, М.Н. Фархшатов. 2013. С. 276–283.

² Утябаев-Карими Р.А. Славные личности, связанные с мечетями г. Уфы // Умет. 1995. № 33. С. 6. (на тат. яз.); Он же. Славные личности, покоящиеся на мусульманском кладбище г. Уфы // Умет. 1995. № 50.

³ Фаизов Г.Б. Государственно-исламские отношения в Поволжье и Приуралье. Уфа, 1995.

⁴ Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период: 60–90-е гг. XIX в. М., 1994. С. 144.

⁵ Исянгулов Ш.Н. Из истории мечетей и медресе Башкортостана / Отв. редактор Р.Н. Сулейманова. Уфа, 2010. С. 153.

⁶ Аминев З.Г., Ямаева Л.А. Региональные особенности ислама у башкир. Уфа, 2009. С. 182. Она же. Ранние истоки «башкирского ислама» // Исламская цивилизация в Волго-Уральском регионе: Сборник материалов IV Международного симпозиума / Редакционная коллегия: Р.Ф. Талипов (отв. редактор), М.М. Кульшарипов, Р.М. Байгильдин, М.В. Зайнуллин, И.З. Султанмуратов, А.Б. Юнусова, А.Р. Янгузин, Г.Р. Калимова (отв. секретарь). Уфа, 2010. С. 10–14.

⁷ Абсалямова Ю.А. Обряд вызывания дождя у башкир (в контексте изучения народного ислама) // Труды Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. Уфа, 2011. С. 66–71; Она же. К вопросу о мусульманской магии у башкир // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы V Всероссийской тюркологической конференции, посвященной 80-летию Учреждения Российской академии наук Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. Уфа, 2012. С. 3–6.

⁸ Сулейманова М.Н. Доисламские верования и обряды башкир. Уфа, 2005. С. 146.

¹ Ширгазин А.Р. Православные храмы Башкирии: история и архитектура (каталог-справочник). Уфа, 1995. С. 159.

² Ширгазин А.Р., Калимуллина Д.Б. Уфа. Памятники исламской архитектуры. Уфа, 2008. С. 120.

³ Калимуллин Б.Г. Архитектурные памятники Башкирии. Вып. III: культовые сооружения. Уфа, 1958.

⁴ Васильева О.В., Латыпова В.В. Дорога к храму: История религиозных учреждений г. Уфы, 1993. С. 100.

⁵ Сергеев Ю.Н. Православная церковь в Башкортостане. Вторая половина XVI – середина XIX века. Уфа, 1996.

⁶ Он же. Церковно-монастырское землевладение в Башкирии (кон. XVI – сер. XVIII вв.) // Социально-экономическое и политическое развитие Башкирии в конце XVI – начале XX вв. Уфа, 1992; Егоров П.В., Сергеев Ю.Н. Монастыри // Башкирская энциклопедия: в 7 томах. Т. 4. Л–О. 2008. С. 249–250; Сергеев Ю.Н. Уфимские епископы сер. 40-х – сер. 60-х гг. XX в.: материалы к биографическому словарю // Личность в политической истории Европы и США в новое и новейшее время. Уфа, 1997; Сергеев Ю.Н. Умирание во все дни: портрет провинциального священника в атеистическом государстве // Истоки. 1996. № 15.

⁷ Сергеев Ю.Н., Абдулов Н.Т. Уфимская епархия в 1943–1964 гг. Очерки государственно-церковных отношений. Уфа, 2000.

⁸ Абдулов Н. Т. Уфимская епархия в системе государственно-церковных отношений: Дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2006. С. 303.

⁹ Уфимская епархия Русской Православной Церкви: справ. – путеводитель / авт.- сост. Егоров П.В., Рудин Л.Г. М., 2005. С. 672.

Матери Табынской, издание 1913 г. игумена Серафима «Георгиевский женский монастырь, именуемый «Святые Кустики» и переизданный труд И.Е. Златоверховникова «Уфимская епархия. Географический, этнографический, административно-исторический и статистический очерк».

Следует отметить публикацию О.В. Васильевой и М.И. Роднова «Храм в Архангельском»⁴, в которой прослежена история одного из приходов Уфимской епархии с XVIII в. по 1934 г. В ряде публикаций Н.В. Ахмадиева анализирует взаимоотношения государственной власти и общества начиная с послевоенного периода до начала 1980-х гг.¹ Истории православия в крае посвящены публикации Н.П. Зиминой, отдельных монастырей, церквей, жизни и деятельности архиереев – Я.С. Свице, Фанзова, О.В. Васильевой. Современный портрет православного духовенства Республики Башкортостан рассмотрен в статье Л.И. Горемыкиной «Современное православное духовенство Башкортостана: штрихи к социальному портрету»². Старообрядчеству на Южном Урале посвящена монография Е.С. Данилко³.

Протестанты Башкортостана занимают третье место по количеству религиозных организаций после мусульманских и православных общин. Баптизму на территории Башкортостана в дореволюционный, советский и постсоветский периоды посвящена монография Ю.Н. Сергеева «Баптизм в Башкирии: очерки истории (конец XIX–XX вв.)»⁴, сведения о материальной и духовной культуре меннонитов на территории РБ содержат статья Р.М. Мухаметзяновой-Дуггал «Меннониты Башкортостана: материальная и духовная культура»⁵. Реализации советской политики в отношении Евангельских христиан и баптистов Башкирии в 1918–1943 гг. посвящена работа А.П. Александрова⁶. Анализ состояния протестантских и поздних Евангельских христиан религиозных объединений на современном этапе, а также особенностей осуществления ими религиозных практик даны в монографии А.Н. Кляшева «Протестантизм Республики Башкортостан: социальная реакция на вызовы современности»⁷.

Ведущим центром в области изучения этносов, культур и религий в Башкортостане является Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН, где проводятся фундаментальные, поисковые и прикладные научные исследования по данным научным направлениям. Так, религиозным верованиям и обрядам, этноконфессиональной идентичности закамских удмуртов посвящены работы Р.Р. Садикова⁸. История и

современное состояние этноконфессиональных меньшинств некрещеных чувашей в Республике Башкортостан отражены в публикациях И.Г. Петрова¹. Исламские традиции в обрядах, декоративно-прикладном искусстве башкир описаны в трудах Ф.Г. Галиевой² и Е.Е. Нечвалоды³.

Религиозный экстремизм, религиозная толерантность и проблемы межрелигиозных отношений представлены в исследованиях А.Б. Юнусовой⁴, Д.С. Вояковского⁵, актуальные проблемы государственно-конфессиональных отношений в современной России и Республике Башкортостан – в работах Р.М. Мухаметзяновой-Дуггал⁶. Ряд публикаций З.Р. Хабибуллиной посвящены мусульманскому духовенству Башкортостана на рубеже XX–XXI вв. и паломничеству⁷. Вопросы функционирования института военного духовенства, а также проблемы взаимодействия религии и школы поднимаются в работах А.Г. Баимова⁸ и Т.М. Надыршина⁹. В последние десятилетия в Республике Башкортостан появились, получили широкое распространение и активно развиваются новые, нетрадиционные для

¹ Петров И.Г. Этноконфессиональные меньшинства некрещеных чувашей в Республике Башкортостан: история и современное состояние // Современное развитие регионов России: политико-трансформационные и культурные аспекты материалы Всероссийской научно-практической конференции. ГОУ ВПО Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан. Уфа, 2010. С. 273–279; *Он же*. Каменные надгробные памятники чувашей-мусульман: традиции и инновации // Исламская цивилизация в Волго-Уральском регионе: Сборник материалов IV Международного симпозиума. Редакционная коллегия: Р.Ф. Талипов (отв. редактор), М.М. Кульшарипов, Р.М. Байгильдин, М.В. Зайнуллин, И.З. Султанмуратов, А.Б. Юнусова, А.Р. Янгузин, Г.Р. Калимова (отв. секретарь). 2010. С. 262–263.

² Галиева Ф.Г. Исламские традиции в похоронных обрядах башкир // Ислам и государство в России: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 225-летию Центрального духовного управления мусульман – Оренбургского магометанского духовного собрания, Уфа, 22 октября 2013 г. / сост.: Р. М. Мухаметзянова-Дуггал и др. Уфа, 2013. С. 39–44; *Она же*. Современные свадебные обычаи башкир в контексте социальных перемен XX в. // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 1 (25). С. 107–126.

³ Нечвалода Е.Е. Мусульманские традиции в декоративно-прикладном искусстве башкир // Ислам и государство в России: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 225-летию Центрального духовного управления мусульман – Оренбургского магометанского духовного собрания, Уфа, 22 октября 2013 г. / сост.: Р. М. Мухаметзянова-Дуггал и др. Уфа, 2013. С. 73–75.

⁴ Юнусова А.Б. Экстремизм как угроза российскому исламу / Бюллетень Комиссии по этнокультурному развитию и гражданской идентичности Приволжского федерального округа. 2005. № 1; *Она же*. Ислам и мусульмане в общественном и социобытийном пространстве Республики Башкортостан // Ислам и Россия: межцивилизационный диалог. Сборник статей. Уфа, 2006 и др.

⁵ Вояковский Д.С. Политические проекты исламского экстремизма в современной России. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата полит. наук. Уфа, 2009.

⁶ Мухаметзянова-Дуггал Р.М. Формирование новой модели государственно-конфессиональных отношений и реализация на региональном уровне (на примере Республики Башкортостан). Уфа, 2010. С. 158.

⁷ Хабибуллина З.Р. Мусульманское духовенство в Республике Башкортостан на рубеже XX–XXI веков. Уфа, 2015. С. 220; *Она же*. От Урала до Хиджаза: путешествие мусульман к святыням ислама // Уральский исторический вестник. 2016. № 2 (51). С. 105–112.

⁸ Баимов А.Г. О некоторых проблемах возникающих в отправлении религиозных обрядов военнослужащего-Мусульманина в рядах ВС РФ // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность. Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых посвященная 85-летию со дня рождения Р.Г. Кузеева. Уфа, 2014. С. 16–20.

⁹ Надыршин Т.М. О преподавании модуля «Основы исламской культуры» предмета «Основы религиозных культур и светской этики» в Башкортостане // Ислам и государство в России: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной 225-летию Центрального духовного управления мусульман – Оренбургского магометанского духовного собрания, Уфа, 22 октября 2013 г. / сост.: Р. М. Мухаметзянова-Дуггал и др. Уфа, 2013. С. 160–161.

¹ Ахмадиева Н.В. Религиозная жизнь крестьянства Башкортостана в 1945–1965 гг. // Ватандаш. 2002. № 10; *Она же*. Власть, общество и религия: история взаимоотношений (на материалах Башкирской АССР 1940 – начала 1980-х годов) // Гороховские чтения: Материалы IV региональной музейной конференции / Министерство культуры Челябинской области; Челябинский государственный краеведческий музей. Челябинск, 2013. С. 116–122.

² Горемыкина Л.И. Современное православное духовенство Башкортостана: штрихи к социальному портрету // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 2. С. 580–584.

³ Данилко Е.С. Старообрядчество на Южном Урале: очерки истории и традиционной культуры. Уфа, 2002.

⁴ Сергеев Ю.Н. Баптизм в Башкирии: очерки истории (конец XIX–XX вв.). Уфа, 1998.

⁵ Мухаметзянова-Дуггал Р.М. Меннониты Башкортостана: материальная и духовная культура // Урал-Алтай: через века в будущее. Материалы Всероссийской научной конференции. 2005. С. 396–398.

⁶ Александров А.П. Реализация советской политики в отношении евангельских христиан и баптистов Башкирии в 1918–1943 гг.: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Уральский государственный университет им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2011. С. 25.

⁷ Кляшев А.Н. «Протестантизм Республики Башкортостан: социальная реакция на вызовы современности». Уфа, 2013. С. 248.

⁸ Садиков Р.Р. Религиозные верования и обрядность закамских удмуртов. Автореф. докт. дисс. Уфа, 2011; *Она же*. Традиционные верования закамских удмуртов: историография проблемы // Этнографическое обозрение. 2006. № 2. С. 116–126.

народов республики религиозные движения. Ряд публикаций содержит информацию о новых религиозных движениях¹.

В 1996 г. вышла в свет краткая энциклопедия «Башкортостан»², содержащая несколько десятков статей по региональному исламу, православию и другим конфессиям. В энциклопедии были опубликованы и статьи обобщающего характера: «Ислам» (А.Б. Юнусова), «Христианство» (Ю.Н. Сергеев), «Церкви» (О.В. Васильева, В.В. Латыпова, О.И. Любимова), «Праздники мусульманские» (Р.А. Утябай-Карими, М.Г. Валеева, А.Б. Юнусова), «Праздники православные» (Н.П. Зимина, В.В. Мохов) и др. В 2005–2011 гг. была издана обширная и весьма содержательная Башкирская энциклопедия в 7-ми томах. В этом универсальном справочном издании, где религиям отведено 140 статей, содержатся сведения по темам: «Религиозные верования и конфессии», «Религиозные учреждения», «Религиозные учебные заведения», «Мечети (соборные и дореволюционной постройки)», «Православные церкви», «Храмы и молитвенные дома других конфессий». Даны биографические статьи о муфтиях и епископах. В энциклопедии «Народы Башкортостана» содержится краткая статья о религиозном составе населения, а также сведения о конфессиональной принадлежности народов, проживающих на территории Башкортостана³.

Этноконфессиональной ситуации, государственно-конфессиональным отношениям в Башкортостане посвящены публикации В.П. Пяткова⁴, Р.Д. Карамышева⁵, А.М. Фаттахова⁶.

Значительный материал по истории конфессий и проблемам государственно-конфессиональных отношений в Башкортостане опубликован в тематических сборниках научных трудов, материалов научно-практических конференций – «Религии в Башкортостане: история и современность»⁷, «Башкортостан – евразийская модель межконфессионального согласия и толерантности»⁸, «Народы Урало-Поволжья: история, культура, этничность»⁹, «Современные этнополитические и этносоциальные процессы в России: модель Республики Башкортостан»¹⁰ и др. В 1999 г. православная общественность и ученые Республики Башкортостан отмечали 200-летие учреждения Уфимской епархии.

¹ Религиозные организации Республики Башкортостан. Уфа, 2004. С. 257; Мухаметзянова Р.М. Общество сознания Кришны в Башкортостане // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность. Материалы межрегиональной научно-практической конференции молодых ученых. Уфа, 2007; Она же. Особенности функционирования Общества Сознания Кришны в Башкортостане // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов. Труды X Всероссийского съезда востоковедов, посвященного 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда Ахмет-Заки Валиди Тогана. Уфа, 2015. С. 124–125.

² Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа, 1996.

³ Народы Башкортостана: энциклопедия / гл. ред. Ф.Г. Хисаметдинова. Уфа, 2014. С. 528.

⁴ Пятков В.П. Государственно-конфессиональные отношения в РБ // Панорама Башкортостана. Уфа, 2014.

⁵ Карамышев Р.Д. Этнорелигиозная ситуация в Республике Башкортостан (на примере исламской уммы): проблемы, тенденции, перспективы. Уфа, 2015. С. 194.

⁶ Фаттахов А.М. Отношения государственных органов Республики Башкортостан и религиозных объединений на современном этапе // Социология власти. 2012. № 3. С. 208–212.

⁷ Религии в Башкортостане: история и современность. Уфа, 1999.

⁸ Межкультурный диалог на евразийском пространстве: Башкортостан – евразийская модель межконфессионального согласия и толерантности. Уфа, 2002.

⁹ Народы Урало-Поволжья: история, культура, этничность. Материалы межрегиональной научно-практической конференции / под ред. Х.Х. Ишмуратова. Уфа, 2003.

¹⁰ Современные этнополитические и этносоциальные процессы в России: модель Республики Башкортостан: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Уфа, 2004.

Были проведены торжества и первая богословская конференция «Православие в Башкирии: история и современность». С 2011 г. в Башкортостане ежегодно проходят церковно-общественные форумы Епархиальные Табынские чтения. В 2013 г. состоялась Международная научно-практическая конференция «Ислам и государство в России», посвященная 225-летию Оренбургского магометанского духовного собрания – Центрального духовного управления мусульман Российской Федерации. После завершения работы конференции состоялось торжественное собрание в честь 225-летия ЦДУМ России и 65-летия Верховного муфтия Талгата Таджуддина, на котором выступил с приветственной речью Президент РФ В.В. Путин. Научная конференция стала крупным событием не только для России, но и всего мирового исламского сообщества¹.

Ценным источником информации для общественности, источником исследований для ученых являются издания справочного характера – справочники, сборники документов. Среди них особое внимание обращают на себя такие издания, как «Религиозные организации Республики Башкортостан» (Уфа, 2004) и вышедший в 2014 г. справочник «Религиозные объединения Республики Башкортостан» (Уфа, 2014). За последние годы был издан также ряд сборников документов, в том числе под редакцией А.Б. Юнусовой².

Из периодических изданий гуманитарного направления выгодно отличается журнал «Проблемы востоковедения» (входит в список ВАК). В данном журнале, в специальных рубриках «Религия» и «Духовная культура» публикуются результаты религиоведческих исследований. Ряд публикаций по истории религий, этнических верований, культовых зданий, а также государственно-конфессиональным отношениям содержатся в журналах «Вестник Башкирского университета», «Вестник ВЭГУ», «Известия УНЦ РАН» и «Вестник АН РБ».

Динамику выхода в свет научных работ в области религиоведческих исследований в Башкортостане отражают данные полученные из электронной библиотеки научных публикаций eLIBRARY.RU (см.: Диаграмму 1).

Диаграмма 1. Количество публикаций в области религиоведческих исследований в Башкортостане в 1992–2015 гг. (по материалам eLIBRARY.RU)

¹ Мухаметзянова-Дуггал Р.М. Ислам и государство в России: Международная научно-практическая конференция, посвященная 225-летию Оренбургского магометанского духовного собрания – Центрального духовного управления мусульман Российской Федерации (г. Уфа, 22 октября 2013 г.) // Проблемы востоковедения. 2013. № 4. С. 88–89.

² Ислам в законодательстве России. 1554–1929 гг. Сборник законодательных актов / Составители: Юнусова А.Б., Сергеев Ю.Н., Латыпова В.В. Уфа, 1999; Юнусова А.Б. Ислам и мусульмане Южного Урала в историко-правовом пространстве России: сборник законодательных актов, указов и распоряжений центральных и региональных органов власти и управления в XX–XXI веке. Уфа, 2009.

Исследование религий в вузах республики представлено, главным образом, курсами по истории мировых религий, государственно-конфессиональных отношений, этноконфессиональному составу Республики Башкортостан. Так, на историческом факультете Башкирского государственного университета (БашГУ) на кафедре зарубежной истории разработан и читается курс лекций «История мировых религий», в Бирском филиале БашГУ – спецкурсы «История мировых религий в России», а так же «Государство и православная церковь в России (IX – нач. XX вв.)». Следует так же отметить, что с 2014 г. в БашГУ реализуется учебная программа по направлению подготовки «Теология» (исламская). Два года подготовка теологов велась по заочной форме, с 2016–2017 учебного года осуществлен набор на дневную форму обучения. В этих целях Министерством образования и науки РФ выделено 18 бюджетных мест.

В Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан на кафедре политологии, социологии и философии читаются курсы «Религиоведение» и «Религия и политика в современном мире». В Институте исторического и правового образования БГПУ им. М. Акмуллы с привлечением ученых Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН реализуются две магистерские программы «Религия в истории общества и государства» и «Религии и духовная безопасность общества в условиях глобализации». В Башкирском государственном педагогическом университете им. М. Акмуллы действует Межведомственный научно-исследовательский центр развития мусульманского образования (МНИЦ РМО), основной целью деятельности которого является координация усилий и объединение научного, образовательного потенциала республики при подготовке специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама. С 2008 г. данный центр осуществляет Проект подготовки специалистов с углубленным изучением истории и культуры ислама. Центр работает с вузом-партнером Российским исламским университетом ЦДУМ России.

Таким образом, основными направлениями религиоведческих исследований в Башкортостане являются история ислама и православия, что обусловлено историко-культурными особенностями республики. В большинстве своем научные работы подготовлены исследователями-историками и построены на хронологическом изложении событийного материала. За последние годы вышел в свет целый ряд публикаций, посвященных эмпирическим исследованиям, однако теоретических работ в этой области по-прежнему недостаточно. Можно констатировать, что в Башкортостане сложилась профессиональная среда ученых разных поколений, которые совокупно могут быть названы современными религиоведами. По своему состоянию среда эта плохо консолидирована и внутренне очень разнородна. Далеко не все, кто объективно может быть отнесен к религиоведению, принимают такую идентификацию. Определенная часть исследователей религии принадлежит к вузовскому религиоведению, имеющему не столько научные, сколько образовательные установки.

© Мухаметзянова-Дутгал Р.М., 2016

УДК 39(062):902(062):061.62(470.57)

Мухаметшина М.У.
г. Уфа

О НАУЧНЫХ ФОНДАХ ИНСТИТУТА ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ИМ. Р.Г. КУЗЕЕВА УНЦ РАН

Аннотация: В статье рассматриваются основные направления работы по учету и хранению научных фондов Института. Описываются этапы государственного учета музеиных предметов и их хранение в фондах.

Ключевые слова: научные фонды, музейный предмет, книга поступлений, научный инвентарь, хранение.

Annotation: The article reviews the main operation of registration and keeping of Institute's science foundation. It describes the steps of the state registration of museum objects and keeping them in the funds.

Keywords: science foundation, museum object, registration book, scientific inventory, safekeeping.

Музей археологии и этнографии является неотъемлемой частью Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН, на основе которого сформировались основные научно-исследовательские направления Института. Музейная деятельность во всех её проявлениях входит в число обязательных видов работы научных сотрудников и специалистов научно-вспомогательного отдела учета и хранения научных фондов.

Инициатором и создателем Музея археологии и этнографии является член-корреспондент РАН Р.Г. Кузев. Решение об организации музея было принято Секретариатом Башкирского обкома КПСС 20 января 1976 г., а 12 марта 1976 г. Президиумом Башкирского филиала АН СССР был издан приказ о создании при филиале Академии наук Музея археологии с археологическими и этнографическими экспозициями.

В научных фондах Института накоплены и систематизированы уникальные коллекции, представляющие большую ценность для исследований по самым разным направлениям археологии и этнографии Южного Урала.

Основной фонд Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН включает в себя более 251 тыс. предметов. (251 753 ед. хр.). Из них археологический фонд насчитывает 1216 коллекций (245 183 ед. хр.), этнографический – 189 коллекций (3 438 ед. хр.), спецхран (фонд драгоценных материалов) – 97 коллекций (4748 ед. хр.).

В научных фондах Института сосредоточены коллекции по всем периодам древнейшей, древней и средневековой истории Южного Урала, по культуре и быту народов региона. В совокупности эти коллекции представляют значительную ценность для исследований по археологии, истории и этнографии региона.

Основные направления музейной деятельности Института – комплектование, систематизация, учет и хранение археологических и этнографических коллекций, популяризация новейших результатов археологической и этнографической наук в области изучения истории и культуры народов Южного Урала.

Сохранение музейного предмета предполагает как проверку его наличия в физическом выражении, так и соответствие той информации, которая имеется в учетных документах об этом предмете¹. Поэтому понятия «учет» и «хранение» культурных ценностей неразделимы. Государственный учет научных фондов предусматривает два этапа, они отражают степень изученности музейных предметов: первичную регистрацию поступивших предметов и их научную инвентаризацию².

Первый этап позволяет выявить, действительно ли отобранный предмет является памятником истории и культуры, представляет интерес для изучения использования в музейных и научных целях. Предмет представляется экспертной фондово-закупочной

¹ Брюшкова Л.П. Учет и проверка музейных ценностей (методические рекомендации). М., 2006. С. 4.

² Финягина Н.П. Учет музейных фондов // Российская музейная энциклопедия: в 2 т. М., 2001. Т. С. 286.

комиссии (ЭФЗК), которая проводит его отбор и экспертизу. В состав комиссии входят специалисты разных профилей¹. При положительном решении комиссии предмет подлежит оформлению, которое юридически закрепляет его за Институтом, что также предполагает первый этап государственного учета.

Важнейшими документами государственного учета первичной регистрации научных фондов являются акты приема на постоянное хранение (пользование) и книги поступлений. Акт – это исходный документ учета, и неправильное или неполное оформление делает его неполноценным, недействительным, приводит к утрате им юридической силы². По этой причине к составлению акта предъявляются самые высокие требования.

Книга поступлений как государственный документ охранного порядка регистрирует предмет под определенным номером и содержит его краткое описание, исключающие возможность подмены предмета, а в случае утери или кражи облегчающее его розыск. Регистрация в книге поступлений производится с учетом всех сведений о предмете, зафиксированных в актах приема и полевой документации. Описание делается на основании результатов его атрибуции, полученных к моменту первичной регистрации. Исходным элементом описания любого музеиного предмета является его видовое свойство, выраженное в наименовании. При записи информации о происхождении и бытования предмета особое значение имеет легенда, полевой дневник и описание. Максимально полные данные, отраженные в полевой документации и легендах, обеспечивают полноценность всей последующей работы с поступившими в музей материалами. Фиксируются также данные о времени, источнике, способе и обстоятельствах поступления предмета, его сохранности, стоимости (при покупке), сопроводительных документах. Проставляется номер акта, дата записи. После регистрации в книге поступлений – основном документе учета культурных ценностей – предмет становится музеиным.

Для описания организации госучета научных фондов в Институте этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН рассмотрим сначала структуру его фондов. Порядок и основные формы учета, методы хранения и реставрации музейных ценностей определяет действующий с 1985 г. Инструкция по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР³. В основной фонд Института включены коллекции, состоящие из археологических и этнографических предметов. Выделен фонд драгоценных металлов (Спецхран). Научные фонды систематизируются по коллекциям, видам материала, смысловому назначению.

Первичная регистрация коллекций в музее была начата с момента его создания. Первая книга поступлений датируется 1980 г. К концу 1980-х гг. в музее была завершена работа по инвентаризации научных фондов, созданы топографические описи по всем хранилищам и экспозиционным залам. В различные периоды деятельности музея велись разные формы учетной документации. В настоящее время организация учета на первом этапе построена следующим образом. В Институте работает научно-вспомогательный отдел учета и хранения научных фондов (заведующая отделом М.У. Мухаметшина, специалисты Э.В. Камалеев и Э.Н. Батыршина). Предметы, поступающие в Институт, передаются специалисту отдела учета и хранения научных фондов для представления их на совете ЭФЗК. В случае принятия решения о включении предмета в фонды музея сотрудник осуществляет дальнейшую инвентаризацию. До заседания ЭФЗК специалист научно-вспомогательного отдела учета и хранения научных фондов подготавливает акт приема на временное пользование. Далее члены комиссии, решают, обладает ли представленный предмет «музейным значением и необходим ли он музею». На основании положительного

заключения ЭФЗК решает, в какой фонд (основной или вспомогательный) отнести предмет. На основании протокола ЭФЗК подписывается подготовительный акт о приеме предмета в постоянное пользование. Затем предмет вносится в книгу поступлений основного или научно-вспомогательного фонда. Как видим, первый этап государственного учета научных фондов осуществляется в Институте в соответствии с существующими положениями.

Второй этап госучета – научная инвентаризация – включает детальное изучение поступившего предмета и оформление полученной информации, предусмотрено исключительно для предметов, направленных ЭФЗК в основной фонд. Главным документом выступает инвентарная книга. В результате научной обработки выявляется и обрабатывается вся информация о предмете, которую он несет как источник знания о конкретном явлении, событии или факте. Выявление такой информации предполагает изучение и среды бытования предмета; определение его музейного значения и описание результатов изучения в соответствующих учетных документах¹. Таким образом, инвентаризация рассматривается и как научно-исследовательская работа, в результате которой может появиться не только учетная документация и научно-справочный материал, но и разработка научной темы, подготовка статьи, монографии, диссертации, научного печатного каталога².

Результаты инвентаризации фиксируются в инвентарных книгах. Для характеристики предмета научный инвентарь является наиболее полным документом, фиксирующим его классификацию и результаты изучения.

Проанализируем второй уровень учета музейных предметов в Институте. При поступлении в научные фонды на предметы дополнительно составляется коллекционная опись, в которую входит краткая характеристика коллекции и описание её по предметам. В учетных обозначениях возникают дробные порядковые номера.

Таким образом, учет и хранение научных фондов представляет собой единый процесс, в котором связаны юридическая охрана всех поступающих на хранение в Институт материалов и научная обработка предметов, результаты которой фиксируются в учетных документах. Недостаточное внимание к организации учета на всех его этапах отражается также и на экспозиции, в содержании которой возникают ошибки и неточности.

Изучение предметов и оформление их результатов в виде научной паспортизации и издания каталогов, является высшей степенью обработки коллекций, оно возможно при регулярном научном подходе к инвентаризации предметов и коллекций. В Институте ведется работа по каталогизации фондов, которой занимаются научные сотрудники музея. Приведем список, вышедших работ:

- Памятники эпохи камня, бронзы и раннего железа: Каталог археологических коллекций МАЭ / Сост. Н.Г. Рутто. Уфа, 1994.
- Памятники эпохи средневековья: Каталог археологических коллекций МАЭ / Сост. Н.Г. Рутто. Уфа, 1997.
- Музей археологии и этнографии Центра этнологических исследований Уфимского научного центра РАН: Проспект / Сост.: Р.Г. Кузеев, И.М. Минеева, И.Г. Петров, Н.Г. Рутто, Р.И. Якупов. Уфа, 2002.
- Башкирские нагрудные украшения из кораллов и монет / сост. Н.Г. Рутто; Ответ. Ред. А.Б. Юнусова. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2006. 92 С.
- Финно-угорские народы в коллекциях Музея археологии и этнографии Центра этнологических исследований УНЦ РАН / Рос. акад. наук, Уфим. науч. центр, Центр этнологоч. исслед., сост. Е.Е. Никонорова; вступ. ст. Р.Р. Садиков; отв. ред. Ф.Г. Ахатова; фот. А.М. Акбутин. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН; Информреклама, 2006. 120 С.

¹ Галкина Е.Л. Комплектование музейных фондов // Российская музейная энциклопедия: в 2 т. М., 2001. Т. 1. С. 234.

² Лашкевич Л.В. К вопросу о научной обработке музейных предметов в процессе их учета // Актуальные проблемы фондовской работы музеев. М., 1980. Вып. 90 С. 3–16.

³ Приказ от 17.07.1985 г. № 290 об утверждении «Инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР».

¹ Лашкевич Л.В. К вопросу о научной обработке музейных предметов в процессе их учета// Актуальные проблемы фондовской работы музеев. М., 1981. Вып. 91 С. 5.

² Лашкевич Л.В. К вопросу о научной обработке музейных предметов в процессе их учета// Актуальные проблемы фондовской работы музеев. М., 1980. Вып. 90 С. 14.

– Музей археологии и этнографии: Каталог музейной экспозиции Центра этнологических исследований Уфимского научного центра РАН / Отв. ред. А.Б. Юнусова. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН: Информреклама, 2007.

– Каталог археологических фондов Института этнологических исследований УНЦ РАН (Музей археологии и этнографии) / Автор-составитель Н.С. Савельев. Вып. 1. Уфа, 2009.

– Предметы религиозных культов народов Южного Урала из собрания Музея археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН. Каталог. Ч.1. Христианство / составители: А.Б. Юнусова (ответ. ред.), И.Г. Петров, З.Ф. Хасanova, А.И. Тузбеков / Спец. Фотосъемка А.М. Акбутина. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2011. 42 С.

– Каталог коллекций эпохи бронзы археологических фондов Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН (Музей археологии и этнографии). Часть 1 / сост. Э.В. Камалеев; отв. ред. И.И. Бахшиев. Уфа: ООО «Издательство «Диалог», 2016 . 232 с.

В условиях современного общества каталогизация необходима для удовлетворения его потребностей в информационных продуктах и услугах, чем выступают в этом случае данные издания, которые могут выходить также в электронном формате. Современному музею необходимо уметь совмещать открытость к инновациям и в то же время сохранять и выполнять свои основные специфические функции по учету и хранению.

Внешний вид музейного предмета так же важен, как и его подлинность. Чтобы сохранить предмет, разработаны специальные приемы и режимы хранения, представляющие единую систему. Хранение фондов осуществляется – в фондохранилище, в экспозиции, во время перемещения предмета внутри Института и за его пределами.

Согласно вышеупомянутой Инструкции 1985 г. «музейные фонды размещаются в специально оборудованных хранилищах. Это должны быть просторные, светлые помещения с регулируемыми системами вентиляции и отопления, обеспечивающие необходимые условия для правильного хранения, а также изучения музейных ценностей в целях всестороннего их изучения».¹

Оборудование для хранения должно соответствовать нормам хранения различных категорий музейных предметов в зависимости от их назначения и свойств материалов, из которых они состоят, защищать предметы от света и пыли. Необходимо обеспечить легкий доступ к коллекциям и возможность быстрого нахождения каждого предмета, они хранятся индивидуально или группами, объединенными на основе каких-либо критериев, например материала изготовления, габаритов предметов и др. Оборудование должно быть удобным в эксплуатации и при передвижении. Материалы, из которых изготавливается оборудование, должны отличаться повышенной прочностью и не оказывать вредного воздействия на хранящиеся предметы. Необходимо соблюдать меры противопожарной защиты и по предотвращению хищений².

Научные фонды Института размещаются в разных зданиях. Археологические фонды расположены в кабинете на первом этаже и двух комнатах в подвале (ул. Аксакова, 7, жилой дом), этнографические фонды расположены в трех комнатах этого же здания на первом этаже. Оборудовано хранилище фонда драгоценных металлов (Спецхран) в подвальном помещении (ул. К. Марса, 6, отдельно стоящее здание).

Согласно Инструкции 1985 г., при хранилищах целесообразно иметь:

– помещение для новых поступлений, где они распаковываются, разбираются, проходят первичный осмотр, изолятор и дезокамеру;

– специальную кладовую для хранения хозяйственного инвентаря для перемещения

¹ Малахатко У.В. Учет и хранение в фондовом деятельности Томского областного краеведческого музея: состояние и проблемы. Вестник Томского государственного университета. Томск, 2011. Вып. 1. С. 85.

² Михайловская А.И. К вопросу рационального оборудования хранилищ музеев // Актуальные проблемы фондовской работы музеев. М., 1980. Вып. 90 С. 138.

предметов... для уборки помещения...;

– помещение для работы посетителей и т.д.

Все предметы подвержены естественному старению, поэтому должны создаваться условия хранения, способствующие замедлению данного процесса при помощи соблюдения режимов хранения.

Для поддержания оптимального режима хранения в Институте предпринимаются следующие действия. В хранилищах и экспозиционных залах ежедневно специалистом отдела учета и хранения научных фондов осуществляется контроль температурно-влажностного режима. Данные показания фиксируются в специальном журнале. В 2004 г. были приобретены увлажнители воздуха для регулирования температурно-влажностного режима в хранилищах. Приборы размещены во всех фондохранилищах. Для обеспечения светового режима в экспозиционных залах, на окнах имеются жалюзи или темные шторы. В помещениях фондохранилища окон нет, используются светильники с закрытыми плафонами, что не нарушает нормы светового режима.

Поддержание оптимального режима хранения требует регулярной уборки оборудования и помещений. Для этих целей научно-вспомогательным отделом учета и хранения научных фондов в последний четверг месяца устраиваются санитарные дни с добровольным привлечением научных сотрудников из других отделов.

Подводя итоги, отметим, что в Институте этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН музейная деятельность по учету и хранению научных фондов осуществляется в полном объеме. Ведется работа по научной каталогизации фондов, результатом которой, являются издаваемые каталоги коллекций. Однако есть и проблемы, главными из которых являются: отсутствие специального помещения для фондохранилища, а также небольшая штатная численность сотрудников непосредственно, занимающихся работой по учету и хранению научных фондов. Как видим, вопросы учета и хранения научных фондов должны стать приоритетными в музейной деятельности Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН.

© М.У. Мухаметшина, 2016

Назмутдинова И.К.
г. Ижевск

**ТРАДИЦИОННЫЕ ВЕРОВАНИЯ НИЖНЕЧЕПЕЦКИХ УДМУРТОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)**

Аннотация: В статье предпринята попытка изучения сакральных мест и культовых памятников нижнечепецких удмуртов, выявления дохристианских религиозных традиций и степени их сохранности по материалам экспедиции.

Ключевые слова: Нижнечепецкие удмурты, ватка, калmezы, религиозные традиции, моления, куала.

Annotation: The article attempts to study the sacred sites and religious monuments nizhnechepetskie Udmurts, identifying the pre-Christian religious traditions and their degree of preservation in the records of the expedition.

Key word: Nizhnechepetskie the Udmurts, viatka, kalmez, religious traditions, prayer, Kuala.

Нижнечепецкая группа северных удмуртов расселена в нижнем течении р. Чепцы и ее притоков, а ее представители считаются автохтонным населением края. В свою очередь, в нижнечепецкой группе удмуртов ученые выделяют две группы – косинскую и слободскую. К последним относятся удмурты, проживающие в современном Слободском районе Кировской области. Косинские удмурты сосредоточены на территории Усинского, Зуевского, Богородского, Фаленского районов. Их населенные пункты расположены в бассейне р. Кося – притоке Чепцы¹. В свою очередь, в составе косинской подгруппы представлены две древние этнолингвистические группы – ватка и калmez, между которыми имеются существенные различия в языке, духовной и материальной культуре². Тенденции последних лет таковы, что число удмуртов в данном регионе неуклонно сокращается, исчезает уникальный диалект, а вместе с тем теряется и духовная культура. Задачей нашего исследования станет изучение сакральных мест и культовых памятников нижнечепецких удмуртов, выявление дохристианских религиозных традиций и степени их сохранности по материалам экспедиций, послужившим эмпирической базой исследования.

Заведующая национально-культурным центром в д. Светозарево Слободского района Алевтина Геннадьевна Кайсина, свидетельствует, что «на территории Слободского района удмурты проживают с древнейших времен. Удмуртские деревни впервые упоминаются в переписи населения 1615 г. в составе Каринского стана Хлыновского уезда. По народным преданиям, поселения были основаны переселенцами из племенного объединения *ватка*. Они появились здесь после того, как новгородцы сожгли великое удмуртское святилище, стоявшее на месте современного г. Кирова (Кылно – удм. название г. Хлынова, предшественника г. Кирова). Пожилые люди хранят память о Кылно, помнят мелодию, напоминающую им о временах, когда пришлось покинуть пепелище великого святилища. Мелодия жалобная, вызывающая слезы»³. Не зря и пожилые информанты на вопрос «Откуда сюда пришли удмурты?» отвечают, что по преданиям они раньше жили в районе современного города Кирова.

По словам А.Г. Кайсина, территория расселения удмуртов была достаточно обширной: кто посильнее – ушли в сторону Глазова, остальные поселились на месте современной д. Чола (Круглово). Золу с места сожжённой куалы перенесли на новое место: призвали своего покровителя – вожушуд – и в лесу основали мольбище в честь Имма вожушуда – Имма веттон. Позднее, когда по соседству с местом молений пролег

¹ Атаманов М.Г. от Дондыкара до Урсыгурта. Из истории удмуртских регионов. Ижевск, 2005. С. 61–62.

² Там же. С. 67.

³ Кайсина А.Г. Слободские удмурты: история развития диаспоры и современное состояние // Диаспоры Урало-Поволжья: Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Ижевск, 28–29 октября 2004 г.): Сб. ст. Ижевск, 2005. С. 259.

большой тракт в сторону Глазова, мольбище перенесли в глубь леса, к д. Чабья (Омсино). Там до сих пор проходят моления на Петров день и в Покров: приносят в жертву домашнюю птицу (гуся, утку), привязывают разноцветные лоскутки к дереву, кидают монетки в родник¹.

Информантка из д. Нижнее Мочагино Анна Ивановна Болтачева, 1932 г. р., вспоминает: «У моего сына тяжело проходила корь, поэтому мама, сын и я решили сходить на моление Имма веттон. Пошли пешком. Взяли с собой хлеб, деньги, выпечку, домашнюю утку. Старинное место святилища раньше находилось в д. Круглово (удм. – Чола). Было оно и в д. Новый Погост (удм. – Выльгурт), рядом с современной территорией д. Светозарево (удм. – Гырдор) слева на возвышенности по Глазовскому тракту. Сейчас деревни Н. Погост не существует. Там в жертву приносили белую овцу. Прежде чем отправиться на современное место Иммала веттон, недалеко от д. Омсино (удм. – Чабья), нужно было зайти в деревни Круглово и Новый Погост. Во время каждой остановки разжигается костёр из щепок, взятых из дома, даруется еда с просьбой о здоровье и счастье и только после этого можно продолжить путь. Не доходя до деревни Омсино, мы свернули направо, и ушли в лес примерно на один километр. Там есть родник и небольшой ручей. Как только дошли до места, устроили большой костёр, над которым и произошло заклание утки. Крови дали стечь в костёр. Птицу оципали, а пух весь сожгли на костре. В протекающий рядом небольшой ручеёк бросили белые монетки, желтые нельзя. После этого обратились к Имма-вожшуду с просьбой принять наши гостицы и не гневаться, если что не так, попросили счастья, здоровья, исцеления сына от болезни. Я была молодая и не знала, как обращаться к божеству, а мама про себя долго что-то говорила, видимо, читала молитву. Затем постелили на землю скатерть, сели, поели. Из еды с собой были табани (лепешки из кислого теста), яйца и другая выпечка. Кусочки блинчиков бросили в костёр, сверху немного полили маслом. Мясо утки мы взяли домой, отварили и с просьбами о благополучии съели за столом в кругу семьи»².

По словам Анны Ивановны, раньше священных мест было больше. Иммала веттон была и в Нижнем Мочагине. В народе говорили, что посетив старые места молений, нужно зайти еще и в своё деревенское, иначе пользы – зачёта – не будет. Так поступили и информантка с родственниками, оставив гостицы на том самом месте. Сейчас это место распахано, современники уже не помнят о нем. Считалось, что если не проводить обряды умилостивления в значимые или трудные моменты жизни, тяжело придется в дальнейшем.³

Другой информант Соловьева Галина Афанасьевна, 1961 г.р., говорит, что мама ей наказала: «Как родишь ребенка, попроси для него счастья». Тогда начала уточнять, как это сделать, если она родом из деревни Светозарево, где покровитель рода, воршуд Иммал Чипья, а муж из соседней деревни Бурино, их покровитель – Дурга Побья. Оказалось, надо попросить счастья у обоих воршудов. Мама научила так: «Иммал Чипья воршуд, Дурга Побья воршуд, вaelэ пиелы тазалыксэ, шудээ (Иммал Чипья воршуд, Дурга Побья воршуд дайте моему сыну здоровья и счастья)»⁴. Помимо уже описанных действий, респондентка отметила березу, к которой привязывается красный материал или платок. По ее мнению, все, что происходит на месте Иммала веттон священно, все делается от души и с верой⁵. Деревни Светозарево, Омсино, Паскино поклонялись воршуду Иммал Чипья, а Бурино, Круглово, Зяmino – Дурга Побья, деревни Верхнее и Нижнее Мочагино

¹ Кайсина А.Г. Указ. соч. С. 259.

² Научно-исследовательский архив Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук (далее НОА УИИЯЛ УрО РАН). Р. Оп. 2-Н. Д. 1674. Л. 75–76.

³ Там же. Л. 76–77.

⁴ Там же. Д. 1667. Л. 50.

⁵ Там же. Л. 50–51.

имели свой воршуд¹. В связи с этим посещение нескольких мест Иммала предыдущим информантом имеет большой смысл.

Исследователь дохристианских культовых памятников, известный археолог Н.И. Шутова пишет, что моление Иммала веттон – общеудмуртское моление, являющееся старинной обрядовой церемонией слободских удмуртов, которое, очевидно, посещали и бесермяне. Они проживали ранее в д. Серьягурт, Верхнее и Нижнее Мочагино². На моление собирались жители 23 окрестных селений, а также удмурты из городов Слободской и Киров³.

К сожалению, в последние годы место Иммала веттон мало кто посещает. Молодое поколение зачастую ничего о нем не знает, за исключением отрывочных сведений, когда-либо услышанных от представителей старшего поколения.

Очень близка к слободской группе удмуртов косинская, получившая название по р. Кося и включающая в себя удмуртов современных Унинского, Зуевского, Богородского, Фаленского районов Кировской области. Группа начала формироваться с конца XVII в. когда произошло переселение части удмуртов из-под Слободского⁴.

Унинский район – уникален тем, что по его территории проходит граница расселения двух этнолингвистических групп этноса: ватка и калмезов. Только здесь жители совершенно точно могут назвать, в какой деревне проживают ватка и в какой калмезы. Их селения зачастую находились всего в нескольких километрах друг от друга. Несмотря на это, вплоть до начала XX в., эти группы оставались эндогамными, т.е. в браки не вступали, женились и выходили замуж только за людей своего объединения. В связи с этим долгое время сохранялся устойчивый брачный ареал.

Как рассказывают старожилы, калмезы – более древние насељники края, а удмурты-ватка переселились в бассейн р. Кося, притока Вятки, с территории Слободского района и якобы их деревни были неподалёку от Кирова, но, изгнанные марийцами, они были вынуждены переселиться вдоль рек Кося и Кильмезь. Живущие вдоль Кося – ватка, кильмезская сторона – калмезы⁵. По воле случая нам удалось побывать только в деревнях ватка, поэтому излагаемый материал недостаточно полный и требует дальнейшего изучения и осмысления.

Человеку свойственно в трудные минуты призывать к помощи. Часто это выражается в обращении к богам. Несмотря на то, что нижнечепецкая группа раньше всех приняла крещение, молельные места и священные рощи у них сохранялись, и это свойственно не только слободским удмуртам. Так, в д. Сибирь Унинского района молельное место находилось в лесу на угоре, недалеко от деревни, за огородами, и называлось «Шапка». По рассказам представителей ушедшего поколения и бытующим до сих пор в среде современников повествованиям, в жертву приносили уток, гусей, варили кашу. Жертву закалывали прямо на месте, кровь пускали в землю. При обращении к Богу просили хорошего урожая, здоровья. Моление проходило летом. Приходили все желающие, говорили: «Шапкае мыном» (На Шапку пойдем). Сейчас место заросло, никто его не посещает и не ухаживает за ним⁶.

В д. Березник Зуевского района, по словам информантки А.Е. Кариной, если случалась засуха, закалывали бычка. Священное место «Кобыла маца» (Лес кобылы) также находилось в лесу. Нужно было пройти вдоль леса и на несколько метров углубиться, там виднелись тоненькие елочки. Тут же варили кашу с внутренностями животного, вся деревня, и стар, и млад, участвовали в молении. Во время обращения просили мягких и теплых дождей, хорошего урожая и благополучия. Сваренные

внутренности животного съедались. Кто проводил моление, респондентка не помнит, но присутствие попа на мероприятии отмечает¹. В д. Астрахань Унинского района на Ильин день также закалывали быка, проходило моление деревней, заканчивался праздник всеобщим весельем и гуляньем². Там же было место «њазег вандонни» (место заклания гусей). Само название говорит о том, что в жертву приносили гусей и молились. Можно предположить, что это место посещали более узким кругом лиц, например, семьями, родами³.

Одновременно с молельными местами в хозяйствах некоторых более зажиточных крестьян существовали и срубные постройки, святилища куала. В д. Чугай, по словам Галины Александровны Золотаревой, была такая, ее называли Мишикуала, по имени основателя рода. Если кто-то заболевал, говорили: «Ой, их куала меня поймала». Чтобы болезнь отступила, в куала относили хлеб⁴.

Таким образом, в среде нижнечепецких удмуртов дохристианские религиозные традиции до сих пор живы. Духовная жизнь этноса сложна и многообразна и требует полной реконструкции мифологической картины и религиозных явлений, а данная статья лишь небольшое введение в данную тематику.

© Назмутдинова И.К., 2016

¹ НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1667. Л. 51.

² Луппов П.Н. О бесермянах // О бесермянах. Ижевск, 1997. С. 22–23.

³ Шутова Н.И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Ижевск, 2001. С. 34.

⁴ Атаманов М.Г. Указ. соч. С. 67.

⁵ НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1674. Л. 13.

⁶ Там же. Л. 18–19.

¹ НОА УИИЯЛ УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1674. Л. 33.

² Там же. Л. 35.

³ Там же. Л. 54.

⁴ Там же. Л. 13.

Никифоров С.В.
г. Санкт-Петербург

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕРКЕССКОЙ И ЧЕЧЕНСКОЙ ДИАСПОР В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Аннотация: Настоящая работа посвящена изучению анализа социальных сетей как метода исследования взаимодействия двух общин, проживающих за рубежом. Результаты работы демонстрируют тесную взаимосвязь между событиями внутри черкесской и чеченской диаспорами и активностью их сообществ в социальных сетях.

Ключевые слова: социальные сети, черкесы, чеченцы, взаимодействие, Ближний Восток.

Annotation: The article is devoted to study the social nets analysis as a research method for the interaction between two ethnic communities living abroad. The results demonstrate a deep relationship between the events inside the Chechen and Circassian diasporas and their activity on the social nets.

Key words: social nets, Chechens, Circassians, interaction, Middle East.

Исследование взаимодействия черкесской и чеченской диаспор, проживающих за рубежом, на современном этапе подразумевает под собой не только изучение историко-теоретических основ, но и анализ современных средств связи, с помощью которых подобного рода взаимодействие может осуществляться.

Цель работы - оценка анализа социальных сетей как одного из методов изучения взаимодействия между двумя этническими общинами, проживающими за рубежом. Цель достигается посредством решения следующих задач: сбор данных анализа черкесо-чеченских сообществ в социальных сетях; формирование выводов на основе собранных данных; выявление преимуществ метода анализа социальных сетей перед иными формами изучения указанной проблематики. Материалами для исследования, помимо научной литературы, послужили публикации в СМИ по данной теме на русском, турецком, арабском и английском языках, а также информационно-аналитические материалы черкесо-чеченских групп в социальных сетях. В качестве базовой социальной сети для анализа был использован «Facebook» в связи с его популярностью и доступностью в большинстве стран мира.

В статье «1864-1944-1994. Коллективная память и особенности черкесо-чеченского взаимодействия на Ближнем Востоке»¹, опубликованной в соавторстве в 2015 г., нами было проведено исследование факторов сближения чеченской и черкесской диаспор, проживающих на территориях стран Ближнего Востока. Одним из основных вопросов, поставленных в работе, стало обоснование сближения именно черкесской и чеченской диаспор при полном игнорировании проблематики других национальных меньшинств. Сам по себе вопрос о сближении именно этих двух диаспор возник в ходе мониторинга и анализа черкесской активности в социальных сетях.

Громкими информационными поводами для выявления этого взаимодействия стали два события, непосредственно связанные с черкесской и чеченской общинами, представители которых проживают в ряде стран мира.

Во-первых, убийство 22 мая 2013 г. в Анкаре «почетного консула» непризнанной Республики Ичкерия (т.н. Чеченская Республика Ичкерия (ЧРИ)) Медета Онлю, а также связанный с этим событием судебный процесс в Турции.

Вторым важным событием стала угроза депортации из Турции в 2014 г. чеченки Арубики Сулеймановой, обвиняемой в России в финансировании терроризма.

В обоих случаях черкесские организации активно освещали события, оказывая влияние на формирование у целевой аудитории определенного мнения, направленного

¹ Цибенко В.В., Никифоров С.В. 1864-1944-1994. Коллективная память и особенности черкесо-чеченского взаимодействия на Ближнем Востоке // Научная мысль Кавказа. Издательство Северо-Кавказского научного центра Высшей школы ЮФУ. 2015. № 4. С. 89–97.

против действий Российской Федерации. Наиболее отчетливо это прослеживалось в социальных сетях, где были запущены кампании в поддержку чеченцев, призывающие турецкие власти к принятию того или иного решения¹.

Акции в поддержку расследования убийства Медета Онлю не теряют своей актуальности и спустя три года. Сформированный при сотрудничестве кавказских, чеченских и черкесских организаций «Комитет справедливости для Медета Онлю» организовывает митинги у здания суда в Анкаре и оповещает всех желающих участвовать через черкесские сообщества в социальной сети «Facebook»².

Помимо дела об убийстве Медета Онлю, громким событием в черкесо-чеченском медиа-пространстве за последнее время стало задержание иорданскими правоохранительными органами религиозного деятеля черкесского происхождения Амджада Курши в июне 2016 г. Черкесо-чеченские сообщества «Facebook» быстро распространили информацию о том, что религиозный деятель был осужден за критику участия Иордании в бомбардировках позиций ИГИЛ на территории Сирии и Ирака в составе международной коалиции³, подчеркивая, что этот факт стал главной причиной его задержания.

Критика решения иорданских властей со стороны чеченской и черкесской диаспор достигла достаточно серьезного уровня. 12 августа 2016 г. сообщество «Facebook» начали распространять информацию о бойкоте черкесскими и чеченскими кандидатами в депутаты грядущих парламентских выборов в Иордании. 14 августа арабоязычным сообществом «Черкесское объединение» («Attajamma'u Ash-Shirkasia») было объявлено о создании в «Facebook» специальной группы, посвященной теме бойкота выборов «Бойкот парламентских выборов – 2016 в поддержку Амджада Курши» («Muqaata'atu l-Intihabat An-Niyabiya Nusratan Lidduktur Amjad Kursha»)⁴. Сообщество просуществовало вплоть до освобождения религиозного деятеля из-под стражи 6 сентября, а в запущенной активистами акции «Все мы - Амджад Курша» активное участие принимали чеченцы⁵.

Все указанные акции и кампании в черкесо-чеченских сообществах в социальных сетях способствуют укоренению и распространению антироссийских настроений в черкесской и чеченской диаспорах за рубежом с попыткой оказания влияния на черкесов и чеченцев, проживающих на территории Российской Федерации. Администраторы сообществ активно распространяют стереотипы и слухи о России, публикуют фотографии «зверств» российских федеральных войск в ходе чеченской кампании.

Этот фактор способствует объединению черкесов и чеченцев, в основе которого лежит образ России как общего врага для обеих диаспор. Эта тенденция также хорошо просматривается при анализе публикуемого в черкесо-чеченских сообществах в социальных сетях материала. Даты так называемых геноцидов черкесов и чеченцев являются ключевыми для показателей активности абсолютного большинства из этих сообществ. Значительная часть информационных материалов полностью посвящена

¹ Medet Önlü cinayeti davası başladı // Ajans Kafkas. [Электронный ресурс]. URL: <http://ajanskafkas.com/manset/medet-onlu-cinayeti-davasibasladi/> (дата обращения 28.09.16).

² См. напр.: Medet için adalet // Facebook. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/events/1563550167271642> (дата обращения 28.09.16).

³ Amn Addaula tawaqqafa Ad-da'iya Amjad Qursha liintiqadih musharakata l-Urdun fi t'Tahalufi d-duwali // Saraya. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sarayanews.com/index.php?page=article&id=372474> (дата обращения 28.09.2016).

⁴ Muqaata'atu l-Intihabat An-Niyabiya Nusratan Lidduktur Amjad Kursha // Facebook. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/%D9%85%D9%82%D8%A7%D8%B7%D8%B9%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D8%A5%D9%86%D8%AA%D8%A7%D8%A8%D8%A7%D8%AA-%D8%A7%D9%84%D9%86%D9%8A%D8%A7%D8%A8%D9%8A%D9%86%D8%B5%D8%B1%D8%A9%D9%8B%D9%84%D9%84%D8%AF%D9%83%D8%AA%D9%88%D8%B1%D8%A3%D9%85%D8%AC%D8%AF-%D9%82%D9%88%D8%B1%D8%B4%D9%87-28758808266992/> (дата обращения 28.09.16).

⁵ Kulluna Amjad Qursha // Facebook. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/28758808266992/photos/a.287712851587921.1073741827.28758808266992/287712831587923/?type=3&theater> (дата обращения 28.09.16).

тематике «геноцида», а многие сообщества фактически функционируют только в преддверии и во время очередной годовщины знаковых событий.

Другим важным фактором объединения черкесов и чеченцев, находящим свое отражение в активности представителей диаспор в социальных сетях, является ислам. Анализ соответствующих сообществ позволяет сделать вывод о консолидации черкесской и чеченской диаспор в плане противостояния России, в том числе, на религиозной основе. Активная пропаганда чеченцами организаций «Имарат Кавказ» и ИГИЛ (радикальные исламистские организации ваххабитского толка. Признаны экстремистскими и запрещены на территории РФ) в черкесской среде отражает популярность радикальных взглядов внутри двух диаспор.

К этой же категории относится поддержка черкесами чеченских сепаратистских движений. Администраторы черкесских сообществ «Facebook» представляют чеченских боевиков как лидеров борьбы против России, активно цитируя их высказывания и распространяя их фотографии¹.

Еще одним фактором сближения является кооперация по экономическим мотивам, успешная в условиях инородной среды. Черкесы и чеченцы создают специальные сообщества в социальных сетях для помощи в поисках работы или продвижения определенных товаров и услуг. Этот фактор особенно важен для чеченцев, относящихся к переселенцам второй волны, поскольку многие из них не знают языка стран проживания².

Таким образом, анализ социальных сетей позволяет исследователю быстро реагировать на изменения настроений внутри диаспоры. Любая информация, касающаяся жизни черкесской и чеченской общин, достаточно быстро распространяется от первоисточника через заинтересованные в этом сообщества, попадая к целевой аудитории.

Критический анализ содержания этих групп позволяет сделать предположение о назначении публикуемого в них материала. Этот вывод, в свою очередь, подталкивает исследователя к мысли об использовании этих сообществ в качестве некоего «фона» для заполнения информационного вакуума, который периодически образуется в черкесо-чеченском медиа-пространстве. Заполняемость и информационная активность этих сообществ ограничены копированием новостей из других, более крупных источников: новостных порталов, аналитических сайтов, интернет-страниц организаций и т.д.

Несмотря на это, анализ социальных сетей в действительности является идентификатором черкесо-чеченского взаимодействия за рубежом. Материалы социальных сетей, в связи со своей доступностью и актуальностью для исследователя, помогают не просто выявить подобного рода взаимодействие, но и определить его основные факторы и мотивы на максимально близком для исследователя расстоянии к объекту изучения.

Кроме того, именно материалы социальных сетей позволили выявить неоднородность черкесо-чеченского дискурса в странах Ближнего Востока: от крайне высокого уровня политизированности в Турции до умеренно-низкого в Ливане. Эти сведения имеют не только теоретическое, но и практическое приложение, свидетельствуя о возможности положительного влияния сближения двух диаспор на их отношения с Россией.

Анализ социальных сетей, помимо всего прочего, позволяет исследователю приблизиться к ответу на вопрос об игнорировании черкесской общиной проблематики других этнических меньшинств. Тезис о героизации лидеров чеченского сепаратистского движения является, возможно, ключевым для понимания этой отличительной особенности. Возможно, самую главную роль здесь сыграло участие значимой части чеченцев, проживающих в местах массового расселения черкесов, в военных действиях

против России с начала 90-х и по настоящее время. Этот опыт делает их героями в глазах черкесов, не имевших видных военных лидеров сопротивления и участников антироссийского движения со времен имама Шамиля¹.

Обязательными условиями для проведения анализа являются наличие хорошей языковой и теоретической (прежде всего, исторической) подготовки вместе с подбором презентативной базы Интернет-источников, содержащих материалы для исследования. Неоднородность черкесо-чеченского дискурса подразумевает изучение максимально большого объема публикуемого материала, отражающего настроения в разных (часто, противоположных друг другу) срезах черкесского и чеченского обществ.

Данные, полученные в результате такого анализа, при соблюдении всех указанных условий, дают возможность максимального приближения к протекающим в диаспорах процессам и адекватной их трактовке. На основании таких данных исследователь может выстраивать прогнозы относительно дальнейших направлений развития черкесо-чеченского взаимодействия.

© Никифоров С.В., 2016

¹ Cevher Duyayı rahmetle anıyorum... // Kafkas Akademi. [Электронный ресурс]. URL: <http://kafkasakademi.com/page.php?act=haberGoster&haberID=16465&name=cevher-duyayı-rahmetle-anıyorum-618> (дата обращения 28.09.16).

² Çeçen mültecilere Kira Yardımı Kesildi // Radikal Gazetesi. (дата обращения 06.03.2014).

¹ Ганич А.А. Черкесы в Иордании: особенности исторического и этнокультурного развития. М., 2007.

Нургалиева Ю.Ю.
г. Пермь

ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ БУЙСКИХ УДМУРТОВ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация: В статье представлены материалы социологического исследования этнического самосознания удмуртов. Выделены причины негативных тенденций этнического самосознания.

Ключевые слова: этническое самосознание, буйские удмурты, этнос.

Annotation: This article describe sociological research of ethnic identity. Reasons of negative tendency of ethnic identity allocated in this article.

Key words: ethnic identity, ethnic.

Этническое самосознание – эмоционально-когнитивный процесс осознания принадлежности человека в какой-либо этнической общности; является проекцией на сознание людей существующих этнических связей, и проявляется в виде этонима. Один из видов социальной идентификации. В переписях населения и других видах массового статистического учета используется как основной этнический определитель. В настоящее время активное распространение приобретает проблема этнического самосознания подростков: дискриминация, психологические проблемы отражения «Я», диалекты, акцент – по мнению ряда ученых оказывают непосредственное влияние на проблемы этнического самосознания подростков.

Подростки достаточно регулярно сталкиваются с распространенными в общественном сознании этническими предрассудками и стереотипами, с проявлениями этнофобий. Этот негативный жизненный опыт заставляет их рефлектировать по поводу собственной национальности (механизм «отраженного Я»), что, в свою очередь, задает определенную модальность для процесса формирования этнического самосознания¹.

Результаты переписи 2014 г. демонстрируют уменьшение численности удмуртов (0,39 % от общей численности населения в 2010 г. против 0,44 % от общей численности населения в 2002 г.)². Данные свидетельствуют не только о демографическом дисбалансе, а также об искашении результатов ввиду проблемы этнического самосознания.

Исследование проблем этнического самосознания подростков проходило в селе Большой Гондыр Куединского района Пермского края. Этническое большинство села составляют буйские удмурты, проживающие в Куединском районе Пермского края.

Переселение удмуртов на новые земли началось в XVI в. после присоединения Казанского ханства к Русскому государству, из-за нежелания принимать крепостное право и православное крещение. Первое упоминание об удмуртских поселениях относится к 1672 г. Указом императрицы Анны Иоанновны 1737 г. удмуртам были пожалованы в вечное и безброчное пользование земли по реке Буй. Историческим центром буйских удмуртов было село Большой Гондырь. В середине XIX в. село стало центром Большегондырской волости, входившей в Осинский уезд Пермской губернии. В селе проводились еженедельные базары, весенняя и осенняя ярмарки. В конце века была построена мечеть и православная церковь Петра и Павла. Куединские удмурты сохранили древнюю языческую веру своих предков и многие традиции материальной и духовной культуры своего народа. Но длительное проживание рядом с другими народами – русскими, марийцами, башкирами – и контакты с ними привели к культурному

¹ См. подробнее: Шапиро В.Д., Герасимова М.Г. Епихина Ю.Б. Подростки и юношество в многонациональной Москве: формирование этнического самосознания и межэтнических отношений. М., 2007.

² Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/>

заемствованию. Сформировался особый диалект удмуртского языка, появились отличия в обрядах, костюме.

Проблема исследования заключается в сложившемся противоречии отрицания подростками принадлежности к удмуртскому этносу. Цель исследования: выявить факторы, влияющие на этническое самосознание подростков. Выборку исследования составили учащиеся МБОУ «Большегондырская СОШ» с 5 по 11 класс (85 человек). Репрезентативность выборки объясняется сопоставлением генеральной и выборочной совокупности.

В результате проведенного исследования методом раздаточного анкетирования и глубинного интервьюирования были получены следующие результаты.

Большинство подростков (70 %) относят себя к удмуртскому этносу. Среди причин отрицания принадлежности к удмуртам подростки отмечают: незнание языка и навыков письма, негативное отношение к этносу со стороны друзей, незнание традиций, родительская позиция. Коэффициент установки на этническое самосознание среди подростков составил 0,86, что говорит о высоком уровне осознания этнической принадлежности. Установка измерялась шкалограммой Лайкерта, в результате анализа компонент установки искажения этнического самосознания наблюдаются в составляющей эмоциональной компоненты установки, представленную категориями «отношение к этносу» и «самоназвание». Данные свидетельствуют о том, что поведенческий компонент (к которому были отнесены категории «соблюдение традиций», «следование обрядам и нормам») и гносеологический компонент («знание традиционной еды», «знание уклада и быта», «знание языка») установки респондентами оценивается высоко.

В результате проведенных глубинных интервью с тремя респондентами разных возрастных когорт были выделены причины, негативного самосознания удмуртского этноса: одна из главных причин – этонимы (сопоставление «удмуртов» и «вотяков» в сознании современного общества), следующая причина – забвение традиций (многие традиции забываются молодым поколением, что сказывается на этническом самосознании). Стоит отметить, что чем старше респонденты – тем выше их уровень этнического самосознания.

Проведенное исследование выявило ряд негативных тенденций изменения этнического самосознания буйских удмуртов, что говорит о необходимости сохранения традиций, о передаче знаний и умений молодому поколению. Данные проблемы актуализируют необходимость создания центров, направленных на сохранение уникальности этноса буйских удмуртов.

© Нургалиева Ю.Ю., 2016

Островкин Д.Л.
г. Екатеринбург

**ОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ САНИТАРНОЙ СИСТЕМЫ
НА УРАЛЕ В 1918–1923 ГГ.
(НА ПРИМЕРЕ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

Аннотация: В статье анализируются основные законодательные акты санитарной системы здравоохранения, а также их влияние на организацию санитарных мероприятий в первые годы советской власти на примере Екатеринбургской губернии.

Ключевые слова: советское здравоохранение, медицина, Екатеринбургская губерния, санитария

Annotation: The article analyzes the basic legislative acts of health of the health system, as well as their impact on the organization of health interventions in the early years of Soviet power in the example of Yekaterinburg province.

Key words: the Soviet public health, medicine, Yekaterinburg Province, sanitation.

После окончания Гражданской войны советским органам здравоохранения необходимо было почти заново создавать санитарное законодательство и дело санитарно-эпидемиологических мероприятий на местах. Существовавший в дореволюционное время Устав медицинской полиции заключал в себе лишь примитивные санитарные требования, предъявляемые к «обывателям» полицией и некоторые устаревшие санитарные нормы. Это законодательство не касалось широких вопросов санитарного оздоровления и благоустройства населенных мест. Кроме того, санитарные врачи, работавшие в губернии, разбежались. В конце осени 1919 г. «Уральский рабочий» констатировал тревожный факт: во всей Екатеринбургской губернии не было ни одного санитарного врача. Республика и местные власти немедля приступили к делу организации санитарной системы. Постановлением Совета рабоче-крестьянской обороны от 8 ноября 1919 г. при Народном комиссариате здравоохранения (далее – НКЗ) была образована Всероссийская чрезвычайная комиссия по улучшению санитарного состояния республики, имевшая широкие полномочия. Аналогичная комиссия была создана в Екатеринбургской губернии.

В 1919 г. в программу Коммунистической партии, принятую на VIII съезде РКП(б), в качестве ближайшей задачи был заложен принцип создания санитарного законодательства. В его основу были положены следующие положения: государственный характер санитарного дела, плановость, широкое развитие профилактической работы, тесная связь санитарной деятельности с социалистическим строительством, органическая связь санитарного дела с лечебной медициной, активная самодеятельность населения в проведении санитарных мероприятий и тесная их связь с медицинской наукой¹.

18 июля 1919 г. декретом Совета Народных Комиссаров (далее – СНК) РСФСР «О санитарной охране жилищ» была создана Государственная жилищно-санитарная инспекция². Это был первый законодательный акт об организации санитарной инспекции и об их нормировании. В ее функции стали входить – разработка планов строительства, контроль за выполнением санитарных правил и норм, а также расселение населения из скученных квартир и домов.

Первые подразделения госсанэпидслужбы были организованы на территории Екатеринбургской губернии в 1919–1921 гг. в виде эпидемиологических бюро при отделах здравоохранения. Они состояли из трех человек (санинструктор, оспопрививательница и дезинфектор). Первыми учреждениями этой службы стали Екатеринбургское городское

дезинфекционное бюро и санитарно-гигиеническая лаборатория Губздравотдела¹. Вторым шагом явилось создание в 1920 г. в Екатеринбурге химико-бактериологического института, который проводил клинические и бактериологические анализы для больниц и госпиталей, готовил вакцины против брюшного тифа и холеры, детрит для оспопрививания.

В 1918 г. в НКЗ создается отдел санитарного просвещения. Параллельно в Екатеринбургской губернии начинает работу такая же структура. Благодаря инициативе Екатеринбургского отдела с 1 июля 1920 г. был принят циркуляр о широком развитии лекционного санитарного просвещения в губернии. Для этого предполагалось приглашать лекторов для чтения лекций, бесед, чтений, кино-выступлений на санитарных митингах, оплачивая работу по 200 руб. за час². Активно распространялась санитарно-просветительская литература – брошюры, листовки, лозунги, плакаты. Только количество изданных НКЗ санитарных листовок к концу 1920 г. превысило 6,5 млн. штук. Кроме этого, большое число литературы издавалось в самой губернии.

Для широкого развертывания санитарной работы, согласно Постановлению Губернского отдела здравоохранения от 11 сентября 1920 г., в каждом селе, заводе и прочих населенных пунктах сельским исполнкомом выбирались сельские санитарные старосты. При этом в населенных пунктах, имеющих более ста дворов, старосты избирались из расчета на каждые сто дворов по одному старосте. Они должны были быть грамотными, возрастом не моложе 18 лет и не старше 50 лет, старосты несли службу безвозмездно, но освобождались от других видов трудовой повинности в то время, когда были заняты работой по осмотру участка или присутствовали на заседаниях комиссии³.

При волостных исполнкомах организовывались волостные санитарные комиссии, состоящие из санитарных старост по одному от каждого села, завода. Врачи и фельдшера, заведующие врачебными участками, обязаны были принимать деятельное участие в организации и направлении санитарной работы волостной комиссии, входящих в их районы. Для этого врач периодически созывал представителей волостных санитарных комиссий его района, совместно с которыми и намечал план работы. Для контроля и постоянного наблюдения за правильным проведением в жизнь намеченного плана в каждом врачебном участке устанавливалась должность платных санитарных наблюдателей из расчета один наблюдатель на 10 тыс. жителей. При уездных Здравотделах создавались уездные рабочие санитарные комиссии по борьбе за чистоту из представителей Угорздрава, а также из других лечебно-санитарных организаций, работающих в уезде. Параллельно, при Губздравотделе создавалась Губернская рабочая санитарная комиссия по борьбе за чистоту⁴.

Для каждого из этих категорий, были установлены обязанности. Сельские санитарные старосты обязаны были наблюдать за сохранением чистоты в селах и деревнях, не допускать скопления нечистот или отбросов на площадях, улицах, дворах; прилагать усилия для сохранения чистоты естественных и искусственных источников водоснабжения; наблюдать, чтобы срубы колодцев и ключей содержались в исправности, чтобы в местах забора воды не стиралось белье; осматривать заводские и промышленные предприятия, бараки и артельные помещения для рабочих, школы, приюты.

Члены волостных комиссий для санитарного осмотра имели право свободного доступа в любое время на все усадьбы, дворы, надворные постройкиселений и в места общественного пользования, обладали правом привлекать к судебной ответственности при составлении акта о санитарном правонарушении.

¹ Соколов Б.В., Бальчугов А.Д., Сажина М.Г. Становление государственной системы здравоохранения на Урале. Екатеринбург. 2008. С. 16.

² Государственный архив Свердловской области (далее ГАСО). Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 15. Л. 31.

³ Там же Ф. Р-737. Оп. 2. Д. 7. Л. 7.

⁴ Там же.

¹ Анналы истории медицины. М., 1963. С. 46.

² Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства. № 27 от 30 июня 1919 г. М., 1943.

В ведение рабочих санитарных комиссий входил контроль над санитарным состоянием общественных учреждений, жилых помещений, дворов, контроль над торговыми заведениями по изготовлению съестных и пищевых продуктов. Комиссия проводила в жизнь санитарные мероприятия по борьбе с эпидемиями, выработанные Здравотделами и организовывала публичные беседы, лекции для пропаганды личной и общественной чистоты¹. Важным документом стало постановление СНК от 11 июля 1921 г. «Об организации санитарного дела в горнозаводской промышленности²». Урал, традиционно с большим числом предприятий горной промышленности, получил положительный импульс к оздоровлению санитарной обстановки. Так, предприятия обязывались оказывать лечебную помощь рабочим по повышенным нормам, улучшать жилищно-бытовые условия, а также санитарные условия труда. В документе указывалось об ответственности предприятий организовывать пункты первой медицинской помощи, открывать санатории для рабочих.

В целях регламентации санитарного дела 15 сентября 1922 г. был издан декрет СНК РСФСР «О санитарных органах республики»³. Документ определил круг задач и деятельности санитарных органов. В него входили: санитарная охрана воздуха и почвы; санитарная охрана жилищ; санитарная охрана пищевых продуктов; организация противоэпидемических мероприятий; организация борьбы с социальными болезнями; охрана здоровья детей; санитарная статистика; санитарное просвещение; участие в вопросах санитарной охраны труда и общей организации лечебно-санитарного дела⁴.

Следствием вышедшего декрета стало организация в 1923 г. в Уральском Облздравотделе санитарно-эпидемиологического подотдела, который возглавил Нестор Иванович Иванов – первый санитарный врач в Уральской области⁵. В соответствии с декретом и положением отдела утверждено было минимальное количество санитарных работников на местах при органах здравоохранения: в губернском центре – три должности санитарных врачей для обслуживания общей санитарии, эпидемического дела, санитарной статистики. В уездах до 200 тыс. человек – одна должность санитарного врача и одна должность санитарного помощника; в уездах с числом жителей свыше 200 тыс. добавлялась одна должность санитарного врача. В городах полагалась одна должность санитарного врача на каждые 50 тыс. жителей, мелкие города обслуживались уездным санитарным надзором⁶. На руках у санитарных врачей и их помощников были «мандаты» «мандаты» – особые, составленные по форме НКЗ открытые листы от губернского отдела здравоохранения, удостоверяющие их права и должность. Органы санитарного надзора при наличии санитарных не благоустройств и непорядков могли не просто обязать устраниить недостатки, но и вообще закрыть предприятие или здание впредь до разбора дела в народном суде.

Таким образом, с подписанием декрета и созданием специальной службы на Урале завершается этап организации санитарной системы. Этими положениями был подтвержден государственный характер санитарной организации, определены ее задачи, права и обязанности, структура, специализация санитарной деятельности. Можно с уверенностью сказать, что этот декрет положил начало единому развитию санитарной организации страны. Именно с открытием санитарно-противоэпидемического подотдела начинается планомерная, методическая работа по борьбе с эпидемиями оспы, холеры, сыпного тифа.

© Островкин Д.Л., 2016

¹ ГАСО. Ф. Р737. Оп. 2. Д. 7. Л. 8

² Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства. № 53 от 9 сентября 1921 г. М., 1944.

³ Известия ВЦИК от 1 июля 1921 г.

⁴ Телков Б. Сохранить здоровье народа! Екатеринбург. 2012. С. 61.

⁵ ГАСО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.

⁶ Телков Б. Указ. соч. С. 61.

УДК 902

Проценко А.С.
г. Уфа

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ БАШКИРСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)*

Аннотация: В работе рассмотрены точки зрения исследователей на социальную организацию оседлого древнего населения Башкирского Предуралья. Несмотря на то, что большая часть работ вышла в советский период, актуальность данной темы не потеряла и по сей день, современный период характеризуется исследованиями отдельных элементов социальной структуры.

Ключевые слова: кара-абызская культура, пьяноборская культура, социальная организация древнего населения.

Annotation: Researches points of view on Bashkir Cis-Ural region settled ancient population social organizations are considered in the present work. Though the major part of works were published during the Soviet era, the issue is still important today, modern period is characterized by social structure specific elements researches.

Key word: Kara-abyz culture, pyanoborskaya culture, ancient population social organization.

Одна из актуальных проблем археологии Республики Башкортостан – проблема реконструкции социальной истории предков современного башкирского народа в процессе их этнокультурного формирования. В связи с отсутствием письменных источников, материалы археологических исследований служат основным эмпирическим фундаментом всех этнических и социологических реконструкций. Настоящая статья посвящена рассмотрению взглядов исследователей на социальную организацию древнего населения, носителей кара-абызской и пьяноборской культур (для исследования были выбраны наиболее изученные археологические культуры рассматриваемой территории).

Касаясь, первой из заявленных культур – кара-абызской, стоит отметить, что одним из первых шагов к постановке проблемы о новой культуре ананьинско-пьяноборского времени в бассейне р. Белой был сделан В.В. Гольмстен в начале XX в.¹, в дальнейшем точку зрения Веры Владимировны поддержал А.В. Шмидт². После работы А.В. Шмидта в изучении кара-абызских памятников наступает длительный перерыв, продолжавшийся до середины 50-х гг. ХХ в. Пьяноборская культура, также имеет более чем столетнюю историю изучения, за время которой удалось накопить значительный источникодческий материал³. По рассматриваемым культурам процесс стремительного накопления материала начинается с середины 1950-х гг. и продолжается вплоть до конца 1980-х гг.

В 1920-х гг. в советской археологии господствовал формационный подход к изучению истории, согласно которому, всемирный исторический процесс представляется как процесс последовательной смены общественно – экономических формаций, различающихся между собой, прежде всего, по способу производства и соответствующей ему социально – классовой структуре⁴. Именно с этого времени начинается выработка методики социальной реконструкции в археологических исследованиях.

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ «Сравнительно-статистическая характеристика археологических культур Прикамья и Предуралья эпохи раннего железного века» (№ 16-31-00010).

¹ Гарустович Г.Н., Минеева И.М. Из истории археологических исследований в Башкортостане: Вера Владимировна Гольмстен // Уфимский археологический вестник. Вып. 4. 2003. С. 6-15.

² Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии Наук. (Предварительный отчет о работах 1928 г.) // Хозяйство Башкирии, № 8-9. Уфа, 1929. С. 1-28.

³ Самаров Р.Р. Могильники пьяноборской культуры: систематизация и картографирование // Вестник Самарского муниципального института управления. 2013. № 4 (27). С. 78.

⁴ Проценко А.С. Вопросы социальной реконструкции древних обществ в археологии Прикамья и Приуралья в раннем железном веке. Историографический аспект // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VII. Пермь, 2012. С. 177.

Основоположником социальных реконструкций в уральской археологии является один из основателей научной археологии Прикамья А.В. Шмидт. В трех своих статьях начала 1930-х гг. он, во-первых, обосновал методологическую базу социальных реконструкций в археологии, каковой в то время, естественно, являлась марксистская теория социально-экономических формаций¹, во-вторых, попытался увязать появление некоторых типов археологических памятников Прикамья (жертвенные места) с определенной стадией социально-экономического развития древних обитателей региона (разложение родовых отношений, выделение торгово-ремесленной прослойки)², в-третьих, показал пример и дал образец реконструкции социально-экономической истории древнего населения Волго-Камья исключительно на археологическом материале³. В последней из указанных, по сути монографической, статье А.В. Шмидт дает развернутую схему социально-экономического развития древнего населения региона в тесной увязке с его археологической периодизацией: от родового строя в эпоху неолита-энеолита через матриархат эпохи бронзового века до разложения родового строя и патриархата с зачатками рабовладения в эпоху раннего железного века (ананьинская культура).

Эта схема, выстроенная строго по канонам формационной теории Маркса – Энгельса, на долгие годы определила направление и содержание социальных реконструкций в археологии Волго-Камья. О распаде родовых отношений и зачатках патриархального рабства у «ананьинцев» писали А.В. Збруева и А.П. Смирнов.

В 1970-х гг. выходят две обобщающие монографии по кара-абызской⁴ и пьяноборской культуре⁵, в которых авторы уделяют внимание социальной организации населения.

Так В.Ф. Генинг считал, что в рассматриваемый период население находилось на последней стадии родового строя, а основной социально-экономической ячейкой пьяноборского общества являлась родовая община. По богатству или отсутствию погребального инвентаря, автор выделил пять групп могил⁶. Необходимо отметить, что автор приходит к выводу об образовании в Прикамье на рубеже нашей эры 4-х самостоятельных племенных союзов: чегандинского, кара-абызского, гляденовского и осинского⁷. Позже к аналогичным выводам приходит Б.Б. Агеев, который на материале 150 поселений и могильников, выделяет 8 кустов на левобережье р. Камы и 1 куст памятников на правобережье р. Камы, которые в совокупности составляли один крупный союз. Такое размещение памятников, по мнению исследователя, связано с расселением коллективов людей внутри пьяноборского общества⁸.

А.Х. Пшеничнюк в своем монографическом исследовании, оперируя материалами 7 могильников (всего вскрыто 249 погребений) и сопоставляя их с материалами соседних территорий, отмечает, что племена кара-абызской культуры находились на стадии родового строя. Также «налицо полное господство патриархальных отношений с наметившимся имущественным расслоением и, возможно, с наличием патриархального рабства»⁹.

В 1981 г. в Уфе выходит сборник, посвященный особенностям сложения на Южном Урале производящих форм хозяйства и влияние его на развитие общественного строя

¹ Шмидт А.В. Развитие взглядов Маркса на первобытное общество // Известия ГАИМК, Т. XI, Вып. 5-6. 1931. С. 3-32.

² Шмидт А.В. Жертвенные места Камско-Уральского края // Известия ГАИМК, Т. XIII. Вып. 1-2. 1932. С. 25-33.

³ Шмидт А.В. Очерки по истории северо-востока Европы в эпоху родового общества // Из истории родового общества на территории СССР. Л., 1935. С. 13–96.

⁴ Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура // Археология и этнография Башкирии. Т. V. Уфа, 1973. С. 162-242.

⁵ Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Чегандинская культура. III в. до н.э. – II в. н.э. // ВАУ. Свердловск, 1970. Вып. 10.

⁶ Там же. С. 121-125.

⁷ Там же. С. 137.

⁸ Агеев Б.Б. Пьяноборский союз племен // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. С. 106

⁹ Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура... С. 216-218.

населения края, в нем нас интересует статья А.Х. Пшеничнюка, в которой автор рассматривает некоторые вопросы общественного развития племен кара-абызской культуры, сосредоточенных вокруг 4 пунктов: Биктимировского, Ново-Уфимского, Шиповского, Охлебининского могильников, возле которых выявлены одновременные поселенческие памятники (городища). Автор высчитал приблизительную численность коллектива хоронивших своих сородичей на Охлебининском (900-1000 человек), Шиповском (500 человек), Ново-Уфимском (900-1000 человек) I,II,III Биктимировских могильниках (600-700 человек), подсчеты производились из общей площади могильников и смертности населения в среднем 3-4%¹. Население кара-абызской культуры на поздних этапах развития, по мнению исследователя, представляло собой объединение (союз?) 4 племен. Несмотря на имущественную дифференциацию, в целом родовое отношения оставались довольно устойчивыми. Процесс имущественного и социального расслоения у кара-абызских племен не принял еще столь значительных масштабов, как, например, в обществе соседней сарматской культуры. В этом плане кара-абызское общество является более однородным в имущественном и социальном плане; оно находилось на более низкой ступени общественного развития².

Вопросы социальной реконструкции племен эпохи раннего железного века Приуралья на примере воинских захоронений рассматриваются в монографии В.А. Иванова. Исследователь использовал метод планиграфического анализа погребений (ананьинских, пьяноборских кара-абызских и мазунинских), с различными наборами предметов вооружения и пришел к выводу, что «планиграфия воинских погребений не дает оснований для вывода о наличии у поздне- и послеананьинских племен региона привилегированного слоя воинов (военной знати), могилы которых отличались бы от основной массы захоронений богатством инвентаря (оружия) и которые могли бы рассчитывать на особые места погребений»³.

В 1988 г. выходит обобщающая работа В.Ф. Генинга, в которой исследователь обобщил свои взгляды на этническую историю Западного Приуралья на рубеже эр. Рассматривая социально-экономическую структуру общества пьяноборской эпохи, автор приходит к выводу, что «ананьинско-пьяноборское общество находилось, вероятно, на заключительном этапе ранней фазы разложения первобытных отношений»⁴, повлияло на это концентрация памятников указанной эпохи в сравнительно небольших районах, разделенных свободными пространствами, которая, по мнению В.Ф. Генинга объясняется «какими-то существенными социальными факторами».

В 1992 г. выходит обобщающая работа Б.Б. Агеев по пьяноборской культуре⁵, в которой проанализирован весь имеющийся материал с 20 могильников (статистически обработке подверглось 2023 погребения) и поселений. Что касается внутренней социальной стратификации пьяноборских племен, то этот вопрос Б.Б. Агеев решал с помощью планиграфии погребений с различными наборами инвентаря на территории могильников. Исследователь выделяет на пьяноборских могильниках (Чеганда II, Старо-Киргизовском, Меллятамакском, Кушулевском и др.) участки большесемейных групп, так же он выделяет по наборам предметов вооружения погребения мужчин с различным воинским статусом (Юлдашевский могильник и Чеганда II). Таким образом, по мнению исследователя,

¹ Пшеничнюк А.Х. Некоторые вопросы общественного развития племен кара-абызской культуры // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981. С. 93-95.

² Там же. С. 99-100.

³ Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железа (1 тыс. до н.э. – первая половина 1тыс. н.э.). М., 1984. С. 82.

⁴ Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н.э. – II в. н.э.). М., 1988. С. 202.

⁵ Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа, 1992.

приведенные данные свидетельствуют о значительном имущественном и социальном расслоении в пьяноборском обществе¹.

Проблему реконструкции военной организации древнего населения, рассматривал в одной из своих работ В.В. Овсянников, который, так же как и В.А. Иванов использовал метод планиграфического анализа погребений с образцами боевого вооружения пьяноборских погребальных памятников (на материалах: Ново-Сасыкульского, III Кушулевского и Юлдашевского могильников) приходит к выводу, «что пьяноборские памятники Башкирии не дают возможности выделения особой группы привилегированных дружиинников, противопоставляющих себя родовой организации. Все погребения богато вооруженных мужчин хорошо интегрированы в структуру родовой организации и, судя по расположению погребений с полным набором вооружений, органично вписывались в социальную структуру рода. А помещение в могилы престижного, импортного оружия означало, видимо, их не ординарную роль в жизни рода и семьи»².

Военную структуру кара-абызского общества рассматривал в своих работах С.Э. Зубов. Исходя из верности тезиса о том, что оружие, помещенное в могилу, несет в себе определенную информацию, в своих типах и сочетаниях отражая определенную «специализацию» война³, исследователь предпринял попытку статистического анализа комплекса вооружения из погребений Охлебининского могильника. Всего из 635 исследованных погребений было выделено 200 погребений с предметами вооружения, воинские захоронения составляют 31,5% от общего количества погребений могильника и 81,3% от всех мужских⁴. С.Э. Зубов условно разделил кара-абызское войско (т.е. воинские погребения) на две части: конницу (79 погр.) и пехоту (121 погр.) по наличию удила или отсутствию предметов конского снаряжения. Проанализировав распределения наборов вооружения в двух группах, автор приходит к выводу о том, что «практически каждый мужчина был воином и существенных имущественных отличий в этих захоронениях не зафиксировано»⁵. В контексте военного дела кара-абызской культуры характерны традиционные, унаследованные от позднеананынского времени, формы и наборы вооружения, что, в свою очередь определяло приемы ведения боевых действий. Кардинально комплекс вооружения кара-абызцев не изменился по сравнению с предшествующим временем⁶. В последующем С.Э. Зубов расширил свою публикацию иллюстративным материалом и опубликовал ее в Уфимском археологическом вестнике⁷.

История изучения социальной организации древнего населения всегда интересовала исследователей, в особенности в советский период, когда и вышла львиная доля работ по указанной проблематике. В постсоветский период количество работ существенно снижается, и исследователи рассматривают в большей части отдельные элементы социальной жизни древнего населения. Несмотря на достаточную, на данный момент источниковую базу (к сожалению, большей частью не опубликованную), четкую схему социальной организации древнего населения рассматриваемых культур построить довольно проблематично.

© Проценко А.С., 2016

¹ Агеев Б.Б. Пьяноборская культура... С. 100.

² Овсянников В.В. Погребения «военачальников» (к проблеме реконструкции военной организации у финно-пермяков Прикамья) // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала. Уфа, 1994. С. 64-65.

³ Кирпичников А.Н., Древнерусское оружие / САИ. Вып. ЕI-36. Ч. III. М., 1971. С. 43.

⁴ Зубов С.Э. Военная структура кара-абызского общества (по материалам Охлебининского могильника)/XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология. Уфа, 2010. С. 208.

⁵ Там же. С. 212.

⁶ Там же. С. 213.

⁷ Зубов С.Э. О военной структуре среднебельских племен раннего железного века (по материалам Охлебининского могильника) // Уфимский археологический вестник. Вып. 12. С. 108-123.

УДК 39(4/9)

Рычков С.Ю.
Валиев И.Х.
г. Казань

РЕЛИГИОЗНЫЕ АСПЕКТЫ ЗДОРОВОГО ПИТАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГОРОДСКИХ МУСУЛЬМАН*

Аннотация: Авторы останавливаются на коранических истоках здорового питания городских мусульман. Решаемые задачи: составление краткого перечня продуктов питания, относящихся к категориям «халль» и «харам»; формирование проблемного поля исследования исламских традиций здорового питания; анализ отдельных прикладных аспектов темы.

Ключевые слова: халль, харам, здоровое питание, городские мусульмане.

Annotation: Authors focuses on the Koranic sources of healthy nutrition of urban Muslims. Tasks: preparation of the short list of foods belonging to the categories of «halal» and «haram»; the formation of the problem field of study of Islamic traditions of healthy nutrition; analysis of certain aspects of the application threads.

Key words: halal, haram, healthy food, urban Muslims.

«Халль» – разрешенная, соответствующее нормам ислама, а «харам» – запрещенная для правоверного мусульманина пища. Источниками разрешения или запрета являются Коран, Сунна, нормы Шариата, постановления и рекомендации Совета Исламской академии правоведения (фикх, исламское право) и других мусульманских организаций, действующее законодательство Российской Федерации.

Краткий перечень халль продуктов:

- мясо морских животных, рыбы;
- ягоды, фрукты, овощи и их производные;
- молоко и молокопродукты, за некоторыми исключениями;
- продукты, не относящиеся к категории «Харам»;

Существуют требования к убою животных, из мяса которых готовится пища «Халль». При духовных управлениях мусульман действуют специальные Центры сертификации.

Подробные перечни продуктов «Халль» и «Харам» можно почерпнуть из различных источников. Так, на сайте www.islam.ru/content/veroeshenie/43714 приведены точки зрения четырех мазхабов по дозволенности и запретности к употреблению в пищу мяса определенных животных. Полное единогласие существует по 80 из них. Противоположные позиции существуют по таким животным, как акула, белка, еж, жираф, крокодил, ласточка, лиса, лошадь, лягушка, попугай, рак, соболь, сорока, улитка и др.

Среди халльных продуктов встречаются такие, как кузнец, саранча, соловей, скворец. Понятно, что найти в городских супермаркетах и ресторанах продукты из этих животных сегодня маловероятно. Среди харамных продуктов упоминаются медведь, черепаха. Категория «махрух» содержит нежелательную или запретную пищу, причем употребление нежелательной пищи грехом не считается (конина у ханафитов).

Рамки публикации не позволяют дать подробный перечень продуктов питания, которые современная диетология относит к полезным. Однако не секрет, что основные из них (нежирное красное мясо, рыба, овощи – сладкий перец, томаты, шпинат и др., фрукты – бананы, яблоки, грейпфруты и др.) – совпадают с продуктами халль. Аналогичная ситуация и с подходами к приготовлению халльных продуктов, режимом питания, сочетанию духовного и физиологического в процессе питания.

Наличие различных богословских школ в исламе предполагает не только единство, но и многогранность религиозного поведения верующих – представителей различных этносов. Многие исследователи отмечают наличие тревожных тенденций, связанных с усилением

* Подготовлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-01-00285 «Религиозные детерминанты в культуре питания (на примере татар и таджиков г. Казани).

радикализма среди мусульман Поволжско-Уральского региона. Этот процесс распространяется и на обрядовую систему, включая прием пищи. В ходе дальнейших исследований необходимо выяснить, каковы тенденции изменения пищевого поведения городских мусульман под влиянием религиозных норм, насколько значительна тенденция внедрения в гастрономическое поведение мусульман Поволжья среднеазиатско-арабских норм питания.

Один из принципиальных вопросов – причины следования нормам «Халяль» и «Харам» татарами города Казани. Является ли их соответствующее гастрономическое поведение следствием осознанного следования религиозным традициям? Или оно есть результат воздействия семейно-бытовых традиций, часть системы здорового питания, передавшаяся от предыдущих поколений предков либо воспринятая от окружающего мира?

Для ответа на некоторые из этих вопросов группой исследователей в июне 2016 г. был проведен опрос. Его целью стало определение влияние религиозного фактора на гастрономическое поведение татар г. Казани. Инструментом стала анкета (52 вопроса). Были взяты две узкие выборочные совокупности респондентов: татары – мужчины и женщины от 18 до 30 лет. Объем двух выборок составил по 40 человек.

Стараются придерживаться всех рекомендаций Корана, касающихся питания 7,5 % мужчин и 12,5 % женщин. Частично придерживаются данных рекомендаций 37,5 % мужчин и 35 % женщин. Не придерживаются их 42,5 % мужчин и 50 % женщин. Понятие «харам» применительно к питанию знакомо 50 % мужчин и женщин, а понятие «халяль» – 62,5 % мужчин и 57,5 % женщин.

Ответы на остальные вопросы анкеты позволяют детализировать гастрономическое поведение целевых групп татар Казани по следованию конкретным нормам ислама. В частности, респонденты реагировали на утверждение «Я считаю недозволенным присутствие на том застолье, на котором подаются алкогольные напитки». 32,5 % мужчин и 27,5 % женщин полностью или в основном согласились с таким утверждением, 27,5 % мужчин и 30 % женщин полностью или в основном его отвергли. Проявили безразличие соответственно 40 % и 45 % опрошенных.

В дискурсе данной публикации интересно распределение ответов на вопрос «Иногда я употребляю в пищу продукты фастфуда и полуфабрикаты, такие, как сэндвичи, пицца, сосиски, колбасы и консервы». 82,5 % мужчин и 67,5 % женщин полностью или в основном с этим согласились, умеренными противниками фастфуда оказались 5 % мужчин и 12,5 % женщин. Ярых противников фастфуда среди мужчин не нашлось вообще, а среди женщин их доля составила 15 %. Предположительно, такая разница объясняется не религиозными, а диетическими соображениями, так распространеными среди молодых женщин. Основаниями для такого вывода является распределение ответов на вопрос «Если пища является чистой и здоровой, я не проявляю особой щепетильности в вопросе того, является она дозволенной или нет». Полностью или в основном его поддержали 57,5 % мужчин и 75 % женщин. Правда, немного противоречит данной картине распределение ответов на утверждение «Я стараюсь больше употреблять продуктов питания, которые являются более натуральными по своему происхождению и не проходят особой обработки». Безоговорочно или в основном с ним согласились 82,5 % мужчин и 77,5 % женщин.

Таким образом, религиозная детерминанта является далеко не единственным фактором гастрономического поведения татар г. Казани в возрасте до 30 лет. Как минимум не менее значимую роль играют представления татарской молодежи о здоровом образе жизни, питании, трансформирующиеся у значительной части потребителей в стремление употреблять в пищу правильно приготовленные натуральные продукты.

Также мы провели компаративное исследование рекламных текстов субъектов рынка общепита Казани, Москвы и Уфы. Целью исследования стали рекомендации субъектам рынка общепита по совершенствованию коммуникационной политики на целевом рынке. Задачи – построить выборочную совокупность субъектов общепита, чьи рекламные тексты будут проанализированы; выявить наличие/отсутствие упоминаний о

соответствии предлагаемой пищи канонам ислама и /или представлениям о здоровом питании в рекламе; сравнить по этим параметрам ситуацию в Казани, Москве и Уфе и сформулировать выводы. Источником информации стали Интернет сайты, содержащие обобщенную информацию об услугах системы общепита трех городов, в том числе предоставляющих услуги халяль, а также Интернет сайты отдельных субъектов общепита. Сбор необходимой для достижения цели и решения задач информации проходил методом контент-анализа. Выборочная совокупность включала – кафе и рестораны, позиционирующие себя на рынке как предлагающие кухню халяль, а также мусульманских этносов (татарскую, башкирскую, азербайджанскую, узбекскую, таджикскую, а также кавказскую, восточную), всего 30 в Казани, по 27 - в Москве и Уфе.

В Москве подавляющее большинство рассмотренных нами кафе и ресторанов (81,5 %) используют религиозный компонент в Интернет рекламе. В большинстве случаев это информация о халяльной пище, в двух предлагается проводить праздничные мероприятия в соответствии с мусульманскими традициями - хатемы, никах, безалкогольную свадьбу, ифтары.

В Казани доля кафе и ресторанов среди рассмотренных, использующих религиозный мотив в рекламе, составляет 30 %, причем в основном это свойственно точкам общепита, где наряду с татарской гостям предлагается кавказская и среднеазиатская кухни. В Уфе эта цифра составляет 48,1 %.

В исследуемых рекламных текстах мы обнаружили отдельную информацию (2 точки в Уфе) об использовании традиций здорового питания при приготовлении пищи (натуральные, диетические продукты, безалкогольные праздники). Тексты такого содержания во всех случаях (11 в Москве, 6 в Казани, 3 в Уфе) преимущественно свойственны рекламе только тех торговых точек, которые используют религиозный компонент.

Итак, можно сделать вывод об использовании некоторыми субъектами ресторанных бизнеса в своих рекламных текстах, размещенных в Интернет, информации о соответствии предлагаемых услуг канонам ислама, совмещенной с указаниями на соответствие пищи нормам здорового питания. В Москве такое совмещение достаточно распространено, в Казани и Уфе представлено слабее. Предположим, что причинами являются: более высокий уровень маркетинговых коммуникаций в столице; в Москве относительно высокий уровень проведения маркетинга; татарская и другие мусульманские диаспоры в Москве более чувствительны к соблюдению исламских канонов в быту. Там лучше распространены нормы здорового питания и инфраструктура для удовлетворения потребностей в нем.

Мы рекомендуем субъектам общепита, позиционирующими себя на рынках национальной кухни народов, традиционно исповедующих ислам, активно использовать в рекламе своих услуг информацию о соответствии своей продукции канонов ислама. Конечно же, при условии, что в своей производственной деятельности они будут этих канонов придерживаться. В связи с тем, что одновременно среди потребителей услуг общепита усиливаются предпочтения к здоровому питанию, подчеркивание соответствия продукции халяль нормам здорового образа жизни будет способствовать росту конкурентоспособности кафе и ресторанов.

© Рычков С.Ю., 2016

© Валиев И.Х., 2016

Рычкова Н.В.
Рычкова Е.С.
г. Казань

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРЫ ПИТАНИЯ
ТАТАР-МУСУЛЬМАН Г. КАЗАНЬ*

Аннотация: В статье представлены результаты анализа отношения татар-мусульман г. Казань к исламскому этикету приема пищи. Информационной базой являются результаты опроса татарской молодежи. Сделаны выводы о степени проявления элементов исламского этикета в гастрономическом поведении татарской молодежи и его соответствии этическим принципам исламской культуры питания.

Ключевые слова: культура питания, мусульманская этика, халяль, харам, благая пища, этикет, трапеза, гастрономическое поведение, татары, мусульмане, молодежь.

Annotation: There are an analysis of attitudes of the Muslim Tatars of Kazan to Muslim etiquette of eating presets in the article. We make conclusions about the degree of compliance of the ethical principles of the Islamic culture of eating in the gastronomic behavior Tatar.

Key words: food culture, Muslim ethics, halal, haram, the good food, the etiquette, ingestion, culinary behavior, Tatars, Muslims, youth.

В исламской гастрономической культуре еда имеет скрытый, внутренний смысл. Ее употребление приобретает религиозный смысл в том случае, если продукты питания являются дозволенными и пригодными для еды и деятельность в сфере еды соответствует принципам исламской культуры питания.

Питание есть не только функция поддержания жизнедеятельности человека, но пространство для богопознания. Еда представляет собой не только способ удовлетворения потребности в поддержании жизни. Нематериальные аспекты еды связаны со здоровьем, устойчивостью духа человека. В исламской гастрономической культуре от характера пищи зависят поклонение, праведность, продолжительность жизни, здоровье, спокойствие, характер, сила. В целом как телесное, так и душевное здоровье связаны с едой. В Коране более 250 аятов посвящены еде. Учение ислама содержит определенный свод правил, нравственные нормы питания, производства и потребления пищи. Эти нормы регулируются правилами исламской этики.

Научный интерес к данному вопросу вызван рядом причин. Одна из них связана с устойчивой тенденцией повышения степени религиозности татар и их приверженности к исламской гастрономической культуре. Вторая – с ростом числа людей, которые считают, что традиционная система питания в ситуации нарушения баланса экосистемы в природе положительно влияет на физическое и духовное здоровье, продолжительность жизни людей. Третья – с активизацией деятельности субъектов рынка продуктов питания, которые используют термин «халяль» как маркетинговый инструмент, формирующий устойчивый спрос на их товары и услуги. Четвертая – с влиянием биотехнологических инноваций на структуру питания.

Целью данной статьи является выявление отношения татар-мусульман г. Казань к исламскому этикету приема пищи. Информационной базой послужили результаты опроса. Единицей выборки были мужчины и женщины от 18 до 30 лет. Условно выборочная совокупность называется «татарская молодежь». Интерес к этой возрастной группе вызван тем, что ее гастрономическое поведение формировалось в период рыночной экономики и на нее в той или иной степени могли влиять все вышеперечисленные факторы.

На сайте Комитета по стандарту «Халяль» ДУМ РТ опубликован материал, посвященный вопросам этикета приема пищи мусульманами¹. Он включает в себя четырнадцать пунктов:

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ. Проект № 16-01-00285 «Религиозные детерминанты в культуре питания (на примере татар и таджиков г. Казани).

1. мытье рук до и после приема пищи;
2. упоминание имени Аллаха перед едой и чтение мольбы;
3. восхваление Всеобщего и благодарение Его по окончанию приема пищи;
4. прием только дозволенной, благой еды;
5. прием пищи правой рукой, кушать тремя пальцами, если нет столовых приборов;
6. не дуть на горячую пищу;
7. кушать еду, которая находится ближе;
8. не есть на ходу, наклоняясь, лежа, облокотившись;
9. не порицать пищу, так как она является благом, дарованным Аллахом;
10. бережно относиться к еде, не выбрасывать ее в мусор даже в малых количествах;
11. не переедать, так как обжорство способствует возникновению болезней;
12. остерегаться использовать посуду из золота и серебра;
13. не начинать кушать раньше тех, кто старше по возрасту, выше положением в обществе, знатностью, обладает большими знаниями;
14. стараться не есть в одиночестве, если разделить трапезу с кем-то, в еде будет больше божественной благодати.

Каждый четвертый респондент согласен с утверждением, что «пища делится на запретную (харам) и дозволенную (халяль)». При этом лишь каждый десятый всегда придерживается этого деления в своем гастрономическом поведении и приобретает для себя и своей семьи только продукты «халяль». Еще меньше представителей этой возрастной группы (а именно 4 %) не станут употреблять в пищу запрещенные (харам) продукты даже если будут находиться в стесненных обстоятельствах. Каждый третий респондент считает, что результатом употребления дозволенных (халяль) продуктов является совершение праведных деяний.

Подавляющее большинство (65 %) высказали мнение, что не проявят особой щепетильности в вопросе «является ли пища дозволенной или нет», если она «чистая и здоровая». 80 % респондентов «полностью» или «в основном» согласны с утверждением «Я стараюсь больше употреблять продуктов питания, которые являются натуральными по своему происхождению и не проходят особой обработки». Однако при этом столько же молодых людей иногда употребляют в пищу продукты фастфуда и полуфабрикаты.

43 % представителей татарской мусульманской молодежи считают, что главная цель питания заключается «не в получении удовольствия». При этом следует отметить, что большинство выразило несогласие с утверждением, что «еда является средством совершения благих дел и приближения к Аллаху». При этом около 60 % респондентов считают, то от еды зависят здоровье и болезни человека.

По данным нашего исследования 27 % респондентов «всегда» или «часто» начинают употреблять пищу с поминования Аллаха и заканчивают прием пищи благодарением Его. Подавляющее большинство респондентов (68 %) в своем гастрономическом поведении стараются избегать проявления непочтительности к застольной трапезе (например, вытягивать ноги в сторону пищи, облокачиваться на скатерть и т.д.).

Другие элементы этикета приема пищи татарами-мусульманами возрастной группы «молодежь» можно охарактеризовать в цифрах следующим образом:

- 90 % моют руки перед едой всегда или почти всегда;
- 77 % считают, что угощение других людей является одним из богоугодных дел;
- 60 % подвержены чрезмерному употреблению пищи всегда или почти всегда;
- 47 % употребляют пищу, даже когда не голодны;
- 35 % предпочитают коллективный прием индивидуальному;

¹ Этикет приема пищи [Электронный ресурс]. URL: <http://halalrt.com/newslist?i=3362> (дата обращения 6.09.2016).

– 30 % не видят ничего предосудительного в том, чтобы есть и пить из золотой и серебряной посуды;

– 24 % считают, что употребление пищи левой рукой или двумя пальцами «деянием шайтана».

Таким образом, в гастрономическом поведении татар-мусульман возрастной категории «молодежь» в разной степени проявляются элементы исламского этикета приема пищи. Если в структуре отношения «татарской молодежи» к исламской этике питания выделить три компоненты (познавательную, эмоциональную и поведенческую), то в большей степени присутствует познавательная и в меньшей – поведенческая. Сегодня с поведенческой компонентой энергично работают Национальная ассоциация индустрии Халяль (НАСИХ), Комитет по стандарту «Халяль» ДУМ РТ, представители малого и среднего предпринимательства. Среди проблем, которые мешают успешному развитию халяль-индустрии в России целом и Татарстане в частности, они выделяют высокие цены на халяль-сыре и как следствие этого на халяль-продукты; недостаточная информированность потребителей, большое количество контрафактной продукции. Одним из способов решения некоторых проблем, по мнению участников круглого стола, посвященного перспективам халяль-индустрии в России и Татарстане, является формирование и стимулирование спроса на продукты халяль¹. В конечном счете речь идет о маркетинговых инструментах воздействия на людей, реальных и потенциальных потребителях. Будут ли они базироваться на принципах исламской культуры питания? Какие элементы этикета приема пищи будут положены в рекламные сюжеты? Как татары-мусульмане будут реагировать на содержательные элементы мероприятий по формированию спроса и стимулированию сбыта халяль-продуктов. Все эти вопросы могут быть положены в формулировку следующей исследовательской гипотезы.

© Рычкова Н.В., 2016
© Рычкова Е.С., 2016

УДК 316.4;314

Сагдиева Э.А.
г. Казань

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ТАТАРСКИХ СЕЛАХ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Аннотация: Экономическая жизнь сельского хозяйства характеризуется многообразием механизмов саморазвития сельских поселений. Одной из современных форм экономической жизни сельского хозяйства являются локальные предпринимательские практики, реализуемые жителями сел. Данные формы хозяйствования различаются по сферам приложения труда. Государственная поддержка и финансовое субсидирование возможностей для развития разнообразных форм хозяйствования способствует экономическому эффективному состоянию и развитию сел в Татарстане.

Ключевые слова: локальные предпринимательские практики, предпринимательская деятельность, аграрная политика, государственная поддержка сельского хозяйства, формы хозяйствования.

Annotation: The economic life of agriculture is characterized by a variety of mechanisms of self-development of rural settlements. One of the modern forms of the economic life of the agrarian policy is local entrepreneurship practices, implemented by villagers. This type of management differs by the spheres of labour. The state support and financial subsidies opportunities for development of various forms of economic help economic efficiency and development of villages in Tatarstan.

Keywords: local business practices, entrepreneurship, agrarian policy, state support of agriculture, forms of management.

Глубокая реструктуризация сельских территорий в Республике Татарстан привела к созданию многоукладности сельского хозяйства, к разнообразным формам собственности и практикам выживания. В экономику села начали внедряться инновационные уклады, представленные тремя группами форм хозяйствования, разных по численности, объему производимой валовой и товарной продукции, вовлекаемых трудовых, материальных и финансовых ресурсов, эффективности ведения производства. В первую группу вошли крупные коллективные сельскохозяйственные организации разных форм собственности (общества с ограниченной ответственностью, сельскохозяйственные производственные кооперативы и т.д.). Вторую группу образовали КФХ, личные хозяйства населения, представляющие собой экономическую единицу в составе одного или нескольких лиц. Третью группу образовали индивидуальные предпринимательские практики. В обследованных нами пяти муниципальных районах Республики Татарстан можно выделить 16 индивидуальных экономических практик, реализуемых жителями сел. Основой классификации стали сферы приложения труда.

1. Предпринимательская деятельность, связанная непосредственно с сельским хозяйством: животноводческие фермы КРС (молочное и мясное направление); козоводство; растениеводство (выращивание многолетних трав, зерно); тепличное хозяйство.

2. Предпринимательская деятельность, направленная на поддержание быта сельчан и горожан: пекарня (выпечка хлеба, сдобы и национальная выпечка); частные продуктовые и хозяйственные магазины; цех по производству овощной консервированной продукции (Агрофирма «Сигнал»); автомастерские; цех по производству строительных материалов (бетонные блоки); лесопильная мастерская.

3. Предпринимательская деятельность, направленная на сельский эко- и этнотуризм: сельский туристический комплекс «Татарский страус»; этнический музей под открытым небом «Татар авылы» (Татарская деревня).

4. Предпринимательская деятельность, связанная с производством товаров с этническим (татарским) колоритом: пошив и вышивание татарских национальных головных уборов (тибетейка и калфак); пошив национальной татарской обуви,

¹ В Казани обсудили перспективы халяль-индустрии [Электронный ресурс]. URL: <http://halalrt.com/newslist?i=4135> (дата обращения 09.09.2016).

Таблица 3

Распределение районов по татарскому и русскому национальному составу¹

Район	Национальный состав	
	татары	русские
Арский	92,7	5,9
Атнинский	98,6	0,7
Высокогорский	67,2	30,4
Зеленодольский	40,4	56,2
Кукморский	78,6	5,3

подушек, сумок, очешников с элементами традиционной кожаной мозаики; изготовление деревянных детских и взрослых расписных саней, телег («Пшалымские сани»); катание валенок, в которых при декорировании может быть использован татарский орнамент.

Обследованные муниципальные районы разные по количеству населения, занимаемой территории, близости городу Казани, но по социально-экономическим показателям, занимают не последние места в рейтинге районов Республики Татарстан (Таблица 2). В приведенной ниже таблице (Таблица 1) приведен общий рейтинг этих районов, определенный по сумме 16 показателей, которые дифференцированы по значимости. Вот некоторые из показателей:

- валовая продукция в текущих ценах на 100 га сельхозугодий;
- денежная выручка на 1 га пашни без комплексов, тыс. руб.;
- рентабельность продаж, %;
- среднемесячная зарплата 1 работника, руб.;
- фонд оплаты труда/12;
- господдержка на 1 рубль денежной выручки, коп.;¹

Таблица 1

Итоговый (совокупный) рейтинг пяти районов Республики Татарстан из 43 муниципальных районов по сельскому хозяйству за 2014 г.

Место в итоговом рейтинге (из 43 районов)	Район	Место в рейтинге по		
		экономике	растениеводству	животноводству
1	Атнинский	2	4	1
6	Кукморский	7	11	6
12	Арский	21	5	13
14	Зеленодольский	6	40	12
31	Высокогорский	31	23	25

Таблица 2

Показатели районов из Агропромышленного паспорта Республики Татарстан²

Район	Показатели районов			
	территория, кв.км.	население, тыс. чел.	площадь сельхозугодий, тыс. га	количество семейных ферм, ед.
Атнинский	681,4	14,4	53,6	9
Арский	184,3 тыс.	51,6	132,4	32
Зеленодольский	1424,5	162,3	72,0	12
Высокогорский	1668,20	46,3	98,8	32
Кукморский	1493,10	53	90,6	60

По географическому расположению наиболее близки к городу Казани Зеленодольский и Высокогорский районы. Наиболее отдален Кукморский район.

По национальному составу во всех районах, кроме Зеленодольского преобладает татарское население. В Зеленодольском районе, преобладающим является русское население (Таблица 3).

¹ Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Татарстан [Электронный ресурс]. URL: <http://agro.tatarstan.ru/rus/reyting-munitsipalnih-rayonov-ro-rastenievodstvu.htm> (дата обращения: 24.02.2016).

² Агропромышленный паспорт Республики Татарстан в 2015 году.

Рассмотрим некоторые типы хозяйственных укладов, которые попали в поле нашего исследования в каждом муниципальном районе и не претендуют на полноту данных о жизнедеятельности муниципального района. Отметим, что частные хозяйствственные и продуктовые магазины были в каждом районе и детальному анализу не подвергались.

В Арском районе: Агрофирма «Сигнал» и производство деревянных саней. Агрофирма «Сигнал» в с. Новый Кинер имея сто гектаров земли, занимается выращиванием овощей и последующим производством консервированной продукции из них (овощные солянки, соки, борщи, салаты). Всего на предприятии занято 25 человек, почти все из этого же села. Реализуют продукцию всем желающим, часть также вывозят в г. Казань. В качестве рекламы используют автомобиль односельчанина, живущего в г. Казани, который приклеил наклейки с рекламной продукцией и контактными данными агрофирмы на свой автомобиль. Изготовлением деревянных саней и телег занимаются мастера в селе В. Пшалым. Расписывают сани дочери мастера. Техника изготовления в семьях передается из поколения в поколение. Село с давних времен славится своими мастерами по изготовлению саней, телег.

В Атнинском районе индивидуальные сельские экономические практики представлены в малом количестве, что объясняется бюрократическими проволочками. Одно из таких хозяйств, сумевших пробиться на свет – тепличное хозяйство фермера в с. Айшияз. Фермер с семьей занимается круглогодичным выращиванием и реализацией лука, огурцов и помидоров. Имея два собственных магазина, в своем селе и соседнем, реализует часть продукции там, остальное отвозит в районный центр и в соседние муниципальные районы. На момент исследования у фермера функционировали теплицы на 400 кв.м. и еще на семь соток планировал расширяться. В хозяйстве заняты 4 человека: сам фермер с женой, сестра фермера (бухгалтер) и нанятая женщина из своего села.

Руководство Высокогорского района очень положительно относится и всячески поддерживает идеи частных предпринимателей по созданию крестьянско-фермерских хозяйств, развитии личных подсобных хозяйств населения и иных частных практик. Интересным для рассмотрения является село Ямашурма. Несмотря на то, что географически село находится в 30 км от г. Казани и значительная часть трудоспособного населения трудоустроено в городе, в селе зафиксировано разнообразное количество сфер приложения труда. Так, на территории села находится ООО СХП «Ватан», крупный производитель сельскохозяйственной продукции. Также в селе работает несколько крестьянско-фермерских хозяйств по направлению животноводства и растениеводства. Цех предприятия «Туран Арт», где местные умелицы занимаются пошивом и вышиванием татарских национальных костюмов, головных уборов (тюбетеек и калфаков) и других элементов декора с использованием национального орнамента. Ведут свою работу два цеха по изготовлению пластиковых окон, есть мастер, занимающийся фигурной резьбой по металлу (резные наличники,

¹ Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: Статистический сборник по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года, Том 11 / Татарстанстат. Казань, 2013. С. 82-84.

фронтоны, заборы и ворота и т.д.). Имеются три автомастерские по ремонту автомобилей и техники. Одним из самых необычных видов деятельности в данном селе является сельский туристический комплекс «Татарский страус», посвященный экотуризму. Предприниматель занимается выращиванием страусов и другого вида живности на обустроенной территории для посещения туристами. Данное направление пользуется большим интересом среди жителей Татарстана и особенно жителей города Казани.

В другом селе Высокогорского района Дубъязы находится цех по ручному пошиву мозаичных кожаных элементов для татарской национальной обуви (ичиги, читеек, чувэк), сумок, очешников, подушек.

Этнический туризм в Зеленодольском районе республики представлен Татарским этнографическим музеем под открытым небом «Татар авылы». Деятельность музея также организована частным предпринимателем и предоставляет такие услуги, как: экскурсия по музею; контактный зоопарк; проведение мероприятий (сабантуй, фольклорные выступления, свадьба в татарском стиле, никах); все для пикника (аренда беседок, шатров, мангала, котелка); прокат лошадей, ослика; конные прогулки на карете-тарантас, на деревенской телеге; мастер классы: гончарное, кузнечное, ткацкое, кожевенное дело, лозоплетение. На территории музея осуществляется продажа татарских деликатесов: казылык (конская колбаса), вяленый гусь, катык, продажа сельскохозяйственных продуктов: мясо, рыба, молочные продукты. Работает кафе татарской кухни халяль.

В Кукморском районе располагаются одни из самых крепких сельскохозяйственных предприятий по республике «Урал» и «Ватан», стablyно занимающие высокие позиции в рейтингах по социально-экономическим показателям. В обследованном нами Олюязском сельском поселении основная часть трудоспособного населения работает в СХП «Урал». Поскольку сельскохозяйственный труд предполагает сезонность, население трудится также в других отраслях. Так, помимо развития личных подворий и разведения КРС, в поселении создана артель по производству валенок. Данный вид деятельности был стихийно упорядочен, одна часть людей занимается поставкой необходимых материалов, другая часть занимается катанием валенок на дому, а третья занимается реализацией продукции.

Рассматриваемые адаптационные практики сельского населения, их разнообразие, активность и желание сельчан развивать данные направления позволяют говорить об определенной степени жизнестойкости села, о его функционировании и развитии. Успешность реализуемой задачи, развитие бизнес идеи зависит в первую очередь от целеустремленности и трудоспособности предпринимателя, от его способности организовать и обеспечить бесперебойную работу своего хозяйства. Природно-географический фактор также играет немаловажную роль для сохранения жизни села. Находясь близко к урбанистическому центру, жители села чаще трудоустраиваются в город, отходя от традиционных для села видов работ (зачастую не имея вообще никакого личного хозяйства), но в тоже время, продолжая жить в селе. То есть демографически село «не умирает», но теряет сельскую самобытность. Жители удаленных от городов сел, чаще выбирают именно традиционные сельскохозяйственные виды работ в качестве приложения труда. Немаловажную роль для успешного развития индивидуальных экономических практик играет поддержка государства. В Татарстане одним из основных направлений господдержки АПК является оказание несвязанной поддержки в области растениеводства и животноводства. Выделяются средства на финансирование технической и технологической модернизации сельхозпроизводства, на уплату страховых премий по договорам сельскохозяйственного страхования, на возмещение части процентной ставки по краткосрочным кредитам (займам).

В рамках реализации Государственной программы «Развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы», в Республике Татарстан действует ряд программ поддержки сферы сельского хозяйства. Особое внимание и всесторонняя поддержка уделяется малым формам хозяйствования в рамках подпрограммы «Поддержка малых форм хозяйствования». Основной задачей данной подпрограммы является устойчивое развитие сельских территорий через организацию и развитие производства товарной продукции в формате семейных ферм, ЛПХ и КФХ.

В рамках популяризации предпринимательства и начала бизнеса на селе, в республике с 2012 г. реализуются программы с федеральным соучастием «Поддержка начинающих фермеров» и «Развитие семейных животноводческих ферм». Государственная поддержка производится по следующим направлениям, как молочное скотоводство, откорм крупного рогатого скота, коневодство, овцеводство, козоводство, свиноводство, разведение сельскохозяйственной птицы (индеек, уток, кур, гусей), производство зерновых и зернобобовых культур, кормовых культур, картофелеводство, овощеводство, выращивание плодовых и ягодных культур. Высоко оценивается фермерами и программа «Лизинг-грант», по которой грантополучателям предоставляется в лизинг, сроком до 5 лет техника и оборудование любых отечественных и зарубежных производителей с субсидированием платежей.

Многообразие видов деятельности, рациональное сочетание разных форм собственности и хозяйствования в исследованных селах Татарстана, грамотное использование государственной поддержки позволяет говорить об экономически эффективном состоянии и развитии села, об активной жизненной позиции сельских жителей, об их желании жить на селе, развивать его и гордиться им.

© Сагдиева Э.А., 2016

Саттаров Р.Р.
г. Самара

НОВЫЕ ДАННЫЕ В ИЗУЧЕНИИ «ЗЕРКАЛ»
ПЬЯНОБОРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация: В данной работе рассматриваются украшения костюма – бляхи, трапециевидные подвески, изготовленные из бронзы с высоким содержанием олова. Эти предметы сохранили первоначальный золотистый или серебристо-серый цвет, редко подвержены коррозии. Автор приходит к выводу, что импортными стоит считать только изделия, сохранившие особенности декора оригиналов и/или конструктивные элементы. Вопрос об импортном или местном характере остальных блях из высокооловянной бронзы остается открытым.

Ключевые слова: ранний железный век, пьяноборская культура, «зеркала», рентгенофлуоресцентный анализ.

Annotation: This paper examines costume jewelry – metal plates, trapeze-eminent pendants made of bronze with a high tin content. These items have retained the original gold or srebristo-gray, rarely prone to corrosion. The author concludes that the imported goods should only be considered, especially preserved originals and decor or design elements. The issue of import or local nature of the other badges of high tin bronze is still open.

Key words: Early Iron Age, Pyany Bor culture, «mirror», X-ray fluorescence analysis.

Термин «зеркало» определяется как специально изготовленный предмет с отполированной поверхностью, которая способна отражать световые лучи, формируя таким образом отражение находящихся перед ней объектов¹. Предметы, рассматриваемые в данной работе, имеют «зеркальное прошлое» – изготовлены из бывших в употреблении зеркал. То есть в пьяноборской культуре имели совершенно иное функциональное назначение. В большинстве своем они использовались в качестве украшений костюма – нагрудных блях, наконечников пояса, а также во вторичных изделиях – из зеркал рубили подвески, резали бляшки и застежки-бляхи².

В оценке происхождения этих вещей мнения исследователей расходятся. В.Ф. Генинг, увидев зависимость между определенным химическим составом сплава (содержание большого количества олова) и внешнего облика предмета (не поддаются окислению и имеют на поверхности серебристую зеркальную патину), пришел к выводу, что такие предметы являются привозными³. В след за ним Б.Б. Агеев отмечал, что большинство круглых блях с отверстием в центре, орнаментированные концентрическими кругами либо концентрическими кругами и шести-, семилепестковой розеткой, либо без них изготовлено из бывших в употреблении зеркал⁴. Особо скрупулезному морфологическому изучению «зеркала» подверг А.А. Красноперов. Он отметил привозной характер данных предметов, считая их сарматскими зеркалами, использованными в качестве бляшек. Тогда же им была предпринята их классификация на основе схемы А.С. Скрипкина⁵. Однако, необходимо заметить, что пьяноборские «зеркала» только в общих чертах соотносятся с классификационными схемами по сарматским материалам. Отсутствие ручек вынуждает распределять «зеркала» практически только по типу дисков. Только «зеркала-подвески» с боковой ручкой-петелькой, бортиком и конической выпуклостью, возможно распределить согласно схеме

¹ Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул, 2011. С. 3.

² Красноперов А.А. Зеркала пьяноборской культуры // Пятые Берсовские чтения. Сб. научн. статей. Екатеринбург, 2006. С. 144.

³ Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. 1. Чегандинская культура III в. до н.э. – II в.н.э. // ВАУ. Вып. 10. Свердловск; Ижевск, 1970. С. 104.

⁴ Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа, 1992. С. 36, 37.

⁵ Красноперов А.А. Указ. соч., 2006. С. 144–148.

А.С. Скрипкина¹. Такие предметы крайне малочисленны в пьяноборской культуре. Целое зеркало с боковой ручкой-петелькой, бортиком и конической выпуклостью, использованное в качестве наконечника пояса, было обнаружено в погребении 96 Камышлытамакского I могильника². Фрагмент еще одного подобного зеркала происходит из погребения 203 Ныргындинского II могильника³.

С.Э. Зубов также не отрицает изготовления этих блях из сарматских зеркал, при этом отмечая, что возможно «такие зеркала изготавливались в достаточно большом количестве в одном из среднеазиатских ремесленных центров специально для сарматов, а через них уже попадали к населению, проживающему в лесостепи и в лесной зоне»⁴.

Р.Д. Голдиной и А.А. Красноперовым при публикации материалов раскопок Ныргындинского I могильника вновь была затронута тема «зеркал», в которой мнения исследователей разделились. А.А. Красноперов остался при своем высказанном ранее мнении, считая их сарматскими зеркалами⁵. Р.Д. Голдина с соавторами наличие многочисленных блях объясняют не переделкой сарматских зеркал, а местным производством зеркальных блях из привозных высокооловянных бронз или же производством данных блях в тех же мастерских, где изготавливали и зеркала⁶.

Данные анализов, полученных при исследовании коллекции цветных металлов из Кипчаковского II могильника (Илишевский р-н РБ), датируемого автором первой стадией развития пьяноборской культуры (II в. до н.э. – I в. н.э.)⁷, дали новую пищу для размышлений⁸. Некоторые экземпляры спиральновитых височных подвесок (ан. 846, 898, 900, 902, 903), являющиеся культуроопределяющими вещами пьяноборской культуры, изготовлены из высокооловянной бронзы (содержание олова свыше 20%). Одна из сплошных пластинчатых накладок (ан. 863) также изготовлена из бронзы с высоким содержанием олова. Аналогичного состава и накладки со спиральным декором (ан. 904, 905) и некоторые экземпляры пронизей (ан. 879, 880, 883, 890–892, 906–908) (табл. 1). Необходимо заметить, что в материалах более позднего Ныргындинского I могильника имеются накладки со спиральным декором изготовленные также из высокооловянной бронзы⁹. Спиральный декор мы считаем культуроопределяющим элементом пьяноборской

¹ Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990. С. 88–97.

² Мажистов Н.А., Пшеничнюк А.Х. Камышлы-Тамакский могильник // АЭБ. Уфа, 1968. Т. 3. Рис. 3–25.

³ Генинг В.Ф., Одинцов В.В. Отчет о раскопках Ныргындинского II могильника / Отчет об исследованиях Удмуртского отряда НКАЭ в 1969 г. (Т.2) // Архив ПНИАЛ УрГУ. Ф.П. Д.75а/1969. Табл. XXX–8.

⁴ Зубов С.Э. Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв. н.э.). Saarbrücken, Germany, LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG. 2011. С. 108, 109.

⁵ Красноперов А.А. Указ. соч., 2006. С. 144; Он же. К вопросу о хронологии пьяноборской культуры: заметки к констатации ответа // Древняя и средневековая археология Волго-Камья: Сб. к 70-летию П.Н. Старостина // АЕС. Вып.10. Казань, 2009. С. 97, 98; Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Ныргындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме / МИИ КВАЭ. Т.22. Ижевск, 2012. С. 53.

⁶ Голдина Р.Д., Переображенцев С.Е., Сабирова Т.М. О составе металла некоторых украшений Ныргындинского I могильника II–III вв. н.э. в Среднем Прикамье // Голдина Р.Д., Красноперов А.А. Ныргындинский I могильник II–III вв. на Средней Каме // МИИ КВАЭ. Т.22. Ижевск, 2012. С. 346.

⁷ Саттаров Р.Р. Научный отчет о проведении научно-исследовательских археологических раскопок на территории выявленного объекта археологического наследия «Кипчаковский II могильник» у д. Кипчаково Аккузевского сельсовета Илишевского района Республики Башкортостан в 2015 г. по Открытыму листу №443 от 26 мая 2015, Самара, 2016 // Архив НИЛА Самарского университета. Прил. III.

⁸ Рентгенофлуоресцентный анализ поверхности металлических изделий из Кипчаковского II могильника производился научными сотрудниками УдГУ (г. Ижевск) к.и.н. С. Е. Переображенцевым и к.и.н. Т. М. Сабировой.

⁹ Голдина Р.Д., Переображенцев С.Е., Сабирова Т.М. Указ. соч., 2012. Табл. 1; рис. 712, 14.

пьяноборской культуры. В коллекции сборов А.А. Спицына имеются обломки глиняных линейных форм для отливки ажурных накладок со спиральным декором¹. Изготовление сплошных пластинчатых накладок и пронизей за пределами пьяноборской культуры сложно допустить из-за простоты изготовления².

На основе всего это необходимо отметить следующее: пьяноборские мастера активно использовали высоколовянинистую бронзу. Поэтому пьяноборское население вполне могло специально применять такой сплав для изготовления ярких элементов костюма – блях, соответственно, зная технологические особенности этого сплава. Таким образом, высока вероятность изготовления «ярких» блях пьяноборскими мастерами.

Но не всех блях! Что интересно, на некоторых бляхах, также как и на вырезанных трапециевидных подвесках³, имеются циркульные орнаменты, находящие близайшие аналогии в сарматских зеркалах и кара-абызских бляхах. Такой орнамент больше не встречен на других элементах убранства костюма, то есть не характерен для населения, оставившего памятники пьяноборской культуры. На основе этого считаем вполне правомерным относить вещи с таким декором к предметам импортного производства. Такие изделия найдены в Афонинском, Кипчаковском I, Новосасыкульском, Кушулевском II и III, Пьяноборском, Старочекмакском I, Чегадинском II могильниках и Ахтияльском кладе. На одной из четырех блях из погребения 70 Афонинского могильника имеется фрагмент орнамента в виде шестилепестковой розетки, в центре отверстие. Бляха уменьшена в диаметре, в результате чего, видимо, отсутствует орнамент в виде концентрических линий⁴. В материалах Кипчаковского I курганно-грунтового могильника могильника такие изделия зафиксированы в трех погребениях (пп. 11, р I, 1992 г.; 5, р I, 2006 г.; 17, р Iб, 2013 г.). «Зеркало» из погребения 11 раскопа I 1992 г. представляет собой слегка выпуклый диск с орнаментом в виде трех концентрических окружностей и шестилепестковой розеткой в центре, имеет умбоновидное крепление с петелькой на обороте⁵. На бляшках, происходящих из погребения 5 раскопа I 2006 г., имеются лишь незначительные фрагменты циркульного орнамента⁶. На четырех из 12 экземпляров трапециевидных подвесок из погребения 17 раскопа Iб 2013 г. имеется характерный орнамент в виде фрагментов концентрических окружностей⁷. Близкий орнамент на трапециевидных подвесках встречен в материалах Новосасыкульского могильника⁸. Две бляшки, изготовленные из зеркал с циркульным орнаментом, обнаружены в погребении 10 Кушулевского II могильника⁹. В погребении 172 Кушулевского III могильника

имеются две бляшки с отверстиями в центре. Судя по приведенной в отчете иллюстрации одной из них, на «зеркале» остались лишь незначительные фрагменты концентрических линий и розетки¹⁰. «Зеркало» со слегка выпуклым диском без валика по краю и с отверстием в центре и двумя концентрическими линиями было выявлено в погребении 180 этого же могильника¹¹. Из погребения 247 происходит единственное «зеркало» с валиком по краю диска. Диск плоский, орнаментирован концентрическими линиями и розеткой в центре¹². Среди материалов Пьяноборского могильника имеется круглая бляха с отверстием в центре и ближе к краю, украшена с одной стороны циркульным орнаментом в виде шести концентрических окружностей и шестилепестковой розеткой в центре¹³. В материалах Старочекмакского I могильника «зеркала» зафиксированы в двух погребениях (пп. 9, 29). «Зеркало» из погребения 9 представляет из себя круглую бляху с отверстием в центре, украшенную с одной стороны циркульным орнаментом в виде двух концентрических окружностей. Бляхи, происходящие из погребения 29 (2 экз.), также имеют циркульный орнамент, а одна из них – и шестилепестковую розетку в центре¹⁴. Бляха из погребения 5 Чегадинского II могильника имеет следы концентрических кругов по середине¹⁵. В составе Ахтияльского клада было обнаружено пять выпуклых блях с отверстием в середине и прочерченным орнаментом в виде шестилепестковой розетки¹⁶.

Группа ижевских исследователей настаивает на технологических особенностях высокооловянинистых бронз (твердость и хрупкость), считая при этом крайне затруднительными различные повторные операции с готовыми изделиями¹⁷. Хотя в последующей работе С.Е. Переvoщиков и Т.М. Сабирова несколько смягчили свою позицию по поводу переделки зеркал в бляхи. Исследователи отмечают, что на бляхе из погребения 192 Чегадинского II могильника имеется отверстие в центре и сохранившаяся ручка, таким образом, допуская импортных характер блях¹⁸. Морфологическое изучение «зеркал», происходящих из памятников пьяноборской культуры показало, что предметов с отрубленными, иногда сохранившимися ручками имеется еще в нескольких погребениях. В погребении 121 Афонинского могильника в составе жертвенного комплекса было выявлено «зеркало» выпуклой формы, на котором явно читается срез от ручки¹⁹. Бляхи из погребений 7, 75, 195 Ныргындинского II могильника имеют выпуклую форму с отверстием в центре, на окружности виден срез от ручки зеркала²⁰. Бляха из погребения 204 этого же могильника представляет собой целый

¹ Генинг В.Ф. Указ. соч., 1970. Рис. 16—5.

² В погребении 8 раскопа I, 1992 г. был обнаружен бронзовый предмет, являющийся браком от производства эллипсовидных пронизей [Зубов, 1993. С. 28]. Нахождение такого предмета подтверждает изготовление пронизей местными пьяноборскими мастерами.

³ Характер отверстия и оформление края указывает на изготовление подвесок из более крупных изделий.

⁴ Ютина Т.К. Отчет о раскопках Щенникового поселения в Свеченском районе Кировской области, Афонинского могильника в Сарапульском районе УАССР, разведочных работах в Шабалинском районе Кировской области, проведенных летом 1979 г. Ижевск, 1980. // Архив ИИКНП УдГУ. Ф.2, д. 101. С. 26, рис. 157—6; Коллекция МИКСП, колл. СКМ-79/713 — 716.

⁵ Зубов С.Э. Научный отчет об археологических работах на Кипчаковском I могильнике в Илишевском районе Республики Башкортостан в 1992 году. Самара, 1993. // Архив ИА РАН. Р-1. № 18549. С. 31, рис. 145—3.

⁶ Зубов С.Э. Новые элементы погребальной обрядности раннепьяноборского населения в низовьях р. Белой (по материалам раскопок Кипчаковского курганно-грунтового могильника в 2006 году) // УАВ. Вып. 10. Уфа, 2010. С. 77, рис. 9.2—15.

⁷ Коллекция НИЛА Самарского университета.

⁸ Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново-Сасыкульский могильник // Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986. Рис. 7—16, 17.

⁹ Васюткин С.М. Исследования пьяноборских могильников в Западной Башкирии // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа. Уфа, 1982. С. 141, табл. 5—29, 31.

¹ Агеев Б.Б. Отчет о раскопках на Кушулевском могильнике в 1970 г., Уфа, 1971 // Архив МАЭ ИЭИ УНЦ РАН. А/АО/1-2а. Рис. 153—4; 154—11.

² Агеев Б.Б. Указ. соч. 1971. Рис. 167 — 3, рис. 168 — 13; Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. III Кушулевский могильник // Археологические работы в низовьях р. Белой. Уфа, 1986. Рис. 7—9.

³ Агеев Б.Б. Указ. соч., 1971. Рис. 283—1, рис. 284—1; Коллекция МАЭ, уч. обозначение — 467/2756.

⁴ Спицын А.А. Пьяноборский могильник // МАР. №25. СПб. 1901. С. 2, табл. III—14.

⁵ Старостин П.Н. Отчет о раскопках могильника «Старый Чекмак», проведенных осенью 1976 г. Казань, 1977. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6268. С. 6, рис. 37—2; С. 16, рис. 69—1, 2; Археологические памятники Восточного Закамья, Казань, 1989. Рис. 8—1.

⁶ Генинг В.Ф. Указ. соч., 1970. С. 8.

⁷ Генинг В.Ф. История населения удмуртского Прикамья в Пьяноборскую эпоху. Чегадинская культура III в. до н.э. — II в. н.э. Часть II. // ВАУ. Вып. 11. Свердловск; Ижевск, 1971. С. 84, типа табл. IV—7.

⁸ Голдина Р.Д., Переvoщиков С.Е., Сабирова Т.М. Указ. соч., С. 346.

⁹ Переvoщиков С.Е., Сабирова Т.М. К вопросу о «бляхах-зеркалах» Прикамья на примере Ныргындинского I могильника (II—III вв. н.э.), 2013. С. 214.

¹⁰ Клюева Г.Н. Отчет об археологических исследованиях Афонинского могильника в Сарапульском районе Удмуртской АССР летом 1980 года, Ижевск, 1980 // Архив МИКСП. Ф. 06, д. 02. С. 7, рис. 21, 23.

¹¹ Коллекция УРМ, колл. 2815/1932; Генинг В.Ф., Одинцов В.В. Указ. соч. С. 1, табл. I—10, с. 25, табл. XXVII—5.

образец зеркала выпуклой формы с отверстием в центре и клиновидной ручкой¹. Исследователи кара-абызских древностей также отмечают удаление ручек и проделывание отверстий². С.Л. Воробьева, изучив кара-абызские бляхи, пришла к выводу, что они использовали зеркала, не придавая значения орнаменту и типам самих изделий³. Что касается орнамента, то это же можно отметить и на материалах пьяноборской культуры. Например, на упомянутых выше трапециевидных подвесках из погребения 17 (раскоп Iб, 2013 г.) Кипчаковского I курганно-грнтового могильника, вырезанных из более крупного изделия, орнамент сохранился «вразнобой» или вообще отсутствует. Хотя очевидно, что все они вырезаны из одного изделия⁴. В связи с этим необходимо отметить еще одно обстоятельство: если изделие вырезано из участка без орнамента и не имеет конструктивных элементов (бортика, к примеру) то определить импортного оно или местного производства на данном этапе практически невозможно.

Таким образом, «зеркалами» в пьяноборской культуре стоит считать вторичные изделия, сохранившие особенности декора оригиналов и или конструктивные элементы. Вопрос об импортном или местном характере остальных блях из высокооловянной бронзы остается открытым.

Таблица 1

Изделия с высоким содержанием олова из Кипчаковского II могильника

№ ан.	Название	Уч/Погр	*	**	Mn	Fe	Co	Cu	Zn	As	Pd	Ag	Cd	Sn	Sb	Тип сплава
846	височная подвеска	P. I, кв А1, ЮЗ часть	2	2	0,11	1,00	0,17	75,07		0,48	0,32	0,37	0,23	22,33		CuSn
863	накладка	P. I, п.12	2	2	0,12	0,85	0,14	77,00		0,25	0,31	0,34		20,77		CuSn
879	пронизка	P. I, п.4	1	1	0,10	0,52	0,11	72,80		0,17	0,31	0,50		25,30	0,18	CuSn
880	пронизка	P. I, п.4	1	1	0,08	2,51	0,01	74,25		0,23	0,32	0,43		21,80		CuSn
883	пронизка	P. I, п.4	1	1	0,12	0,44	0,13	75,35		0,08	0,37	0,40		23,05		CuSn
890	пронизка	P. I, п.6	1	1		0,40	0,14	70,47	0,02	0,64	0,45	0,38		27,27		CuSn
891	пронизка	P. I, п.6	1	1	0,09	0,41	0,14	76,87	0,04	0,98	0,39	0,41		20,03	0,10	CuSn
892	пронизка	P. I, п.6	1	1	0,11	0,47	0,14	70,87	0,08	0,37	0,48	0,32	0,23	26,83		CuSn
898	височная подвеска	P. I, кв.А4, С3 часть	2	2	0,10	2,18	0,04	71,93		0,27	0,37	0,41	0,23	24,33		CuSn
900	височная подвеска	P. I, кв.А1, ЮЗ часть	2	2	0,10	1,18	0,10	71,70		0,08	0,30	0,37	0,23	26,10		CuSn
902	височная подвеска	P. I, п.1	2	2	0,07	1,91	0,02	63,97		0,33	0,35	0,50	0,23	32,30		CuSn
903	височная подвеска	P. I, п.1	2	2	0,09	1,22	0,07	75,07		0,34	0,32	0,42	0,23	21,73		CuSn
904	накладка	P. I, п.13	2	2	0,10	0,84	0,04	71,00			0,21	0,38		27,07		CuSn
905	накладка	P. I, п.13	2	2	0,11	0,58	0,13	73,93	0,17	0,33	0,38	0,23	23,70	0,08	CuSn	
906	пронизка	P. I, п.8	2	2	0,10	1,40	0,07	53,67		0,18	0,56	0,43		43,47		CuSn
907	пронизка	P. I, п.8	2	2	0,12	0,91	0,12	74,17	0,02	0,25	0,40	0,38		23,43		CuSn
908	пронизка	P. I, п.8	2	2	0,10	0,77	0,12	69,37	0,01	0,25	0,44	0,40		28,47		CuSn

© Саттаров Р.Р., 2016

УДК 39

Старостин А.Н.
г. Екатеринбург

КАЗАХИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА ОБ ИЗУЧЕНИИ ТРЕТЬЕГО КОРЕННОГО ТЮРКСКОГО ЭТНОСА СРЕДНЕГО УРАЛА

Аннотация: В статье предпринята попытка проанализировать имеющуюся информацию о казахском населении, проживающем на юго-западе Свердловской области и степени сохранения ими этнокультурных традиций казахского народа, поставить исследовательские проблемы и сформулировать гипотезы, требующие более тщательного изучения в ходе дальнейших этнографических экспедиций.

Ключевые слова: казахи, Свердловская область, традиции, обычаи, поселенческая сеть, кочевники, ислам.

Annotation: In article an attempt to analyse the available information on the Kazakh population living in the southwest of Sverdlovsk region and extent of preserving ethnocultural traditions of the Kazakh people by them to deliver research problems and to formulate the hypotheses requiring more in-depth examination during further ethnographic expeditions is made.

Key words: Kazakhs, Sverdlovsk region, traditions, customs, settlement network, nomads, Islam.

Когда говорят о казахах на территории большого Урала, прежде всего, приходят в голову пограничные с Казахстаном субъекты Российской Федерации, где имеются целые районы компактного проживания казахов: Оренбургская, Челябинская, Курганская и Тюменская области.

Однако мало кто знает, что и на территории Свердловской области имелись и, как выяснилось, имеются населенные пункты с компактным проживанием казахов, которые являются третьим после татар и башкир коренным тюркским этносом Среднего Урала.

Впервые в историографии на эту проблему обратила внимание заведующая кафедрой документационного обеспечения управления УрГУ им. А.М. Горького (ныне УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина) д.и.н. Людмила Николаевна Мазур.

Анализируя советские переписи населения, в своей монографии и научных статьях она отмечает, что в структуре сельского расселения Свердловской области в 1950–1970-е гг. отмечается значительное количество казахских населенных пунктов. В первой половине XX в. в Списках населенных мест Пермской губернии и Уральской области они не фиксируются. Всего во второй половине XX в. на территории Свердловской области было зарегистрировано 98 аулов, что значительно больше, чем татарских или марийских населенных пунктов. В 1959 г. насчитывалось 44 аула казахов, в 1970 г. – 45, в дальнейшем их численность сокращается: в 1979 и 1989 гг. – до 6. Наибольшее число казахских населенных пунктов располагалось на юге и юго-востоке области: в Камышловском, Байкаловском, Ирбитском, Пышминском, Сухоложском и Каменском районах. По своей хозяйственной направленности все населенные пункты были сельскохозяйственными. В материалах переписей населения они обозначаются как бригады или фермы совхозов и колхозов. Среднее число жителей в них колеблется от 35,5 человек в 1956 г. до 8,7 человек в 1989 г.

Чаще всего жителями аула выступали члены одной семьи, о чем свидетельствуют названия поселений: аулы Абишева, Есмигамбетовых, Жамбекова, Жампетова, Жаркимбаевых, Жасуповых и др. с числом жителей от 6 до 23 человек.

Л.Н. Мазур отмечает и еще одну особенность казахских поселений – их временный характер. Подавляющее большинство аулов казахов с моноэтническим составом населения существовали недолго, в течение одного – двух переписных периодов (1959, 1970 гг. а затем исчезли из регистрационных списков. Автор предположила, что возможно, сокращение численности поселений в 1970–1980 гг. связано с тем, что, в силу малолюдности, значительная часть аулов перестала регистрироваться, а их население приписывалось к близлежащим крупным населенным пунктам, так, например, в

¹Генинг В.Ф., Одинцов В.В. Указ. соч. С. 28 табл. XXXIV-2.

²Пиценичюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т.5. Уфа: БФАН СССР.1973. С.182; Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акулутов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. С. 69.

³Воробьева С.Л. Типология элементов убранства костюма кара-абызского населения эпохи раннего железа (IV до н.э. – IV в. н.э.): Дисс. ... канд. ист. наук, Ижевск, 2012. С. 123.

⁴Коллекция НИЛА Самарского университета.

материалах переписи 1989 г. отмечено 15 деревень, население которых состояло из русских и казахов. Кроме того, есть основания говорить о сохранении полукочевого характера образа жизни, вследствие чего семья могла неоднократно менять место жительства, выполняя подряды и работы (пастыба скота) в др. колхозах и совхозах и создавая временные поселения. В целом говорить о влиянии казахского народа на развитие сельского расселения Среднего Урала затруднительно, т.к. казахи не сформировали постоянную поселенческую сеть и не закрепили за собой определенные территории расселения¹.

Естественно возникает вопрос, а что же стало с этими поселениями? Куда исчезли населявшие их казахи? Согласно данным переписи населения 2010 г. в Свердловской области проживало 4406, из них 2594 – в городах, 1812 – в сельский местности².

С 2004 г. функционирует Свердловская региональная общественная организация «Евразия-Казахстан», однако, она объединяет в основном казахов, проживающих в Екатеринбурге и других крупных городах региона. Вот имена известных казахов, проживающих на Урале: Серик Султангабиев, полковник, уроженец Костанайской области, спасший солдата, закрыв собой гранату, Герой России; Танаткан Букин, ветеран боевых действий в Афганистане, заслуженный мастер спорта, член сборной команды России по волейболу сидя, паралимпиец, бронзовый призёр Паралимпийских игр в Пекине 2008 г. Касымбек Байгеленов, полковник в отставке, кандидат медицинских наук, заслуженный врач РФ. Организация «Евразия-Казахстан» участвует в этнических праздниках и фестивалях, например, на Дне народов Среднего Урала, занимается сохранением национальной культуры, например, в 2013 г. по просьбе уральских казахов удалось на базе Уральского государственного юридического университета организовать курсы казахского языка. Но из-за отсутствия финансирования они просуществовали всего девять месяцев. В материалах организации и интервью ее президента Хыдырбая Бегжанова, ничего не говорится о казахах, проживавших на востоке Свердловской области³.

В 2016 г. автор настоящей статьи в феврале и августе вместе с представителями ЦРО «Духовное управление мусульман Свердловской области (Центральный муфтият)» несколько раз выезжал в Камышловский, Пышминский и Богдановичский районы Свердловской области, где удалось выяснить, что казахское население по-прежнему проживает в местах обитания своих предков. В ходе знакомства с рядом семей (Жамбаевы, Исмагиловы, Правдины), записью глубинных интервью, стало известно, что казахи, проживающие в данных районах, попали в Свердловскую область в результате откочевки из северного Казахстана в ходе голода в Казахстане 1932–33 гг, когда тысячи семей переселились в Тюменскую и Свердловскую области. Вслед за ними начали приезжать их родственники. Родители наших собеседников занимались скотоводством, объединяясь в колхозы, вели кочевой и полукочевой образ жизни и только в 1960-х гг. стали оседать в стационарных населенных пунктах.

Длительное проживание по соседству с русскими привело к распространению смешанных браков и утрате языка представителями молодого поколения (тем, кому сейчас 30–35 лет), представители старшего поколения (40–60 лет) помнят родной язык и сохраняют родственные связи с казахами из Тюменской, Курганской областей и северного

¹ Мазур Л.Н. Села и деревни Среднего Урала в XX веке: Статистико-этнографическое описание. Екатеринбург, 2003. С. 105–110; *Она же*. Сельское тюрко-мусульманское население Свердловской области // Ислам на Урале: энциклопедический словарь / Сост. А.Н. Старостин, отв. ред. Д.З. Хайретдинов. М.-Н. Новгород, 2009. С. 328–330.

² Всероссийская перепись населения 2010 г. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации – Свердловская область [Электронный ресурс] // Официальный сайт журнала «Demoscope weekly». URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php?reg=59 (дата обращения 23.10.2016).

³ Соколова Т. Саламатсызба! Кал-калай? [Электронный ресурс] // Областная газета. URL: <http://www.oblgazeta.ru/society/28140/> (дата обращения 23.10.2016).

Казахстана, ездят друг к другу в гости, обмениваются подарками. Казахи, с которыми мы беседовали, помнят свой род и своих предков. У некоторых семей до сих пор сохранилась традиция совместного проживания представителями трех-четырех поколений (крестьянское хозяйство Правдиных Богдановичский район), но в основном современная казахская семья – это мать, отец и несколько детей.

От религиозной практики остались лишь обряды жизненного цикла (имянаречение, никах, жаназа-намаз – соблюдаются по возможности), в некоторых жилищах присутствуют шамаили и мусульманские календари, празднование Курбан-Байрама и Ураза-Байрама путем организации застолий. В отсутствие своих собственных имамов, мусульманские священнослужители казахской национальности приглашаются из соседней Курганской области. Сохранилась практика содержания большого количества (по сравнению с русскими соседями) домашнего скота (овец, коней). С определенной периодичностью устраиваются «курбаны» – когда представители одной семьи закалывают лошадь по случаю какого-то значимого события (возвращение сына из армии, выздоровление от болезни и др.) и приглашают своих родственников (до 100 человек). Это помогает не терять этнические связи, обмениваться новостями, поддерживать родственные контакты и заключать брачные союзы. Примечательно, что связей с казахами, проживающими в Екатеринбурге, казахи юго-востока Свердловской области не поддерживают, т.к. не знают о существовании казахской общественной организации¹.

Приведенные данные носят лишь предварительный, разведывательный характер. Изучение истории, современного быта и этнического самосознания казахов Свердловской области необходимо продолжать в ходе этнографических экспедиций.

© Старостин А.Н., 2016

¹ Полевые материалы автора, 2016 г. Свердловская область, Богдановичский, Пышминский и Камышловский муниципальные районы.

Столярова Г.Р.
Фазлиев А.М.
г. Казань

ИСЛАМСКИЕ КАНОНЫ КУЛЬТУРЫ ПИТАНИЯ И РОЛЬ СЕМЬИ В ИХ ПОДДЕРЖАНИИ*

Аннотация: В докладе на основе материалов, полученных в ходе полевых исследований, рассматриваются некоторые особенности исламской культуры питания, их бытование в зависимости от уровня религиозности респондентов на примере татар и таджиков г. Казани. Подчеркивается роль семейного воспитания в формировании религиозного сознания, в частности, поддержании традиций, связанных с культурой питания.

Ключевые слова: Ислам, культура питания, халяль, харам, религиозное сознание, семейное воспитание, татары, таджики, г. Казань.

Annotation: The report is based on the materials received during the field studies and is devoted to some features of Islamic food culture, the existence that depends on the level of religiosity of the respondents an example of the Tatars and the Tajiks of Kazan. The role of family education in the formation of religious consciousness, in particular, maintaining the traditions related to food culture is observed.

Key words: Islam, food culture, halal, haram, religious consciousness, family education, the Tatars, the Tajiks, Kazan city.

Пища и все, что с ней связано, входит в тот блок компонентов материальной культуры этносов, которые являются базовыми, первостепенными, направленными на обеспечение системы жизнедеятельности. Формирование и развитие этого компонента происходило и происходит под действием различных факторов внешней и внутренней среды, каждый из которых может активизироваться в определенный исторический отрезок времени.

В современных условиях стремительной актуализации религиозности во всех сферах, усиления значимости идеалов и ценностей мировых и региональных религий вполне уместно говорить и о детерминированности системы питания религиозными факторами. Именно этой теме посвящен проект, поддержанный Российским гуманитарным научным фондом, исполнителями которого являются, в частности, авторы данной статьи. Субъекты наших полевых исследований – две мусульманские общины столицы Республики Татарстан г. Казани – татары (представители титульного этноса, исповедующие ислам суннитского толка со значительными влияниями реформаторских движений XIX – начала XX вв.) и таджики (представители новых мигрантских диаспор, сунниты более традиционного типа). Основные методы сбора материала – опросы по специально составленному вопроснику и глубинные интервью. Поиск респондентов-татар осуществляется согласно сформированной выборке, являющейся моделью генеральной совокупности по основным признакам (пол и возраст) и с учетом особенностей социальной и образовательной структуры. При поиске респондентов-таджиков (численность которых составляет в Казани немногим более полутора тысяч человек) применялся метод «снежного кома». Уровень религиозности респондентов замерялся по их самоопределению. Поскольку сбор материала еще продолжается, для написания настоящего текста были использованы данные микровыборки – результаты опроса 100 татар и 100 таджиков.

Исследователи, изучающие уровень религиозности татар в Татарстане, отмечают устойчивую тенденцию его повышения. По их данным, в 1990 г. к верующим отнесли себя 34 % опрошенных горожан-татар; в 1994 г. – 66 %; в 1997 г. – 81 %; в 2011 г. – около 84 %. На всем протяжении указанного периода времени сохраняется соотношение «активных»

верующих (людей, соблюдающих религиозные обычаи и обряды) и «пассивных» верующих (людей, не соблюдающих религиозных предписаний) – половина на половину с незначительными отклонениями¹. Особо отмечается усиление религиозности в молодежных группах татар (в возрасте до 35 лет), при этом достаточно высока доля «активных» верующих². Что касается таджиков, проживающих в Казани, то уровень их религиозности специально не замерялся; но общие наблюдения (включая данные наших опросов) позволяют считать их в большинстве своем «активно» верующими людьми.

Ислам, являясь самой молодой мировой религией, уделяет большое внимание вопросам, связанным с пищей и питанием. Отступая от принципа простого овеществления питания как необходимого средства человеческого существования, выработанный в исламских источниках комплекс повелений, запретов и рекомендаций направлен на приздание еде высокого смысла и ценности, представления еды в качестве элемента, влияющего на жизнь людей в этом мире и следующем. По сути, в исламской культуре питания продукты являются и источниками питания, и источниками удовольствия, и источниками здоровья, и средством терапии, и связующим элементом, и средством возвышения и совершенствования человека.

В исламе основным и базисным принципом питания является дозволенность пищи (халаль), который строится на заповедях, законах, предписаниях, запретах и рекомендациях Корана. Если в нерелигиозной гастрономической культуре важнейшими факторами, оказывающими влияние на выбор еды, можно считать доступность продуктов питания, их цвет, запах и вкус (что зачастую объясняет употребление различных продуктов, таких как все виды газированных напитков, алкогольной продукции, еды быстрого приготовления, чипсов и прочих подобных продуктов, вредное воздействие которых на организм человека разделяют многие), то в исламской гастрономической культуре более важную роль, по сравнению с другими факторами, играет приемлемость (дозволенность) пищи. Все, что недозволено – запрещено (харам). Среди мусульман этот принцип представляет собой наиболее влиятельный и сильный компонент в различных сферах жизни, связанных с питанием, так что его нарушение в нормальных условиях считается грехом. В настоящее время, благодаря широкому распространению индустрии халяль, это понятие известно многим³. Как показывают наши материалы, термины «халяль» и «харам» знают практически все (в наших выборках – 100 % опрошенных), однако абсолютное соблюдение правил дозволенности обнаруживает взаимосвязь с уровнем религиозности респондента. К примеру, люди, позиционирующие себя как «верующий (ая) мусульманин (мусульманка), соблюдаю все предписания ислама», абсолютно согласны с утверждением, что вся пища делится на дозволенную и запретную, а на вопрос «Придерживаетесь ли Вы этого деления пищи?» в 100 % случаев выбирают вариант ответа «да, всегда». Несколько иная картина наблюдается в случаях, когда респонденты относят себя к верующим, частично соблюдающим предписания ислама или к верующим, не соблюдающим предписаний (чаще встречаются среди татар). В таких группах люди затрудняются безоговорочно принять разделение всей пищи на дозволенную и запретную; на вопрос «Придерживаетесь ли Вы этого деления пищи?» большинство выбрало вариант ответа «да, во время религиозных праздников». По остальным вопросам анкеты, связанным со знанием тех или иных правил, рекомендаций и

¹ См.: Мусина Р.Н. Этноконфессиональные процессы в городах РТ: тенденции развития в постсоветский период // Этнологические исследования в Татарстане. Выпуск V. Казань, 2011. С. 329.

² Ходжаева Е.А., Шумилова Е.А. Типы религиозности татарской молодежи Республики Татарстан: по материалам массовых опросов первой половины 2000-х годов // Этносоциологические исследования в Республике Татарстан. Казань, 2009. С. 192–193.

³ Габдрахманова Г.Ф. Исламская экономическая модель в России: теоретико-методологические проблемы изучения // Конфессиональный фактор в развитии татар: концептуальные исследования. Казань, 2009. С.101–124.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 16-01-00285 «Религиозные детерминанты в культуре питания (на примере татар и таджиков г. Казани).

запретов, с отношением к ним и их соблюдением наблюдаются аналогичные закономерности.

Материалы, полученные в ходе нашего исследования, свидетельствуют, что основы исламского воспитания закладываются, в первую очередь, в семье. Именно в семье у детей формируются начальные религиозные представления и знания, включая пищевые предпочтения и модель поведения, связанного с питанием. Участие детей в повседневных трапезах, а также в застольях, связанных с ритуалами, обычаями и обрядами религиозного содержания, формируют целую систему стереотипов их последующего поведения. Чем выше уровень религиозности взрослых членов семьи (по самоидентификации), тем строже соблюдаются правила, рекомендации и запреты, тем большее внимание уделяется приобщению детей к религиозным ценностям.

У таджиков этот процесс детерминирован тем обстоятельством, что сама диаспора является очень сплоченной, члены ее стараются селиться ближе друг к другу, помогают вновь прибывающим мигрантам с поисками мест проживания и работы (зачастую там же, где живут и работают сами). Учитывая недостаточное знание русского языка и незнание татарского языка, общение членов диаспоры ограничивается внутриэтническими связями, а дети (их немного, в основном малолетние) целиком и полностью воспитываются и социализируются в семье.

Что касается татар, то специалисты отмечают их существенную особенность: исламизация татар имеет столь долгую и неоднозначную историю, что сопровождалась, в частности, появлением формы «народного» ислама, в которой тесно переплелись элементы конфессионального и этнического самосознания¹. Другими словами, многие религиозные составляющие семейных обрядов (*никах*, *исем күшү*, погребально-поминальный комплекс) воспринимаются как обязательные компоненты татарской этническости. Подобное восприятие становится особенно характерным для представителей молодежных возрастных групп, которые целый ряд религиозных моментов по определению считают «татарскими».

Еще раз оговоримся, что наше исследование не закончено, и сделанные заключения, основываясь на неполных выборках, носят предварительный характер. Тем не менее, считаем, что допустимо, используя эти выводы, проверять выдвинутые в ходе формирования программы исследования гипотезы и даже обозначать некоторые тенденции, правильность которых будет проверяться в дальнейшем.

© Столярова Г.Р., 2016
© Фазлиев А.М., 2016

¹ См. подробнее: Мухаметшин Р.М. Общественная жизнь и духовная культура. Глава 14. Религия // Татары. М., 2001. С. 423–436; Уразманова Р.К. «Религиозная» составляющая семейно-бытовых обрядов – способ и средство презентации этнической идентичности современных татар // Этнологические исследования в Татарстане. Выпуск III. Казань, 2009. С. 188–199.

УДК 392:398.3

Суворина А.В.
г. Самара

КАЛЕНДАРНАЯ ОБРЯДНОСТЬ ЗАВОЛЖСКОЙ МОРДВЫ (ПО ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ)

Аннотация: В данной статье по результатам полевых материалов рассматривается современное состояние календарных праздников и обрядов у мордвы, проживающей в Самарской области. Работа посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме сохранения и развития традиционных народных праздников и обрядов.

Ключевые слова: обрядность, Рождество, Колядки, Масленица, Троица, мордва, Самарская область.

Annotation: In this article, based on the results of field data are compared features of calendar holidays and ceremonies Mordovians living in Samara region. The work is devoted to date to date, the problem of preservation and development of traditional folk festivals and ceremonies.

Key word: ritual, Christmas Carols, Shrovetide, Trinity, Mordvinians, Samara region.

Важнейшей частью этнической культуры является *обрядность*, она зависит во многом от условий жизни общества. Так как обрядность хранит в себе черты, которые характеризуют и указывают на этапы исторического развития, то в настоящее время, мы можем наблюдать во многих обрядах изменения и инновации, происходящие в ней. Изучая обрядность на разных этапах развития, можно получить наиболее полное и глубокое представление о народе, его связях с другими этносами, а также о различных аспектах других составных частей культуры¹.

Обрядность – как неотъемлемая часть культуры играет большую роль в жизни общества, сопровождает человечество на всех ступенях его развития, затрагивает общественную и личную жизнь. Праздники и обряды оказывают влияние на сознание человека, способствуют формированию его мировоззренческих, этических и эстетических взглядов. Самое основное, главное свойство обрядности – это преемственность, способность переходить от одного поколения к другому, что оказывает огромное влияние на развитие общества в целом, на развитие культуры, в том числе самих праздников и обрядов. Преемственность – неотъемлемая часть прогресса. Существование определенной преемственной связи между старым и новым – объективная закономерность общественного развития. Новое общество не уничтожает все старое, а наследует и использует многое от предыдущего общества². В данной статье проанализировано функционирование календарной обрядности заволжской мордовы на сегодняшний день.

Первые поселения мордвы в Самарском Заволжье появились еще во второй половине XVII в. во время окончания строительства Закамской оборонительной линии. Процесс заселения региона усилился в XVIII в. во время строительства Самарской оборонительной линии крепостей. Главные потоки переселенцев шли с северо-запада на юго-восток и захватывали большие группы эрзи. В результате этого численность эрзянских селений, особенно в северной половине Самарского Заволжья, значительно превосходит мокшанские (88 населенных пунктов – эрзя, 11 населенных пунктов – мокша)³.

Мордву, проживающую в Самарской и Оренбургской областях, Республиках Татарстан и Башкортостан принято именовать в этнографической литературе заволжской, по территории расселения за р. Волгой. По данным переписи населения 2010 г. в

¹ Корнишина Г.А. Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, формы бытования. Саранск, 2000. С. 4.

² Кампарс П.П., Закович К.М. Советская гражданская обрядность. М., 1967. С. 79.

³ Мордва Заволжья. Саранск, 1994. С. 9.

Самарской области проживает 65 447, в Оренбургской области – 38 682, в Республике Татарстан – 19 156, в Республике Башкортостан – 20 300 чел. мордвы¹.

Основная часть мордвы – православные, незначительная – старообрядцы, также есть последователи неортодоксальных течений христианства, в настоящее время распространяются протестантские учения.

Так как начал снижаться уровень религиозности мордвы, в связи с этим люди постепенно начали отказываться от календарных обрядов.

Основу традиционных календарных праздников мордвы составляли:

- Рождество. Колядки.
- Масленица.
- Пасхальные обряды.
- Первый выгон скота на пастбище.
- Обряды начала сева.
- Троица.
- Девичье пиво – после уборки урожая.
- Покров.

В настоящее время данные обряды почти прекратили свое бытование или приобрели игровой характер. Только в некоторых деревнях устраиваются традиционные праздники.

Изучение современного состояния календарной обрядности заволжской мордвы нами проводилось на примере двух сел Самарской области: с. Подъем Михайловка и с. Большая Ега.

В с. Подъем Михайловка, коренные жители – мордва-эрзя, они составляют менее 40 % от общего числа жителей. В селе на эрзянском разговаривают мало, в основном только в пределах своей семьи, на улице разговаривают только на русском. В селе не чутят обряды своих предков, так как они не помнят с чем они были связаны и как они проводились. Но до сих пор остается внутрисемейный религиозный обряд, который чтится и сохраняется одной семьей, по возможности они приглашают других эрзян-старообрядцев – *чтение Псалтыря* в доме у самой пожилой эрзянки (это место называлось молельным домом). Традиционным календарным праздником, который отмечается всей деревней, считается *Масленица*, но в ее празднование уже внесены новации, например, широко распространен обычай готовить шашлыки². На Рождество для детей устраивают Колядки, на стол готовятся современные блюда, то есть рецепты, по которым готовились традиционные семейные, национальные блюда уже утрачены. О традиционных праздниках в селе не помнят.

В с. Большая Ега, коренные жители (мордва-эрзя, более 60 % от общего числа жителей), практически каждый житель села знает эрзянский язык, разговаривают в основном, на родном языке. В селе сохранили традиционный календарный обряд *Пасха*. На Пасху яйца красят только в пятницу, кто может добраться до церкви (соседнее село – 6 км), то они освещают яйца, если не освещают, то кладут на стол не освещенные. На следующий день, в 4 часа утра все дети в деревне собираются и идут собирать яйца, сладости, заходят в каждый дом, если вдруг дети захотели пройти мимо дома, то хозяйка (хозяин) выходит из дома и ругается, что дети обошли их стороной. Сбор яиц заканчивается примерно в 10 часов, но не позже. После этого взрослые собирают узелок (яйца, конфеты и т.д.) и идут на кладбище, чтобы почтить предков. После полудня, когда взрослые возвращаются с кладбища, празднование Пасхи завершают, и жители занимаются домашними делами.

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Национальный состав населения Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/per-itog/tab5.xls

² Полевые материалы автора, 2016 г. Самарская область, Волжский район, с. Подъем Михайловка.

На Троицу дома украшали цветами, травой, ветками березы или клена. После чего шли к лесу, и несли с собой еду. Обязательно празднование Троицы только около леса. Во время Троицы устраивали игрища: на бревнах подушками дерутся, ставится столб, на нем крепится колесо, на которое привязываются подарки, за подарком нужно залезть на столб (его соответственно обмазывают маслом или жиром), когда залезешь на столб, тогда и сможешь выбрать себе подарок и соответственно срезать его с колеса, подарки вешаются разнообразные: сапоги, спиртные напитки, платки и т.д. После чего, взрослые собирались, и шли в лес, где продолжали отмечать. На Рождество устраивают Колядки и взрослые и дети, на стол ставят современные блюда. О традиционных праздниках, составляющие основу календарных традиций в селе не помнят¹.

Таким образом, можно отметить, что степень сохранности календарной обрядности в разных населенных пунктах различная. В одних сохраняются только воспоминания о них и некоторые элементы, в других – многие обряды продолжают свое бытование.

© Суворина А.В., 2016

¹ Полевые материалы автора, 2016 г. Самарская область, Похвистневский район, с. Большая Ега.

Тузбеков А.И.
г. Уфа

УКРЕПЛЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ «КАЛАТАУ» В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО БАШКОРТОСТАНА

Аннотация: На основе анализа укрепленных поселений периода раннего железного века и средневековья, связанных с топонимом Калатау, определяется место и роль археологического памятника в природной и культурной (духовной) среде населения северо-западного региона Башкортостана. В рамках исследования на основе опросов и интервью выявлен характер восприятия и интерпретация местным населением городищ, находящихся в непосредственной близости от населенных пунктов.

Ключевые слова: археологический памятник, культурный ландшафт, городище, Калатау.

Annotation: Based on the analysis of fortified settlements during the early Iron Age and the Middle Ages related to place-name Kalatau, the place and role in the archaeological site of natural and cultural (spiritual) community among the population of northwest region of Bashkortostan are being determined. In the course of study, based on surveys and interviews the nature of perception and interpretation of archaeological monuments in the immediate vicinity of human settlements by the local population has been revealed.

Key words: archeological site, cultural landscape, fortified settlement Kalatau.

Культурный ландшафт каждого региона уникален и составляет одну из разновидностей не только природного, но и историко-культурного наследия населяющих его народов. Он содержит богатую информацию об истории и культуре местных жителей, их старинных традициях и верованиях, историческом сознании, о межэтнических и межконфессиональных контактах обитателей края¹.

Существующий в отечественной науке этнокультурный подход к анализу культурного ландшафта трактует его как культурную среду этнического сообщества, сформировавшуюся в определенных природно-географических условиях, взятую в ее целостности. Так, В.Н. Калуцков в качестве составных частей культурного ландшафта выделяет мифологию места, духовную культуру, местный фольклор, восприятие местным сообществом своих традиций и т.д.

Наиболее известными среди населения археологическими памятниками являются городища, курганные могильники, пещеры и менгиры. Поэтому в ходе исследований поставлена цель, выяснить характер восприятия и интерпретацию местным населением городищ связанных с топонимом Калатау.

На основе анализа архивных и библиографических данных содержащих информацию по большинству выявленных на территории Республики Башкортостан археологических памятников³ была произведена локализация археологических

памятников используемых в качестве культовых мест или мест, включенных в систему верований. В результате было выявлено, что большинство легенд и верований, распространенных среди населения, проживающего на севере и северо-западе Республики Башкортостан, связано с городищами, называемыми среди: башкир и татар Калатау (город гора), Хантау (гора хана); удмуртов Каргуречь (городищенская гора); марийцев Ола-Курук (город гора), Керемет; русских Чертово, Чудское, Чудково, Городок.

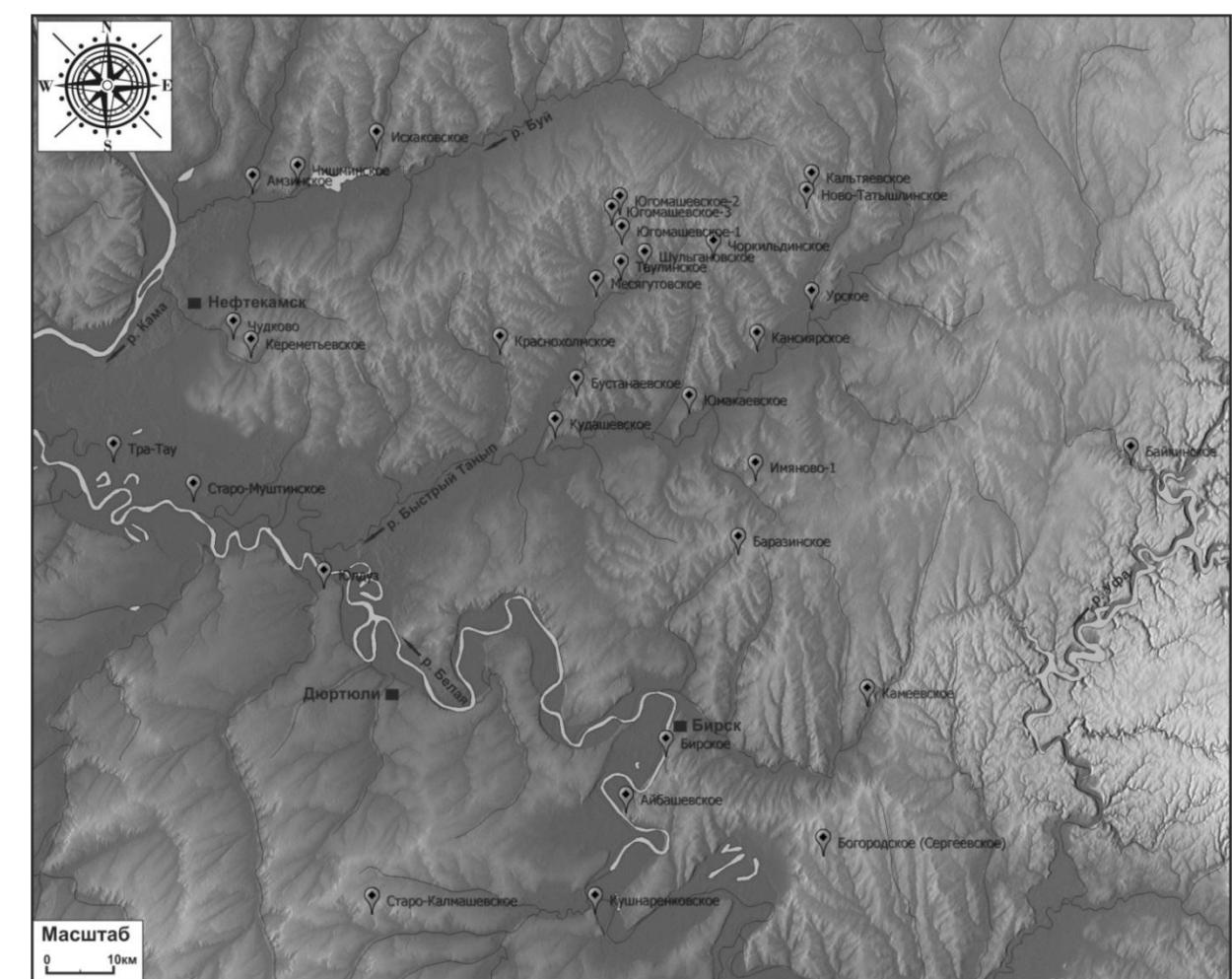

Рис. 1. Карта распространения городищ северо-западного Башкортостана, известных населению как Калатау, Хантау, Каргуречь, Ола-Курук, Чертово, Чудское, Городок.
(сост. Колонских А.Г.)

¹ Шутова Н.И., Капитонов В.И., Кириллова Л.Е., Останина Т.И. Историко-культурный ландшафт Камско-Вятского региона: Коллективная монография / Науч. ред., авт. введ. и закл. Н.И. Шутова. Ижевск, 2009. С. 4.

² Дахин С.Д. Историко-культурный ландшафт как основа комплексного анализа материального культурного наследия поликультурного региона // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3. С. 187–188.

³ Археологическая карта Башкирии. М., 1976; Археологические памятники Башкортостана. Уфа, 1996; Каталог памятников археологии Башкирии, открытых в 1971–1980 гг. Уфа, 1982; Памятники археологии Башкирской АССР, открытые в 1981–1986 годы. Каталог. Уфа, 1988; Памятники археологии Краснокамского района Башкирской АССР. Каталог. / Авт.-составители М.Ф. Обыденнов, И.М. Акулатов, Г.Н. Гарустович, Н.П. Аюпова, В.В. Овсянников, Л.П. Черникова. Уфа, 1987; Свод археологических памятников Республики Башкортостан, выявленных в 1987–2000 годах / Авт.-сост. Н.С. Савельев. Уфа, 2004; Колонских А.Г. Раннесредневековые городища бахмутинской культуры бассейна р. Быстрый Танып: к проблеме сохранения археологических объектов // Этнос. Общество. Цивилизация. Материалы Международной научно-практической конференции. 2015. С. 21–23.

Картографирование вышеупомянутых памятников (Рис. 1) позволило выявить микрорайон наибольшей концентрации городищ, связанных с топонимом Калатау. В него вошли ОАН Югамашевское 1,2,3, Шульгановское, Таулинское и Месягутовское городища. Микрорайон расположен в пределах Прибельской увалисто-волнистой равнины, на высоких вытянутых возвышенностях с плоской, слегка выпуклой или волнистой вершинами и крутыми склонами пригодными для обустройства хорошо укрепленных поселений. Административно-территориально микрорайон расположен в восточной части Янаульского и западной части Татышлинского районов.

Шульгановское городище. д. Шульганово, Татышлинский район. Находится в 1,5 км юго-западнее села, на высокой горе-мысу, называемой населением Калатау, на правом берегу небольшого ручья. Памятник осмотрен в 1967 г. Н.А. Мажитовым, в 1988 г. Б.Б. Агеевым. Площадка городища трапециевидной формы имеет длину 150 м и ширину 45–75 м. Городище имело сложную систему оборонительных сооружений. С напольной стороны оно укреплено валом высотой со дна рва 4,5–5 м, шириной у основания 12–15 м. Вал, постепенно понижаясь, опоясывает площадку с запада и юга. За валом находился ров глубиной 2,5–4 м, шириной 3–5 м. Такие же рвы глубиной 2–2,5 м перерезают два пологих восточных выступа городища. На сегодняшний день площадка памятника практически полностью разрушена карьером и засажена хвойной посадкой. Жители дд. Шульганово и Кашкаково (Татышлинский район) четко указывают на местоположение Шульгановского городища, именуя его Калатау. Местные жители в ходе интервью, не раз упоминали о случайных находках на его территории и советовали неходить на Калатау вечером и ночью, в виду неблагоприятности данного места, называя его «захватле урын» (место обитания злого духа). Рекомендуют перед входом на городище соблюсти мусульманский обряд, дабы уберечься от злых сил. Так же среди местного населения существует, поверье о том, что с территории памятника доносятся крики людей, возможно проживавших на городище в прошлом. По сведениям местных жителей к городищу был приурочен курганный могильник называемый среди населения «алпамыша кабере» (могила великана) находившийся в 0,5 км к востоку от деревни Шульганово на склоне, в 0,1 м к востоку от современного скотомогильника. Территория активно распахивается. Осмотр площадки результата не дал.

Югамашевское - 1 городище с. Югамаш, Янаульский район. Находится в 0,5 км восточнее села, на вершине горы, называемой Кала-Тау. Площадка городища имеет трапециевидную форму 160 x 65–90 м, с напольной стороны укреплена двумя валами и рвами. Внешний вал, высотой со дна рва 1–1,2 м, состоит из двух частей, расположенных почти под прямым углом. Через вал и ров был оставлен проход на городище. Внутренний вал изогнут, высота его со дна заплывшего рва 2 м. В июне 2016 г. восточная часть памятника была разрушена строительными работами. Опрос жителей д. Югамашево показал, что большинство населения обладает информацией о памятнике, но не ассоциирует жителей городища со своими предками. Упоминаний о данном месте как о месте культа или священном месте при опросе жителей не зафиксировано. Вершина горы периодически посещается жителями деревни как одно из примечательных мест.

Югамашевское – 2 городище – памятник был ассоциирован Мажитовым Н.А. с топонимическим названием Калатау¹. Описанное Мажитовым Н.А. городище находится у подножья горы Югамаш, хотя во всех остальных случаях топоним Калатау носят городища находящиеся на вершинах возвышенностей (находится в 4 км севернее деревни у подножья г. Югамаш, на узком мысу левого берега небольшой речки. Городище защищено 3 валами высотой от 2 до 4 м и рвами глубиной до 1 м². В процессе обследования данный объект археологии обнаружить не удалось. В этой связи на наш взгляд археологическим памятником носящим название Калатау является Югамашевское III городище, описанное Гундеровой Н.В. и Исмагиловым С.Р.³.

Югамашевское – 3 городище – расположено в 6 км к северо-востоку от д. Югамаш и в 2 км к северо-западу от д. Салихово на отдельно стоящей горе Югамаш, что подтверждается и сведениями, полученными от местного населения. Вокруг горы

пролегает, еле заметная, лесная дорога. Ввиду небольшого размера, отсутствием оборонительных сооружений, редкими находками обломков керамики и костей животных, а так же наличия вблизи еще 2 городищ, относящихся к тому же периоду, с учетом мнения исследователя Н.И. Шутовой, можно предположить, что памятник, выполняя функции убежища, временного поселения или культового объекта¹.

В ходе проведения археологической разведки в 2014 г., сотрудниками ИЭИ УНЦ РАН на двух деревнях, по обеим сторонам тропы ведущей к городищу с юго-запада были зафиксированы повязанные платки, предположительно символизирующие некий вход на сакральную территорию. Среди местного населения распространена легенда о том, что раньше на вершине горы Югамаш в озере жили духи горы, селезень и утка (священная птица в финно-угорской мифологии), которых подстрелил охотник Резван (туркское имя) и не как не мог сварить, после чего выкинул. Возможно, легенда является олицетворением сюжета о десакрализации тюркским населением финно-угорской святыни. Опрос жителей д. Салихово показал, что население знает легенду о г. Югамаш, но не обладает знаниями о существовании на нем археологического памятника. На сегодняшний день г. Югамаш является одним из мест посещения молодежи ввиду своей примечательности в рельефе и хорошего обзора с вершины, об этом свидетельствуют несколько натоптанных троп ведущих к вершине горы.

Схожий объект зафиксирован на территории Удмуртской Республики – Каргурезь «городищенская гора», расположенная вблизи д. Пислегово, в 7–8 км к северо-северо-востоку от с. Шаркан, которая, так же как и г. Югамаш имеет выпуклую вершину. По свидетельству старожилов, население (удмурты) собирались на горе Каргурезь после Троицы: приносили с собой вино, угощения, молились, играли, веселились, ездили вокруг этой горы на конях. Раньше на вершине горы стояла большая ель, под которой старики проводили моления².

Месягутовское и Таулинское городища – опрос жителей деревень Месягутово и Тау, так же показал об их осведомленности о наличии археологического памятника на горе Калатау, но иных сведений, опрошенные нами информаторы не предоставили.

Проведенный среди населения опрос, направленный на выявление сакральных мест, связанных с археологическими памятниками показал, что люди среднего и пожилого возраста довольно равнодушно относятся к судьбе археологических памятников, хотя знают о них гораздо больше, чем обычно предполагалось археологами. Практически все городища были известны местным жителям, каждый из опрошенных не раз бывал на памятниках, интересовался результатами раскопок, а также хранил память об особенностях данного места. Опросы так же свидетельствуют, что некоторые местные жители в юности пытались найти артефакты на городищах. Возможно, знакомство подростков городищами имело существенное значение для освоения ими «своей» территории. Таким образом, в процессе самоидентификации каждого поколения жителей, роль памятников археологии, по-видимому, была достаточно существенна и требует специального изучения³.

Данные о восприятии памятников археологии современным населением весьма отрывочны, опубликованных исследований на эту тему практически нет. На сегодняшний день городища, содержащие в топонимических названиях слова город и гора, географически привязаны и вписаны в историко-культурный ландшафт, они

¹ Мажитов Н.А. О древнейшем этнокультурном компоненте в этногенезе башкирского народа // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 3 С. 1441.

² Археологическая карта Башкирии. М., 1976. С. 82

³ Гундерова Н.В., Исмагилов С.Р. Отчет об археологических разведках летом 1975 г. в Янаульском и Чишминском районах БАССР // Научный архив АЛ БГУ. Ф. 1. Д. 16. С. 79.

¹ Шутова Н.И., Капитонов В.И., Кириллова Л.Е., Останина Т.И. Указ. соч. С. 17

² Там же. С. 18

³ Кренке Н.А. Археологические памятники Подмосковья в контексте культуры XV–XX вв. // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995. С. 254

стали топографическими местами памяти и маркерами территорий. При описании местности они часто становятся отправными точками или ориентирами. Туристические, научные и культовые посещения памятников дополнительно концентрируют на них внимание общественности. Благодаря этому археологические объекты могут играть исключительную роль в оформлении восприятия национальной территории¹.

© Тузбеков А.И., 2016

Н.К. ЧУПИН И ВЫБОР ТИПА МУЖСКОЙ ГИМНАЗИИ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ В СЕРЕДИНЕ 1860-Х ГГ.

Аннотация: В статье рассматривается изменение типа мужской гимназии в Екатеринбурге после принятия «Устава гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения» 1864 г., а также проанализирован вклад Н. К. Чупина в сохранении за гимназией классического типа.

Ключевые слова: гимназия, Н.К. Чупин, Устав гимназий и прогимназий, Министерство народного просвещения, Екатеринбург.

Annotation: This article explains how to change the type of gymnasium in Yekaterinburg after the adoption of the «Charter of the gymnasiums and Progymnasiums the Ministry of Education» in 1864, and analyzed the contribution of N.K. Chupin in the preservation of the grammar school of classical type.

Key words: college, N.K. Chupin, Charter high schools and Progymnasiums, Ministry of education, Yekaterinburg.

В XIX в. в Екатеринбурге, центре горнозаводского Урала, жил и работал выдающийся краевед-энциклопедист, историк, географ, этнограф, педагог и библиограф Наркис Константинович Чупин (1824–1882 гг.). Он окончил Екатеринбургское уездное училище (с дополнительным курсом горнозаводских наук), затем Пермскую гимназию. В 1842 г. Н. К. Чупин поступил в Казанский университет. Он не ориентировался на административную карьеру, а склонялся к занятию наукой. Изучая в университете и гуманитарные и естественные науки, жадно, глубоко и основательно овладевая самыми разными знаниями, он заложил в эти годы основу своей выдающейся образованности. Вернувшись в родной Екатеринбург Н. К. Чупин поступил на службу в горное ведомство, и в 1853 г. был назначен инспектором и старшим учителем открывшегося Уральского горного училища.

1861 г. стал замечательным для Наркиса Константиновича: после длительных хлопот различных властей 22 октября в Екатеринбурге была открыта мужская гимназия. Чупин принимал самое горячее участие в работе новой гимназии, старался помочь новому учебному заведению всем, чем мог. Не хватало учителей – он брал на себя преподавание словесности, а позднее и латинского языка¹.

В 1860-х гг. в условиях подъема общественно-педагогического движения, борьба вокруг характера обучения в гимназиях приняла весьма острый характер. Особенно резко против классического образования выступали революционные демократы, хотя они и признавали положительные значение подлинного гуманизма и классицизма. Они требовали, чтобы вместо «плохо заученных греческих спряжений» давались такие знания, которые имели бы практическое значение и были нужны для развития русской культуры и поднятия хозяйства².

Новый «Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения» 1864 г. установил следующие типы гимназий: классические с греческим и латинским языками, классические с одним древним языком (также называемые полуклассическими) и реальные без древних языков, но с естествознанием в большом объеме. Окончившие классическую гимназию принимались в университет без экзаменов, а окончившие реальную гимназию могли поступать только в высшие специальные учебные заведения, т.е. технические вузы. Несколько позднее последним было разрешено

¹ Михайлов Д.А. Археологические места социальной памяти // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 123.

¹ Гомельская С. З. Н.К. Чупин. Свердловск, 1982. С. 5, 7, 12, 37.

² Полякова Н. В. Складывание российской системы образования // Социально-политический журнал. 1998. № 3. С. 168–170.

поступать и на физико-математические факультеты университетов¹. В результате этой реформы число учеников в гимназиях увеличилось на 30%.

После принятия нового «Устава гимназий и прогимназий» закономерно встал вопрос о преобразовании Екатеринбургской гимназии, открытой в 1861 г. При этом инициатива выбора между классической и реальной гимназией представлялась местным обществам. Поэтому Министерство народного просвещения запросило Екатеринбургскую городскую думу о «желательном типе гимназии» для города².

По одному мнению, в центре горнозаводского региона, многие жители склонялись к техническому обучению. Это и предопределило выбор городских гласных в пользу реальной гимназии. Основываясь на мнении большинства Екатеринбургской городской думы, 6 марта 1865 г. МНП издало распоряжение о преобразовании Екатеринбургской гимназии в реальную³.

По мнению же Н. К. Чупина, большинство членов Екатеринбургской городской думы проголосовало за реальную гимназию по ошибке или, просто не задумавшись. Представители купечества и мещанства просто ошибочно посчитали ее коммерческим или ремесленным учебным заведением. К тому же представители городских сословий отправляли своих сыновей в гимназию не более чем на два-три года, для овладения элементарной грамотой. Поэтому их особо не интересовал характер гимназии⁴.

Педагоги и общественность Екатеринбурга были не согласны с решением о преобразовании мужской гимназии в реальную. Министерство народного просвещения не учло, что в Екатеринбургской городской думе представлен очень ограниченный круг населения, и как следствие многочисленный и влиятельный в Екатеринбурге «класс» чиновников и инженеров запротестовал⁵.

Также многие жители Челябинска и Златоустовских заводов, которые было удобней обучать своих сыновей в Екатеринбурге, а не в Уфе, обратились с письмами к министру народного просвещения, прося преобразовать Екатеринбургскую мужскую гимназию в классическую. Это мнение поддержал и главный горный начальник, устроивший на своей квартире совещание общественности, в том числе преподавателей, по этому вопросу⁶.

В письме попечителю Казанского учебного округа от 18 марта 1865 г. он обосновывал необходимость смешанной гимназии с параллельными классическим и реальным отделениями в старших классах. При этом главный горный начальник жаловался на отдаленность Екатеринбурга от университетских центров, дорогоизнану местной жизни и отсутствие у учителей права на льготную пенсию, предоставленную для сибирских губерний⁷. Он поручил подготовить необходимые документы Н. К. Чупину, хорошо знавший опыт европейских государств в деле организации среднего образования. Тот составил специальную «Записку относительно устройства Екатеринбургской гимназии на будущее время» (1865 г.). В ней он на убедительных примерах доказывал важность именно классической гимназии для развития региона⁸.

В частности, Н. К. Чупин отмечал, что и для выпускников классических гимназий нет препятствий для поступления в технические вузы, где при приеме не требуют знания никаких прикладных дисциплин. А часть их небогатых воспитанников традиционно стремится к продолжению обучения в Медико-хирургических академиях, где требуют знание латыни. Н. К. Чупин также предложил отступить от положений Устава 1864 г. и создать в Екатеринбурге смешанную гимназию. При этом он ссылался на опыт европейских стран, где действовали такие учебные заведения с раздельным обучением в высших классах¹.

Кроме того, Чупин, по заданию главного горного начальника, организовал сбор подписей за классическую гимназию с одним древним языком. Первое из них подписали 70, второе – 113 человек². Он также написал статьи в Санкт-Петербургские и Московские ведомости, а также письмо директору Горного департамента В. К. Рашету с обоснованием необходимости именно классической гимназии для Екатеринбурга³.

Также активное участие в обсуждении реформы российской школы принимала демократическая интеллигенция. На страницах журнала «Современник» пропагандировалась идея бессословной реальной общеобразовательной школы. В Екатеринбурге с этих позиций выступил А.Г. Воскресенский. Н.К. Чупин в полемике с ним указывал, что изменение профиля одного учебного заведения не может повлиять на политику правительства в области образования; что именно классическая гимназия более соответствует запросам уральского региона⁴.

Отметим, что реальная гимназия, поставленная в неравноправное положение по сравнению с классической, оказалось не очень удачным типом средней школы. К 1871 г. из 123 гимназий страны только 12 были реальными⁵.

Следствием всех этих ходатайств, активную роль в которых играл Н.К. Чупин, стало новое прошение Екатеринбургской городской Думы в октябре 1865 г. о выборе классической гимназии. При этом в МНП естественно не собирались создавать какую-либо смешанную гимназию для Екатеринбурга, о чем хлопотал главный горный начальник. В 1865 г. последовало распоряжение Министерства народного просвещения о преобразовании Екатеринбургской мужской гимназии в классическую, с одним из древних языков – латинским⁶. По другой оценке, она стала так называемой «полуклассической» гимназией. Причем именно их в Российской империи оказалось большинство (городские общество явно не привлекало изучение воспитанниками мертвого греческого языка в полных классических гимназиях)⁷.

Высказываясь по вопросу о Екатеринбургской гимназии, Н.К. Чупин руководствовался не только личным интересом, но и глубоким пониманием сути дела. Екатеринбургская мужская гимназия оставалась классической вплоть до 1917 г., ее выпускники сохранили право поступать на все факультеты университетов. Деятельность Наркиза Константиновича Чупина оставила заметный след в истории уральского образования. В этой сфере в полной мере проявились яркость и своеобразие его личности, нашли применение его многосторонние знания. Он способствовал становлению крупнейших учебных заведений края, был любимым учителем для нескольких поколений уральских инженеров и техников, носителем подлинной учености и культуры⁸.

¹ Филоненко Т.В. Реформы и контреформы: история школьных систем в России XIX – первой половины XX веков. Воронеж, 2004. С. 97.

² Будрин В.И. Екатеринбургские школы за 200 лет // Екатеринбург за 200 лет Екатеринбург, 1923. С. 191.

³ Диомидов Н. Историческая записка о Екатеринбургской мужской гимназии. 1861–1886. Оренбург, 1887. С. 41.

⁴ Государственный архив свердловской области (далее ГАСО). Ф. 129. Оп. 1. Д. 140. Л. 50, 53.

⁵ Будрин В.И. Екатеринбургские школы за 200 лет... С. 191.

⁶ Он же. Пятидесятилетие существования Екатеринбургской мужской гимназии. 1861–1911: краткий исторический очерк. Екатеринбург, 1911. С. 15.

⁷ ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 140. Л. 11–12.

⁸ Гомельская С.З. Указ. соч. С. 37.

© Фартеев Е.К., 2016

¹ ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 140. Л. 25, 27 об.–28.

² Там же. Л. 48–48 об.

³ Там же. Л. 49–50 об., 61–65.

⁴ Дудырев Ф.Ф. Н.К. Чупин. Фактология и фактологическая работа в историческом исследовании. Челябинск, 1998. С. 31

⁵ Филоненко Т.В. Указ. соч. С. 97.

⁶ Диомидов Н. Указ. соч. С. 41.

⁷ Измельцева Г.П. Дмитрий Андреевич Толстой // Вопросы истории. 2006. № 3. С. 76.

⁸ Дудырев Ф.Ф. Указ. соч. С. 32.

Фахрутдинова Н.Р.
г. Екатеринбург

ТАТАРО-БАШКИРСКОЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ

Аннотация: Статья посвящена этнокультурному взаимодействия башкир и татар на Среднем Урале. Башкиры и татары в процессе длительного совместного проживания, оказывали друг на друга воздействие, заимствовали друг у друга обычай, особенности языка, заключали межэтнические браки. В результате у них образовалась самобытная этнокультурная группа, отличная от других этнографических групп татар и башкир.

Ключевые слова: башкиры, татары, Средний Урал, этнокультурное взаимодействие.

Annotation: The article is dedicated to the ethnic and cultural cooperation between the Bashkirs and the Tatars in the Middle Urals. The Bashkirs and the Tatars influenced each other during the process of cohabitation, shared traditions, features of languages, contracted marriages. As a result, they created original ethnocultural group with significant differences in comparison with other Tatars and Bashkirs ethnogeographical groups.

Key words: The Bashkirs, the Tatars, the Middle Urals, the ethnic and cultural cooperation.

Урал с давних пор является поликультурным регионом. На его территории формировались и развивались различные этнические группы. И по сей день регион отличается многообразием в этническом, культурном и религиозном аспектах. «Освоение Урала было длительным сложным процессом. Русские, татары, башкиры, марийцы, чуваши, манси и другие народы заселяли этот край. Каждый из них оставил свой след в культуре региона. Этнические группы располагались на территории Урала достаточно компактно и вместе с тем в непосредственном соседстве друг с другом, что способствовало формированию на Урале специфической историко-этнографической области с общими чертами материальной и духовной культуры, свойственных всем проживающим здесь народам»¹.

Данная работа посвящена двум самым многочисленным тюркоязычным народам России – башкирам и татарам, их этнокультурному взаимодействию. Данные народы имеют длительный опыт и богатую историю совместного проживания на территории Волжско-Уральского региона, обладают культурной близостью, являющейся следствием долгого исторического пути, который они прошли вместе. Отношения между татарами и башкирами складывались и развивались на протяжении нескольких веков, при этом они оказывали друг на друга воздействие, заимствовали друг у друга обычай, особенности языка, воспринимали те или иные элементы культуры, заключали межэтнические браки. Но при всем этом, до сих пор каждый народ сохраняет свою этническую уникальность.

Регион современной Свердловской области был вотчиной родовых объединений башкир: упей – села Шакур, Акбаш (Нижнесергинский район), сызги – села Сызги, Озерки, Юва, Усть-Бугалыш, Верхний Бугалыш, Новый Бугалыш и Средний Бугалыш (Красноуфимский район), кошсы – Арти-Шигири, Азигул, Битки (Артинский район), Уфа-Шигири, Урмикей (Нижнесергинский район), Усть-Баяк, Бишково, Рахмангул, Верх-Баяк (Красноуфимский район) и племя терсяк, занимающее некогда обширные пространства впоследствии вошедшие в Свердловскую область (включая г. Екатеринбург), – село Аракай (Нижнесергинский район). С начала XVII в. эти земли стали интенсивно заселяться башкирами-тайинцами. В Свердловской области потомки тайинцев (бисерт-тайинцев) проживают в селе Гайны Ачитского района, а также составляют значительную часть жителей сел Уфа-Шигири, Усть-Баяк и других.

¹ Мазур Л.Н. Этнокультурное развитие сельской местности в Свердловской области в XX в.: статистический анализ по материалам базы данных // Круг идей: электронные ресурсы исторической информатики. М.-Барнаул, 2003. С. 409.

Основная масса татарского населения появилась на Урале после взятия Казани войсками Ивана IV и с началом насильственного крещения населения завоеванных территорий. Татары, приходя на Средний Урал, селились на землях на правах прописки и вступали в контакт с местным населением этого края, в первую очередь, с башкирами, что было обусловлено этнокультурной и религиозной близостью данных народов.

Особенно многочисленной татарская диаспора (точнее кунгурские татары), оказалась в селах Усть-Бугалыш, Верхний Бугалыш, Новый Бугалыш и Средний Бугалыш, Рахмангул, Бакийково¹. В 1926 г. татарские деревни составляли на территории Свердловской области 2,5 %, в 1956 г. – 0,97 %, в 1970 г. – 1,5 %, в 1979 г. – 2,1 %, 1989 г. – 2,1 %. Всего на территории Свердловской области было выявлено 88 сельских поселений с преимущественно татарским населением, из них 12 имели смешанный башкиро-татарский состав². На сегодняшний день татары проживают главным образом в областном центре (г. Екатеринбург) и, относительно компактно в четырех районах юго-запада Свердловской области: Нижнесергинском (12,5 %), Ачитском (10,7 %), Артинском (8,2 %) и Красноуфимском (19,7 %)³.

Что касается башкир, то в настоящее время ситуация выглядит таким образом, что некогда многочисленное коренное население Среднего Урала, является меньшинством на данной территории. Так, по данным Всероссийской переписи 2002 г., на территории Свердловской области было зафиксировано 37 296 башкир, а татар – 168 143, по результатам переписи 2010 г. – 31 183 и 143 803 человека, соответственно. Результаты последних переписей в данном регионе входят в полнейший диссонанс с результатами предыдущих учетов населения. Все исторические, архивные источники (в первую очередь ревизские сказки) свидетельствуют о башкирском этническом происхождении и самосознании жителей сел Уфа-Шигири, Урмикей, Арти-Шигири, Азигул, Акбаш, Аракай, Шакур, Рахмангул, Бишково, Биткино, Гайны, Верхний Баяк и Усть-Баяк, Сызги, Озерки (Табанлыкуль) и других сел юго-западного региона Свердловской области, считающих себя на данный момент татарами⁴.

Статья написана по полевым материалам автора собранным при работе в деревне Уфа-Шигири, населенном пункте со смешанным татаро-башкирским населением, Свердловской области в августе 2015 г. и данным этнологических экспедиций совершенных под руководством А.В. Головнева в 2011 г., 2014 г. и 2015 гг. на территории Свердловской области и Башкортостана среди татар, башкир и других народов, которые хранятся в архиве «Этнографического Бюро» в г. Екатеринбурге.

Деревня Уфа-Шигири расположенная на берегу р. Уфа, «заселилась в 1647 г. на земле, пожалованной башкирам царем Алексеем Михайловичем, но проданной Строганову за 300 рублей»⁵. Выбор места для проведения исследования был обусловлен тем, что на данной территории долгое время проживали башкиры, и эти земли являлись их вотчиной, но к концу 1950-х гг. жители Уфа-шигири стали считать себя татарами. Во время переписи 2002 г. в деревне вновь стали появляться башкиры. И поэтому одной из задач экспедиции являлось понять причины столь частой смены этничности.

На основании экспедиционных материалов в башкиро-татарском дискурсе было условно выделено три позиции в самоидентификации местных жителей.

¹ Асылгужин Р.Р., Гумеров А. Я. Башкиры верховьев реки Уфа. Уфа. 2012. С. 27.

² Мазур Л.Н. Указ. соч. С. 422.

³ Головнев А.В. Русские и татары Среднего Урала: опыт локального исследования идентичности. Этнографическое бюро. [Электронный ресурс]. URL: <http://ethnobs.ru/expeditions/268> (дата обращения: 02.06.2016).

⁴ Асылгужин Р.Р. Башкиры – коренное население Среднего Урала [Электронный ресурс]. URL: <http://so.bashkort.org/?p=86> (дата обращения: 02.06.2016).

⁵ Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа, 2009. С. 74

Первую группу составляют те, кто считает себя чистыми башкирами. «Мы говорим на башкирском языке. Наши предки башкиры. Мы произошли от башкир, может потом мы перемешались с татарами. По первой переписи мы были башкирами». Они утверждают, что данная территория издревле принадлежала башкирам. По словам Нафисы Тюменцевой, бывшей главы представительства республики Башкортостан в Свердловской области: «Красноуфимский, Нижнесергинский районы – это все земли башкир. К башкирам отношение изменилось после пугачевского восстания, даже имя Салават было запрещено. Их называли разбойниками. Поэтому отношение последующих правителей было соответствующим. Когда в 2001 г. ездила по деревням вместе с башкирским телевидением, нас даже в деревни не пускали, говорили: «у нас башкир нет, у нас башкир нет». Это все потому, что живут здесь такие активные татары, что они всех башкир ассимилировали и под себя переписали. Хотя там должны жить одни башкиры испокон веков. У нас долгое время не было своей грамоты, приезжали татарские муллы, и они всех учили татарскому языку, а потом начали говорить, раз вы говорите на татарском, значит вы татары. У нас целые районы называются татарскими, только потому, что они говорят на татарском языке. Это не правильно!».

Жители деревни приводят и другие причины массового перехода башкир в татары. В числе прочих называется политика советской власти: «Сталин вообще после переписи сказал, что башкир много развелось. Поэтому все башкирские деревни были переписаны в татарские» (Тюменцева Н.) или «при Сталине начали переписывать всех в татары, чтобы не отдавать земли башкирам» (Ахметова Ш.Н.). Еще одной причиной, по мнению респондентов, является языковая близость башкир и татар. «Поскольку язык почти один и тот же, смешались с башкирами. А татары были грамотные, в каждой деревне медресе было. А башкиры – кочевники. До 26-го года все башкирами записаны. Ну, некоторые до 30-го. Потом пошли татары» (Нигаматов А.)¹. А «В 1926 г. при переписи счетчики писали людей по языку. Выходило: если родной язык татарский, то и национальность – татарин» (Нигаматов Акрам). По мнению других, это было связано с деятельностью мулл, которые приезжали из Казани: «Муллы же татарами были, поэтому обучение шло на татарском».

Вторая группа респондентов, считающая себя татарами, утверждает, что их предки изначально жили на Среднем Урале. «Наша деревня образовалась 1520-х гг. Наша деревня идет от булгар, не от башкир, как говорят. А башкирская граница проходит между Акбашом, Шокурово. Но мы натуральные татары. У меня есть книга «Демидовское гнездо», где так и сказана, что Демидов покупал эти земли у татар!».

Тот факт, что раньше в документах жители этих территорий были записаны башкирами, респонденты объясняют так: «Татары, которые сюда первые приехали, начали записывать себя башкирами потому, что башкирам можно было носить оружие, а затем переписывались обратно». А источниками поступления башкир в эти земли являлись, по их мнению, межнациональные браки. «Местные на местных не могли жениться, чтобы сохранить здоровую нацию. В основном невест привозили из Башкирии»². Также с межнациональными браками связывают и особенности местного языка: «Так как им запрещалось брать в жены русских девушек, они выбирали себе жен из башкирок. Поэтому у нас язык такой и стал, так как он татарин, а она башкирка. А вообще здесь в каждой деревне свой говор. Мы даже когда встречаемся в Михайловске с человеком, при разговоре сразу понятно из какой он деревни. В Урмиево по-своему говорят, в Аракаево тоже»³.

Респонденты этой группы озабочены тем, что по результатам переписи 2002 г. в некоторых населенных пунктах Среднего Урала увеличилась численность башкир. Причину этого они видят в активной пропаганде представителей Башкортостана. Со слов местного поэта Шамси Абхаровича: «В 2002 г. во время переписи башкирское

правительство вело агитацию. Сюда специально приезжали люди, которые убеждали, что мы башкиры. После этой агитации 50 человек записали себя башкирами». Это явление получило в народе название «башкиризация».

Между двумя полюсами, башкирским и татарским, находятся те, кто считает, что они «произошли от башкир, может, потом перемешались с татарами, которые появились во времена Пугачева». Некоторые информанты в принципе затрудняются с определением национальной принадлежности своих предков. Часто встречаются такие мнения: «Есть, наверно, татары, у которых предки башкирами были. Но вообще-то мы считаем себя татарами». Именно у представителей этой группы наиболее ярко проявляется феномен «дрейфа этничности» или «ситуативной этничности». Показательным является такой момент: когда фольклорные коллективы ездят в Уфу, они называют себя башкирами, а когда их приглашают выступать в Казань, они относят себя к татарам. Соседи-русские тоже замечают эту тенденцию. Например, директор школы в с. Урмиево говорит, что «они себя считают теми, кем им удобно. Они этот момент используют во благо»¹. Представителей этой группы больше волнует не башкиро-татарский вопрос, а усиливающиеся процессы обрушения как башкир, так и татар. Они с грустью замечают: «башкиры отатарились, а татары обрусили»².

Результаты экспедиции позволяют сделать вывод, что на дрейф этнической идентичности у жителей Уфа-Ширги большое влияние оказывает элита как татарская, так и башкирская. Особенно соперничество между Татарстаном и Башкортостаном обостряется в период переписи, а в повседневной жизни представители этих республик не проявляют какого-то активного участия в жизни населения данной территории.

За период долгого совместного проживания татар и башкир в Уфа-Ширги у них образовалось самобытное сообщество, которое включает в себя элементы как татарской, так и башкирской культуры. Этому способствует сходство религиозной и культурно-исторической традиций. Уфа-шигирицы комфортно сочетают в себе обе идентичности.

Таким образом, культурное и религиозное сходство башкир и татар способствовало их консолидации на Среднем Урале. Ими было создано самобытное этническое сообщество, вобравшее в себя культуру, традиции и язык родственных народов-соседей – башкир и татар. Они осознают свою принадлежность к особой этнокультурной группе, отличной от других этнографических групп татар и башкир. «Мы живем на Урале, мы самобытны. У нас своя культура, самобытная. В Казани в сапогах выступают, а мы в лаптях, потому что всю жизнь в лаптях прожили»³.

© Фахрутдинова Н.Р., 2016

¹ Архив Этнографического бюро (далее АЭБ). Ф. 1. Д. 3.

² Там же. Д. 18.

³ Там же.

¹ АЭБ. Ф. 1. Д. 18.

² Там же.

³ Там же.

Фефелова Г.Г.
г. Уфа

РЕПРЕЗЕНТАНТ КОНЦЕПТА «СМЕХ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: Статья посвящена одному из актуальных вопросов лингвистики – изучению концептов в лингвокультурологическом аспекте. Особое внимание уделяется анализу концепта «смех» и его роли в культуре смеха, в языковой картине мира.

Ключевые слова: концепт, культура смеха, языковая картина мира, юмористический дискурс.

Annotation: The article is devoted to one of the topical issues of linguistics – the study of concepts in linguistic and culturological aspect. Special attention is paid to the analysis of the concept «laughter» and its role in the culture of laughter in the language picture of the world.

Key word: the concept, the culture of laughter, language picture of the world, humorous discourse.

В настоящее время исследование языковой картины мира автора становится все более актуальным. Это обусловлено тем фактом, что семантика слова пересекается с интенциями автора, в результате чего происходит образование исключительной концептосферы каждого текста¹.

В современной лингвистике концепт является одним из самых популярных объектов исследования. Также его изучением занимаются такие науки, как лингвокультурология, философия, психология и другие гуманитарные науки. Изучение языковой картины мира необходимо при описании концептов². Концепт представляет собой объединение знаний, понятий, ассоциаций, образов, представлений, где происходит связь семантики и языковых единиц. Совокупность концептов или концептосфера, в свою очередь, формирует национальную языковую личность. По словам В.А. Масловой, «концептом становятся только те явления действительности, которые актуальны и цепны для данной культуры, имеют большое количество языковых единиц...»³. Этим и определяется актуальность данной темы.

Концепт «смех» является лингвокультурологическим, одним из фундаментальных для национального самосознания русского человека, имеет важное значение для характеристик национального характера, вследствие чего активно используется как в устной, так и в письменной речи (чаще в проявлениях авторской речи), во всех сферах человеческой жизни. Концептом, по определению Н.Д. Арутюновой и В.Н. Телия, является «понятие, погруженное в культуру»⁴.

Культура смеха на сегодняшний день исследована недостаточно. На основании вышеизложенного рассмотрим, как представлен концепт «смех» в концептосфере комического дискурса. Рассмотрим языковые единицы, презентирующие концепт «смех» в различных словарях. Согласно словарю В.И. Даля, «Смех – хохот, невольное, гласное проявление в человеке чувства веселости, потехи, взрыв веселого расположения духа; но есть и смех осмеяния, смех презрения, злобы и пр... Смех есть среднее выражение между улыбкой и хохотом. Смех злостный, злорадный, сарднический. Смех задушевный». Толковый словарь С.И. Ожегова определяет смех как: 1. Короткие характерные голосовые звуки, выраждающие веселье, радость, удовольствие, а также насмешку, злорадство и другие чувства. 2. Нечто смешное, достойное насмешки.

¹ Габбасова А.Р., Фаткуллина Ф.Г. Языковая картина мира: ее основные признаки, типология и функции // Современные проблемы науки и образования // 2013. № 4. [Электронный ресурс] URL: <http://www.science-education.ru/110-9954> (дата обращения 26.08.2013); Фаткуллина Ф.Г. Категория деструктивности в современном русском языке. Дисс... докт. филол. наук. Уфа, 2002. С. 151.

² Фаткуллина Ф.Г. О классификации прецедентных единиц // Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы русской и сопоставительной филологии: теория и практика», 12-13 мая 2016. Уфа, 2016. С. 61-66; Fatkullina F.G. Typology of concepts in modern linguistics // Педагогический журнал Башкортостана. 2015. № 1 (15). С. 241.

³ Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. М., 2011. С. 38.

⁴ Там же. С. 51.

В философском словаре содержится следующая информация о значении слова «смех»: – культурно-психологический феномен как специфическая оценочная реакция человека на действительность... Традиция понимания смеха в философии заложена еще Аристотелем. Смеховая реакция на зло демонстрирует, что зло преодолимо и неопасно. Смех уничтожает зло, страх, насилие... Смех – инструмент общения, ломающий границы между людьми, помогающий сблизиться. Диапазон смеха очень широк: от мягкого юмора и доброй улыбки до едкого сарказма и злой иронии. Смех неуправляем, свободен...¹.

Литературная энциклопедия определяет смех как «психофизиологическое явление, лежащее в основе комизма и определяемых им литературных эффектов от просто смешного, забавного до сатиры и комедии. Смех, начиная с улыбки, есть выражение какой-то жизненной радости, чувствуемой, и в той или иной мере осознанной. В смехе есть также некоторые элементы, утверждающие какое-то превосходство того, кто смеется, над тем, что вызывает смех, забаву над собой, осмеляние. Смех есть явление по преимуществу социальному; он доставляет человеку наибольшую долю удовольствия, когда разделен с кем-либо, в действительном общем заразительном смехе»².

Таким образом, мы находим много общего в репрезентации концепта «смех» в рассматриваемых словарях³. Анализ приведенных толкований позволяет выявить следующие характерные признаки: 1. Смех с положительной оценкой – *радость, веселье, улыбка*. 2. Смех с отрицательной оценкой – *насмешка, презрение, сарказм*. Прежде всего смех связан с эмоциональной сферой человека. В зависимости от речевой ситуации смех может вызывать различные эмоциональные реакции. Посредством смеха происходит выражение отношения к действительности. По своей природе смех является двойственным, т. к. он стоит на грани «добра» и «зла», балансирует между добной улыбкой и едким сарказмом⁴. Если обратиться к словарю эпитетов, то мы увидим обилие примеров с положительной и отрицательной оценкой смеха, например, *беззлобный, беззаботный, безмятежный, беспечный, благодарный, веселый, добродушный, дружелюбный, задорный, заразительный, искренний, кокетливый, ласковый* и т.д. и *беспощадный, глупый, горький, дерзкий, дурацкий, ехидный, желчный, злорадный, льстивый, надменный* и т. д. Данные эпитеты подчеркивают, что концепт «смех» является как социальным явлением, так и индивидуальным проявлением русского языкового сознания и занимает отдельную нишу в языковой картине мира. Значимость данного концепта подчеркивает и наличие огромного количества фразеологизмов, пословиц, поговорок⁵. Яркое отражение концепта «смех» мы наблюдаем в оригинальных художественных текстах русских писателей, в экранизации юмористических произведений (например, «Двенадцать стульев»). Таким образом, в современном юмористическом дискурсе концепт «смех» отражен широко и многогранно.

© Фефелова Г.Г., 2016

¹ Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru> (дата обращения: 26.09.2016).

² Там же.

³ T.I. Kobiakova, N.L. Suntsova, Z.M. Raemguzhina, A.S. Tumanova, F.G. Fatkullina Russian Approach to the Problem of Correlation of Linguistic Consciousness and National State of Mind // Mediterranean Journal of Social Sciences MCSER Publishing, Rome-Italy Vol 6 № 6S 2 November 2015. 111-121 pp. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mcser.org/journal/index.php/mjss/article/view/8072/7736>; Морозкина Е.А., Фаткуллина Ф.Г. Национальная языковая картина мира в герменевтической модели перевода: Материалы Международной конференции «Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе». Москва, 2015. С. 68.

⁴ Фаткуллина Ф.Г., Фефелова Г.Г. Анекдот как составляющая юмористического дискурса // Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. сб. ст. по материалам ЛП междунар. науч.-практ. конф. № 9 (48). М., 2016. С. 102–107; 9. Фефелова Г.Г. Дискурс как единица лингвокультурологии // Современные тенденции развития науки и технологий. Белгород, 2016, № 6–5. С. 84.

⁵ Фефелова Г. Г. Языковые средства выражения комического в юмористическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9 (63): в 3-х ч. Ч. 2. С. 171.

Хабибуллина З.Р.
г. Уфа

ХАДЖ: ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД (ПО МАТЕРИАЛАМ ЮЖНОГО УРАЛА)

Аннотация: В докладе рассматривается проблема женской религиозности в условиях современного паломничества на примере мусульманских общин Южного Урала. На основе статистических материалов и данных интервью с паломниками анализируется роль хаджа в мусульманском сообществе, влияние паломничества на религиозность, поведение и статус женщин.

Ключевые слова: Ислам, мусульмане, хадж, хаджи, женская религиозность, социальный статус, Южный Урал.

Annotation: The report is devoted to the problem of female religiosity in the modern pilgrimage by the example on the Muslim community of South Urals. On the basis of statistical data and interviews it analyzes the role of Hajj pilgrims in the Muslim community, the influence of pilgrimage on the religious, behavior and status of women.

Key words: Islam, Muslim, Hajj, Hajji, female religiosity, social status, South Urals.

Хадж или ритуальное паломничество к главным святыням ислама является пятым столпом вероучения, побывать в Мекке и совершить все необходимые обряды хотя бы раз в жизни обязан каждый мусульманин, если ему позволяют здоровье. В 1989 г. после десятилетий ограничений хаджа в СССР, он стал официально разрешен для российских мусульман, открылся свободный путь для поездок в Мекку. В этот процесс активно включились женщины-мусульманки и до настоящего времени они составляют большинство паломников. В докладе на основе данных интервью с паломниками и статистических материалов анализируется роль хаджа в мусульманском сообществе Южного Урала, влияние паломничества на религиозность, поведение и статус женщин.

Количество российских мусульман, желающих совершить паломничество, растет ежегодно. Первые группы в 1990-х гг. состояли из нескольких тысяч человек, а с 2007 г. мусульманские святыни в Мекке и Медине посещает более 20 тысяч российских паломников. Для каждого государства с мусульманским населением Королевство Саудовская Аравия устанавливает квоту – одно место от тысячи мусульман (квота для России – 20500 паломников, за основу берется максимально возможное число мусульман в стране). По сведениям Совета по Хаджу РФ ежегодно без путевок остаются 3–4 тысячи желающих¹. Проблема распределения квот на паломничество остается наиболее острой. Часть верующих считают, что не хватает открытости и прозрачности в данном вопросе: кто-то ездит по нескольку раз, а кто-то ждет очереди несколько лет. С 2013 г. стала создаваться единая база данных побывавших в хадже, которая призвана упорядочить этот вопрос. Духовные управления стараются выделять путевки тем, кто совершает хадж впервые и людям пожилого возраста.

С первых поездок российских мусульман в хадж стали выявляться его особенности. Одной из них было большое количество женщин, желающих отправиться в довольно трудное в физическом и духовном плане путешествие. В настоящее время число женщин-паломниц продолжает расти, среди них сохраняется огромный энтузиазм в отношении хаджа. История паломничества мусульман показывает, что хадж, сопряженный с опасностями и многими сложностями, всегда был уделом мужчин. Длительность его в прошлом составляла от полугода до нескольких лет, совершался он в основном религиозными деятелями и состоятельными мусульманами. В советский период количество паломников строго регламентировалось (не более 20–30 чел. со всей страны, например, из БАССР выдвигались 3–4 человека), кандидатуры проходили строжайший отбор и проверку органами безопасности и, судя по спискам претендентов на

¹ Ильяс Умаханов о хадже 2011 года // ИД «Медина» [Электронный ресурс] URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/?4748 (дата обращения: 20.02.2014).

паломничество, они также были представлены мужчинами¹. Хадж, как и в прежние времена, является крайне дорогостоящим мероприятием, стоимость поездки в 2013 г. по программе «Стандарт» составляла 4200 долларов, а в 2014–2015 годах – 5500.

В 1990-е гг. из Республики Башкортостан, одном из крупных регионов Южного Урала, регулярно отправлялись в Мекку от 50 до 200 человек, к 2007 г. их число выросло до 350. В последние несколько лет из республики в хадж ежегодно направляется до 400 человек. Это невысокие показатели религиозности, в общероссийском масштабе. Для сравнения: по количеству мусульманского населения в России численно преобладают татары и башкиры (53%), а основная масса паломников из Дагестана (80%)². Особенностью хаджа на Южном Урале является высокий показатель количества женщин в составе паломников. Существуют догматические ограничения для участия женщин в паломничестве – сопровождение мужа или другого махрана (близкого родственника, брак с которым ей запрещен). Эта проблема в регионе обычно решается покровительством групп женщин представителем духовных управлений.

Среди паломников Южного Урала выделяются как духовные, так и светские лица, средний возраст которых составляет 55–60 лет. Основная масса хаджи – искренне верующие мусульмане, стремящиеся исполнить свой религиозный долг. В начале 1990-х гг. чтобы окупить расходы многие женщины привозили из хаджа товар для продажи – дешевую одежду, ковры, золото для того. И в настоящее время женщины продолжают использовать хадж в коммерческих целях, так как основная масса паломниц – безработные. Однако появилась тенденция совершения паломничества женщинами с хорошим образованием, имеющим собственный бизнес или хорошо оплачиваемую престижную работу. Хотелось бы отметить стремление части женщин к повторному посещению Мекки. Так, многие из них совершили хадж по 4–5 раз. Побывав там однажды, большинство женщин считают, что им необходимо каждый год бывать на святой земле и стараются, накопив денег, вместо отдыха на курортах, вновь отправиться в Саудовскую Аравию.

Высокая численность женщин среди уральских паломников связана в первую очередь с изменением условий совершения хаджа: в настоящее время его обеспечение – это туристическая услуга. Его организаторы проводят подробное обучение мусульман выполнению обрядов, до Мекки паломников доставляют самолетом. Ситуация с религиозностью в республике отражает ситуацию по стране, где женщины являются более воцерковленными и соблюдающими религиозные обряды. В исламе аналогичная ситуация, основную массу верующих составляют женщины, большинство из них читает намаз и старается выполнять религиозные предписания, одним из которых является посещение Мекки.

Главным результатом женского паломничества можно считать формирование новых поведенческих стереотипов мусульманок и норм восприятия этих стереотипов в обществе. Хадж существенно меняет отношение человека к жизни, зачастую человек возвращается глубоко религиозным и начинает выполнять все предписания ислама. Встреча единоверцев на святой земле позволяет каждому мусульманину ощутить себя частью всемирной мусульманской общиной (уммы), единой в исповедании веры, приверженности основным ценностям в образе жизни, основанном на Коране, Сунне и законах Шариата³. Женщины обретают чувство общности с мусульманками из других стран, укрепляют свою веру, находят много положительного в предписаниях ислама, в

¹ Например, см.: Центральный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. 4732, Оп. 1. Д. 24. Л. 9.; Ф. 4732, Оп. 1. Д. 25. Л. 213 и др.

² Нуриманов И. Хадж мусульман России. Из прошлого к настоящему // Хадж российских мусульман. Сборник путевых заметок о хадже / Сост. и ред. И.А. Нуриманов. Н. Новгород, 2008. С. 73.

³ Стецкевич Т.А. Знаки приобщения к хаджу (хадж-наме и махран) // Феномен паломничества в религиях: Священная цель, священный путь, священные реликвии. Материалы XIII Санкт-Петербургских религиоведческих чтений. Спб., 2006. С. 99.

том числе в ношении платка и закрытой одежды. Если демонстративное ношение ритуальных символов и других атрибутов ислама нередко было обусловлено модой на религию, то после хаджа предпочтение такой одежды становится обычно искренним. Большинство опрошенных мусульманок рассказывает о своем путешествии со слезами на глазах. Женщины реже разочаровываются в хадже, практически во всех случаях испытывают колossalную восторженность. После поездки это отличает их от мужчин, которые достаточно трезво оценивают условия паломничества и сообщают о некоторых неприятных ситуациях. Интервью с паломниками показывают, что, несмотря на все неудобства и всевозможные трудности пути и пребывания в Мекке, они возвращаются с глубокими духовными переживаниями.

Человек, совершивший хадж получает почетный титул «хаджи» или «хаджия» («совершивший паломничество») и уважение от всех единоверцев. Вокруг него создается ореол особого благочестивого человека. Хаджи составляют элитную часть внутри сообщества верующих и могут оказывать эффективное воздействие на формирование общественного климата. Хадж повышает статус женщины в общине. При встрече с хаджи или хаджийей, женщинам принято надеть платок, также как при посещении мечети; в принятии общиной важных решений их мнение учитывается в первую очередь. В школьных музеях районных и сельских Башкортостана с мусульманским населением на специально оформленных стендах выставляется информация о современных паломниках-односельчанах. Верующие, не имеющие возможности совершить хадж, стараются приобщиться к нему, присоединяясь к церемониям провода и встречи паломников, получая от них подарки и святую воду зам-зам, и даже совершив обычное прикосновение к прибывшему хаджи¹.

Интересными являются впечатления единоверцев-мужчин о женщинах в хадже. Впечатления мужчин о поведении женщин во время хаджа не всегда положительные. Мужчин возмущает отсутствие сопровождения с женщинами, их коммерческая активность во время паломничества, «истеричное поведение, требование исключительного внимания к себе, общение с другими мужчинами, участие в обсуждении не свойственных женщине проблем» и др.² «Все нововведения в исламе – бида (мероприятия или поступки, противоречащие словам и поступкам Мухаммеда) от женщин, – сетуют они³. Также они отмечают высокую выносливость и самоорганизованность представительниц противоположного пола. Женщины-мусульманки осознают свою гендерную роль, и требуют уважения к себе от окружающих мужчин.

Таким образом, в отношении мусульманок Южного Урала мы не можем говорить о каком-либо приниженнном положении женщины. Положение мусульманской женщины часто является предметом всевозможных дискуссий, в которых обсуждаются жесткие требования, предъявляемые к поведению женщины. Однако, как показывают наши наблюдения, мусульманские женщины рассматриваемого региона не испытывают дискриминации, постоянного притеснения, домашнего заточения или ущемления в правах.

© Хабибуллина З.Р., 2016

¹ Хабибуллина З.Р. От Урала до Хиджаза: путешествие мусульман к святыням ислама // Уральский исторический вестник. 2016. № 2 (51). С. 110.

² Сахаутдинов В.Г. Воспоминание о паломничестве. Уфа, 1997. С. 23–24, 27.

³ Полевые материалы автора. Интервью с паломником, 2013 г. Республика Башкортостан, Караидельский район, с. Караидель.

УДК 316.45 (470.57)

Халиуллина А.И.
Сафина Э.Ф.
г. Уфа

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ БАШКИРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН В СФЕРЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Аннотация: В данной статье, на основе анализа подписки на периодические издания, предпринята попытка показать роль периодической печати в удовлетворении национально-культурных потребностей башкирского населения республики на родном языке. Важным моментом в исследовании явилось выявление навыков потребления печатной продукции, что отразилось в языковых предпочтениях подписчиков. Анализ динамики подписки на периодические издания в районах РБ с преобладающим башкирским населением показал, что, несмотря на широкое распространение русского языка в повседневной жизни, башкирское население республики больше ориентировано на чтение газет и журналов на родном башкирском языке.

Ключевые слова: периодическая печать, башкирское население, Республика Башкортостан, динамика подписки, языковые предпочтения, башкирский язык, русский язык, родной язык, национально-культурные потребности.

Annotation: Based on the analysis of the subscription on the periodical press, this article makes an attempt to show the role of the periodical press in satisfying national and cultural needs of the Bashkir population in the republic in the mother tongue. The revelation of the skills of consuming the printed products is an important part of the studies as it reflects linguistic preferences of subscribers. The analysis of the dynamics of the periodical publication subscription in the districts of the Republic of Bashkortostan, where the Bashkir population dominates, shows that the Bashkir population in the republic tends to read newspapers and magazines in their native Bashkir language, even though the Russian language is increasingly spreading in our everyday life.

Key words: periodical press, Bashkir population, Republic of Baskortostan, dynamics subscription, linguistic preferences, Bashkir language, Russian language, mother tongue, national and cultural needs.

Одним из важнейших вопросов, затронутых в Законе «О языках Российской Федерации», но не получивших достаточного развития в его нормах, является вопрос о языке средств массовой информации. В соответствии со Статьей 20 Закона издание всероссийских газет и журналов, передачи всероссийского радио и телевидения осуществляются на государственном языке РФ; по решению учредителей, названные газеты и журналы могут издаваться на иных языках. Киновидеопродукция переводится на государственный язык РФ, государственные языки республик и другие языки с учетом интересов населения. Все эти языки используются и в средствах массовой информации республик¹. Однако данная статья не создает сколько-нибудь стройной системы гарантий прав граждан на получение информации на родном языке. Между тем следует учесть, что только в 5 республиках из 21 – Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Тыве, Чувашии – «титульная» нация (народ, давший название республике) составляет численное большинство, для остальных же субъектов Федерации, построенных по национально-территориальному принципу, характерен многонациональный состав населения, иногда с включением крупных иноэтнических групп (в Республике Башкортостан – татары, чуваши, мары и др.). И поскольку в современной индустриальной культуре информация играет важную роль, в условиях многонациональной структуры населения резко возрастает потребность не только в материальном, но и в правовом обеспечении прав всех этих этнических общностей и групп на получение и использовании информации на родном языке. Разворнутая система правовых гарантий в этой сфере в значительной мере позволила бы поддерживать баланс социолингвистических интересов и состояние стабильности в межнациональных отношениях в целом².

¹ Закон «О языках Российской Федерации». М., 1992.

² Искужина Н.Г. Функционирование языков в районах Зауралья Республики Башкортостан (социолингвистический аспект): дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19. Уфа. 2006. С. 73.

Не менее важным каналом распространения языков являются средства массовой информации (далее СМИ). Учитывая, что информация преподносится на разных языках – русском, татарском, башкирском – каждый исходя из своих интересов, возможностей и потребностей может выбрать то или иное издание.

Важным моментом в исследовании явилось выявление навыков потребления печатной продукции, что отразилось в языковых предпочтениях подписчиков при чтении газет и журналов. В данной статье, на основе анализа подписки на периодические издания, предпринята попытка показать роль периодической печати в удовлетворении национально-культурных потребностей башкирского населения республики на родном языке.

Газеты остаются наиболее массовой печатной продукцией. Если с 2000 по 2005 гг. количество газет, выпускаемых в республике, возросло с 293 до 378 наименований (увеличение на 85 названий), то к началу 2009 г. насчитывалось 418 наименований, т.е. динамика увеличения в среднем составляет 6-8 изданий. Из этой массы газет и журналов, например, в 2005 г. 243 издания составили издания республиканского масштаба, включая ведомственные (министерства и госкомитеты). Достаточно заметная доля (36 %) приходилась на городские и районные газеты, а также на многотиражные издания (заводов, фабрик, объединений, предприятий и учебных заведений)¹.

Большинство газет и журналов, выпускаемых в республике, выходили и выходят на русском языке. Так, в 2000 г. доля разового тиража газет на русском языке составляла более 90 %, количество названий – около 73 %. За прошедшие 10 лет эти показатели практически не изменились, при увеличении количества названий наблюдается сокращение разового тиража с 5 158 тыс. до 4 816 тыс. экз., что сказалось и на годовом тираже, который сократился на 12 тыс. экз.

Таблица 1

Язык издания	2000 г.			2005 г.			2009 г.		
	кол-во назв/%	разовый тираж/%	годовой тираж/%	кол-во назв/%	разовый тираж/%	годовой тираж/%	кол-во назв/%	разовый тираж/%	годовой тираж/%
Башкирский	32 11,0	211 588 3,7	25 951 810 8,2	41 10,8	175 765 3,1	24 199 253 8,6	67 16,0	161 807 3,1	21 424 355 8,2
Татарский	34 12,0	238 040 4,1	31 458 901 10,0	33 8,7	182 120 3,3	26 556 538 9,4	32 7,7	156 793 3,0	21 082 317 8,1
Русский	214 73,0	5 264 086 92,0	256 390 039 81,2	288 76,0	5 157 746 92,3	229 090 376 81,4	299 72,0	4 815 717 92,7	217 394 913 83,2
Марийский	3 1,0	8 477 0,1	604 890 0,2	4 1,1	8 573 0,1	541 089 0,2	3 0,7	6 036 0,1	444 035 0,2
Удмуртский	2 0,7	2 737 0,04	202 009 0,06	1 0,3	1 784 0,03	96 320 0,03	1 0,2	1 669 0,03	76 795 0,03
Чувашский	3 1,0	14 525 0,3	895 050 0,3	3 1,0	6 001 0,1	431 062 0,2	3 0,7	4 389 0,08	377 700 0,1
Итого:	293	5 746 770	315 654 254	378	5 589 547	281 483 022	418	5 195 863	261 398 671

В то же время в республике издавались газеты еще на 5 языках. В районах и городах с многонациональным составом населения, где нет возможности издания газет на нескольких языках, выпускаются дубляжи, которых в 2009 г. насчитывалось более 50. Самыми распространенными являются русско-башкирские – 30 дубляжей. Имеются также башкирско-татарские – 3, русско-башкирско-татарские – 23, русско-татарско-чувашско-башкирские – 2, русско-башкирско-марийские – 2³.

С 2004 по 2009 год тираж официальных газет республиканского масштаба имел тенденцию заметного сокращения. Например, у газеты «Республика Башкортостан», выходящей на русском языке, за указанный период число подписчиков сократилось в 1,1 раза, газеты «Башкортостан» (на башкирском) – в 1,5 раза, «Кызыл тан» («Красная заря») (на татарском) – в 1,6 раза. При этом разница в тиражах между татароязычной газетой «Кызыл тан» и башкироязычной «Башкортостан» составила 1,6 раза.

¹ Текущий архив УФПС по РБ филиал ФГУП «Почта России». Отчет за 2000, 2005 гг.

² Источник: Текущий архив ГУ «Государственная книжная палата РБ».

³ Базовые параметры государственных печатных СМИ РБ в рамках госзаданий на 2009 г.

По данным 2009 г., годовой тираж молодежной газеты «Йашлек» («Молодость»), издающейся на башкирском языке, составлял 2 642 864 экз., что меньше на 1 146 141 экз., зафиксированных в 2004 г. Такая ситуация наблюдается в издании русскоязычной газеты «Молодежная газета РБ», тираж которой за прошедшие 5 лет сократился почти в 1,5 раза, составив в 2009 г. 709 000 экз.¹

Таблица 2
Динамика тиража официальных республиканских газет в 1988–2010-е гг.²

Годы	Советская Башкирия	Башкортостан	Кызыл тан
1988	128 463	88 667	104 367
1989	113 296	88 118	109 110
1990	110 304	93 886	115 065
1991	95 234	80 551	110 469
1992	74 763	74 570	108 044
1995	50 895	35 218	62 694
1999	32 371	24 666	42 175
2005	33 390	41 520	31 382
2010	24 405	32 588	18 285

Анализ подписки республиканских газет в районном разрезе показал, что в районах с преобладающим башкирским населением превалируют издания, выходящие на башкирском языке, т.е. башкирское население, особенно в сельской местности больше ориентировано на чтение газет и журналов на языке своей национальности, на родном языке.

На 1 января 2010 г. более тысячи экземпляров республиканской общественно-политической газеты «Башкортостан», издающейся на башкирском языке, выписывали в Баймакском, Ишимбайском, Хайбуллинском районах.

Таблица 3
Динамика подписки на периодические издания с преобладающим башкирским населением РБ в 2000-е гг., число экземпляров³

Районы	Башкортостан			Кызыл тан			Республика Башкортостан		
	1999	2005	2010	1999	2005	2010	1999	2005	2010
Абзелиловский	782	1 143	315	4	7	3	109	277	128
Баймакский	1 333	1 743	1147	20	20	16	262	342	250
Белорецкий	412	1 179	71	40	47	5	1 188	1 516	671
Бурзянский	891	517	382	1	3	2	49	41	55
Зианчуринский	902	409	593	78	20	10	204	113	106
Ишимбайский	2 447	2 185	1 324	145	153	124	570	445	413
Куюргазинский		534	727		66	59		145	273
Мечетлинский	633	330	175	211	262	13	258	155	169
Салаватский	1 116	620	815	193	117	33	346	296	314
Учалинский	978	803	261	56	44	40	375	510	497
Хайбуллинский	800	1 275	980	13	8	5	311	245	221

За последние пять лет в целом по республике подписка на газету «Башкортостан» существенно сократилась. Если в 2005 г. в Ишимбайском районе количество подписчиков составляло 2 185 экз., то на 1 января 2010 г. оно сократилось в 1,6 раза (таблица 3). В Белорецком районе подписка на башкироязычную газету «Башкортостан» в течение последних пяти лет с 1 179 экз. уменьшилась до 71 экз. (сократилась в 16 раз). Аналогичная тенденция наблюдалась в динамике подписки на республиканскую молодежную газету «Йашлек», популярную в районе.

В Белорецком районе, как и в других башкироязычных административных территориях Республики Башкортостан, особой популярностью пользуется еженедельная семейная газета «Азна», тираж которой в среднем составляет около 10 тыс. экз. в год.

¹ Текущий архив Уфимской федеральной почтовой связи РБ филиал ФГУП «Почта России». Отчет за 2004., 2009 гг.

² Источник: Текущий архив УФПС РБ филиал ФГУП «Почта России». Сводные таблицы с 1998 по 2010 гг.

³ Источник: Текущий архив УФПС РБ филиал ФГУП «Почта России». Сводные таблицы за 1999, 2005, 2010 гг.

Например, по итогам подписки 2007 г. на данное издание в Белорецком почтамте, куда, помимо этого, относятся отделения связи Аскарово (Абзелиловский район) и Старосубхангулово (Бурзянский район), приходилось 1 463 экз. Учалинский, Сибайский, Хайбуллинский и Зилаирский районные отделения почтовой связи зарегистрировали соответственно 958 и 746 экз., тогда как в 2008 г. подписка заметно сократилась, составив 799 и 546 экз.

Таблица 4
Динамика подписки на молодежные издания в районах с преобладающим башкирским населением РБ в 2000-е гг., число экземпляров¹

Районы	Йашлек			Омет			Молодежная газета		
	1999	2005	2010	1999	2005	2010	1999	2005	2010
Абзелиловский	3 520	2 477	1 867	11	9	7	46	71	44
Баймакский	5 312	3 102	1 539	30	58	43	108	107	15
Белорецкий	1 354	708	485	21	23	15	83	129	61
Бурзянский	1 992	1 239	890	22	30	13	5	7	7
Зианчуринский	2 268	933	541	136	70	50	32	38	26
Ишимбайский	2 129	1 107	590	194	353	275	58	109	196
Күргазинский		297	192		138	92		27	15
Мечетлинский	1 261	596	299	435	359	155	17	32	13
Салаватский	1622	889	474	390	364	211	55	70	41
Учалинский	2 424	1 246	824	149	240	128	45	116	66
Хайбуллинский	2 035	1 243	673	24	15	6	41	58	22

Аналогичная ситуация наблюдается в динамике подписки на республиканское молодежное издание «Йашлек» на башкирском языке. Несмотря на сокращение (в 2,5 раза) подписки в рассматриваемый период – 1999 – 2010 гг. – читатели Абзелиловского района остаются верными любимой газете, в которой разовый тираж в 2005 г. составлял 2 477 экз. В Баймакском районе количество подписчиков газеты «Йашлек» за указанный год составляло 3 102 (таблица 4), что является самым высоким показателем на данное издание.

В свою очередь, данные текущего архива Уфимской федеральной почтовой связи РБ, анализ динамики подписки за последние десять лет, свидетельствуют о том, что на рынке издательской деятельности башкироязычной прессы более чем достаточно. Наряду с газетами высоким спросом пользуются литературно-художественные, общественно-политические, научно-популярные журналы. Самый большой разовый тираж литературно-художественного журнала для детей «Акбузат» (на башкирском языке) на 1 января 2005 г. зафиксирован в Баймакском районе – 2 041 экз. Не уступают свои позиции по подписке на данное издание почтовые отделения Абзелиловского (904 экз.), Учалинского (777 экз.), Бурзянского (700 экз.), Зианчуринского (642 экз.), Хайбуллинского (555 экз.), Белорецкого (532 экз.) районов.

Детско-юношеский журнал «Аманат» («Наследие») на башкирском языке в полноцветном исполнении на 36 страницах, содержание которого включает школьную и внешкольную жизнь подростков, литературу для юношества, переписку читателей и т. д., по данным на 2010 г., самое большое количество подписчиков нашел в Баймакском районе (разовый тираж составил 1456 экз.), в Абзелиловском районе разовый тираж меньше на 132 экз., в Бурзянском – на 405 экз., в Учалинском – на 578 экз. Если в Бурзянском районе его тираж в 2010 г. составлял 285 экз., то в Зианчуринском, Ишимбайском почтовых отделениях подписка сократилась на 150 – 400 экз.²

Если обратиться к подписным данным общественно-политического и литературно-художественного молодежного республиканского журнала на башкирском языке «Шонкар» («Пегас»), то 18 % от всего разового тиража составил Баймакский, 12,5 % – Абзелиловский, 5,7 % – Зианчуринский районы, т.е. основная подписка приходится на башкироязычные районы.

Общий разовый тираж на молодежный журнал «Шонкар», который рассчитан на аудиторию от 18 лет и старше, по сравнению с детскими журналами «Акбузат», «Аманат» меньше почти в 2 и более раза. Например, подписка на журнал «Шонкар» в 2010 г. по республике составила 8839 экз., а на издание «Акбузат» – 18 988 экз., «Аманат» – 16 776 экз. Здесь необходимо учесть следующие факторы: во-первых, молодежь, особенно башкироязычная (так как речь идет о башкироязычных изданиях), имеет достаточно широкий выбор изданий и, во-вторых, как показывают результаты социологических опросов, в последние годы она предпочитает русскоязычные журналы. В свою очередь, на рынке печатных изданий весьма мало детских журналов, что объясняет высокий спрос на них.

Республиканский общественно-политический и литературно-художественный журнал для женщин и семьи на башкирском языке «Башкортостан кызы» («Дочь Башкортостана»), разовый тираж которого в январе 2005 г. составлял 18 676 экз., популярен во многих районах республики. Баймакский район является лидером по разовой подписке – 2 301 экз., в Абзелиловском, Учалинском почтовых отделениях зафиксировано 1 422 и 1 201 экз. соответственно.

Существенно сократился тираж журнала «Башкортостан кызы» в 2010 г. – в Баймакском районе до 1 455 экз., (1,6 раза), в Учалинском отделении почтовой связи – до 1,4 раза. В Абзелиловском районе наблюдается обратный процесс динамики подписки, поскольку за последние пять лет разовый тираж увеличился на 374 экз.¹

Другой общественно-политический, научно-популярный и художественный ежемесячный журнал «Ватандаш» («Соотечественник») универсального содержания, издается на башкирском, русском и английском языках, по данным 2010 г., относительно других почтовых отделений административных территорий имеет большой спрос в Ишимбайском районе – более 300 подписчиков. По сравнению с 2005 г. здесь подписка выросла в 2,7 раза².

Несмотря на финансовый кризис, который не оставил в стороне систему образования, научно-педагогический и методический журнал «Башкортостан укытысыхы» («Учитель Башкортостана»), издававшийся еще в 1920-е гг. под названием «Магариф эшларе» («Образовательная деятельность»)³ остается лидером по количеству подписчиков. Самый высокий тираж в 2005 г. среди башкироязычных районов был зарегистрирован в Баймакском почтовом отделении – 1 329 экз. Около 3–4% от общего разового тиража составляли подписчики Абзелиловского, Хайбуллинского, Учалинского почтовых отделений. Разовый тираж насчитывал более тысячи экземпляров в Белебеевском (1 586 экз.), Дюртюлинском (1 079 экз.), Стерлитамакском (1 746 экз.), Туймазинском (1 187 экз.) в большинстве своем татароязычных районах. Издание продолжает занимать устойчивую позицию, несмотря на неоднозначное сокращение подписки в последние годы. В Абзелиловском, Мелеузовском и Хайбуллинском районах соответственно 767, 806 и 788 экз. Следует отметить, что подписчиками выступают не только работники образования, но и дошкольные и образовательные учреждения районов, для которых подписка является обязательной, что объясняет высокий тираж данного журнала.

Научно-педагогический и методический журнал «Башкортостан укытысыхы» – единственный журнал в Российской Федерации, где публикуются материалы на 9-и языках. За минувшие десятилетия менялись название, содержание и оформление журнала. Но сохранялось главное – направленность на оказание практической помощи школам, забота о повседневном труде учителяства. Сегодня, развивая богатые традиции, журнал является эффективной площадкой для конструктивного обмена мнениями по самым насущным проблемам образования. Авторами являются сами учителя, ученые и специалисты, что

¹ Источник: Текущий архив УФПС РБ филиал ФГУП «Почта России».

² Текущий архив УФПС по РБ филиал ФГУП «Почта России». Отчет за 2010 г.

¹ Текущий архив УФПС по РБ филиал ФГУП «Почта России». Отчет за 2010 г.

² Там же.

³ Научный архив УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 763. Л. 107.

способствует огромной популярности издания, тираж которого за последние годы превысил 30 тысяч экземпляров.

Как свидетельствуют данные цифры подписки за 2005–2010 гг., журнал сатиры и юмора «Хэнэк» («Вилы») на башкирском языке имеет небольшой спрос. Более 200 экз. было зафиксировано в 2010 г. в Баймакском районе, 134 и 138 экз. – в Абзелиловском и Учалинском районах соответственно, около 20 экз. – в Аскинском, Илишевском почтовых отделениях. По сравнению с 2005 г., в рассмотренных районах сокращение разового тиража данного журнала не произошло, имеющаяся разница выражается лишь 2-3 экземплярами¹.

Журнал «Тамаша» («Зрелище»), который на своих страницах пропагандирует творчество деятелей культуры и искусства, освещает внутренние процессы в искусстве на башкирском языке, появился недавно. Но издание уже успело приобрести свой круг читателей среди населения республики. Самое большое количество подписчиков зарегистрировано в Баймакском районе – 137, далее следуют Абзелиловский (90 экз.), Зианчуринский (83 экз.), Учалинский (77 экз.) и другие районы.

Таким образом, анализ динамики подписки на периодические издания в районах РБ с преобладающим башкирским населением показывает, что, несмотря на широкое распространение русского языка в повседневной жизни, башкирское население республики больше ориентировано на чтение газет и журналов на своем родном языке, предпочитая издания на башкирском языке.

© Халиулина А.И., 2016
© Сафина Э.Ф., 2016

УДК 092

Харитонова А.О.
г. Казань

ИЗУЧЕНИЕ ЕВРЕЙСКОЙ ДИАСПОРЫ В КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ НА ОСНОВЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ XIX В. И XX В.

Аннотация: В данной статье рассмотрен вопрос еврейской диаспоры на территории Казанской Губернии. Проанализированы проблемы, связанные с признанием евреев, как самобытного народа на территории Поволжья. На основе анализа формулируются основные характеристики периодической печати, составляющих способ контент-анализа.

Ключевые слова: народы Поволжья, евреи, диаспора, периодическая печать, газета, Казанские Губернские Ведомости, Еврейский Мир, образ.

Annotation: In the present article the question of the Jewish Diaspora in the territory of Kazan province. The problems associated with the recognition of the Jews as a distinctive people in the Volga region. On the basis of the analysis with the main characteristics of the periodical press, is a method of content analysis.

Key words: the peoples of the Volga region, the Jews, the Diaspora, periodicals, newspapers, Kazan Provincial Gazette, the Jewish world, image.

Еврейский народ – это феномен Среднего Поволжья XIX в. Хоть евреев нельзя отнести к коренным народам Урало-Поволжского региона, но и исключать их существование на данной территории было бы крайне не справедливо. Именно в это время начинается формирование еврейского общества, как и в Казанской Губернии, так и в Российской Империи. Именно весь XIX в. и начало XX в. послужили точкой отсчета для формирования еврейской общины на территории Среднего Поволжья. В это время изменилось отношению к евреям, и постепенно евреи становятся историческим феноменом XIX–XX вв.

Данная статья посвящена исследованию периодической печати XIX в. и XX в. на предмет истории появления и формирования еврейского общества на территории Казанской губернии на основе газеты «Казанские губернские ведомости»¹, и анализа образа еврея в обществе Российской империи на основе журналов «Еврейский Мир»² и «Еврейский отдел Народного Комиссариата. Вестник № 4»³.

Проблема изучения нерусских народов Среднего Поволжья по материалам «Казанских губернских ведомостей» была впервые поставлена Г.Н. Айплатовым еще в 1968 г., частично эта проблема затрагивалась в связи с изучением источниковедческой информативности периодической печати Поволжья и Приуралья середины XIX в.

Евреи появились на территории Казанской губернии в 20–30-е годы XIX в. Появление евреев на территории Среднего Поволжья объяснялось политикой «кантонистов», проводимой Николаем I. Политика была направлена на христианизацию еврейского населения. К отбыванию военной повинности евреи впервые были привлечены в России в 1844 г. Хотя институт кантонистов был создан ранее, еще при Петре I. В петровское время гарнизонную школу не называли школой «кантонистов», но основные принципы были заложены еще до правления Николая I. Кантонистами часто становились еврейские подростки, забираемые на военно-гарнизонную службу из семей западных областей Российской империи, т.е. из отдаленных от мест рождения регионов страны. Евреи – кантонисты в Казанской губернии создали основу для появления еврейской общины в Казани. Даже если многие евреи были православными, то этническая составляющая евреев была очень высока. Многие казанские знаменитые личности не

¹ Казанские Губернские Ведомости // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефона: В 86 томах (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.

² Библиография // Еврейский Мир. 1909. № 3. С. 127.

³ Циркуляр № 15 // Вестник № 4 Еврейского отдела Народного Комиссариата по делам национальностей сент. 1921 г. С. 8.

¹ Текущий архив УФПС по РБ филиал ФГУП «Почта России». Отчет за 2005, 2010 гг.

только знали о существовании еврейского общества в Казани, но и поддерживали, и развивали его. К таким выдающимся личностям можно отнести Н.И. Лобачевского, ректора Казанского Государственного Университета. Ректор пытался добиться изучения иврита в университете¹.

Но помимо института «кантонистов», который сформировался на территории Казанской губернии, были и другие факторы, повлиявшие на формирование еврейской диаспоры в Казани. Вторым источником формирования еврейской диаспоры в Казанской губернии были категории лиц, которым разрешалось селиться вне черты оседлости. Это – купцы; лица, окончившие средние учебные заведения; ремесленники и некоторые другие социальные группы. Третьим источником, численность которого определить существенно сложнее, были «нелегалы», т.е. лица, перебравшиеся в относительно спокойную в межэтническом отношении Казанскую губернию неофициально.

Наравне с остальными источниками можно выделить Казанский университет, как один из источников формирования еврейской интеллигенции в Казани². Естественно, формирование на территории губернии новой этнической и социальной группы не могло оставаться незамеченным местными властями и казанским сообществом, что находило отражение на страницах периодической печати. До середины XIX в. в России существовала только столичная периодическая печать. Попытки издания провинциальной печати были кратковременны и малоуспешны.

Несмотря на стремление Николая I усилить бюрократизацию и цензуру и ограничить доступ общества к знаниям, в 1830-е гг. наблюдается устойчивая потребность провинциального читателя в оперативной информации, которую были неспособны удовлетворить столичные издания. Осознание этого факта заставило правительство создать к концу 1830-х гг. официальную губернскую печать. Первыми массовыми периодическими изданиями в провинции стали Губернские ведомости, проект издания которых появился еще в 1830 г., но был реализован только в 1838 г. Казань, являясь центром Учебного округа и культурной жизни Поволжья, Приуралья и Сибири, одной из первых откликнулась на этот указ. С 1838 по 1894 гг. здесь регулярно выходили в свет «Казанские губернские ведомости»³. Более информативными «Казанские губернские ведомости»⁴ становятся с 1843 г., когда неофициальная часть стала регулярной. В ней публиковались материалы исторического, этнографического и фольклорного характера.

Но помимо «Казанских губернских ведомостей»⁵ существуют другие журналы и газеты, которые раскрывают отношение к евреям, как органов власти, так и обычного населения Российской Империи. Например, газета «Еврейский отдел Народного Комиссариата. Вестник № 4, сентябрь 1921 г.» Циркуляр № 13⁶ включает в себя небольшую заметку о том, что за еврейским населением необходимо следить. Существовали такие люди, которые внедрялись в еврейское общество и изучали его изнутри. В особенности их волновали различные общественные движения. Существовало направление Сетмасс⁷ (аббревиатура от Союз еврейских трудящихся масс; полное название – Всероссийский Союз еврейских трудящихся масс). Контролировала власть еврейское население посредством социальных опросов местного нееврейского населения.

В циркуляре № 21¹ был издан приказ о том, что неевреи должны ответить на следующие вопросы:

«1. Существуют ли в вашем регионе религиозные общины, религиозные секции, синагогальные правления?

2. Если существует, то при каждом отделе (районном) синагога? Или же одна на весь город?

3. Занимаются ли они помимо религиозных дел, также и другими? Какими? (Например, культура, социальное обеспечение, сельское хозяйство, медицина и т.д.)

4. Зарегистрированы ли они в Советском учреждение и в каком именно?

5. Имеют ли они устав? Если да, то приложите 1 экз.»

Этот опрос должен был реализовать Еврейский подотдел каждого города или района.

Ответы присыпались в печатном виде Наркому по еврейскому вопросу. Результаты данного опроса опубликованы не были. Все эти меры «исходили из того, что в России в отличие от Европы и Польши происходило некое всеобщее признание еврейства самобытной нацией». Возможно, советские власти осознавали всю силу нарастающего еврейства.

Важная информация была найдена в трехмесячном журнале «Еврейский мир»². Февральский номер 1909 г. «Еврейского мира»³ представляет собой сборник различных статей, сказаний, рассказов о жизни еврейского населения. Этот журнал нельзя отнести ни к научной литературе, ни к публицистике. Из-за малого количества людей, который хотели, могли, и имели возможность писать о евреях, приходилось включать в журнал всю информацию, которая имелась.

В журнале была статья про торговлю и промышленность как фактор коллективного еврейского творчества, написанная С. Марголиной⁴. Она говорит о том, что еврейство представляет собой самостоятельное коллективное целое, ясно говорящее, да и нет. Евреи не видят в еврейской жизни ни отрицательных, ни положительных моментов, и что порой они отрицают всю еврейскую действительность в целом. Существование антисемитизма она определяет тем, что причиной этого антисемитизма является постоянная внутренняя особенность евреев, заставляющая их поступать определенным образом при самых различных окружающих их условиях. В этой статье она делает акцент на их коллективность, на их отношение к самим себе. Что их коллективность – это нечто особенное не присущее ни одной национальности в мире.

Была статья под названием «Думы о вечном народе»⁵. Автор данной статьи неизвестен, но самое главное, что он хотел донести до читателя, что «процесс развития одного народа, проходящего как ось через всемирную историю: народа еврейского». Данная статья ставит евреев в центр всей истории народов. Автор пишет о том, что евреи – центр, который создал многое для «других», а «другие» не смогли воспользоваться этим. Что они создали, и чем пользоваться «другие» так и не научились, автор не раскрывает, но возможно, он говорил о человеческой цивилизации.

В журнале была также опубликована серия рассказов о еврейской семье Ловозиц⁶. Ловозиц⁶. Был сделан перевод с романа Августы Гаушнер. Это была богатая еврейская семья с гувернанткой. Членами этой семьи были две девочки. У сестер были «платья с перьями», гуляли они по ярмарке, где продавали леденцы, пасхальные яички, жареные каштаны, финики. Августа Гаушнер пишет, что евреи разговаривали с фамильярностью. У

¹ Сулайманов Р. Иудаика в Казанском университете. Казанский университет. 2005. № 21–22.

² Павлова Л. Еврейское студенчество Казанского университета второй половине XIX в. // «Университет как научное, образовательное и культурное пространство». Казань. 2014 г. С. 56.

³ Казанские Губернские Ведомости....

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Циркуляр № 13 // Вестник № 4 Еврейского отела... С. 6

⁷ Электронная еврейская энциклопедия [Электронный ресурс] URL: <http://www.eleven.co.il/article/11955>, свободный.

¹ Циркуляр № 21 // Вестник № 4 Еврейского отела... С. 10

² Библиография... С. 127.

³ Там же.

⁴ Марголина С. Торговля и промышленность как фактор коллективного еврейского творчества // Еврейский Мир. 1909. № 1. С. 32.

⁵ Думы о вечном народе // Еврейский Мир. 1909. № 2. С. 24.

⁶ Гаушнер А. Семья Ловозиц // Еврейский Мир. 1909. № 1. С. 84.

молодых людей было чтение закона божия. Все учились закону божьему, но молодежь ленилась, ей было неинтересно. Вот, например разговор двух закадычных друзей – евреев:
«Как ты это можешь такъ благоговѣйно читать? Ведь ты во всем этом слово не понять!
– Именно поэтому. Я въ это время думаю о стихотворении Шиллера. Что прикажешь делать – прибавил он – не портить же себѣ аттестат из-за ребе».

Эти рассказы были на протяжении всех трех журналов. Такое было представление о еврейской семье. Считалось, что евреи зажиточные, и всегда стремились учиться. Рассказ является неким подтверждением стереотипов по отношению к евреям.

В каждом журнале «Еврейский мир» есть истории, которые с каждый номером продолжаются, то есть серия рассказов о жизни и культуре еврейских семей.

В основном в журнале «Еврейский мир»¹ рассказывают и анализируют историю евреев. В апрельском и сентябрьском номерах делают акцент на статистических данных о евреях не только в Российской Империи, но и в мире в целом.

В апрельском номере существует глава библиография. «Бюро еврейской статистике в Берлине»² освещает положение евреев в важнейших странах России, Австрии, Германии и Венгрии и Голландии.

Анализ периодической печати позволяет сделать вывод о том, что к концу XIX – началу XX в. общество признает евреев в качестве единого и самобытного народа. Конечно, такое нельзя говорить про органы власти. Губернская администрация и органы власти относились к евреям в Российской империи с подозрением и старались контролировать все сферы их деятельности. Для органов власти евреи были неизученным и непонятным народом, за которым необходимо следить, и изучать его, чтобы избежать противовластных настроений. Такое отношение было своеобразным регулятором еврейского населения. Но можно говорить о повышении уровня признания еврея, как человека, который вписывается в мир, который был установлен в начале XX в.

© Харитонова А.О., 2016

УДК 639.1

Хасанова З.Ф.
г. Уфа

ОХОТА У БАШКИР ИНЗЕРСКОГО БАССЕЙНА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Аннотация: В статье рассматривается охота у башкир инзерского бассейна с середины XIX до начала XXI вв.. Автор на основе полевого материала выделяет особенности и методы охоты на данной территории.

Ключевые слова: охота, башкиры инзерского бассейна, охотник.

Annotation: The article discusses hunting Bashkirs inzerskiy pool from mid-XIX to the early XXI centuries. The Author based on field material highlights the features and techniques of hunting in the area.

Key words: hunting, Bashkirs inzerskiy pool, hunter.

Охота – один из традиционных видов промыслов башкир, известный с древнейших времен¹, и одна из основных подсобных отраслей у башкир-катаев. На изучаемой территории в горах, покрытых густыми лесами, обитает много различных животных: медведи, косули, олени, волки, лоси, лисицы, куницы, белки, норки, горностаи, а также птиц: тетеревов, рябчиков, куропаток и т. д.²

После присоединения башкир к Русскому государству ясак начали платить пушниной и медом. Уплата ясака натурой стимулировала со второй половины XVI и в XVII вв. дальнейшее развитие охоты и бортничества. В «Грамоте из Приказа Казанского Дворца» уфимскому воеводе Д.П. Головину в 1692 г. говорилось, что за «великих государей жалованные вотчины» башкиры Осинской, Казанской, Сибирской и Ногайской дорого «платят в нашу казну куничный и лисий ясак и медвежий оборок»³.

В башкирские шежере нередко включались тексты жалованных грамот, полученных некогда башкирами от русских царей; в них обычно указывались размер и вид ясака, который вносили те или иные роды в казну за свои вотчины: юрматинцы платили сто куниц, минцы – «...сто семьдесят одну куницу, восемнадцать батман меда»⁴; бурзяне, кыпчаки, усерганы и тамьянцы доставляли царю «...мед, шкуры куницы, а некоторые – выдры и бобра»⁵. В соответствии с хозяйственной необходимостью быстро развивается промысловая охота на пушных зверей. Однако охота в конце XVII в., если не раньше, начинает терять свое экономическое значение. Именно поэтому местная администрация заменила ясак натурой – деньгами⁶.

В конце XVIII – середине XIX в. башкиры продолжали заниматься одним из традиционных занятий – охотой. Как пишется в источнике 20-х годов XIX в., «...из всех жителей Оренбургской губернии башкирцы более всех занимаются звероловством, что доставляет им немаловажную пользу»⁷. Промысловыми зверями были следующие: бобер, выдра, куница, лисица, волк, рысь, горностай, норка, ласка, белка-летяга, заяц, суслик. Охотились также на медведей, лосей и диких коз. К середине XIX в. средние цены на меха были: шкурка черно-буровой лисицы – от 10 до 21 руб. серебром, лисицы обыкновенной – от 3 до 3 ½ руб., горностая – от 30 до 50 коп., белки – 15 коп., зайца – 5 коп. серебром⁸.

¹ Кузеев Р.Г. Развитие хозяйства у башкир в X–XIX вв. Развитие хозяйства башкир в X–XIX вв. (к истории перехода башкир от кочевого скотоводства к земледелию) // Археология и этнография Башкирии. Т. 3. Уфа, 1968. С. 290.

² Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа, 1996. С. 23.

³ Кузеев Р.Г. Развитие хозяйства у башкир в X–XIX вв... С. 290.

⁴ Кузеев Р.Г. Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 51.

⁵ Кузеев Р.Г. Развитие хозяйства у башкир в X–XIX вв... С. 290.

⁶ Янгузин Р.З. Хозяйство и социальная структура башкирского народа в XVIII–XIX вв. Уфа, 1998. С. 38.

⁷ Там же. С. 79.

⁸ Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII – первая XIX в. М., 1984. С. 146.

¹ Библиография... С. 127.

² Бюро еврейской статистике в Берлине // Еврейский Мир. 1909. № 2. С. 156.

Роль охоты к концу XIX в. снижается, как промысел она утратила свое значение. Об этом говорится в документе того времени: «Охота, как промысел, почти не существует, так как число лиц, занимающихся ею с промышленной целью, достигает только 105 человек, а заработка не повышает 1705 руб. и составляет, следовательно, менее 20 руб. в год для каждого»¹.

Для населения изучаемой территории были характерны приемы и орудия как таежной (различного рода охотничими снарядами, с луком и стрелами), так и степной охоты (с ловчими птицами – ястребами, соколами, беркутами и с гоном волков)².

Изучаемая территория всегда славилась своими охотниками. О них ходили легенды. В каждой деревне были свои охотники. Особенно славилась ими д. Бердегулово, Субхангулово, Габдулово, Зяяково, Ассы³. Вот как писал Д.П. Никольский: «Лесной башкир, можно сказать, по природе охотник, да трудно и не быть охотником, живя в такой местности, где чуть не на каждом шагу встречается разная дичь, начиная с медведя и кончая рябчиком»⁴.

Как говорят информаторы, у каждого вида животного и птиц есть определенное время, когда на них можно охотиться: на глухарей, тетеревов, рябчиков – с августа по сентябрь, на зайца-беляка – с октября по январь, – на лисицу – с октября по февраль, ондатру – с сентября по февраль, бобра, косулю – с октября по февраль, бурого медведя, кабана – с октября по январь. Поэтому башкиры, особенно в зимнее время, много времени проводили на охоте. По сведениям информаторов, в зимний период основными животными, на которых охотились местные жители, были лоси, волки, медведи⁵.

Главная и наиболее распространенная у башкир-катаицев охота – на медведя. В конце XIX в. Д.П. Никольский писал: «Охотятся чаще всего с так называемого «лабаза», устраиваемого на дереве, на высоте саженей двух от земли. На деревянных подпорках (*баңыс*) между обоими деревьями клались две довольно толстые жерди (*жирзә, найгай*). На жердях у обоих деревьев настипался ряд расколотых палок, на которые садился охотник. Медведя стреляли ночью на стервятине, а на случай, если бы медведь, раненый, полез на лабаз, каждый из охотников имел при себе топор. Чтобы не вытоптать траву и не отпугнуть от стервятины чуткого зверя, охотники как днем при устройстве лабаза, так и вечером приезжали на место охоты верхом на лошадях. Приманкою служила падаль, которая кладется недалеко от дерева. Не обходилось иногда без курьезов: или лабаз падал, или иной охотник не услышал, как медведь спокойно съедал приманку и уходил»⁶.

До сих пор сохранились традиционные методы охоты на медведя. Так же ставят лабазы, оставляют падаль. Охотники делают лабаз (*талғак*) днем из жердей или досок, которые привезли из дома, для мягкости стелят траву. На закате поднимаются на лабаз. Возле падали ставят железный капкан, который привязывают к дереву или с помощью железного кола забивают в землю. Охотники с ружьями сидят тихо, не разговаривают, на охоту берут только тех, кто не курит и не кашляет. Когда медведь идет, он издает звуки, специально, чтобы напугать охотника и чтобы он себя показал. Как говорят информаторы, только медведь возвращается на остатки падали, волк очень редко⁷. Медведь очень хитрый и умный зверь, если он оставил падаль возле водоема, то когда возвращается, идет по воде, откуда его не ждет охотник. Бывали случаи, когда медведь видел капкан и уходил.

¹ Обзор Оренбургской губернии за 1885 год. С. 6.

² Кузеев Р.Г. Развитие хозяйства у башкир... С. 306.

³ Полевые материалы автора. Записано у Баязитова Х.С. 1926 г. р., Республика Башкортостан, Белорецкий район, д. Габдулово. 2010 г.

⁴ Никольский Д.П. Из поездки к лесным башкирам // Землеведение. Т. 2, кн. 4. М., 1895. С. 12.

⁵ ПМА. Записано у Абсалямова З.М. 1953 г. р., Республика Башкортостан, Белорецкий район, с. Шигаево. 2009 г.

⁶ Никольский Д.П. Указ. соч. С. 12–13

⁷ ПМА. Записано у Ягафарова А.Р. 1954 г. р., Республика Башкортостан, Белорецкий район, с. Зяяково. 2010 г.

Другой известный способ охоты на медведя – непосредственно в берлоге (*өң*). Охотник разыскивал берлогу залегшего на зиму медведя. Она хорошо заметна для опытного охотника. Спящего медведя будили с помощью деревянной палки или натравливали собак. У выхода из берлоги ставили деревянное копье (*һөнгө*), если было ружье, то стреляли в зверя (см. приложение 3.41). Деревянное копье изготавливали осенью из рябинника. Существовала и железная рогатина, которую насаживали на длинную палку. Рогатина хранится в Зяяковском школьном музее и этнографических фондах ИЭИ УНЦ РАН, Э-24-79 (ОФ 503-79).

В таких случаях охотник один брал медведя. Таковых мало: Рахматулла Нигматов из д. Ассы, Ханнан Узянбаев из д. Шигаево, Азнагул Асылгужин из д. Нулат. Охотник из д. Габдулово Хайрулла Баязитов (1926 г. р.) за всю свою жизнь «взял» 20 медведей. Однажды за один раз взял пятерых. Как говорит охотник, он всегда охотился один, с собой брал только собаку. Охотник из д. Субхангулово убил 43 медведя¹.

Убитого медведя охотники везли домой на *шумане*, изготовленном из коры дуба, веревку делали из липы. Такой *шуман* мог довезти до 140–150 кг, столько весят медведи-самки, самцы – полегче.

Шкура, мясо и желчь медведя считаются лечебной².

На мелких животных башкиры-катаицы охотились редко, в основном для продажи шкуры. Как отмечает Д.П. Никольский, «...На зайцев горные башкиры охотятся редко, – не стоит за ними и порох тратить, говорили они. Мясо хотя и съедают, но не охотно; шкура продается. Иногда охотятся на лисиц». Для сохранения шкуры в них не стреляли, а ставили разные ловушки, петли³.

Капканы ставили на лису, зайца, барсука, куницу, норку, выдру, горностая, иногда на волка. Петли на зайцев (*куян толагы*), как и на лисиц (*төлкө тоягы*), вили из конского волоса, позже их начали делать из тонкой проволоки, петли ставились в количестве нескольких десятков на заячьих и лисьих тропах.

Из ловушек более сложного устройства башкиры-катаицы пользовались теми, которые прижимали зверя своей тяжестью (*тэне*), и ударными капканами (*тэне, атма, кауыт*). *Тэне*, или плашкой, называлась ловушка, состоящая из двух помещенных одна над другой колод, верхняя из которых приподнималась и настораживалась; колода эта придавливала попавшего под нее зверя своей тяжестью. При одном и том же принципе устройства *тэне* бывали и очень маленькие, когда ими ловили и ловят мышей, и очень большие, когда они предназначались для медведя.

Тем же словом *тэне* башкиры-катаицы называли и ударную ловушку, настораживаемую на горностаев, мышей и других мелких зверьков. Она состояла из деревянного, полого внутри обрубка (*хауыт*) с укрепленной в нем широкой деревянной лопаткой (*калак*). На середине обрубка делался вырез, в котором свободно ходила другая лопатка таких же размеров, как и нижняя. Двойная веревка (*токаз, еп*) внутри обрубка, скрученная и натянутая наружными клиньями, служила для верхней лопатки пружиной. Настороженная верхняя лопатка задерживалась при помощи особой палочки-лучка (*ян*) и привязанного к ней колышка (*сирткес*) с язычком (*тел*). Такую ловушку применяли только башкиры-катаицы⁴.

Помимо деревянных ловушек, начиная со второй половины XIX в. среди башкир получили повсеместно широкое распространение железные тарелочные капканы,

¹ ПМА. Записано у Нигматова М.Р. 1940 г. р., Республика Башкортостан, Белорецкий район, д. Ассы; Абсалямова М.Б. 1925 г. р., Республика Башкортостан, Белорецкий район, с. Шигаево; Баязитова Х.С. 1926 г. р., Республика Башкортостан, Белорецкий район, д. Габдулово; Асылгужина Н.А. 1949 г. р., Республика Башкортостан, Белорецкий район, с. Шигаево. 2010 г.

² ПМА. Записано у Ягафарова А.Р. 1954 г. р., Республика Башкортостан, Белорецкий район, с. Зяяково. 2010 г.

³ Никольский Д.П. Указ. соч. С. 13.

⁴ Руденко С.И. Башкиры: историко-этнографические очерки. Уфа, 2006. С. 64–65.

различной величины и силы в зависимости от рода зверя, для ловли которого они были предназначены. Самый большой капкан ставили на медведя и волка¹.

На зайцев, лисиц, барсуков, куниц башкиры-катаицы охотились и охотятся с собаками². Например, когда ловят зайца, собака берет его след, находит и начинает гонять, заяц бегает по кругу: делает один маленький круг, другой – большой. Когда заяц бежит по большому кругу, охотник успевает ставить капкан³.

Также железный капкан ставят на тропах лисы. Для этого охотник ищет следы, там, где их много, с помощью деревянной лопаты убирает снег, ставит капкан, затем сверху кладет снег. Свой след охотник маскирует с помощью той же лопаты⁴.

Барсука берут с помощью дыма: для этого задымляют его нору и, оставляя только один выход, там ставят железный капкан. Барсучий жир используется в народной медицине для лечения легочных заболеваний.

Широко использовали башкиры при охоте лук и ружье. До XIX в. лук со стрелами был наиболее распространенным охотничим оружием башкир. Луки (*йәйә*), употреблявшиеся башкирами на охоте, были двух типов: простые (*ян*) и сложные (*әдернә*). Охотничьи стрелы (*үк*) существовали различных типов. Основу стрелы делали из дерева, наконечники были разные. Для охоты на крупного зверя использовали металлические наконечники, а на пушных зверей – с костяной обоймой (*үк башы*). У башкир в старину имелись кремневые ружья, со второй же половины XIX в. их вытеснили пистонные ружья, появились и берданки. Некоторым своеобразием отличались только ружейные принадлежности⁵.

Меньший по сравнению со звериной ловлей, но все же значительный удельный вес в хозяйстве башкир имело птицеловство. Охотились башкиры на глухарей, тетеревов, рябчиков, куропаток, гусей и уток.

Самый распространенный метод ловли птиц был у башкир-катаицев петлями. Петли для ловли птиц устраивались следующим образом: на мочальную веревку 2–3 м длиной на равном расстоянии прикреплялось от 9 до 16 петель, свитых из конского волоса. Таким способом повсеместно ловили преимущественно тетеревов во время их весенних токов. Веревки с петлями натягивались в различных местах токовища между деревьями и вбитыми в землю колышками на высоте около 20 см от поверхности земли. Во время тока в ловушку попадало много птиц⁶. Чаще всего охотились на глухарей, тетеревов, куропаток и т. д.⁷

Как пишет С.И. Руденко в начале XX в., характерной особенностью башкир-катаицев было использование при охоте на птиц соколов и ястребов и притом исключительно на уток и гусей⁸.

По словам Ф. Ратцеля, «...башкиры славятся как дрессировщики соколов, ястребов, даже царских орлов, которых они продают киргизам за высокую цену»⁹. Соколов и ястребов птенцами брали из гнезда и обучали охоте. Приученный сокол и ястреб знали своего хозяина, только одного его и слушались. Когда башкиры отправлялись на охоту, птицы сидели на руке хозяина с завязанными глазами. Как только попадала дичь, ястреба или сокола спускали с руки. Птица быстро взлетала вверх, откуда стремительно летела на свою добычу и моментально убивала и вместе с жертвой падала на землю. Так описывал

соколиную охоту башкир В. Зефиров в середине XIX в.: «Птица вся поднялась с озера и густой тучей понеслась на поле; мы поскакали вслед за ней. Вдруг четыре сокола и беркут, спущенные с привязок, врезались, как смертоносные пули, в эту перепуганную стаю. Но надо видеть, чтобы понять эту картину». Он также писал: «Ловкость и сила соколов одушевляли и веселили меня; но беркут, этот крылатый волк, был ужасен в своих действиях; я даже думал было выстрелить в него, когда он на лету, почти над моей головой, растерзал гуся и пустился за другим, за четвертым и так далее. Увидев, что соколы уже не могут управиться с разлетающейся птицей, он молнией облетел все пространство побоища, сбил ее в одну стаю, и снова упивался кровожадным удовольствием: бить крылом и терзать когтями. В час все было кончено. С последней птицей соколы пали на землю; но беркут все еще носился в воздухе, и тогда уже спустился, когда ему показали гуся, облитого кровью»¹. Выученный ястреб оставлялся не более как на год и затем отпускался на волю². Соколы-сапсаны, с которыми охотились башкиры, как и кречеты, бьют птицу, нападая на нее сверху. Нередко башкирам удавалось добывать с соколами гусей, уток, особенно во время вечерних охот, когда водоплавающая птица летела с рек и озер на хлеба.

Однако уже в конце XIX в. у башкир-катаицев: «...Ястребиная или соколиная охота... служит удовольствием, чуть не праздником для всей деревни, где имеется сокол. Хозяин ястреба торжественно едет верхом или идет пешком на охоту во главе толпы»³. А к началу XX в. соколиная охота по всей Башкирии почти исчезает⁴.

Снаряжение башкира-охотника (*нұнарсы*) состояло из лыж (*саңғы*), подбитых шкурой, ружья (*мылтық*), кистеня (*сүкмар*), топора (*балта*) и охотничего ножа (*бысак*). Башкир, когда уходил на охоту, брал теплую, но в тоже время легкую одежду⁵.

Таким образом, традиционный промысел башкир – охота, пережил несколько этапов. Кульминацией развития охоты у башкир были XVI–XVII вв., это было связано с платой ясака Русскому государству. Однако в конце XVII в. ясак был заменен деньгами, так как башкиры уже не могли платить в таких количествах ясак мехом из-за повышения плотности населения и нехватки земель. С XVIII в. идет заметный спад: уже в XIX в. охота не носила промысловый характер. В связи с этим исчезли многие виды охоты и орудия. Соколиная и ястребиная охота, которая была характерна башкирам-катаицам, в начале XX в. перестала существовать.

Современные башкиры-охотники используют различные охотничьи ружья и самоловные орудия: капканы, деревянные самоловы и др. Изменились и способы охоты. Традиционные методы ловли зверей сохранились в д. Нулат, Арышпарово, Бришево, Зуйково, Габдулково, Ассы.

© Хасанова З.Ф., 2016

¹ ПМА. Записано у Нигматова М.Р. 1940 г. р., Республика Башкортостан, Белорецкий район, с. Ассы. 2010 г.

² Руденко С.И. Указ. соч. С. 72.

³ ПМА. Записано у Ягафарова А.Р. 1954 г. р., Республика Башкортостан, Белорецкий район, с. Зуйково. 2010 г.

⁴ ПМА. Записано у Нигматова М.Р. 1940 г. р., Республика Башкортостан, Белорецкий район, с. Ассы. 2010 г.

⁵ Руденко С.И. Указ. соч. С. 69–70.

⁶ Там же. С. 75.

⁷ ПМА. Записано у Баязитова Х.С. 1926 г. р., Республика Башкортостан, Белорецкий район, д. Габдулково. 2010 г.

⁸ Там же. С. 79.

⁹ Ратцель Ф. Народоведение / пер. с нем. Д.А. Коробчевского. Т. 2. СПб., 2008. С. 582.

¹ Зефиров В. Соколиная охота в Башкирии // Башкирия в русской литературе: В V т. Т. И. Уфа, 1989. С. 406–407.

² Никольский Д.П. Указ. соч. С. 13.

³ Там же. С. 13.

⁴ Руденко С.И. Указ. соч. С. 80.

⁵ ПМА. Записано у Баязитова Х.С. 1926 г. р., Республика Башкортостан, Белорецкий район, д. Габдулково. 2010 г.

Цивилева О.Р.
г. Уфа

НЕКОТОРЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ БАШКИР

Аннотация: В научной статье приведены материалы полевых этнографических исследований по народной медицине башкир о причинах заболеваний, способах их лечения, народных целителях и знахарях.

Ключевые слова: Народная медицина, причины заболеваний, сглаз, очищение помещения, снятие сглаза, целительство, знахарство, заговоры, лечение молитвами, траволечение.

Annotation: The research paper contains ethnographic field study materials on traditional folk medicine of the Bashkirs, includes information concerning disease causation, ways of treatment, traditional practitioners and healers.

Key words: folk medicine of the Bashkirs, disease causation, evil eye, house cleansing, curing evil eye, healing, arcane knowledge, spell, prayer-treating, herbal therapy.

Народная медицина башкир представляет собой комплекс знаний и методов, направленных на излечение и предупреждение болезней, включающий в себя как практический опыт врачевания, так и магическую практику избавления от различного рода физических недугов. Данная область, будучи частью традиционной культуры башкирского народа, в настоящее время исследована довольно широко и является актуальной, так как методы традиционной башкирской медицины применяются и по сей день среди башкирского населения не только в сельской местности, но и в современной городской среде.

Первые сведения о народной медицине башкир, носящие фрагментарный характер, встречаются у различных авторов, как правило, ученых-путешественников XVIII–XIX вв. (И.Г. Георги, И.И. Лепехина и П.С. Палласа). Отрывочность сведений связана с тем, что ученые того времени применяли всесторонний подход к изучению Башкирского региона, описывая данные природно-климатического характера, традиционную бытовую и духовную культуру в целом. В середине XX в. огромный вклад в изучение указанной темы внесли такие ученые как С.И. Руденко и Р.Г. Кузеев. Современная разработка тематики связана с работами В.З. Гумарова, Ф.Г. Хисаметдиновой, З.И. Минибаевой. Например, монография В.З. Гумарова «Башкирская народная медицина», вышедшая в 1985 г., является первой попыткой комплексного этнологического анализа народной медицины башкир¹. Большую ценность представляет работа Ф.Г. Хисаметдиновой «Лечебная и охранительная магия башкир (тексты)», в которой приводятся тексты лечебных заговоров, а также их классификация². Исследованиями традиционной народной медицины башкир занимается З.И. Минибаева. В ее работах представлен достаточно обширный полевой материал и, в частности, впервые приведен подробный анализ мусульманских способов врачевания³.

В данной статье представлены полевые этнографические материалы по народной медицине башкир, собранные в ходе наших исследований, проведенных в июле 2016 г. в Архангельском (д. Тавакачево)⁴, и в сентябре 2016 г. в Уфимском (интервью, взятые у двух представительниц с. Чесноковка, Аминовой Венеры Асфандиновны, уроженки с. Алькино Салаватского района Республики Башкортостан (далее РБ)⁵ и Абдрахмановой

Фарзаны Ямиловны, уроженки г. Сибай Баймакского района РБ¹) районах РБ, а также в сентябре 2016 г. в г. Уфе (интервью с доктором философских наук, профессором кафедры социальной работы БашГУ Вильдановой Гюзель Булатовной, уроженкой д. Новобайрамгулово Учалинского района РБ²). Стоит отметить, что сведения, предоставленные Абдрахмановой Ф.Я., касаются непосредственно культуры самарских башкир, обосновавшихся в д. Узян современного Баймакского района, во время массовых переселений башкир из территории Самарской губернии в период «раскулачивания» 1917–1923 гг. (далее – самарские башкиры).

Согласно представлениям башкир, существует всего две причины заболеваний: «*ңыуык тейеү*» – переохлаждение, в следствие чего человек заболевает простудными болезнями, и «*құз тейеү*» – сглаз. Каждый человек, не осознавая этого, может стать источником сглаза. Дурные мысли, негативные эмоции, зависть, гнев – все это является причиной отрицательного воздействия. При этом человек может навредить не только окружающим, но и самому себе. Если тот, кому пожелали зла, окажется сильнее, то есть чище в духовном плане, то обидчику может все вернуться бумерангом. Ситуация может оказаться настолько плачевной, что даже вероятен летальный исход.

Возникновение некоторых болезней приписывают влиянию колдовства («*сихыр*»), но, в ходе исследований, нами не было обнаружено существования профессиональных колдунов. По словам Г.Б. Вильдановой, у башкир не принято заниматься черной магией. Причина тому – запрет на подобного рода занятия в Исламе, который не нарушается уже практически тысячу лет³.

Для избежания отрицательного воздействия, в частности сглаза, проводятся такие профилактические процедуры, как например, очищение жилища. Очищение производится путем окуривания жилых помещений. А именно, поджигают довольно распространенный растительный оберег – можжевельник («*артышы*») и распространяют дым по всему дому (согласно научным данным, дым можжевельника обладает антисептическими, дезинфицирующими свойствами). Особенно часто данная процедура применяется в таких случаях, как в период после похорон, когда дом посетил неприятный человек или расплакался ребенок. Аналогичным образом используют полынь («*әрем*»). А отвар полыни применяется для омовений, избавляющих от негатива. Для очищения помещений помимо дыма также используется огонь. При помощи пламени свечи выявляют присутствие негативной энергии: держа в руках свечу, обходят все пространство помещения, все углы. Если свеча «трещит» – это говорит о том, что в доме поселилась дурная энергетика. В Салаватском районе известен такой способ очищения жилища от различного рода накопленного негатива: в металлической емкости необходимо заварить траву тысячелистника («*эт эсәгө*»), затем настоять 30 минут и помыть полы этим отваром⁴.

Для того, чтобы защитить себя от различного рода заболеваний, связанных с негативным воздействием используются обереги. Например, в г. Сибае Баймакского района РБ перед входом в дом вешают ветви можжевельника и колючего синеголовника.

Обереги принято носить с собой, например, это мусульманские молитвы, вшитые в маленькие кожаные мешочки («*бетеү*»). Обычно *бетеү* изготавливается муллой или, со слов информаторов, этим зачастую занимается женщина, которую называют *օстабикә* (буквально, *мастерица*)⁵. Более подробная информация об *օстабикә* будет приведена

¹ Гумаров В.З. Башкирская народная медицина. Уфа, 1985.

² Хисамитдинова Ф.Г. Лечебная и охранительная магия башкир (тексты). Уфа, 2009.

³ Минибаева З.И. Традиционные способы сохранения жизни и здоровья у гайнинских башкир // Семья и семейные традиции у народов Башкортостана: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной «Году семьи» в России и «Году социальной защиты семьи» в Башкортостане. Уфа, 2008. С. 73.

⁴ Полевые материалы автора (далее ПМА) // Этнографическая экспедиция исторического факультета Башкирского государственного университета (далее БашГУ), июль 2016 г.

⁵ ПМА. с. Чесноковка, Уфимский район, РБ, Аминова В.А., 1965 г.р., 2016 г.

¹ ПМА. с. Чесноковка, Уфимский район РБ, Абдрахманова Ф.Я., 1951 г.р., 2016 г.

² ПМА. г. Уфа, РБ, Вильданова Г.Б., 1975 г.р., 2016 г.

³ Она же.

⁴ ПМА. с. Чесноковка, Уфимский район, РБ, Аминова В.А., 1965 г.р., 2016 г.

⁵ Она же.

ниже. В ходе наших полевых исследований были выявлены *бетеу*, записанные на простой бумаге (*рисунок 1а, 1б, 2а, 2б*)¹, не только арабским шрифтом, но и башкирскими буквами на арабском языке. Такой оберег защищает от болезней, например на рисунках 2а, 2б приведен образец *бетеу* от грыжи.

Испокон веков у башкир оберегами считались все женские украшения, то есть осуществляли две основные функции – в качестве декоративного дополнения к одежде, и в качестве защиты от негативных влияний. На рисунках 3,4 представлены специальные, заговоренные украшения-браслеты из личной коллекции информатора Ф.Я. Абдрахмановой, которые передавались по наследству из поколения в поколение, и носились в качестве фамильного оберега².

Существуют и другие способы защиты от сглаза. С принятием Ислама башкирами, — стали совершать омовения и использовать специальные мусульманские обереги, чтобы уберечься от дурного глаза. Например, в личной коллекции Ф.Я. Абдрахмановой имеется следующий оберег в виде обруча, выполненного из хлопковой материи, около 60 см. в диаметре, ширина полоски около 10 см., полностью покрытый текстами аятов Корана с внешней стороны³. После совершения омовения, этот оберег необходимо было несколько раз пропустить через себя, начиная с головы, через туловище и заканчивая ногами, для того, чтобы очиститься. Чтобы уберечься от сглаза женщинам следует носить одежду, покрывающую тело с ног до головы. Избавиться от негативного воздействия помогает чтение аятов Корана. Этот метод излечения называется «*өшкөрөү*»: над человеком читают молитвы и дуют в область затылка. Обычно используются 3 самых сильных аята: *Ихлас, Фәләк и Нәс*.

Считается, что не только взрослые, но и маленькие дети очень восприимчивы к сглазу. По сей день, по нашим наблюдениям, не только в сельской местности, но и в городах принимаются меры, чтобы уберечь новорожденного ребенка от сглаза. Над колыбелью ребенка принято вешать что-то яркое, бросающееся в глаза, например, гроздья красной рябины. Это делается для того, чтобы взгляд сначала упал на отвлекающий предмет – это смягчит последующий взгляд, направленный на ребенка. Также на лбу младенца чертят круг черным углем, либо красной краской (помадой). Новорожденного, которому еще не исполнилось сорок дней, не принято оставлять одного, в противном случае рядом с колыбелью следует оставлять острые, колющие-режущие предметы, например, ножницы или нож. Согласно поверьям, именно в это время в теле ребенка устанавливается душа, и существует опасность замены души ребенка нечистой силой («*йән алмаштырыу*»).

В случаях, когда человек подвергся сглазу или какому-либо другому негативному влиянию, обращаются к знахарям и целителям – «*имсе*». Обычно в этой роли выступают пожилые женщины, чьи целительские способности передаются по материнской линии и раскрываются со временем. Проводя различные обряды, они помогают снять негативное воздействие. Например, существует обряд под названием «*кот койоу*» («вливание души»). К нему прибегают чаще всего в случае испуга у детей. В таких случаях совершают следующие действия: над головой человека держат воду с растопленным оловом («*кургаи*»), читая молитву либо заговор. При этом олово принимает различные формы. Например, присутствовавшая во время данного обряда у своих племянниц, Г.Б. Вильданова рассказала, что у одной из них получилась фигурка в виде собаки, у другой – в виде паука. Имсе, которая проводила данный обряд, пришла к выводу, что соответственно получившимся изображениям у девочек случился приступ испуга при виде паука и собаки. До обряда одна из племянниц заикалась, после же этого изъян исчез⁴.

¹ ПМА. с. Чесноковка, Уфимский район, РБ, Аминова В.А., 1965 г.р., 2016 г.

² ПМА. с. Чесноковка, Уфимский район, РБ, Абдрахманова Ф.Я., 1951 г.р., 2016 г.

³ Она же.

⁴ Она же.

Также считается, что после сеанса *кот койоу* у человека улучшается качество сна. Получившуюся в результате отливания фигурку следует носить при себе в качестве оберега, амулета, прикрепляя к одежде с внутренней стороны. По нашим полевым материалам, в Архангельском районе *кот койоу* используют при различных заболеваниях, просыпании в поту, в экстренных случаях, если не успевают вызвать скорую помощь или дойти до больницы, а также от сглаза¹.

К целительницам обращаются и при таком недуге, как опущение или смещение внутренних органов. Г.Б. Вильданова явилась очевидицей еще одной процедуры под названием «*йөрәк һылау*» (вправление сердца): при помощи массажа живота с применением стакана устанавливают на место сердце, читая при этом молитвы, заговоры и выполняя пассы руками. Считается, что во время испуга сердце смещается на несколько миллиметров, что приводит к различным заболеваниям². Как правило, все мероприятия по вправлению внутренних органов осуществляются в бане.

Большим почетом и уважением у башкир пользуются исламские целительницы – *օстабикә*. В качестве примера такой целительницы можно привести являться Ахмадееву Накию Мамалимовну, жительница с. Алькино Салаватского района РБ (1903–1990 гг.), которая являлась прабабушкой автора данной статьи. Нам о ней поведала ее внучка, Аминова Венера Асфановна. После смерти супруга, который являлся муллой в данном селе, Накия Мамалимовна взяла на себя его функции. Ее услугами пользовались не только жители с. Алькино, но и жители окрестных деревень и сел. Арсенал ее деятельности был широк: она проводила мусульманские обряды имянаречения — «*исем күшүү*», похоронные обряды (обмывание покойника, погребение, поминки), занималась целительством, проведением башкирских обрядовых праздников, ритуалов, например такой обряд, как вызов дождя — «*яңғыр теләү*». Во время сеансов «*өшкөрөү*», со слов А.В. Аминовой, Накия Мамалимовна начинала зевать, не в силах прочесть молитву над больным, что являлось верным признаком порчи или сглаза. Также Н.М. Ахмадеева заговаривала соль, хлеб и заварку аятами Корана. На рисунках 2а, 2б представлены обереги, выполненные именно ее рукой³.

Среди башкирского населения действенным способом исцеления и избавления от эстетических изъянов являются заговоры. Со слов В.А. Аминовой был записан следующий заговор для избавления от бородавки или ячменя, который читался на полную луну: «*Ай мама, Ай мама, бына минең тәтәйем, қайза һинең тәтәйең?*» («Мама луна, мама луна, вот моя игрушка, где твоя игрушка?»). Аналогичный заговор приводит Ф.Г. Хисамитдинова в своей работе «Мифологический словарь башкирского языка»: «*Сәйәлде айға құрғәтеп: Ай, қайза һинең тәтәйен, бына минең тәтәйем!*» тип имләгендәр. – Бородавку заговаривали так: показывали ее луне и произносили: «Луна, где твоя игрушка, вот моя игрушка!»⁴

Наличие у человека сглаза определяют не только по симптомам болезни. Для обнаружения сглаза также применяют прорицательную систему под названием «*нокот һалыу*» – гадание при помощи специальных маленьких круглых камушков или зерен фасоли. Для этого берут горсть камушков или фасолинок (у самарских башкир) и делят на девять частей, в три ряда, в каждом ряду должно получиться по три кучки. По числу камушков в каждой горсти определяют ход событий⁵. Данный способ применяют и в других случаях, например, для обнаружения пропавшей из дома вещи или скота, либо для

¹ ПМА // Этнографическая экспедиция исторического факультета БашГУ. 2016 г.

² ПМА. г. Уфа, РБ, Вильданова Г.Б., 1975 г.р., 2016 г.

³ ПМА. с. Чесноковка, Уфимский район, РБ. Аминова В.А., 1965 г.р., 2016.

⁴ Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. М., 2010. С. 264.

⁵ ПМА. с. Чесноковка, Уфимский район, РБ, Абдрахманова Ф. Я., 1951 г.р., 2016 г.

того, чтобы узнать свою судьбу. Иногда этой процедурой занимаются люди, специализирующиеся исключительно на произведении гаданий – «нокотсо»¹.

Наряду с обрядами и различными заговорами активно используется терапия лекарственными травами, особенно при простудных заболеваниях, развившихся вследствие переохлаждения. Часто используются настои полыни от кашля и душицы от простуды. При болезнях суставов в Учалинском районе РБ применяют следующий метод: необходимо надеть штаны с широкими штанинами и наполнить их свежескошенной майской травой, которая будет прогревать суставы².

В процессе сбора трав, по поверьям башкир, следовало всегда спрашивать разрешения у духа местности, например, у «урман эйәне» – хозяина, духа леса. Запасаться травами впрок было крайне нежелательным, нужно было собирать столько, сколько необходимо. По завершении сбора благодарили духа местности со словами: «Рәхмәт, урман эйәне! Шифага булһын!» («Спасибо, хозяин леса! Пусть будет на здоровье!»)³.

Еще один способ вылечиться и укрепить свое здоровье при помощи трав — это очищение организма. Самарские башкиры используют для этих целей паровые ямы. Для этого необходимо выкопать яму длинной с человека и глубиной с полотно лопаты. Далее следует наполнить яму камнями, ветками. Ветки нужно сжечь, затем накрыть яму травой и устроиться внутри нее, накрывшись полиэтиленом, оставив вырез для лица и покрыв голову платком. В последующие 2-3 дня после процедуры следует тепло одеваться. Данное мероприятие проводится весной 1-3 раза⁴.

В терапевтических целях также применяются и другие средства. Например, в качестве целебного напитка употребляется свежевыдоенное кобылье молоко («бейә һөтө»), которое полезно для людей с больными легкими. Также в целях профилактики и повышения иммунитета употребляют кумыс из кобыльего или козьего молока. А напиток «бұза», изготовленный из овса, является мочегонным средством. Полезным для здоровья считается дрожжевой хлеб на хмеле («комалык»). Настоянные хмельные дрожжи - «әсетке» применяются при лечении герпеса. Излюбленным же средством можно назвать башкирский пчелиный мед, который известен своими целебными свойствами во всем мире. А при лечении фурункулезов используется бараний жир. Одним из его полезных свойств является низкая температура замерзания. Еще одно средство — белая глина, ее накладывают на больные места. Одним из мест добычи данного продукта является область между деревнями Новобайрамгулово и Кутуево Учалинского района, а так же у озера Талкас, близ д. Исяново Баймакского района РБ.

Таким образом, материалы, приведенные в данной статье, свидетельствуют о том, что способы народной медицины башкир все популярны и весьма эффективны среди современного башкирского населения.

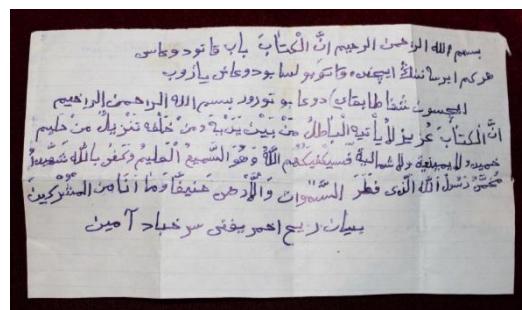

Рисунок 1а

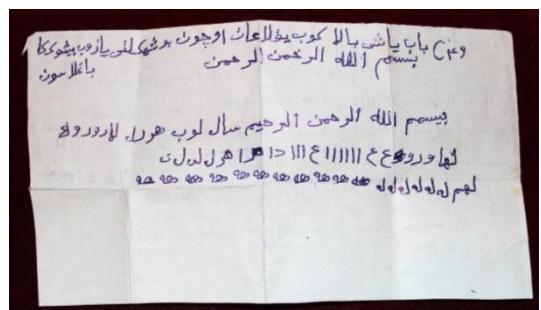

Рисунок 1б

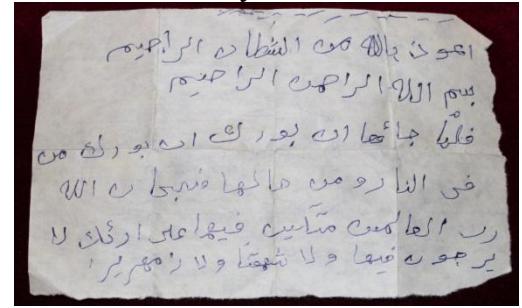

Рисунок 2а

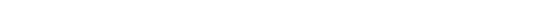

Рисунок 2б

Рисунок 3

Рисунок 4

© Цивилева О.Р., 2016

¹ Сүлейманова М.Н. Доисламские верования и обряды башкир: Монография. Уфа, 2005. С. 90.

² ПМА. г. Уфа, РБ. Вильданова Г.Б., 1975 г.р. 2016 г.

³ Она же.

⁴ ПМА. с. Чесноковка, Уфимский район, РБ, Абдрахманова Ф. Я., 1951 г.р., 2016 г.

Чиканова Л.В.
г. Каменск-Уральский

ОРГАНИЗАЦИЯ КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ В ГОРОДЕ КАМЕНСКЕ-УРАЛЬСКОМ

Аннотация: Представлена история создания краеведческого музея в провинциальном уральском городе Каменск-Уральский. И.Я. Стяжкин, — краевед, член-корреспондент Уральского общества любителей естествознания — занимаясь краеведческими изысканиями и собирая различные коллекции, осознает необходимость организации музея. В течение нескольких лет, преодолевая трудности, Стяжкин реализует свою идею — в городе появляется музей.

Ключевые слова: музей, экспонаты, краеведческое движение, полезные ископаемые, коллекция, историческое наследие.

Annotation: The history of museum of local lore in Kamensk-Uralsky. I. Styazhkin (local historian, corresponding member of the Ural society of naturalists) is aware of the necessity for the organization of the Museum, when doing local history research and collecting various collections. For several years, overcoming difficulties, Styazhkin implements his idea and the city appears Museum.

Key words: museum, exhibits, local lore movement, minerals, collection, historical legacy.

Стремясь к духовному возрождению, современное общество возвращается к своим истокам. В наши дни, когда по всей стране идет обращение к исторической памяти, увеличивается роль краеведения, являющегося составной частью науки и культуры. Именно этим определяется интерес как к истории развития краеведческого движения в целом, так и музейному делу региона и отдельного города.

Период с 1917 по 1929 гг. вошел в историю науки как «золотое десятилетие» отечественного краеведения. Возникает множество музеев на Урале и Приуралье. Появляются они стихийно, без участия государства, как результат деятельности отдельных энтузиастов и учреждений, связанных с изучением родного края. Создавались музеи при школах и заводах. Фонды их складывались из материалов, собранных статистическими комитетами, земствами и научными обществами¹. Причины столь мощного подъема краеведческого движения, оказавшего небывалое влияние на научную, культурную и общественную жизнь российской провинции того времени, до сих пор еще не до конца раскрыты исследователями.

В это знаменательное в истории краеведения время и был создан музей в небольшом уральском городе — Каменске-Уральском. Увы, мало кому известно имя основателя музея — Ивана Яковлевича Стяжкина — замечательного человека, незаслуженно забытого краеведа.

Он родился в городе Бирске Уфимской губернии 4 (16) июня 1877 г. Сын русского крестьянина, он окончил инородческую школу и в 1893 г. начал преподавательскую деятельность, которой отдал 35 лет.

Волею судеб, Иван Яковлевич оказывался в разных уголках Урала, где с энтузиазмом брался за любое новое дело. Он с увлечением занимался селекцией, садоводством, этнографией, метеорологическими наблюдениями, геологией и минералогией. Стяжкин являлся членом-корреспондентом Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), корреспондентом Главной Физической обсерватории, а также был корреспондентом Петербургского Бюро по прикладной ботанике. Всю жизнь он собирал уральский фольклор, записывал воспоминания участников Великой Отечественной войны. Благодаря ему, сохранился обряд крестьянской свадьбы и составлен «Словарь особенностей народного говора Камышловского уезда», в котором более пяти тысяч слов и выражений. Стяжкин написал историю сел Окулово и Щербаковского, деревень Новый Завод и Суворы, города Каменска-Уральского. Именно с

этим городом связан значительный этап жизнедеятельности уральского краеведа. Здесь появилось его «детище» — так, любя, Стяжкин называл музей.

Датой рождения музея считается 5 мая 1924 г., но материалы и экспонаты Иван Яковлевич начал собирать еще до приезда в Каменск-Уральский. С начала своей преподавательской деятельности Стяжкин ощущал недостаток наглядных пособий по ботанике, зоологии, минералогии. Именно это побудило его к собирательству нужных для уроков растений, минералов и руд.

В 1902 г. Стяжкин работал в Колчедане заведующим мужским училищем, где принял участие в более серьезный сбор различных образцов местных полезных ископаемых и составления гербария. Из собранных им коллекций в 1905 г. был основан небольшой школьный музей, который пополнился экспонатами и коллекциями, подаренными музеем Уральского общества любителей естествознания. Переезжая в 1918 г. в село Щербаковское, Иван Яковлевич часть музейных экспонатов увез с собой. Другая часть коллекции, оставленная без присмотра, погибла.

С 1921 г. Иван Яковлевич работал школьным инструктором сельского хозяйства, часто ездил по Камышловскому уезду. Эти поездки дали возможность познакомиться с месторождениями полезных ископаемых и пополнить свой музей новыми экспонатами. В деревне Евсиговой, где в это время жила семья Стяжкина, не было возможности организовать музей. Поэтому экспонаты оставались невостребованными и хранились в свободной комнате школьного сторожа на палатах¹. В феврале 1923 г. Стяжкин с семьей переезжает на жительство в Каменск-Уральский и привозит с собой пять пудов образцов полезных ископаемых.

В мае 1923 г. в городе открывается Дом культуры с разными секциями. Была попытка создать и музейную секцию, но, за неимением у людей интереса к музейному делу, секция не проработала и месяца. Иван Яковлевич хотел пожертвовать Дому культуры музейные экспонаты, но его администрация не соблаговолила отвести для них комнату или хотя бы сделать полки. Стяжкин целый год безрезультатно обращался в райисполком, в отдел народного образования и в поселковый совет, разъясняя значение музея для растущего города, и с просьбой о выделении здания для музея².

2 мая 1924 г. было выделено пустовавшее здание, а также отпущено 30 рублей на ремонт³. С помощью добровольцев за три дня был наведен порядок: побелены стены, вставлены стекла, убран мусор. 5 мая 1924 г. музей открылся для публики. Первая экспозиция была бедная. В небольшой витрине находились бумажные и медные деньги, в шкафах на стене выставлены несколько банок с рыбами и земноводными, а на полках размещалась коллекция минералов. Хотя вход в музей был бесплатный, но в первый день посетители не пришли. Музей стал работать по воскресеньям.

Иван Яковлевич с энтузиазмом заботился о своем «детище»: работал на общественных началах и сторожем, и техником, и заведующим музеем. Жена и дочь время от времени приходили мыть полы. В виду того, что ни сторожа, ни отопления, ни какой-нибудь сметы музею выделено не было, он закрылся 7 ноября 1924 г. на всю зиму.

В 1925 г. музей открылся лишь 1 мая и работал по воскресеньям до 7 ноября. Так продолжалось пять лет. Ивана Яковлевича уважали жители города и старались помочь, принося в музей различные старинные вещи. В 1925 г. В.П. Бирюков, уральский краевед и основатель первого музея в Зауралье, пожертвовал каменскому музею три витрины, кости носорога и два бивня молодого мамонта. В 1926 г. городская милиция передала в музей несколько старинных пистолетов и ружье. Жена бывшего купца Воробьева подарила музею витрину. Гражданин Белокуров передал бивень мамонта. Из конфискованного имущества заводчика Шамарина досталась голова лося и старинное резное крыльцо. Таким образом, экспозиция росла, посетителей с каждым годом становилось больше.

¹ Архив Каменск-Уральского музея (далее АКУМ). Фонд Стяжкина И.Я. Д. 1. Л. 2.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Л. 15.

¹ История Урала в период капитализма. М, 1990. С. 381.

1927 г. райисполком устроил в здании музея сельскохозяйственную выставку, для которой были сделаны постоянные витрины. После окончания ее деятельности, коллекции трав и зерновых остались в музее. Местные театралы-любители дали благотворительный спектакль, сбор от которого пошел на развитие экспозиции.

Работу музея в 1930 г. прервало извещение о выселении его из помещения, т. к. здание понадобилось под общежитие железнодорожного техникума. Экспонаты были перевезены в конюшню школы, где Стяжкин работал преподавателем. Здесь по одну сторону музейной коллекции жила корова, а по другую была уборная¹. Всю зиму экспонаты находились в таких условиях. Часть коллекции была повреждена, а часть растащили. И лишь в апреле музею было предложено разделить вместе с районной библиотекой церковный собор. Так работали до конца июля, пока и музей, и библиотека не были переселены в здание бывшей конторы чугунолитейного завода.

В 1931 г. музей стал государственным учреждением, была составлена первая смета – 1310 рублей. Появились две оплачиваемые должности: заведующий музеем (им стал сам Стяжкин), и техничка. Музей и библиотека три с половиной года находились в одном здании, стесняя друг друга в работе. В 1935 г. музей остался один и с этого времени стал расширяться, т. к. площадь увеличилась вдвое.

С 1937 г. штат музея состоял из четырех человек: директора – И.Я. Стяжкина, научного сотрудника, столяра и технички. Благодаря наличию своего столяра, за три с половиной года была организована соответствующая норме обстановка, и музей приобрел вид культурного учреждения. Таким образом, несмотря на трудности и специфику времени, музей был создан и служил горожанам источником просвещения.

© Чиканова Л.В., 2016

УДК 902

Шакиров З.Г.

г. Казань

Бездудный В.Г.

г. Ростов на Дону

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННЫХ МЕТОДОВ ВЫЯВЛЕНИЯ ДРЕВНИХ
ОБЪЕКТОВ И СООТНЕСЕНИЕ ИХ РЕЗУЛЬТАТОВ С МАТЕРИАЛАМИ РАСКОПОК
(НА ПРИМЕРЕ БИЛЯРСКОГО ГОРОДИЩА)*

Аннотация: В работе приводится пример использования дистанционных методов по выявлению древних археологизированных объектов на территории Билярского городища. Показывается соотнесение визуальных, фотографических и геофизических методов дистанционного зондирования с результатами археологических раскопок.

Ключевые слова: археология, дистанционные методы зондирования, аэрофотосъемка, геофизика, археологические раскопки, Билярское городище, древние объекты.

Annotation: The work provides an example of the use of remote sensing techniques to identify ancient archaeological objects on the territory of Bilyarsk settlement. It shows the correlation of visual, photographic and geophysical remote sensing techniques with the results of archaeological excavations.

Keywords: archaeology, remote sensing techniques, aerial photographing, geophysics, archaeological excavations, Bilyarsk settlement, ancient objects.

Тенденция археологических исследований последнего времени, в России и за рубежом, направлена на изучение объектов, которым, прежде всего, грозит разрушения в ходе хозяйственной деятельности, либо объектов которые имеют первостепенное значение в понимании исторических процессов и популяризации историко-культурного наследия на той или иной территории.

Археологические исследования Республики Татарстан развиваются в тренде и привлекают общемировые междисциплинарные наработки для выявления, изучения, сохранения и популяризации историко-археологических объектов. Одним из направлений является дистанционное обследование археологических памятников.

Неразрушающие методы исследований в археологии, с применением различных приемов, помогает на основе выявления отличительных признаков того или иного объекта, определить наиболее перспективные участки раскрытия и дальнейшей музеефикации объектов скрытых в земле. Несомненно, данный вид обследования может быть очень эффективным при изучении обширных участков земли, которые нельзя охватить традиционными способами полевой разведки. Одним из объектов на территории Татарстана, где помимо Болгарского городища и острова Свияжск, ведется отработка дистанционных методов являются остатки Билярского городища. Биляр – «Великий город на Черемшане» русских летописей – городской центр X – первой трети XIII вв., обладавший административно-политической, культовой, торгово-ремесленной и военной функциями, стоит в первом десятке крупнейших городов средневековой Евразии. Селитбенная площадь города, погибшего в 1236 г. в результате нашествия монголо-татар, без укреплений, с прилегающими пригородными поселениями составляет около 800 га.

Дистанционные методы, примененные на Билярском городище, подразделяются на визуальные, фотографические и геофизические.

История *визуального метода* заключенного в описании объектов – «портал или

* Работа подготовлена в рамках гранта Президента РФ по государственной поддержке ведущих научных школ РФ №НШ-7170.2016.6. «Процессы урбанизации и градостроительства в Поволжье (X-XVI вв.)».

¹ АКУМ. Фонд Стяжкина И.Я. Д. 1. Л. 9.

врата великого храма и столпы видимы¹, «остатки каменных развалин»² на территории рассматриваемого городища идет с XVIII в. Однако уже в то время, Н. Рычков отмечает, что «жители города Билярска разрушили все сие здание до основания, и ныне уже находятся там одна пустота и развалины»³. Последующая, почти двухсотлетняя, распашка площадки городища, особенно тяжелой техникой в 1950-60-е гг., привела к значительным изменениям поверхностного ландшафта. Например, в результате исследований оборонительных сооружений в восточной части внутреннего города в 2009 г., был изучен не выделявшийся визуально запаханный ров, хотя его глубина достигала почти 2 м⁴.

Кроме негативного воздействия, распашка позволила Билярской археологической экспедиции в 1973-74 гг. использовать *фотографический дистанционный метод*. Использование аэровизуального наблюдения и аэрофотосъемки позволило составить более детальную топографию и внутреннюю планировку городища. Плановая и перспективная аэрофотосъемки после весенней распашки и после всхода полевых культур позволили выделить остатки кирпичных и белокаменных зданий, западины древних улиц, водоемов, дорог и др⁵. По результатам дешифровки аэрофотосъемки удалось выделить около шестидесяти объектов (рис. 1), данные 70-х годов прошлого столетия и на сегодня остаются актуальными. После прекращения распашки городища в 1997 г., когда был создан Билярский историко-археологический и природный музей заповедник, а площадка покрылась дерном, возможности аэрофотосъемки значительно сократились. Снимки, сделанные с искусственных спутников и большей высоты, дают еще меньшую детализацию. Однако совмещение результатов аэрофотоснимка 1973 г. и снимков сделанных из космоса, а также использование утилиты для работы со спутниками снимками позволило З.Г. Шакирову наметить GPS координаты кирпично-каменных объектов. Мы использовали, обладающую широким функционалом, бесплатную утилиту SAS.Планета, взаимодействующую с различными спутниковыми и картографическими сервисами. В нашем случае мы использовали спутниковые снимки Геопортала Роскосмоса (рис.2). При визуальном осмотре по выделенным координатам на современной поверхности отмечались задернованные всполмления.

Следующим этапом стали *геофизические методы* зондирования, основанные на использовании отраженного объектами излучения. Осенью 2014 г., при поддержке директора ИА им. А.Х. Халикова АН РТ А.Г. Ситдикова, сотрудниками Лаборатории Археологическая Геофизика (Ростов на Дону) под руководством В.Г. Бездудного было проведено комплексные геофизические исследования: магнитометрическая (измерение вертикального градиента магнитного поля), георадарная съемка. Следует отметить, что для чистоты эксперимента, геофизики не знали результатов описанной ранее аэрофотосъемки, где относительно четко выделялось пятно объекта подквадратной формы. По результатам работы Лаборатории Археологическая Геофизика на месте, указанном З.Г. Шакировым, выявлен ряд изменений в грунте, которые выстраиваются в систему. Предположительно геофизикой зафиксированы остатки отдельной усадьбы. Включая ограду, предположительно сооружения хозяйственного назначения. Так же, была выделена крупная аномалия. Она представляла собой скрытый под землей объект подквадратной формы ориентированный углами по сторонам света, с

¹ Татищев В.Н. История Российской. Т. I. М.-Л., 1962. С. 269.

² Рычков Н. Журнал или дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1769 и 1770 гг. СПб., 1770. С. 13.

³ Там же, С. 19.

⁴ Аськеев И.В., Валиулина С.И., Галимова Д.Н., Ермолаев О.П., Мельников Л.В., Рогова Т.В., Ситдиков А.Г., Шайхутдинова Г.А., Шакиров З.Г. Центральное Закамье: природно-культурный ландшафт Билярской моноцентрической агломерации // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2010. Т. 152, кн. 3, ч. 1. С. 55.

⁵ Игонин Н.И. Халиков А.Х. Применение авиации при изучении Билярского городища и его окрестностей // Исследования Великого города. М.: Наука, 1976. С. 57-60.

предположительными размерами 13x13,5 м (рис. 3).

В 2015 г. Билярской археологической экспедицией с целью определения характера аномалии изучались ее южный угол и прилегающая к нему территория (рук. Ф.Ш. Хузин, З.Г. Шакиров). Раскоп XLIV площадью 288 кв. м был расположен в центральной части внутреннего города Биляра на невысоком холме, возвышающемся в 280 м к западу от здания Соборной мечети.

В сезон 2015 г. до материка изучена площадь в 72 кв. м (сектор 1), до отметки -250 от 0 – площадь 168 кв. м (секторы 2 и 3, где выявлены руины крупного кирпичного здания). Не вскрытыми оставлены бровки площадью 48 кв. м. В раскопе выявлено 25 объектов, из которых 19 (хозяйственные, подпольные и столбовые ямы) изучено полностью. Выделяется сооружение № 1 – фундаментная часть кирпичного здания с остатками цоколя. Оно представляет собой руины и отдельные фрагменты конструкций из кирпичной кладки, скрепленной илисто-известковым раствором. Места наиболее больших всплесков при распределении градиентов магнитного поля во время раскопок показали наличие кирпичных кладок и их развалов, отдельных кирпичей, угля и золы. Качество результатов геофизических методов исследования, в первую очередь, обусловлено отсутствием поздней переработки культурного слоя на основной территории городища и отсутствием коммуникаций, которые могли бы создавать помехи для аппаратуры.

Таким образом, максимальный результат получается, при совмещении визуальных, фотографических и геофизических методов дистанционного зондирования на территории Билярского городища. Такой комплексный подход, позволяет:

- Картировать, с большей, или меньшей степенью детализации структуру и план древней застройки памятника на большой площади.

- Получить новую и уточнить старую информацию о памятнике на площади, на порядок больше, чем возможно было бы исследовать археологическими методами.

- Выделять наиболее перспективные участки для вскрытия архитектурных объектов с последующей их музеификацией.

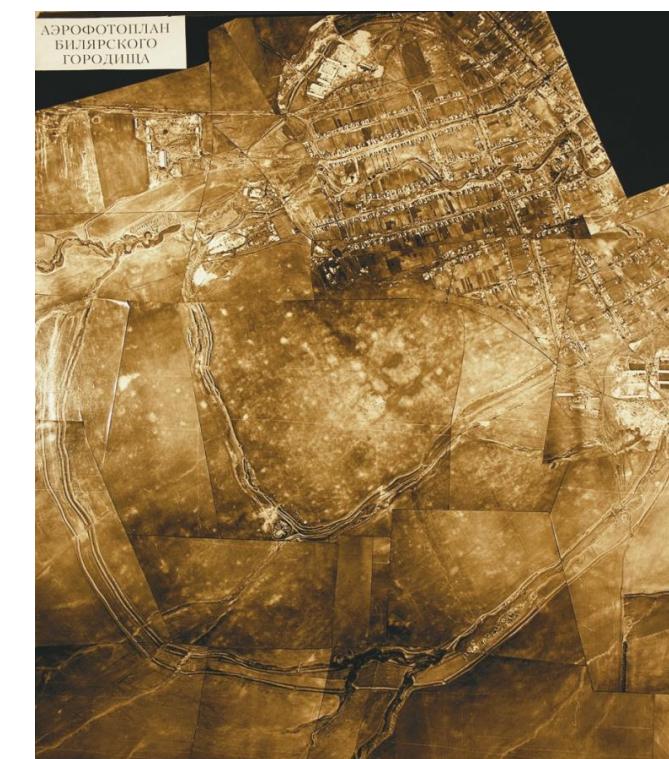

Рисунок 1. Аэрофотоплан Билярского городища (1973 г.)

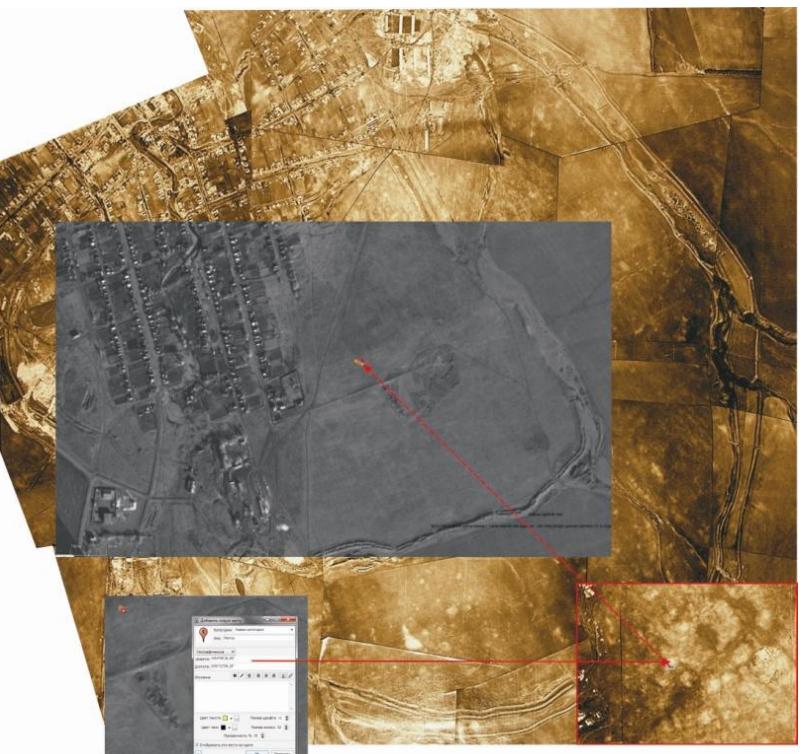

Рисунок 2. Дешифровка аэро- и космических снимков с определением GPS координат

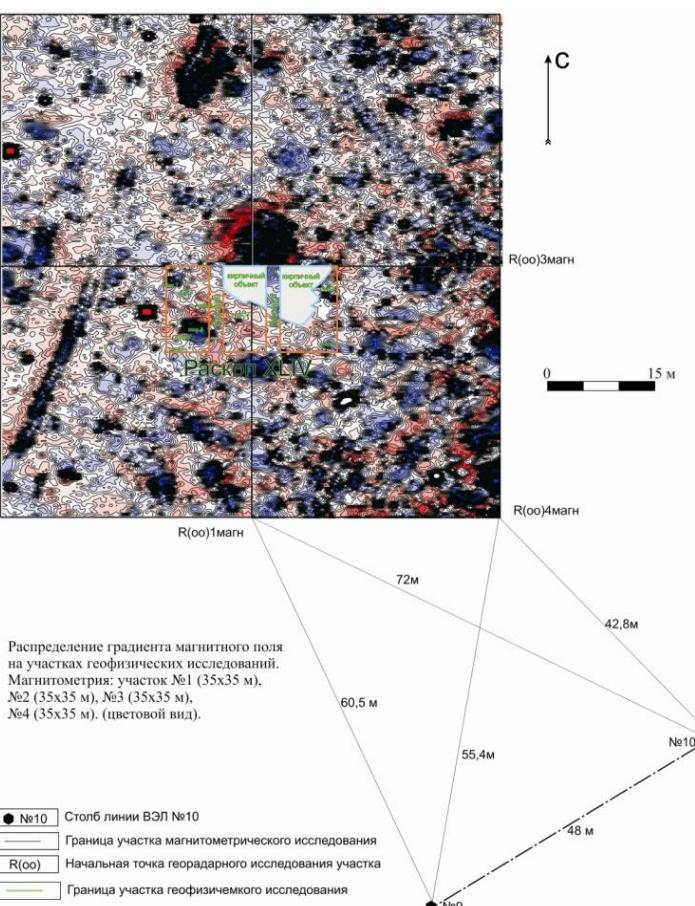

Рисунок 3. Совмещение результатов геофизических исследований и материалов раскопа XLIV.

© Шакиров З.Г., 2016
© Беззудный В.Г., 2016

К ВОПРОСУ О ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЕ ЭТНОСА

Аннотация: Данная статья является попыткой дать теоретическое обобщение научных результатов исследования духовной культуры этноса (этнокультурной общности, этнической группы) проведенного автором на стыке философии, культурологии и этнологии, и легшего в основу его монографии «Духовная культура древнетюркской цивилизации»¹. Автор приходит к выводу, что структуры т.н. «коллективного бессознательного» одновременно формируют этническое самосознание и духовную культуру этноса в целом.

Ключевые слова: духовная культура, антропосоциогенез, культурогенез, антропология, конструктивизм, архетипы.

Annotation: This article is an attempt to give a theoretical generalization of scientific results of the research of spiritual culture of an ethnic group (ethno-cultural community, ethnic groups) conducted by the author at the intersection of philosophy, culturology and ethnology, and which formed the basis of his monograph "Spiritual culture of ancient Turkic civilization". The author comes to the conclusion that the structure of the so-called "collective unconscious" at the same time form the ethnic identity and spiritual culture of the ethnic group as a whole.

Key words: spiritual culture, anthropogenic, cultural Genesis, anthropology, constructivism, archetypes.

Культура (как материальная, так и духовная) возникает в момент отрыва человека от материнского лона живой природы, перехода его в качественно новое состояние – из животного, слитого с природой, в существо разумное, мыслящее, активно осваивающее мир природных объектов в процессе их преобразования и создания материальных и духовных артефактов. Появление духовной культуры, таким образом, неразрывно связано с началом сложного и длительного процесса, который в советской науке принято было называть антропосоциогенезом².

Сложность, с которой исследователи неизбежно сталкиваются при изучении следов духовной культуры человека (поскольку они принадлежат к миру идеальных объектов, виртуальному универсуму или ноосфере³) преодолевается путем философско-культурологического анализа материальных артефактов оставленных нам предыдущими поколениями, а также изучением целого набора символов существующих в современном духовном пространстве - мифов, легенд, святынь, эмблем.

Процесс формирования мира духовной культуры был сложен и неоднозначен. Долгое время в классической науке бытовало мнение о человеке первобытности как о существе достаточно примитивном, круг интересов которого сводился к реализации приземленных, по сути животных потребностей (безопасность, еда, жилище, продолжение рода). Таким образом, наш предок представлял перед глазами европейских ученых XIX – начала XX вв. как существо примитивное, грубое, с бедным кругозором и неразвитым воображением, существо без моральных норм и представлений о нравственности, чьему прямыми свидетельствами являлись такие явления как промискуитет и каннибализм, якобы безраздельно царившие в первобытном обществе (человеческом стаде).

Поступательное развитие антропологической науки (в СССР в первую очередь) опровергло упрощенные схемы прогрессистов и механицистов. Настоящую сенсацию вызвала находка в пещере Шанидар, где было обнаружено захоронение неандертальца, усыпанного букетами цветов, что прямо свидетельствовало о существовании весьма развитых духовных представлений даже не у кроманьонского человека признанного нашим прямым предком, а у боковой, многими исследователями считающейся

¹ Шарипов Р.Г. Духовная культура древнетюркской цивилизации. Менталитет. Религия. Искусство. Эпос. Уфа, 2015.

² Семенов Ю.И. Как возникло человечество. М., 1966; он же: На заре человеческой истории. М., 1989.

³ Вернадский В.И. Химическое строение биосфера Земли и ее окружение. М., 1965.

«тупиковой» ветви вида Homo¹. По образному выражению Л.Н. Гумилева: «...за высокими надбровными дугами ... неандертальца видимо гнездились мысли и чувства»²

Исследования советских ученых и их западных коллег во второй половине XX века (напр. К. Леви-Стросса³ и др.) показали, что мир первобытной духовной культуры не менее сложен и развит, нежели у современного человека, живущего в лоне цивилизации, а в некоторых аспектах, возможно, и превосходит ее.

Антрапосоциогенез (в данном нашем конкретном случае – антрапосоциокультурогенез) уникален как процесс развития человека, в котором его развитие, эволюция биологического вида от высших приматов к Homo Sapiens (антропогенез) шли рука об руку с формированием человеческого общества, выработки социальных связей и отношений, норм и институтов общественной жизни (социогенез) и становлением, развитием духовной сферы (то, что мы понимаем в конкретном случае как культурогенез). Также мы не должны упускать из виду, что одновременно с развитием человека и человеческого общества полным ходом шел процесс этнической дифференциации человечества, в результате которого современный мир представляет собой многолицую палитру народов и их самобытных национальных культур (этногенез).

В последнее время в западной и российской философской и научной мысли стал превалировать конструктивистский подход к определению этноса как некоего искусственно созданного в сознании симулякра, вымыщенного конструктора, который существует только в сознании людей его вообразивших⁴. С этим ни в коей мере невозможно согласиться.

Без всякого сомнения правы противники этнического конструктивизма Ф.С. Файзуллин и А.Я. Зарипов, которые отмечают что: «становление этноса – процесс долгий, связанный с географическими, территориальными, социальными и психологическими факторами для формирования этносов как самостоятельных общностей в первоначальный период их становления огромное значение играли любые этноразличительные признаки, основываясь на которых его представители могли противопоставить себя другим»⁵. А если исходить из этого вывода, то мы можем предположить, что первые зачатки этнического самосознания безусловно возникают уже на заре человеческого общества, когда формирующийся человек стал четко отделять себя и представителей своего сообщества (будь то человеческое первобытное стадо, род или племя – терминология не суть важна) от представителей иного человеческого коллектива, когда стало возникать четкое деление по принципу «свой» и «чужак». Именно с этого момента и был запущен тот самый *ретретиум mobile* этногенетических процессов, которые, несмотря на уверения этноконструктивистов, шли, идут и будут идти и развиваться, поскольку являются той пресловутой формой движения материи «в которой наряду с социальной и независимо от нее живут люди уже больше 50 тыс. лет и которая, будучи природной, является формой существования Homo sapiens»⁶.

Бытие этноса не определяется и не исчерпывается ни расой, ни языком, ни территорией, ни государственным суверенитетом, хотя, безусловно, все эти признаки очень важны для обнаружения национального бытия.

Также нация – не есть только ныне живущее поколение, но есть и своеобразная сумма всех поколений, она есть нечто изначальное - вечно живой субъект исторического процесса, в котором живут и пребывают все прошлые поколения, не менее, чем поколения

современные.¹ Этническое сознание предполагает идентификацию индивида с историческим прошлым данной этнокультурной общности и акцентирует идею «корней». Этнос, мировосприятие и самосознание этнической группы вырабатывается символами общего прошлого – мифов, легенд, святынь, эмблем. Поэтому национальную общность следует рассматривать прежде всего как общность самосознания ее членов, а не только как саму по себе групповую культурную отличительность, существовавшую с самого начала человеческой истории.

Наличие общих мировоззренческих категорий, некоего набора универсальных ценностей, характерных как для старых так и для новых поколений, вне зависимости от их возраста и социального статуса в обществе, на наш взгляд является одним из основных маркеров реального бытия того или иного этноса. Существование той или иной этнической группы может быть зафиксировано документально, признано де-юре, но говорить о жизни этноса, пожалуй, бессмысленно, если не существует в реальности то, что составляет духовную основу этноса – общая историческая память, мировоззрение, ценности присущие только этой, и более никакой другой этнической группе, элементарная гордость за свой народ. Этнос может перестать быть носителем материнского языка-основы, но в случае если полностью исчезла духовная связь между представителями разных поколений и представителей разных социальных групп представляющих этнос в общечеловеческом пространстве, то можно заявить о его практической гибели, распаде – это тот самый случай, когда тот или иной народ, племя сначала переходят в «красную книгу» этногенеза, а затем и полностью считаются мертвыми, сошедшими с исторической арены. Подобное явление можно проследить не только на уровне локальных этносов, этнических групп, но и на макроуровне – на уровне суперэтносов. Нечто подобное произошло в свое время с представителями античного суперэтноса, когда «вымерли» не просто древние римляне и греки, а ушла в небытие целая цивилизация, получившая в свое время гордое название Pax Romana. Тем не менее, даже когда это произошло, культурное наследие греко-римской эпохи не исчезло втуне. Вергилий стал проводником Данте: образы античной мифологии, античного театра и литературы вдохновили искусство, драматургию, и литературу западноевропейского Возрождения и Нового Времени.

Таким образом, можно сделать вывод, что культура может пережить цивилизацию, язык и этноним могут пережить своего первоначального носителя (хотя бывает и наоборот). Но для того, чтобы это случилось, чтобы культурная традиция не оборвалась полностью, необходимо сохранение неких глубинных слоев – «коллективного бессознательного», неких духовных инвариантов культуры - долговременных структур архетипического или ценностного порядка. Именно эти структуры, обладающие и большей исторической длительностью и гораздо большей устойчивостью относительно изменений общественно-политической жизни и материальной сферы, одновременно формируют этническое самосознание и духовную культуру этноса в целом.

© Шарипов Р.Г., 2016

¹ Семенов Ю.И. На заре человеческой истории... С. 230–231.

² Гумилев Л.Н. Этносфера. История людей и история природы. М., 2004. С. 41

³ Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М., 1994.

⁴ Barth F. Ethnic Groups and Boundaries. The social Organisation of Culture Difference. Oslo, 1969; Anderson B. Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. London – New York, 1995; Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.

⁵ Файзуллин Ф.С., Зарипов А.Я. Этнос как субъект общественных отношений. Уфа, 2013. С. 19

⁶ Гумилев Л.Н. Этносфера. История людей и история природы. М., 2004. С. 16

¹ Бердяев Н.А. Философия неравенства. М., 1994. С. 48.

Шаяхметова И.З.
г. Уфа

**ДЕПУТАТСКИЙ КОРПУС ГОРОДСКИХ СОВЕТОВ ЮЖНОГО УРАЛА
В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ**

Аннотация: Предложены результаты исследования статуса и содержания деятельности депутатов городских советов Южного Урала в 1946–1991 гг. на основании неопубликованных документов и материалов. Депутатами становились рабочие и служащие, партийные и беспартийные, члены ВЛКСМ. В первую очередь решались социально-бытовые вопросы. Соблюдались нормы представительства женщин в выборных органах. Принцип выборности был нарушен в годы Великой Отечественной войны. Он был заменен кооптацией. После войны кооптация была запрещена. Избирательная политика советского государства постепенно унифицировала облик народного представителя власти, превратив его в послушного исполнителя партийных директив. Голосование в городских советах носило плебисцитарный характер: выработанное большинством решение подтверждалось единогласно. Городские советы были порождены политической культурой народов России и выражали эту культуру.

Ключевые слова: депутат, городской совет, Южный Урал, город, деятельность.

Annotation: The results of the study the status and content of the activity of deputies of municipal councils of the Southern Urals in 1946–1991 gg. on the basis of unpublished documents and materials. Deputies became workers and employees, the Party and non-Party, YCL members. The first addressed the social and domestic issues. Observe the rules of representation of women in elected bodies. the elective principle was violated during the Great Patriotic War. He was replaced by co-optation. After the war, co-optation was banned. Electoral Politics Soviet state gradually unify the appearance of the national representative of the authorities, turning it into an obedient executor of party directives. Voting in municipal councils was of plebiscitary character: worked out a majority decision was confirmed unanimously. City Council had generated a political culture of the peoples of Russia and expressed this culture.

Key words: deputy city council, the Southern Urals, city, activity.

В настоящее время в ряде регионов Российской Федерации продолжается осуществление реформы органов местного самоуправления. При этом важно учитывать наследие прошлого. Одной из организационных форм местного управления советского периода российской истории были городские советы, которые стали основой для трансформации традиционной системы дореволюционного управления.

До Великой Отечественной войны, в общем и целом, сложилась советская система местного управления. Чрезвычайные военные условия внесли изменения в структуру, и в содержание деятельности органов местного управления и самоуправления. В 1939–1946 гг. выборы в горсоветы не проводились. Великая Отечественная война нанесла огромный урон кадрам депутатов. Из более 27 тысяч депутатов местных советов на 1 декабря 1941 г. осталось 10392 человека. На 1 января 1945 г. в горсоветах было 56,3 % депутатов¹. Большая их часть продолжала нести военную службу, многие погибли на фронте. В целом к 1947 г., к первым послевоенным выборам в местные советы, в составе горсоветов оставалось 42,9 % общего числа ранее избранных депутатов. Около 70 % председателей горсоветов Южного Урала не являлись депутатами, а были кооптированы в местные органы государственного управления². Так, в 1941–1943 гг. в должности председателя городского совета Стерлитамака были поочередно А.У. Гирфанов, Я.Г. Казимир, П.Л. Черненко и З.Ш. Мурзахан³. Такая частая смена руководителей мало способствовала оперативному решению насущных вопросов в чрезвычайных условиях. После Великой Отечественной войны кооптация в местные советы была запрещена и был восстановлен принцип выборности⁴.

В 1947–1957 гг. увеличился процент женщин в составе депутатов: с 34,8 до 39,4 %, при одновременном снижении процента членов КПСС и кандидатов в члены КПСС: с 46,1 до 45,5 %¹. В числе народных избранников были известные деятели науки и культуры: Р.Г. Кузеев, М. Карим и др.². В этот период численность депутатов советов городов находилась в прямой зависимости от численности их населения. Положением была установлена минимальная численность депутатов горсоветов – 35 и максимальная – 700. По социальному составу депутаты горсоветов Южного Урала в 1947 – 1957 гг. – это рабочие (45,62 %) и служащие (54,38 %)³.

В 1958–1967 гг. выборы в местные советы проводились пять раз со строгой периодичностью один раз в два года⁴. Одной из особенностей выборов в местные советы в 1959, 1963 и 1967 гг. являлось то, что они происходили одновременно с выборами депутатов в Верховные Советы союзных и автономных республик.

В 1959 г. были отменены прежде действовавшие нормы представительства депутатов в горсоветах. Указом Верховного Совета РСФСР от 29 декабря 1958 г. было установлено, что в городские и районные советы в городах избиралось не менее 50 депутатов вместо 35 избиравшихся ранее.

В 1960-е гг. пристальное внимание стало уделяться обновлению депутатского корпуса городских советов. Так, в 1959–1967 гг. процент обновления в городах Южного Урала колебался от 56,2 до 72,4 %⁵. В составе депутатов горсоветов в 1959 г. было 38,3 % женщин, в 1967 г. – 42,8 %, с ростом удельного веса лиц в возрасте от 30 до 39 лет (38,95 %)⁶, в возрасте от 25 до 29 лет (14,15 %), старше 50 лет (19,83 %). Членов КПСС было 49,0 %, беспартийных – 51,0 %, среди последних членов ВЛКСМ – около 7,0 %⁷.

Поскольку к этому времени в СССР было введено всеобщее среднее образование, на Южном Урале расширилась сеть высших учебных заведений, среди депутатов горсоветов стало больше представителей со средним и неоконченным средним образованием (соответственно 28,48 и 30,96 %), с высшим образованием (13,05 %), с начальным образованием (35,48 %)⁸. По социальной принадлежности народные избранники были служащими, пенсионерами и представителями интеллигенции (48,84 %), рабочими (51,16 %)⁹.

Профессиональное представительство депутатов горсоветов сказывалось на преимущественном решении тех вопросов местной жизни, которые периодически ставились перед горсоветами. В 1959 – 1991 гг. неуклонно возрастала численность лиц, занятых в промышленности, строительстве, на транспорте и связи (38,8 %). Небольшой процент депутатов горсоветов был занят в коммунальном хозяйстве и общественном питании (4,8 %). Довольно значительна была доля научных работников, деятелей культуры, просвещения и здравоохранения (27,6 %). Остальная часть депутатского корпуса горсоветов в указанный период – это председатели, заместители председателя, секретари исполкомов и другие сотрудники советских учреждений (14,4 %), партийные работники (3,8 %), профсоюзные деятели (0,8 %), комсомольские работники (0,6 %), военнослужащие (1,2 %), домашние хозяйки, пенсионеры и учащиеся (5,2 %), всего –

¹ НАРБ. Ф. Р-91. Оп. 5. Д. 125. Л. 12, 27; Д. 130. Л. 2; Д. 136. Л. 1; Оп. 6. Д. 5. Л. 15; Ф. Р-2281. Оп. 1. Д. 20. Л. 3, 12 об.; Д. 59. Л. 12; Д. 92. Л. 93; Ф. 122. Оп. 27. Д. 541. Л. 30; Оп. 32. Д. 892. Л. 121.

² Там же. Ф. Р-91. Оп. 6. Д. 5. Л. 15.

³ Там же. Ф. 122. Оп. 32. Д. 892. Л. 121.

⁴ Сафаров Т.А. Совершенствование деятельности местных Советов Башкирской АССР (1945 – 1958 гг.) // Вопросы истории Башкирии. Вып. 1 (Советский период). Уфа, 1972. С. 117.

⁵ Советская Башкирия. 1967. 25 марта.

⁶ НАРБ. Ф. Р-2281. Оп. 1. Д. 119 а. Л. 1, 35.

⁷ Там же. Ф. Р-91. Оп. 6. Д. 10. Л. 15.

⁸ Там же. Ф. 122. Оп. 33. Д. 950. Л. 27; Оп. 66. Д. 51. Л. 19.

⁹ Там же.

¹ Национальный архив Республики Башкортостан (далее НА РБ). Ф. Р-394. Оп. 3. Д. 1062. Л. 128.

² Там же. Ф. Р-2281. Оп. 1. Д. 8 а. Л. 1 об.

³ НАРБ. Ф. Р-2281. Оп. 1. Д. 8 а. Л. 18, 20, 26, 31.

⁴ Известия. 1947. 28 марта.

26,0 %¹. Таким образом, в 1959–1991 гг. в горсоветах Южного Урала были представлены интересы различных профессиональных групп занятого населения, что способствовало постановке и решению широкого спектра социальных проблем городов.

Вся избирательная кампания по выборам в местные советы организовывалась по предварительно составленному бюро обкома плану. Этот план включал последовательное осуществление мероприятий: образование избирательных округов по выборам в местные советы с опубликованием их списков в печати до определенного бюро обкома партии календарного срока, организация подбора качественного состава кандидатов в депутаты городских советов и организация выдвижения общественными организациями кандидатур в состав городских избирательных комиссий и в состав окружных избирательных комиссий по выборам в горсоветы. В плане также были обозначены: образование городских избирательных комиссий и избирательных участков по выборам в горсоветы, подготовка и публикация в печати данных о зарегистрированных кандидатах в депутаты горсоветов, составление и вывешивание списков для всеобщего обозрения. Для проведения агитационно-массовой работы на избирательных участках организовывались агитпункты для работы среди избирателей по месту жительства. Планировалось также систематическое освещение предвыборной кампании в печати, по радио и телевидению².

Некоторые изменения в существующую избирательную систему были внесены в годы перестройки. 17 февраля 1987 г. было издано постановление Политбюро ЦК КПСС «О проведении выборов в местные советы народных депутатов, народных судей и народных заседателей районных (городских) народных судов»³. В постановлении основной акцент был сделан на процедуре выдвижения и обсуждения кандидатов в депутаты. Предписывалось проводить обсуждение на альтернативной основе (выдвигать несколько кандидатур) на собраниях в трудовых коллективах и по месту жительства. Выдвижение кандидатов в депутаты местных советов должно было осуществляться в отдельных цехах, отделах и других подразделениях крупных трудовых коллективах. Указанным постановлением вменялось в обязанность выдвигать в окружные по выборам в местные советы и участковые избирательные комиссии представителей первичных общественных организаций трудовых коллективов, уличными, квартальными, домовыми комитетами, женсоветами, советами ветеранов войны и труда.

Несмотря на директивные указания о соблюдении демократических основ выборов в части выдвижения кандидатов в депутаты местных советов, бюро обкомов КПСС рассматривали каждую кандидатуру из выдвиженцев, принимая по этому поводу соответствующие решения. Так, на заседании бюро обкома КПСС Башкирской АССР 5 мая 1987 г. было отмечено поверхностное изучение выдвигаемых кандидатур в депутаты в городах Нефтекамск, Октябрьский, Салават⁴. При подведении итогов выборов в местные советы 1 сентября 1987 г. указывалось, что решения о выдвижении кандидатов в депутаты принимались на основе свободного обсуждения кандидатур открытым голосованием, причем 68,2 % из них были выдвинуты на собраниях трудовых коллективов, 31,4 % – на сходах граждан, 0,4 % – на заседаниях общественных организаций. В 1987 г. 4042 (11,2 %), не предусмотренные заранее для выдвижения, но названные избирателями, были избраны депутатами⁵.

¹ НАРБ. Ф. Р-91. Оп. 6. Д. 141. Л. 13–14; Ф. 122. Оп. 221. Д. 224. Л. 50–54.

² Там же. Ф. Р-91. Оп. 6. Д. 138. Л. 79; Ф. Р-933. Оп. 11. Д. 1494. Л. 8; Ф. 122. Оп. 7. Д. 26; Оп. 10. Д. 169; Оп. 13. Д. 31. Л. 211; Д. 286. Л. 10, 11 об., 12 об.; Оп. 19. Д. 155; Оп. 27. Д. 231; Оп. 30. Д. 513. Л. 21, 94; Оп. 76. Д. 21. Л. 203–206; Оп. 78. Д. 21. Л. 22, 93, 203–208; Оп. 85. Д. 57. Л. 6–8; Оп. 186. Д. 67. Л. 8; Д. 79. Л. 3; Оп. 189. Д. 225. Л. 85–86, 90–91, 99, 110; Оп. 212. Д. 190. Л. 77–83; Оп. 218. Д. 120. Л. 2; Ф. 8827. Оп. 1. Д. 101. Л. 6–7.

³ Там же. Ф. 122. Оп. 221. Д. 32. Л. 17.

⁴ Там же. Ф. 122. Оп. 221. Д. 47. Л. 9–10.

⁵ Там же. Ф. 122. Оп. 221. Д. 93. Л. 43–44.

Процент протестного голосования (против всех кандидатов в депутаты) в течение всего советского периода колебался незначительно: от 0,53 до 1,9 %¹. Если до перестройки причины этого явления не подвергались детальному исследованию, то в годы перестройки было выяснено, что 53,4 % протестных голосов были поданы без каких-либо мотивов, 34,3 % – по причине нерешенного жилищного вопроса, 1,8 % были вызваны неудовлетворительной работой советских органов, 1,4 % – плохой организацией торговли и бытового обслуживания населения, 9,1 % – другими причинами; увеличилось число голосов против кандидатов в депутаты горсоветов из сферы коммунальных служб и пассажирского транспорта². В 1987 г. резко возросло количество надписей на бюллетенях³.

Рост протестного голосования при довольно высокой явке избирателей (98–99,2 %, в среднем за 1946–1991 гг.)⁴ свидетельствовал о наметившемся кризисе представительных органов управления на местах. Проявлением кризисных явлений были нерешенные социальные вопросы и элементарное сомнение населения в возможности решения насущных проблем местными советами. Указанные тенденции не были оставлены без внимания партийными и советскими органами. В связи с этим были предприняты некоторые шаги по реформированию избирательной системы. В 1985–1986 гг. были четко разделены обязанности партийных органов и советов. Фактически была провозглашена передача власти из рук КПСС Советам. Был учрежден новый орган власти – Съезд народных депутатов СССР, из числа депутатов которого избирался Верховный Совет, который превращался в постоянно действующий парламент⁵. В качестве эксперимента в 1987 г. были проведены выборы в местные советы РСФСР по многомандатным округам (до этого выборы осуществлялись по одномандатным округам)⁶. Так, в Башкирской АССР в 14 городах республиканского подчинения было образовано 3397 округов по выборам в горсоветы, в трех городах районного подчинения – соответственно 149 округов, в семи районах г. Уфа – 1640 округов⁷. В конце 1988 г. Верховный Совет СССР принял закон об изменении системы выборов в советы. Причины малоэффективности деятельности местных органов управления виделись в характере представительства в советах различных социальных групп населения. Неоднократно указывалось, что совет по своему составу должен быть как бы срезом общества, выражать интересы всех слоев населения. Решение этой задачи в пореформенное время видели в сохранении принципов альтернативности выборов и демократических начал выдвижения кандидатов в депутаты⁸.

Кризисные явления системы местного управления в городах стали появляться еще до Великой Отечественной войны. Последние перед Великой Отечественной войной выборы в горсоветы были проведены в 1939 г., первые послевоенные выборы – в 1947 г. На протяжении восьми лет все функции управления городами были сосредоточены в руках горкомов партии и горисполкомов советов. Великая Отечественная война способствовала оформлению правила, при котором горисполком в лице председателя, заместителя председателя совместно с отделом кадров обязательно в присутствии председателя горкома партии утверждал кандидатуры потенциальных кадровых

¹ НА РБ. Ф. Р-91. Оп. 6. Д. 141. Л. 11; Ф. 122. Оп. 4. Д. 29. Л. 89; Оп. 7. Д. 36. Л. 30 об.; Оп. 14. Д. 3. Л. 201; Оп. 18. Д. 718. Л. 6; Оп. 27. Д. 541. Л. 29; Оп. 32. Д. 892. Л. 119, 127; Оп. 224. Д. 48. Л. 60–61.

² Там же. Ф. 122. Оп. 221. Д. 93. Л. 43.

³ Советская Башкирия. 1987. 22 июня.

⁴ Там же. Ф. Р-91. Оп. 6. Д. 141. Л. 11; Ф. 122. Оп. 4. Д. 29. Л. 89; Оп. 7. Д. 36. Л. 30 об.; Оп. 14. Д. 3. Л. 201; Оп. 18. Д. 718. Л. 6; Оп. 27. Д. 541. Л. 29; Оп. 32. Д. 892. Л. 119, 127; Оп. 224. Д. 48. Л. 60–61.

⁵ Кара-Мурза С.Г. Истмат и проблема Восток – Запад. М., 2002. С. 53.

⁶ Правда. 1987. 20 июня.

⁷ НАРБ. Ф. 122. Оп. 221. Д. 221. Л. 3, 4 об.

⁸ Там же.

работников и выдвиженцев при существовавшей одномандатной избирательной системе. Парадоксальность ситуации очевидна, поскольку о народном представительстве в таком случае можно говорить лишь условно.

Застойные явления 1970-х – начала 1980-х гг. не возникли сами собой. Они стали следствием предшествующих периодов – конца 1920-х гг. и всего десятилетия 1930-х гг. Именно в этот период сложилась командно-административная система¹. К концу 1930-х гг. советская система управления во многом исчерпала свой преобразовательный потенциал. Ее сохранение в данном виде неизбежно вело к замедленному продвижению страны по прогрессивному пути.

В 1989 г. на съездах народных депутатов СССР и сессиях Верховного Совета РСФСР были приняты нормативные акты, предоставившие советам более широкие права. В частности, им было дано право самостоятельного избрания судебных органов при согласовании своих решений с местными партийными органами. С 1989 г. все чаще в средствах массовой информации стало звучать, что малоэффективность работы советов связана с бюрократизацией государственного управления, чему в немалой степени способствовала КПСС². Вследствие этого в марте 1990 г. была отменена 6 статья Конституции СССР 1977 г. о руководящей роли КПСС в обществе³.

Безальтернативность выдвинутых и проверенных партийными органами кандидатов в депутаты привела к формализации выборов. В 1936 – 1991 гг. граждане являлись на избирательные собрания, голосовали не за хорошо известные им личности, а за фамилии, должности, проставленные в избирательном бюллетене. Периодически проводимые агитационные мероприятия по сложившейся схеме (на предприятиях, в средствах массовой информации) наглядно продемонстрировали возможности государства, от лица которого действовали органы ВКП (б) – КПСС, в подчинении населения своим интересам. Городские советы в этих условиях не смогли стать органами управления парламентского типа, в которых столкновение различных интересов и мнений приводит к определенному консенсусу. Они объявили себя выразителями народной воли, смысл которой виделся в выработке единственно правильного решения подавляющим большинством населения. Таким образом, проводившиеся в советский период избирательные кампании привели к формализации представительства населения в городских советах и зафиксировали правило, согласно которому партийные органы контролировали все этапы предвыборной агитации и осуществления выборов.

По мнению ряда исследователей, депутаты горсоветов – это часть номенклатуры советского государства. Депутаты Верховных и местных советов – это выборная номенклатура, характерной чертой которой является временность⁴ [30]. При этом господствующей являлась штатная номенклатура (лица, назначенные на аппаратные должности), в нее входили только сотрудники партийных органов – от номенклатуры Политбюро ЦК (основной и учетной) до основной номенклатуры райкомов КПСС включительно. Депутаты горсоветов, представляя часть выборной номенклатуры СССР, были включены в элиту, но не в правящий класс. Со временем статус депутата местного совета любого уровня стало приятной и необходимой привилегией для карьерного роста.

¹ Самоуправление: от теории к практике. М., 1988; Согрин В.В. Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина. М., 2001. С. 40; Социалистическое самоуправление: опыт и тенденции развития. М., 1986; Цвик М.В. Социалистическая демократия и самоуправление // Советское государство и право. 1985. № 4. С. 27–34.

² Борисов В.К. Демократизация общества и преодоление бюрократизма (социально-политический аспект). М., 1990. С. 86.

³ Ткаченко Б.И. Политика и экономика в России в переходный период (1985–1994 гг.). Владивосток, 1995. С. 86.

⁴ Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 147.

Избирательная политика советского государства постепенно унифицировала облик народного представителя власти, превратив его в послушного исполнителя партийных директив.

Депутатами горсоветов становились не профессиональные политики (как правило, юристы), а люди из «гущи жизни» – в идеале представители всех социальных групп и национальностей. С точки зрения парламентаризма «подбор» состава городских советов по полу, возрасту, профессиям и национальностям не вполне оправдан. Однако когда корпус депутатов состоит не из профессионалов, а из тех, кто знает все стороны жизни на личном опыте, этот подход имеет глубокий смысл. Голосование в городских советах носило плебисцитарный характер: выработанное большинством решение подтверждалось единогласно. На практике же выработанные решения реализовывали органы городских советов – исполнительные комитеты.

© Шаяхметова И.З., 2016

Gute Nacht,

»,-

: B

Annotation: The article is devoted to the description of the directions, types and forms of the exhibition activity of the Municipal budgetary art and culture organization "Sibay Museum of Regional Studies" of the urban district of Sibay. The process under description is interpreted as the possibility to enlarge the museum informational potential. The organization of the exhibition activity helps to develop the new directions in study: for the staff – to take part in exhibitions' organization, acquiring the professional experience, for the customers – to form the complex idea of the museum work.

Keywords: the exhibition activity, the museum collection, the Sibay Museum scientific concept, the exposition.

35

2014

55-

2000

© . ., 2016

30

2013-2015
(. . 1).

41 49

2000

5

35

»²

(

,

.

,

,

,

,

,

,

,

,

,

,

¹
₂, 2016 .

2013–2017 .)

2012 .

2015

1
11.12.2013. 2685 « «
» [] // . .
URL: http://sibay-rb.ru/index.php?dn=article&to=art&id=693; http://sibay-rb.ru/index.php?dn
=article&to=art&id= 693 (28.09.2016). « «
2 . , . .
» ().
« « 2016).

1	.	.	2133.	.	1.	.	168.	.	35.
2	.	.	2133.	.	1.	.	194.	.	23.

$$\begin{array}{cccccc} 1 & . & . & 2133. & . & 1. & . & 168. & . & 35. \\ 2 & . & . & 2133. & . & 1. & . & 194. & . & 23, 24 \end{array}$$

100-150¹.

(

).).

a
1970-1980-

3

1972

20 %

50 %

14,73 %

3²

3 % , 18-20 % , 86-96 % ,

»¹.

40 %

1980-

¹
.1. .1197. .99.

²
.1890. .1. .1144. .93.

() .1890.

¹
.1890, .1. .1144. .65.

XVI – XX

© ., 2016

XVI – XX

XX

Annotation: The article presents the historical and archaeological research of the cultural layer of XVI early XXth century of village of Nikolo-Berezovka Krasnokamsky District of the Republic of Bashkortostan. The study of archival maps and plans let to determine the preliminary borders of the village at said stage. Full-scale archaeological investigations showed features of the material culture on the village formation early stages and its further development until the beginning of the XX century.

Key words: ethnoarchaeology, historical and archaeological research, cultural layer, pottery, material culture.

XVI–XVII

XVII–XVIII

100

2/3

II

2/3

»¹

1552

3-4

1

XIX–XX

1

II [
: 18.08.2016].

URL: <http://kraeved.opck.org/biblioteka/statji/index.php> (

XX ..
300-400

1804 ¹	1912 ²	XIX ..	200		XVI - .. XX ..	1x1		
1804 ..							- 0,25	1,6 ..
1 ..	1804 ..							
,	,		150-200 ..					
V ..	1795 ..	-		189 ..			, , XIX ..	
400 ..							0,25 ..,	2 ..
1804 ..			100 ..	1646 .. 241 ³ ..				
885 ..				380 ..			0,25 ..	480 ..
		800 ..	⁴ ..		XVI - .. XVIII ..			
					2 ..			
XIX ..								200 ..
XVI - .. XVII ..							1 .. 2 ..	
			200 ..			0,7 ..		
						« »,		
XVII ..	XVIII ..		400 ..		XIX - .. XX ..			
						0,8 ..,		
XVII ..				8 ..		25 ..		
							30 ..	
		XIX XX ..					
								0,6 ..
1912 ..								
1804 ..								
1808-1816 ..								

¹ 4421. () .. -351. .. 1. .. 2. ..
² .. -351. .. 1. .. 2. .. 4406.
³ .. 76. .. 7-8. .. , 1909. .. 106.
⁴ .. , 1997. .. 24.

XVI - .. XVII .. 200 ..

XVI – . XX¹.
 6 60 . . 0,8-1,2 .
 , , .
 XVI – . XX¹.
 2014² 2016 .
 XVI – . XVII .
 ,
 200 XVII .
 XVIII .
 400
 1,1 1,6 250⁴ 350

4 ,
 ,
 , 1 , 2
 ,
 3 3-5
 – , , ,
 1
 0,4 – 0,5 ,
 40 , , , 25
 50 , ,
 , , 60 , , 35
 ,
 XVI – . XVIII .

1 , 2004. 303. 94.
 2 1987–2000
 2014 // .

XVI – . XX¹.
 ,
 . XX .
 XVI – . XX .
 XVI – . XX .
 ,
 © . ., 2016

1 , XVI-XX . . //
 IX
 , 2015. 45-52.

Annotation: The article describes the main stages of the religion and education integration and revitalization of the ethnic factor in Russian schools in 1990–2000 years. The introduction of new religious courses allows synthesis of ethno-cultural and religious education in the country's education system.

Key words: Islam, Orthodoxy, religion, school, ethno-cultural education.

XX-XXI
1990-
1990-
1991 ..
«
«
9 1999
II,
1
2006
— , , , , ,
, , , , , ,
2
» II , «
11184 —
19 % ,
(, , , , ,
)³.

01.07.99 58

» [] // inPravo.ru.
http://arhiv.inpravo.ru/data/base513/text513v809i464.htm (10.0
2 Г. 1

[] // News.ru.com http://www.newsru.com/reliги/30aug2006/opk.html#1 (12.09.2016).

[] //
http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/obraz/o-obr1.htm (13.09.2016).

1990- 2000-

1
- 2008;
. . . . , 2007; .
. . . . , 2007.

» «
95 %³.

5 %

«

2011. 142. 136

2013 3 (36) 128

8

2014 . [] //
<http://orkce.apkpro.ru/doc/mntrng2014.pdf> (

“ ”	3
“ ”	60
2002 2010	6
“ ”	65
“ ”	9
“ ”	14
“ ”	18
“ ”	22
“ ”	26
XVII–XIX	29
“ ”	32
“ ”	35
“ ”	39
XVIII–XIX	42
“ ”	46
“ ”	50

БАШКОРТ ФОЛЬКЛОРЫНДА ТАШТАРГА БЭЙЛЕ ҮРҮМ-ЫШАНЫУЗАР, ТЫЙЫУЗАР (ФОЛЬКЛОР ЭКСПЕДИЦИЯЛАРЫ МАТЕРИАЛДАРЫ НИГЕЗЕНДЭ)	60
“ ”	65
“ ”	72
“ ”	76
“ ”	80
“ ”	83
“ ”	87
“ ”	95
1842–1843	98
“ ”	101
“ ”	103
“ ”	106
“ ”	113

..	225
..	229
..	232
(.. .)	(.. .)	
).....	238
..	241
. . (.. .)	245
.. .	KУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ С. НИКОЛО-БЕРЕЗОВКА XVI – НАЧ. XX ВВ. ПО МАТЕРИАЛАМ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	251
- XXI	XX 256

Научное издание

ЭТНОСЫ И КУЛЬТУРЫ
УРАЛО - ПОВОЛЖЬЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Материалы Юбилейной X Всероссийской научно-практической
конференции молодых ученых
г. Уфа, 28 октября 2016 г.

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 27.10.16 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага «Снегурочка».
Тираж 150 экз. заказ № 5467
Отпечатано в типографии ООО «Издательство Диалог».
450076, г. Уфа, ул. Гафури, 54. Тел.: (347) 251-78-29
Email: dialogufa@mail.ru

